РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,
заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор

А.М. Багмет,
исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

О.Ю. Антонов,
старший помощник руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике (по информационно-статистическому обеспечению), доктор юридических наук, доцент

Ю.П. Боруленков,
проректор Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

З.И. Брижак,
заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан Первого факультета повышения квалификации (г. Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук

В.В. Бычков,
ученый секретарь Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

В.Б. Вехов,
руководитель отдела информатизации управления информационных технологий Главного управления обеспечения деятельности Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

И.В. Грошев,
проректор по научной работе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

А.И. Гук,
начальник Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук

А.В. Ендольцева,
заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, доктор юридических наук, профессор

В.Н. Карагодин,
заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации – декан Второго факультета повышения квалификации (г. Екатеринбург), Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

А.И. Комзолов,
начальник правового управления Управления делами Президента Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

А.А. Крымов,
начальник Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань), кандидат юридических наук, доцент

Е.А. Курнышева,
заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан Четвертого факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород), кандидат педагогических наук

Е.Л. Логинов,
заместитель директора Института проблем рынка РАН, доктор экономических наук, дважды лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

И.М. Мацкевич,
профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор

Г.Б. Мирзоев,
ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

С.Г. Симагина,
заместитель директора Научно-исследовательского института образования и науки, доктор экономических наук, доцент

А.В. Симоненко,
начальник Воронежского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Н.Д. Эриашвили,
главный редактор Объединенной редакции, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

А.Н. Яковлев,
заместитель руководителя отдела компьютерно-технических и инженерно-технических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,
Chairman of the Investigative committee of the Russian Federation, Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,
deputy Chairman of Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, professor

A.M. Bagmet,
acting as the rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

O.Yu. Antonov,
senior assistant of head of Investigative management of the Investigative committee of Russia across the Udmurt Republic (on informational statistical providing), doctor of law, associate professor

Yu.P. Borulenkov,
vice-rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

Z.I. Brizhak,
deputy director of the Institute of professional development of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — dean of the First faculty of increase qualifications (Rostov-on-Don), candidate of psychology

V.V. Bychkov,
scientific secretary of Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

V.B. Vekhov,
head of department of informatization of management information technologies of Head department of ensuring activity of the Investigative committee of the Russian Federation, doctor of law, professor

I.V. Groshev,
prorector on scientific work of Tambov state university name of G.R. Derzhavin, doctor of psychology, doctor of economics, professor, Honored scientist of Russia

A.I. Guk,
chief of Ural Institute of Law of MIA of Russia, candidate of philosophy

A.V. Endoltseva,
deputy chief of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot on scientific work, doctor of law, professor

V.N. Karagodin,
deputy director of Institute for Advanced Studies of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — dean of the Second faculty training (Ekaterinburg), Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor

A.I. Komzolov,
chief of Law department of the Presidential Executive Office, doctor of law, associate professor

A.A. Krymov,
head of the Academy of law and management of the Federal penal service (Ryazan), candidate of law, associate professor

E.A. Kurnysheva,
deputy director of the Institute of professional development of Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — the dean of the Fourth faculty training (Nizhny Novgorod), candidate of pedagogics

E.L. Loginov,
deputy director of Institute of market problems of the Russian Academy of Sciences doctor of economics, twice laureate of award of the Government of Russia in the field of science and technology

I.M. Matskewich,
professor of department of criminology and criminal law enforcement of Moscow State Law University name O.E. Kutafin, Honored scientist
of Russia, doctor of law, professor

G.B. Mirzoev,
rector of Russian Academy of Advocacy and Notaries, doctor of law, professor, Honored lawyer of Russia

S.G. Simagina,
deputy director of Scientific and Research Institute of Education and Science, doctor of economics

A.V. Simonenko,
chief of Voronezh Institute of MIA of Russia, doctor of law, professor

N.D. Eriashvili,
editor-in-chief of the Joined editorship, candidate of history, candidate of law, doctor of economics, professor, winner of the award of the Government of Russia in the field of science and technics

A.N. Yakovlev,
deputy head of department of the computer technical and engineer technical researches of management of the organization expert criminalistic activity of Head department of criminalistics of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

УЧРЕДИТЕЛЬ

Академия Следственного комитета Российской Федерации

Исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент генерал-майор юстиции ***А.М. Багмет***

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Объединенной редакции **Н.Д. Эриашвили,** *лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических и исторических наук, профессор*
E-mail: professor60@mail.ru

В подготовке номера участвовали:

А.Ж. Саркисян, кандидат юридических наук

Редактор **Т.Д. Четверикова,** кандидат филологических наук

Художник **А.П. Яковлев**

Верстка номера **М.А. Бакаян**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58723

Адрес редакции:
125080, Москва,
ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: ask_rf@mail.ru

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 1/2015

Международная научно-практическая конференция «Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних» ... 9

Международная научно-практическая конференция «Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования» 14

БАСТРЫКИН А.И. Результаты следственной деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2014 году и задачи на 2015 год 17

ФЕДОРОВ А.В. Из истории введения уголовной ответственности юридических лиц: Рекомендации № (88) 18 от 20 октября 1988 года об ответственности предприятий 23

БАГМЕТ А.М. Противодействие организованной преступности как одно из основных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации 34

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ВОЛЧАНСКАЯ А.Н., СУНЦОВА Е.А. Интеграция юридического образования, науки и практики как основное направление современной государственной политики 38

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

БЫЧКОВА Е.И. К вопросу о правовом обеспечении участия населения в муниципальном правотворчестве 42

ЧЕРВОНЮК В.И. Теоретическая конструкция механизма реализации основных (конституционных) прав и свобод личности 46

Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

ГЕЛЮС Т.Ф., КРЮЧКОВА В.Ф. Нормативно-правовая база, регулирующая отношения в сфере жилищно-коммунального хозяйства, и проблемы ее использования 55

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

БЕЛОШЕЕВ В.М. Проблемные вопросы содержания объективной стороны детоубийства 60

БОРИСОВ А.В. К вопросу о факторах, детерминирующих совершение налоговых преступлений в строительной сфере 66

БЫКОВА Е.Г. Установление причинно-следственной связи в преступлениях, совершенных вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей 71

ВАРЛАМОВА Е.А., ПРИСТАНСКОВ В.Д. Проблема определения причинно-следственной связи по уголовным делам о ятрогенных преступлениях 74

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов сборника «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» ссылка на сборник обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 26,5
Печать офсетная

Отпечатано в **типографии «Буки Веди» ООО «Ваш полиграфический партнер»**
Москва, Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод — 1000 экз.

ГОНЧАРОВ Д.Ю. Общественная опасность преступлений, совершаемых с использованием технических средств передачи информации в отношении несовершеннолетних ... 79
ДИКАРЕВ В.Г., ОЛИМПИЕВ А.Ю. Освобождение от уголовной ответственности при особых формах преступной деятельности (соучастие в преступлении, неоконченное преступление, множественность преступлений) ... 83
ЗАГРЯДСКАЯ Е.А. К вопросу о малозначительности коррупционного преступного деяния ... 86
ИЗОСИМОВ В.С. Ответственность за коррупционные преступления в зарубежном уголовном законодательстве (страны общего права) ... 89
КАЗАЧЕК Е.Ю. К вопросу о способах совершения мошенничества при получении выплат ... 93
КАЛАЙДОВА А.С. О некоторых уголовно-правовых аспектах незаконного оборота наркотических средств (НОН) ... 98
КЛОЧКОВА А.Л. Факторы, детерминирующие появление и развитие экстремизма ... 107
КОЗЛОВА Е.А. Недружественное поглощение предприятий (рейдерские захваты): анализ современных способов, классификация и типология ... 112
КОРОБЕЕВ А.И., ЧЕКУЛАЕВ С.С. Проблемы квалификации убийств из корыстных побуждений, а также сопряженных с разбоем и бандитизмом ... 121
МИХЕЛЬСОН Р.И. Проблемы применения причинно-следственной связи в современной практике ... 126
РОГОЗИН В.Ю. Новые реалии преступности в сфере компьютерной информации ... 138
САРАДЖАЕВА О.В. Особенности обеспечения экономической безопасности в России ... 142
ФОМИНЫХ А.В. Проблемные вопросы применения статей 134 и 135 УК РФ ... 148

Уголовный процесс

ВДОВЦЕВ П.В., ЯШКОВ С.А. К вопросу об отказе в возбуждении уголовного дела (или его прекращении) в связи с истечением сроков давности уголовного преследования: отдельные аспекты проблемы ... 153
ГОРОБЕЦ Д.Г. Положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» применительно к новеллам УПК РФ, предусматривающим новый порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198—199[1] Уголовного кодекса Российской Федерации ... 156
КОСТЕНКО К.А. К вопросу о реализации права гражданина знать характер и суть выдвинутого в отношении него подозрения или обвинения ... 160
КУРНЫШЕВА Е.А., РОДИОНОВА Ю.В. К размышлению о применении нового повода для возбуждения уголовного дела по преступлению, предусмотренному статьей 172[1] УК РФ .. 164
ОСМАНОВА Н.В., ИЛЬЮХОВ А.А. К вопросу об универсальной подследственности уголовных дел, расследуемых следователем Следственного комитета Российской Федерации ... 167
РЯЗАНЦЕВ Р.А. О некоторых вопросах, связанных с проведением процессуальных проверок и расследованием уголовных дел о преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях ... 172

САМОЙЛОВА Ю.Б. Некоторые аспекты первоначального этапа расследования незаконной банковской деятельности 177
ТРУСОВ К.Ю. О расширении полномочий следователя по обжалованию решений прокурора 182

Международное публичное право

ГАЛДИН М.В. О международных требованиях по установлению уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации 185

Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

АМИНОВ Д.И., ЭРИАШВИЛИ Н.Д. К вопросу о состязательности уголовного судопроизводства и необходимости расширения перечня оснований производства судебных экспертиз и исследований 189
ЗУЕВ С.В. Негласные формы уголовного судопроизводства 1864 года в расследовании преступлений и их современное развитие 193
МИХАЙЛОВСКАЯ И.Б. Стандарты качества предварительного следствия задает суд 199
МИШЕНИНА А.А., КИРЯНИНА И.А. К вопросу соблюдения стиля делового документа в Следственном комитете Российской Федерации 203
ПЕРОВ В.А. Взаимодействие следственных органов при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних с учреждениями и должностными лицами, осуществляющими защиту прав и законных интересов несовершеннолетних 206
СЕМЕНЦОВ В.А., ХАЗИКОВ А.А. История формирования статуса руководителя следственного органа и его функциональное предназначение 210

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

БАТОЕВ В.Б. Особенности применения UFED в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел 216
БЕССОНОВ А.А. Особенности криминалистической характеристики организованной преступной группы, совершающей незаконную добычу рыбы 220
БУТЫРЕВА Н.В. Использование специальных психологических познаний для установления и доказывания мотива преступления в типичных следственных ситуациях 226
БУТЫРСКАЯ А.В., ЛУШИН Е.А. Использование фотографических средств при осмотре места происшествия без участия понятых 231
ГУЩЕВ М.Е., ШУВАЛОВА А.М. К вопросу о проведении оперативно-розыскных мероприятий без поручения следователя 234
ИЛЬЮК Е.В. Серийные преступления глазами психиатра 238
КАРАГОДИН В.Н. Взаимодействие следователя с органами оперативно-розыскной деятельности в ситуациях проверки сообщений о готовящихся преступлениях ... 243
КИСЕЛЕВ Е.А., ОСИПОВА Т.В. К вопросу применения криминалистической техники при проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента 247
ОРЛОВ Ю.К., ХОЛОДНЫЙ Ю.И. Проведение исследований с применением полиграфа в форме судебной психофизиологической экспертизы 251
САЖАЕВ А.М. Формы и способы «внешнего» противодействия расследованию 258
СТРЕЛКОВ А.А., СКРЫПНИКОВ А.И. Межведомственная научно-практическая интеграция как путь развития инновационных криминалистических методик 262
ЦАРЕВА Ю.А. Практические аспекты использования видеозаписи при проведении психофизиологических исследований с применением полиграфа 266
ЧЕРКАШИНА И.И. Подготовка материалов для назначения судебной портретной экспертизы по видеозаписям 270

Памяти Инги Борисовны Михайловской (03.03.1931 — 23.10.2014) 276

FOUNDER

Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Acting rector of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation candidate of law major general of justice ***A.M. Bagmet***

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief of the Joined Editorship ***N.D. Eriashvili,*** *the winner of an award of the Government of the Russian Federation in the field of science and equipment, doctor of economic sciences, candidate of legal and historical sciences, professor*
E-mail: professor60@mail.ru

In preparation numbers involved:

A.Zh. Sarkisyan, *candidate of law*

Editor ***T.D. Chetverikova,*** *candidate of philology*

Painter ***A.P. Yakovlev***

Imposition ***M.A. Bakayn***

The journal is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications.

The certificate of registration PI № FS 77-58723

Editorial staff adress:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: **ask_rf@mail.ru**

BULLETIN THE ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

CONTENT № 1/2015

International scientific-practical conference «Combating Crimes committed by minors and against minors» 9
International scientific-practical conference «Fighting crimes related to the obscure the disappearance of citizens, and methods of their investigation» 14

BASTRYKIN A.I. Results investigation Russian investigative committee in 2014 and the target for 2015 17
FEDOROV A.V. History criminalizing Legal entities: recommendations № (88) 18 20 October 1988 on liability companies 23
BAGMET A.M. Action against organized crime as one of the main activities of the investigative committee of the Russian Federation 34

Theory and history of the state; the history of doctrines of law and state

VOLCHANSKAYA A.N., SUNTSOVA E.A. Integration of legal education, science and practice as the main direction of modern public policy 38

Constitutional law; constitutional litigation; municipal law

BYCHKOVA E.I. Legal support of public participation in addressing local issues 42
CHERVONYUK V.I. Theoretical construct of mechanism for the implementation of fundamental (constitutional) rights and freedoms 46

Civil law; housing law; family law; private international law

GELYUS T.F., KRYUCHKOVA V.F. Regulatory and legal framework governing relations in the sphere of housing and communal services And the problem of its use 55

Criminal law and criminology, criminal law enforcement

BELOSHEEV V.M. Problematic issues of the maintenance of the objective party of infanticide 60
BORISOV A.V. To the question about the factors that determine the commitment of tax crimes in the construction industry 66
BIKOVA E.G. Establishing a causal link in the crimes committed as a result of improper performance of professional functions 71
VARLAMOVA E.A., PRISTANSKOV V.D. Problems of determination of cause-and-effect relationship in criminal cases about iatrogenic crimes 74

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA»

■ The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The respon-sibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

■ Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

■ At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.

■ In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8. Offset printing Circulation 500 copies «Buki Vedi» «Your Publishing Partner» Moscow, Ilmensky pr-d, d. 1, bldg.6
Tel. 8 (495) 926-63-96

GONCHAROV D.Yu. Public danger of crimes, information transfers made with use of technical means in respect of minors 79
DIKAREV V.G., OLIMPIEV A.Y. Exemption from criminal liability in special forms of criminal activity (complicity in the crime, some crime, multiple offenses) 83
ZAGRYADSKAYA E.A. On the question of insignificance corruption related offenses 86
IZOSIMOV V.S. Responsibility for corruption crimes in international criminal law (common law countries) 89
KAZACHEK E.Yu. On the question of ways of commit fraud when picked payments 93
KALAYDOVA A.S. Some of the legal aspects of illicit traffic in narcotic drugs (non) 98
KLOCHKOVA A.L. Factors that determine the appearance and development of extremism 107
KOZLOVA E.A. Hostile acquisitions (raider seizures), analysis of modern methods, classification and typology ... 112
KOROBEEV A.I., CHEKULAEV S.S. Problems of qualification of murders from selfish motives, as well as associated with robbery and banditry 121
MIHELSON R.I. Problems of application of causal congi in modern practice 126
ROGOZIN V.Yu. The new realities of cyber crime 138
SARADJEVA O.V. Features of providing economic security in Russia 142
FOMINYKH A.V. Problematic issues of application of art. 134 and 135 of the criminal code 148

Criminal procedure

VDOVCEV P.V., YASHKOV S.A. On the question of refusal to initiate criminal proceedings (or termination) in connection with the expiration of statute of limitations: some aspects of the problem 153
GOROBETC D.G. The decisions of the Supreme Court of the Russian Federation from 28.12.2006 № 64 «On the practice of courts of criminal legislation on liability for tax crimes» in relation to the novels of Code of Criminal Procedure, a new procedure for criminal cases of crimes under Articles 198—199[1] of the Criminal Code of the Russian Federation 156
KOSTENKO K.A. To the question about the right of a citizen to know the nature and essence nominated against him suspicions or accusations 160
KURNYSHEVA E.A., RODIONOVA Yu.V. By thinking about the application of the new pretext for a criminal case on the crime under article 172[1] of the criminal code .. 164
OSMANOVA N.V., ILYUKHOV A.A. To the question about universal jurisdiction's criminal cases investigated by the investigator of the investigative committee of the Russian Federation 167
RYAZANTSEV R.A. On some issues related to the conduct procedural inspection and investigation of criminal cases of crimes committed by of internal affairs at reception, registration and permits information about a crime 172

CONTENTS

SAMOILOVA Yu.B. Certain aspects of primary stage of investigation of illegal banking activity 177
TRUSOV K.Yu. To expand the powers of the investigator appeals of the prosecutor 182

International public law

GALDIN M.V. On the international requirements for the establishment criminal liability of legal entities in the Russian Federation 185

Judicial activism; prosecutorial activities; human rights and law enforcement

AMINOV D.I., ERIASHVILI N.D. The question of adversarial criminal justice and the need to expand the list of grounds forensic expertise and research 189
ZUEV S.V. Unspoken form of criminal proceedings 1864 in the investigation of crimes and their modern development 193
MIKHAILOVSKAYA I.B. The quality standards of the preliminary investigation court sets 199
MISHENINA A.A., KIRYANINA I.A. To comply with the style of business document in the investigation committee of the Russian Federation 203
PEROV V.A. The interaction of the investigating authorities in the investigation of criminal cases involving minors, institutions and officials involved in the protection of rights and legitimate interests of minors 206
SEMENTSOV V.A., HAZYKOV A.A. The history of the formation of status the head of the investigative body and its functional purpose 210

Criminalistics; forensic activity; operatively-search activity

BATOEV V.B. Features of the application «UFED» in the activities of the operating units of the interior 216
BESSONOV A.A. Features of criminalistics characteristics of an organized criminal group that engages in illegal fishing 220
BUTYREVA N.V. The use of special psychological knowledge to establish a motive for the crime and evidence of common investigative scenarios 226
BUTYRSKAYA A.V., LUSHIN Y.A. The use of photographic tools with the examination of the scene without witnesses 231
GUSHCHEV M.E., SHUVALOVA A.M. The carrying out of operatively-search actions without designation of investigator 234
ILYUK E.V. Psychiatric opinion about serial crimes 238
KARAGODIN V.N. Interaction with government investigator operational and investigative activities in situations inspection reports prepared crimes 243
KISELYOV E.A., OSIPOVA T.V. To the question of the application of forensic techniques in the verification of testimony at the place and investigative experiment 247
ORLOV Yu.K., HOLODNI Yu.I. Conduct research polygraph application in the form of legal psycho-physiological examination 251
SAZHAEV A.M. Forms and methods of the «external» counter ction to investigation 258
STRELKOV A.A., SKRYPNIKOV A.I. Interdepartmental Scientific and practical integration as a way development of innovative methods kriminalisticheskie 262
TSAREVA I.A. Practicalities of video recording use when carr ying out psychophysiological study with a polygraph detector 266
CHERKASHINA I.I. Preparation of materials for the purpose of portrait examination of video recordings 270
To memory of Inga Borisovna Mikhailovskaya (03.03.1931-23.10.2014) 276

Международная научно-практическая конференция «Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних»

(проведена 13 февраля 2015 года
в Академии Следственного комитета Российской Федерации)

В соответствии с Планом научной деятельности Академией Следственного комитета Российской Федерации организована и 13 февраля 2015 года проведена Международная научно-практическая конференция на тему «Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних».

А.В. Федоров

С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, профессор генерал-полковник Александр Вячеславович Федоров.

В своем докладе он обратил внимание аудитории на то, что противодействие преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, как элемент внутренней политики государства, чрезвычайно актуально и является одним из приоритетов в деятельности Следственного комитета РФ. Противодействие данным преступлениям осуществляется по трем основным направлениям: 1) выявление, раскрытие преступлений; 2) их предупреждение, профилактика, установление причин и условий совершения; 3) минимизация вредных последствий, в том числе социальная реабилитация жертв преступлений. Более того, А.В. Федоров отметил, что кроме преступлений против жизни и здоровья, преступлений сексуального характера в отношении детей совершаются и множество других преступлений, которые в не меньшей степени угрожают обществу, например противоправные деяния, связанные с распространением и потреблением психоактивных веществ. Причем основными потребителями таких веществ являются именно несовершеннолетние.

С приветственным словом к участникам форума обратился исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент генерал-майор юстиции Анатолий Михайлович Багмет.

А.М. Багмет

Выступая перед участниками форума, А.М. Багмет определил основные криминологические и уголовно-правовые аспекты преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних. Освещая тенден-

ции роста проявления жестокого обращения с детьми, докладчик затронул такие проблемы, как: отсутствие специального закона по предупреждению насилия в семье и борьбе с ним; недостаточный уровень взаимодействия служб и ведомств, способных обеспечить оперативное реагирование на случаи насилия над детьми; противодействие убийствам матерями своих новорожденных, а также спорные вопросы при квалификации данных деяний органами следствия и судом. Кроме того, А.М. Багметом было отмечено, что эффективность разработки и реализации системы мер по защите детей зависит от воли исполнительной власти регионов России, а также должностных лиц органов, наделенных соответствующими полномочиями. Непринятие должных мер к нарушителям прав малолетних и несовершеннолетних, безразличие к судьбам детей, на безопасность жизнедеятельности которых преступно посягают, нельзя ничем оправдать.

П.А. Астахов

С докладом на пленарном заседании выступил Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павел Алексеевич Астахов, в котором было отмечено, что институт Уполномоченного по правам ребенка плодотворно сотрудничает со Следственным комитетом, являющийся последним рубежом обороны в борьбе с указанными преступлениями. П.А. Астахов обратил внимание на проблемы преступности несовершеннолетних и призвал следователей Следственного комитета обратить особое внимание на преступность среди несовершеннолетних.

В пленарном заседании выступили:

Е.А. Бунимович

Уполномоченный по правам ребенка в г. Москве Евгений Абрамович Бунимович

В.В. Гриб

Главный редактор Издательской группы «Юрист» доктор юридических наук, профессор Владислав Валерьевич Гриб

В.В. Донцов

Председатель Совета региональной общественной организации «Союз ветеранов следствия» Владимир Васильевич Донцов

Г.Г. Широков

Начальник Северо-Западного института повышения квалификации ФСКН России генерал-майор полиции Герман Германович Широков

А.Г. Забелин

Ректор Московского финансово-юридического университета МФЮА доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Государственной академии наук Российской академии образования Алексей Григорьевич Забелин

И.М. Мацкевич

Профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, Президент Союза криминалистов и криминологов Игорь Михайлович Мацкевич

А.Р. Белкин

Профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики (МГУПИ) доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, академик РАЕН Анатолий Рафаилович Белкин

Л.В. Иногамова-Хегай

Профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор Людмила Валентиновна Иногамова-Хегай

Профессор кафедры организации правоохранительной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор Владимир Солтанович Джатиев

В.С. Джатиев

Заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического факультета Московского педагогического государственного университета (МПГУ); профессор кафедры Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, академик РАЕН старший советник юстиции Анатолий Михайлович Кустов

А.М. Кустов

В конференции приняли участие более 250 приглашенных — известные ученые научных и учебных учреждений, сотрудники органов центрального управления и региональных следственных подразделений Следственного комитета РФ.

В работе конференции приняли участие ветераны органов прокуратуры и следствия, сотрудники Академии Следственного комитета Российской Федерации, представители Министерства обороны РФ, правоохранительных органов, учебных заведений России и стран СНГ.

На форуме была организована работа секций по специализации.

Секция «Уголовное право»

В ходе работы секции *«Уголовное право»* активно обсуждались актуальные вопросы противодействия преступлениям несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, квалификации ряда преступлений в данной сфере и их разграничении со смежными составами, а также вопросы расследования преступлений в данной сфере, подследственных Следственного комитета Российской Федерации. В частности, неподдельный интерес и обсуждение вызвали выступления:

— профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России доктора юридических наук Элины Леонидовны Сидоренко по теме: «Проблемы уголовно-правовой оценки несовершеннолетнего возраста потерпевшего»;

— доцента кафедры общих проблем прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе Академии Генеральной прокуратуры РФ кандидата юридических наук Натальи Викторовны Коваль по теме: «Мотивы жестокого обращения с детьми в семье»;

— советника Уполномоченного по правам человека в РФ, Заслуженного юриста РФ Людмилы Ивановны Тропиной по теме: «О взаимодействии следственных органов и комиссий по защите прав детей в субъектах и муниципальных образованиях»;

— заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА кандидата юридических наук Павла Тимуровича Савина по теме: «Угроза безответственности и защита от нее» и др.

Секция «Уголовный процесс»

В работе секции *«Уголовный процесс»* принимали участие представители центрального

аппарата Следственного комитета Российской Федерации (Управление процессуального контроля за расследованием особо важных дел в федеральных округах, Главное управление криминалистики), Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательского института и Академии управления МВД России, Санкт-Петербургского университета МВД России, преподаватели и курсанты Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, представители издательских учреждений.

Наибольший интерес присутствующих вызвали выступления старшего инспектора второго отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ кандидата юридических наук Ю.А. Михайловой по теме: «Психологическое сопровождение следственных и иных процессуальных действий с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства», а также главного редактора журнала «Юридическая психология», преподавателя Военного университета Минобороны России Д.В. Белых-Силаева.

Секция «Криминалистика»

В ходе работы секции *«Криминалистика»* с наиболее интересными докладами выступили:

— А.А. Стрелков с сообщением «Использование метода «виртуальной» аутопсии для установления причин перинатальной и детской смертности»;

— С.А. Сулейманова — «Формирование тактических приемов с учетом особенностей психики несовершеннолетних»;

— С.Д. Лукьянов «Актуальные вопросы противодействия преступности несовершеннолетних в Российской Федерации»;

— С.Н. Зерин — «Актуализация памяти несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений»;

— Л.И. Тропина — «Актуальные вопросы создания системы защиты прав детей».

Все выступления были выслушаны с большим вниманием, отдельные положения вызвали активную дискуссию среди участников конференции, было задано большое количество вопросов выступающим, сформулированы отдельные предложения по итогам конференции и работы секции.

В ходе конференции была организована тематическая выставка литературы, а также выставка-продажа юридической литературы, в том числе подготовленной сотрудниками Академии Следственного комитета Российской Федерации. Свою продукцию представило издательство «ЮНИТИ-ДАНА».

В ходе конференции для участников были организованы экскурсия по Академии, выставка и лекция по использованию в раскрытии и расследовании преступлений криминалистической техники.

По результатам конференции подведены итоги, подготовлена резолюция, содержащая конкретные предложения, в том числе законотворческого характера, направленные на повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних.

И.о. руководителя редакционно-издательского отдела ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»
А.Ж. Саркисян

Международная научно-практическая конференция «Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования»

(проведена 20 марта 2015 года
в Академии Следственного комитета Российской Федерации)

В соответствии с Планом работы Следственного комитета Российской Федерации на первое полугодие 2015 г. и Планом научной деятельности Академии Следственного комитета Российской Федерации на 2015 г. в Академии организована и 20 марта 2015 года проведена Международная научно-практическая конференция на тему: «Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования».

Конференцию открыл и.о. ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук генерал-майор юстиции Анатолий Михайлович Багмет, который в своем приветственном слове раскрыл проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан, и роль следователей Следственного комитета в расследовании этих преступлений.

А.М. Багмет

В ходе работы конференции с докладами выступили:

— заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, профессор генерал-полковник Александр Вячеславович Федоров;

А.В. Федоров

А.И. Сазонов

— заместитель руководителя Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации — руководитель Методико-криминалистического управления генерал-майор юстиции Анатолий Иванович Сазонов;

В.В. Донцов

— Председатель Совета «Союз ветеранов следствия» кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ государственный советник юстиции 3 класса Владимир Васильевич Донцов;

Е.Р. Россинская

— директор Института судебных экспертиз; заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Елена Рафаиловна Россинская;

А.Б. Бекмагамбетов

— заведующий сектором научно-исследовательской работы Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Республика Казахстан) кандидат юридических наук Алимжан Бауржанович Бекмагамбетов;

А.Ф. Волынский

— профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ Александр Фомич Волынский;

М.В. Кардашевская

— профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России доктор юридических наук, профессор Марина Владимировна Кардашевская;

Л.В. Иногамова-Хегай

— профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор Людмила Валентиновна Иногамова-Хегай;

Н.А. Колоколов

— профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; председатель редакционных советов журналов «Уголовное судопроизводство», «Мировой судья» доктор юридических наук, профессор судья Верховного Суда РФ в отставке Никита Александрович Колоколов;

И.М. Комаров

— профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор Игорь Михайлович Комаров;

В.Ю. Толстолуцкий

— профессор кафедры уголовного права и процесса Юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского доктор юридических наук, профессор Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики Владимир Юрьевич Толстолуцкий;

Ш.Н. Хазиев

— старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук кандидат юридических наук, доцент Шамиль Николаевич Хазиев;

— доцент Юридического факультета Международного университета (г. Москва) кандидат юридических наук, доцент Тамара Николаевна Шамонова;

— старший преподаватель кафедры криминалистики Военного университета Министерства обороны РФ кандидат юридических наук Игорь Викторович Маслов;

— ведущий научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения Академии Генеральной прокуратуры РФ кандидат юридических наук старший советник юстиции Григорий Всеволодович Антонов-Романовский;

— руководитель отдела правовой помощи Управления международно-правового сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации подполковник юстиции Юрий Иванович Немцов;

— следователь-криминалист методико-криминалистического отдела методико-криминалистического управления Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации полковник юстиции Сергей Владимирович Коротких;

— старший инспектор 4 отдела Управления процессуального контроля Следственного комитета Российской Федерации майор юстиции Феликс Васильевич Артемьев;

— главный редактор журнала «Юридическая психология»; юрист, психолог, педагог Дмитрий Владимирович Белых-Силаев.

В работе конференции приняли участие сотрудники следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации, Академии Следственного комитета Российской Федерации и других организаций, а также представители общественных антикоррупционных организаций и ведущие ученые высших учебных заведений Москвы: Московского государственного университета, Московского государственного юридического университета, Института государства и права Российской академии наук, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, Московского государственного технического университета, Московского университета МВД России, Академии управления МВД России и др.

На форуме были обсуждены проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан, и выработаны предложения по совершенствованию деятельности сотрудников правоохранительных органов, в том числе следователей, в ходе поисковых мероприятий и в ходе предварительного следствия по уголовным делам данной категории.

В ходе конференции была организована экскурсия по Академии. В частности, участникам форума были продемонстрированы криминалистические полигоны. Кроме того, была организована выставка-продажа юридической литературы, в том числе подготовленной сотрудниками Академии Следственного комитета Российской Федерации. Свою продукцию представило издательство «ЮНИТИ-ДАНА».

УДК 34.07
ББК 67.7

БАСТРЫКИН Александр Иванович,
Председатель Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
генерал-полковник юстиции

РЕЗУЛЬТАТЫ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2014 ГОДУ И ЗАДАЧИ НА 2015 ГОД

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье анализируется следственная деятельность Следственного комитета Российской Федерации в 2014 году. Приводятся статистические данные результатов работы Следственного комитета в 2014 г. Сформулированы задачи сотрудников Следственного комитета на 2015 год.*

Ключевые слова: *Следственный комитет, следственная деятельность, статистика, результаты работы, задачи.*

Annotation. *This article analyzes the investigative activities of the Investigative committee of the Russian Federation in the year 2014. Statistics results of the Investigative committee in 2014, the tasks of the Investigative committee for the year 2015.*

Keywords: *The Investigation committee, investigative activities, statistics, results of work, tasks.*

В 2014 году работа в Следственном комитете Российской Федерации (далее — Следственный комитет) осуществлялась в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, приказов и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации, решений коллегии Следственного комитета Российской Федерации[1].

Проводилась большая нормотворческая работа, связанная с подготовкой и согласованием проектов законодательных актов Российской Федерации, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, формированием правовой позиции высших судебных инстанций, изданием нормативных правовых актов и организационно-распорядительных документов Следственного комитета в установленной сфере деятельности. Основные усилия Следственного комитета были направлены:

- на эффективное осуществление полномочий в сфере уголовного судопроизводства и иных полномочий, определенных законодательством Российской Федерации;
- обеспечение в досудебной стадии уголовного судопроизводства конституционных прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовного преследования, а также прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений;
- повышение качества предварительного следствия при соблюдении законности действий и процессуальных решений сотрудников, производящих проверку сообщений о преступлении и предварительное расследование;
- повышение эффективности противодействия преступлениям в сфере экономики, коррупционным преступлениям, а также экстремизму и терроризму;

[1] См. подробно: Информационный материал к Расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации 26.02.2015 г. «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2014 г. и задачах на 2015 г.».

▪ выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, а также предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних;

▪ развитие конструктивного взаимодействия с органами прокуратуры Российской Федерации, другими правоохранительными, надзорными и контролирующими органами.

Приняты дополнительные меры по организационному и кадровому укреплению системы Следственного комитета, формированию и организации деятельности следственных органов, расположенных в Крымском федеральном округе, развитию системы образовательных учреждений Следственного комитета.

В январе — декабре 2014 г. сохранилась положительная тенденция улучшения показателей работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации.

В производстве находилось 225 187 уголовных дел, что на 0,5% меньше, чем в 2013 г. (226 287).

Несмотря на снижение количества дел, находившихся в производстве, число оконченных дел возросло на 4,3% (120 700, в 2013 г. — 115 672).

Направлено прокурору с обвинительным заключением и постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, а также руководителем следственного органа в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 427 УПК РФ (далее — направлено прокурору), 105 767 уголовных дел, или на 3,8% больше, чем в 2013 г. (101 941). Их удельный вес от числа оконченных снизился с 88,1 до 87,6%.

На треть и более увеличилось число уголовных дел, направленных прокурору, в Республике Адыгея (+34,3%), Самарской области (+42,2%), следственных отделах на комплексе «Байконур» (+50%) и в ЗАТО «Межгорье» (+66,7%).

Несмотря на общий рост в целом по Российской Федерации количества уголовных дел, направленных прокурору, в 31 следственном подразделении отмечено их снижение, наиболее значительное — в Псковской области (–12,7%), Чеченской Республике (–5,3%), Волжском межрегиональном природоохранном следственном управлении (–32%). Надо отметить, что если в Псковской области и Волжском межрегиональном природоохранном следственном управлении число уголовных дел, находившихся в производстве, уменьшилось, в Чеченской Республике зафиксирован их рост.

Высокие результаты по направлению уголовных дел прокурору у следователей Волгоградской, Кировской и Пензенской областей, Западно-Сибирского и Уральского следственных управлений на транспорте, в которых удельный вес таких дел составил от 95,1% до 96,2%.

Среднемесячная нагрузка следователя по находившимся в производстве делам увеличилась по сравнению с 2013 г. и составила 3,0 (в 2013 г. — 2,9), по оконченным — 1,6 (в 2013 г. — 1,5), по направленным прокурору — 1,4 (в 2013 г. — 1,3).

Самая высокая нагрузка по уголовным делам, находившимся в производстве, у следователей Забайкальского края (4,5), Уральского следственного управления на транспорте (5,2) и Республики Татарстан (5,4).

Наибольшая нагрузка по оконченным уголовным делам в республиках Коми и Хакасия, Астраханской, Кировской и Пензенской областях, Приволжском следственном управлении на транспорте — 2,2, Республике Алтай — 2,3, Забайкальском крае, Орловской области, Дальневосточном следственном управлении на транспорте — 2,4, Западно-Сибирском и Уральском следственных управлениях на транспорте — 2,5, Республике Татарстан — 2,8.

Самая большая нагрузка по уголовным делам, направленным прокурору, в следственных органах Республики Татарстан (2,2), Западно-Сибирском (2,4) и Уральском (2,4) следственных управлениях на транспорте, низкая нагрузка у следователей Чеченской Республики (0,6).

В 2014 г. прокурором в порядке, предусмотренном ст. 221 и п. 2 ч. 5 ст. 439 УПК РФ, возвращено 3476 уголовных дел, что на 12,4% меньше, чем в 2013 г. (3968). Их удельный вес

от числа направленных прокурору также снизился и составил 3,3% (в 2013 г. — 3,9%).

Несмотря на сокращение числа таких дел в целом по России, в 29 следственных подразделениях наблюдается их увеличение, наиболее значительное — в Приволжском (+50%) и Московском межрегиональном (+52,9%) следственных управлениях на транспорте, Псковской области (+71,4%), Архангельской области и Ненецком автономном округе (+75%), Волжском межрегиональном природоохранном следственном управлении (+133,3%).

Надлежащее качество следствия отмечается в Чувашской Республике, Волгоградской и Пензенской областях, где удельный вес уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного расследования, составил менее 1%.

Не возвращались уголовные дела для производства дополнительного следствия в следственные отделы в ЗАТО «Межгорье» и на комплексе «Байконур».

Наиболее высокий показатель возвращенных уголовных дел прокурором в порядке, предусмотренном ст. 221 и п. 5 ст. 439 УПК РФ, отмечен в следственных органах Чеченской Республики (9,5%), Оренбургской области (10,8%), республик Калмыкия (13%) и Тыва (13%). Надо отметить, что в Оренбургской области и Республике Калмыкия количество возвращенных прокурором дел снизилось по сравнению с 2013 г. соответственно на 17,5 и 21,6%, уменьшился и их удельный вес (в 2013 г. — 14,3 и 14,9% соответственно). В Чеченской Республике и Республике Тыва, наоборот, эти показатели увеличились.

Несмотря на улучшение большинства показателей следственной работы, в 2014 г. сохранилась негативная тенденция роста числа уголовных дел, возвращенных судом в соответствии со ст. 237 УПК РФ. Всего возвращено 1439 уголовных дел, что на 7,7% больше, чем в 2013 г. (1336). Их удельный вес остался на уровне 2013 г. — 1,4%.

Неудовлетворительные показатели в Новгородской области (3,5%). Хабаровском крае (3,5%), Курганской области (3,6%), Республике Тыва (8,5%). В этих регионах количество уголовных дел, возвращенных судом, возросло, причем значительно (соответственно на 350; 56; 222,2 и 90%). Их удельный вес также значительно превышает среднероссийский показатель и аналогичный показатель прошлого года (соответственно 0,7; 2,4; 1,1; 4,3%).

Не возвращались судом уголовные дела следователям республик Адыгея и Ингушетия, Чукотского автономного округа, следственных отделов в ЗАТО «Межгорье» и на и комплексе «Байконур».

В 2014 г. отмечена положительная динамика снижения сроков расследования уголовных дел.

В срок свыше 2 месяцев расследовано 46 576 уголовных дел, что на 12,4% меньше, чем в 2013 г. (53 183). Их удельный вес сократился с 46 до 38,6%.

Значительно превышен среднероссийский показатель в Забайкальском крае (55,6%). Оренбургской области (56,9%), Республике Тыва (72,5%).

Наилучшие показатели соблюдения сроков следствия у следователей Уральского (15,5%) и Западно-Сибирского (15,8%) следственных управлений на транспорте, Пензенской области (16,5%).

В 2014 г. приостановлено 15 885 уголовных дел, что на 5,9% меньше, чем в 2013 г. (16 889).

Ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, предварительное следствие приостановлено по 8295 уголовным делам (–12,8%, в 2013 г. — 9510). Их удельный вес от общего числа приостановленных дел составил 52,2% (в 2013 г. — 56,3%).

Ввиду неустановления места нахождения подозреваемого или обвиняемого приостановлено 4992 уголовных дела (+4,2%), или 31,4% (в 2013 г. — 4793, или 28,4%).

Ввиду отсутствия реальной возможности участия в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого, место нахождения которого известно, — 1598 (+11%), или 10,1% (в 2013 г. — 1439, или 8,5%).

Ввиду временного тяжелого заболевания подозреваемого или обвиняемого — 1000

(–12,8%), или 6,3% (в 2013 г. — 1147, или 6,8%).

Несмотря на сокращение в целом по России числа уголовных дел, предварительное следствие по которым приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в 26 следственных органах отмечен их рост, наиболее значительный — в Орловской (+70,4%) и Курганской (+120%) областях, республиках Марий Эл (+162,5%) и Алтай (+200%).

Удельный вес уголовных дел, приостановленных на основании п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, от числа расследованных снизился по сравнению с 2013 г. и составил 11% (в 2013 г. — 12%).

Наилучшие показатели по раскрытию преступлений в Волжском межрегиональном природоохранном следственном управлении (1,7%) и Пензенской области (2,1%).

В 2014 г. сократилось число оправданных судом лиц и реабилитированных на стадии предварительного следствия.

Прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям в отношении 622 лиц (–12,5%) (в 2013 г. — 711), из них 162 человека (–12,9%) содержались под стражей (в 2013 г. — 186). Число лиц, оправданных судом, снизилось на 31,1% и составило 450 (в 2013 г. — 653), из них 115 человек (–38,8%) содержались под стражей (в 2013 г. — 188).

Не допускались нарушения прав и свобод граждан в 5 (в 2013 г. — 2) следственных органах (Магаданская и Псковская области, Волжское межрегиональное природоохранное следственное управление, следственные отделы в ЗАТО «Межгорье» и на комплексе «Байконур»).

В то же время в ряде следственных органов положение дел с соблюдением законности на стадии предварительного следствия вызывает обеспокоенность.

Значительное число нарушений прав граждан в досудебном производстве допустили следователи Иркутской области — 13 реабилитированных лиц (один из них содержался под стражей). Оренбургской области — 13 (3 — под стражей), Москвы — 13 (7), Республики Бурятия — 14 (1), Новосибирской области — 14 (5), Алтайского края — 14 (7), Ставропольского края — 15 (8), Курганской области — 16 (5), Красноярского края — 17 (0), Краснодарского края — 17 (4), Хабаровского края — 19 (3). Санкт-Петербурга — 19 (9), Воронежской области — 21 (8), Чеченской Республики — 22 (1). Республики Тыва — 22 (12), Кемеровской области — 27 (10).

Наибольшее количество оправданных судом лиц в следственных органах Оренбургской области — 10 (из них один содержался под стражей), Тверской области — 11 (3 — под стражей), Республики Дагестан — 12 (9), Алтайского края — 13 (1), Липецкой области — 13 (3), Москвы 13 (3), Свердловской области — 14 (5), Курганской области — 17 (1), Санкт-Петербурга — 22 (14).

С 25 марта по 31 декабря 2014 г. в производстве следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, входящих в Крымский федеральный округ, находилось 3299 уголовных дел (Республика Крым — 2747, Севастополь — 552).

Окончено 846 уголовных дел, или 25,6% от числа находившихся в производстве. Направлено прокурору 780 дел (92,2%), из них 586 следователями Республики Крым, 194 — Севастополя.

Среднемесячная нагрузка следователя по находившимся в производстве уголовным делам составила 3 дела (Республика Крым — 3,0, Севастополь – 3,2, Россия — 3,0), по направленным прокурору — 0,7 (Республика Крым — 0,6, Севастополь — 1,0, Россия — 1,4).

Прекращено 66 уголовных дел (Республика Крым — 56, Севастополь — 10).

Приостановлено 1480 уголовных дел, в большинстве случаев (90,8%) ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, — 1344 (Республика Крым — 1253, или 92,3% от общего количества приостановленных дел, Севастополь — 91, или 74,6%).

Прокурором для производства дополнительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 221 и п. 2 ч. 5 ст. 439 УПК РФ, возвращено 11 уголовных дел, или 1,4% от числа дел, направленных прокурору (Республика Крым — 9, или 1,5%, Севастополь — 2, или 1%).

Судом в соответствии со ст. 237 УПК РФ возвращено 4 уголовных дела, или 0,5% от числа дел, направленных в суд (Республика Крым — 3, или 0,5%, Севастополь — 1, или 0,5%).

В срок свыше 2 месяцев расследовано 265 уголовных дел, или 31,3% (Республика Крым — 233, или 36,3%, Севастополь — 32, или 15,7%).

В отношении одного лица (Республика Крым) прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям (избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу). Оправданных и лиц, дела в отношении которых прекращены судом в связи с отсутствием события или состава преступления, а также в связи с непричастностью к совершению преступления, в Крымском федеральном округе не имеется.

В 2015 г. сотрудниками Следственного комитета должны быть реализованы следующие основные задачи:

1) принимать в установленные сроки законные и обоснованные процессуальные решения по результатам проверки сообщений о преступлении;

2) повышать качество предварительного следствия;

3) сокращать сроки расследования уголовных дел;

4) повышать результативность следственной работы;

5) обеспечивать права и законные интересы пострадавших от преступлений граждан на досудебной стадии уголовного судопроизводства и в первую очередь — при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении;

6) неукоснительно соблюдать конституционные права и свободы лиц, вовлекаемых в сферу уголовного преследования, на всех этапах досудебного производства, законность и обоснованность привлечения в качестве обвиняемых;

7) активно выявлять и расследовать взяточничество и другие коррупционные преступления, особенно связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, а также совершенные в сфере приватизации государственного имущества и реализации государством непрофильных активов государственных предприятий и предприятий (организаций) с участием государства и муниципальных образований;

8) повышать эффективность противодействия экстремизму и терроризму; пресекать попытки экстремистов использовать для пропаганды своих идей ресурсы Интернета;

9) выявлять в ходе расследования преступлений систему ненадлежащих действий или бездействия должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, создавших благоприятные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и безотлагательно принимать меры по их устранению;

10) совершенствовать взаимодействие с органами прокуратуры Российской Федерации, другими надзорными и контролирующими органами, органами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия;

11) наладить своевременный обмен значимой информацией с оперативными и контрольно-ревизионными службами в целях противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности, а также преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, против общественной безопасности, а также против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, подследственным следователям Следственного комитета;

12) обеспечить совместное обсуждение такой информации, результатов контрольных и оперативно-розыскных мероприятий, планирование и подготовку их реализации, используя для этого возможности межведомственных рабочих групп;

13) по уголовным делам о коррупционных преступлениях в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, государственного оборонного заказа принимать исчерпывающие меры к выявлению аффилированных должностных лиц федеральных органов государственной власти и иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и орга-

нов местного самоуправления, работников, замещающих должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед этими органами, давать правовую оценку их действиям по выявленным фактам;

14) исключить направление прокурору с обвинительным заключением уголовных дел без тщательного изучения полноты проведенного расследования, допустимости и достаточности собранных доказательств;

15) возвращенные прокурорами и судами уголовные дела брать под контроль в подразделении процессуального контроля аппарата следственного органа Следственного комитета, давать письменные указания, требовать составления дополнительного плана расследования с установлением конкретных сроков его исполнения;

16) изучить уголовные дела со сроком следствия свыше одного года. Совместно с органами, осуществляющими оперативное сопровождение расследования, заслушать на оперативных совещаниях ход и перспективы расследования каждого из них, спланировать и в полном объеме реализовать мероприятия, направленные на окончание предварительного следствия в кратчайшие сроки;

17) регулярно проводить проверки соблюдения учетно-регистрационной дисциплины в подчиненных следственных подразделениях, исключить факты необоснованного отказа гражданам в приеме и регистрации заявлений о преступлении;

18) с целью исключения в дальнейшем случаев необоснованного и незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности инициировать совместное обсуждение с органами прокуратуры и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, причин прекращения уголовных дел (уголовного преследования) на досудебной стадии и постановления оправдательных приговоров по каждому такому факту; по результатам обсуждения принимать комплекс мер организационно-управленческого и информационно-методического характера.

УДК 340
ББК 67.0

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович,
заместитель Председателя Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: 1956af@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: РЕКОМЕНДАЦИИ № (88) 18 ОТ 20 ОКТЯБРЯ 1988 ГОДА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются резолюции и рекомендации органов Совета Европы по вопросам уголовной ответственности предприятий, предшествовавшие принятию первых международных антикоррупционных конвенций и оказавшие существенное влияние на введение института уголовной ответственности юридических лиц в странах — членах Совета Европы; приводится подробный анализ Рекомендаций № (88) 18 Комитета Министров стран — членов Совета Европы по ответственности предприятий — юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности.*

Ключевые слова: *Совет Европы, уголовная ответственность юридических лиц, Рекомендации № (88) 18 Комитета Министров стран — членов Совета Европы, вина юридического лица, санкции, применяемые к юридическим лицам.*

Annotation. *The article deals with the resolutions and recommendations orga-new Council of Europe on the criminal liability of companies that preceded the adoption of the first international anti-corruption conventions and con have a significant impact on the introduction of criminal liability of legal persons, in the countries — members of the Council of Europe; provides a detailed analysis of the recommendations № (88) 18 of the Committee of Ministers of the countries - members of the Council of Europe on the responsibility of enterprises — legal entities for The Right-violations committed in the course of their business.*

Keywords: *Council of Europe, the criminal liability of legal persons, Recommendation № (88) 18 of the Committee of Ministers of the countries — members of the Euro-Py, the wines of the legal entity, the sanctions applicable to legal persons.*

В отечественной юридической литературе уделяется большое внимание исследованию вопросов, касающихся установления уголовной ответственности юридических лиц[1]. Появились статьи на эту тему и в изданиях Следственного комитета Российской Федерации[2], в том числе

[1] См., напр.: *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002; *Антонова Е.Ю.* Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2011; *Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М.: Статус, 2013.

[2] См., напр.: *Бастрыкин А.И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. Вып. 2. С. 3 –13; *Федоров А.В.* Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 частях. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. Ч. I. С. 6—12; *Федоров А.В.* О разработке методики расследования коррупционных преступлений юридических лиц // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 7—15.

рассматривающие зарубежный опыт[3], включая вопросы ответственности юридических лиц за отдельные виды преступлений[4].

Однако в имеющихся публикациях пока еще редко исследуются вопросы истории введения института уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах, тогда как изучение этапных документов, связанных с установлением такой ответственности, на наш взгляд, может быть весьма полезным для уяснения объективной обусловленности появления этого уголовно-правового института, анализа доводов «за» и «против», осмысления возможных вариантов установления уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации.

Особую актуальность исследование вопросов истории введения уголовной ответственности юридических лиц за рубежом приобрело в связи с регистрацией в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 23 марта 2015 года проекта федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» за № 750443-6, внесенного депутатом Государственной Думы А.А. Ремезковым.

Для многих европейских стран одним из первых документов, положивших начало процессу принятия национальных законов об уголовной ответственности юридических лиц, стали Рекомендации № (88) 18 Комитета Министров стран — членов Совета Европы по ответственности предприятий — юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности[5] (Recommendation № R (88) 18 of the Committee of Ministers to Member States Concerning Liability of Enterprises Having Legal Personality for Offences Committed in the Exercise of Their Activities)[6] (иногда название этого документа переводится как «Рекомендации относительно ответственности предприятий, имеющих статус юридического лица, за преступления, совершенные в ходе осуществления их деятельности»[7]), принятая Комитетом Министров 20 октября 1988 г. на 420-м совещании заместителей министров[8].

Значим указанный акт и для Российской Федерации, ставшей в 1996 г. членом Совета Европы[9].

Это не первый документ Совета Европы, в котором ставился вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц.

---

[3] См.: *Бастрыкин А.И.* Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 6—12; *Федоров А.В.* О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого Николая Сергеевича Алексеева (Москва, 23 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 14—25.

[4] См.: *Федоров А.В.* Испанское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. Вып. 2. С. 13—18; *Федоров А.В.* Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китая // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. научно-практических трудов / Следственный комитет Российской Федерации; под ред. А.И. Бастрыкина, 2014. Вып. 6. С. 6—16; *Федоров А.В.* Об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления по законодательству Китая // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2. С. 32—37.

[5] Официального перевода на русский язык этой конвенции нет. Текст резолюции на русском языке и материалов к ней в имеющихся российских исследованиях приводится по публикации: *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб.: Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб., 1998. С. 27—38.

[6] Тексты на английском языке резолюций и рекомендаций приводятся по размещенным на официальном сайте Совета Европы документам.

[7] См.: *Жданов Ю.Н., Лаговская Е.С.* Европейское уголовное право. Перспективы развития. М.: Международные отношения, 2001. С. 113.

[8] При принятии Рекомендации представители Федеративной Республики Германии и Греции, в соответствии со статьей 10.2.с Процессуальных правил проведения совещаний на уровне заместителей министров, оставили за правительствами своих стран окончательное решение вопроса о выполнении положений данной рекомендации.

[9] См.: Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении России к Уставу Совета Европы» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 774.

Ранее были приняты: Резолюция № (77) 28 о применении уголовного права в вопросах защиты окружающей среды (The Use of Criminal Law for the Protection of the Environment in Europe: Council of Europe Resolution (77) 28), Рекомендация № R (81) 12 по экономическим правонарушениям (Recommendation № R (81) 12 of the Committee of Ministers to Member States on Economic Crime), принятая Комитетом Министров 25 июня 1981 г. на 335-м совещании заместителей министров, и Рекомендация № R (82) 15 по роли уголовного права в защите потребителей (Recommendation № R (82) 15 of the Committee of Ministers to Member States on the Role of Criminal Law in Consumer Protection)[10].

С учетом этих актов в 1982 г. был образован специальный экспертный комитет, состоящий из специалистов в области уголовного права, для рассмотрения вопросов введения института уголовной ответственности юридических лиц (корпоративной уголовной ответственности) в законодательство стран — членов Совета Европы.

В состав экспертного комитета вошли представители семи стран членов Совета Европы (Кипр, Дания, Италия, Лихтенштейн, Португалия, Испания и Швеция). Заседания экспертного комитета проходили под председательством Х. Дж. Стоттера (Лихтенштейн). В них также принимали участие на уровне наблюдателей представители Финляндии и международной Ассоциации уголовного права. В ходе проведенных в 1983—1987 годах заседаний экспертным комитетом был подготовлен проект рекомендаций по ответственности предприятий — юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности. К разработке этого документа экспертным комитетом привлекались профессора Г. Келленз (Бельгия), Л.Х. Ли (Великобритания), К. Тидеманн[11] (ФРГ) и судья Р.А. Торринга (Голландия).

При подготовке проекта рекомендаций учтены Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка, являющиеся приложением к Миланскому плану действий, принятому на седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями[12] (Милан, Италия, 26 августа — 6 сентября 1985 г.). Руководящие принципы содержали положение о том, что государствам следует «рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности не только для лиц, действовавших от имени какого-либо учреждения, корпорации или предприятия или выполняющих руководящие или исполнительные функции, но и для самого учреждения, корпорации или предприятия путем выработки соответствующих мер предупреждения их возможных преступных действий и наказания за них»[13].

Подготовленный экспертным комитетом проект рекомендаций был одобрен Европейским Комитетом по проблемам преступности на его 37-й пленарной сессии в июне 1988 г. и принят Комитетом Министров на 420-м совещании заместителей министров 20 октября 1988 г. на основании пункта «b» ст. 15 Устава Совета Европы[14], согласно которому

[10] Принятию указанных решений предшествовала коллективная проработка возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, нашедшая отражение в решениях проводимых конгрессов по уголовному праву. Так, уже в решениях VI Международного конгресса по уголовному праву (Рим, 1953 г.) отмечалась допустимость уголовной ответственности юридических лиц и возможность применения в отношении них карательных санкций, а VII Международный конгресс по уголовному праву (Афины, 1957 г.) в своей резолюции констатировал, что юридические лица могут нести ответственность за преступления в случаях, предусмотренных отдельными законодательными системами. См.: Курс советского уголовного права: в 6 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 216.

[11] Видный немецкий ученый-криминолог. В России известен как автор работы «Феноменология преступности в экономической сфере» 1976 г.

[12] См.: Советская юстиция. 1992. № 13—14. С. 38—40; № 15—16. С. 35—37.

[13] Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка рекомендованы для осуществления на национальном, региональном и международном уровнях с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий и традиций каждой страны на основе принципов суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела.

[14] См.: СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1390.

решения Комитета министров в надлежащих случаях могут быть сделаны в форме рекомендаций правительствам стран — членов Совета Европы, и Комитет министров может запрашивать эти правительства о ходе выполнения рекомендаций. Такого рода рекомендации играют важную роль в координации сотрудничества стран — членов Совета Европы, но не налагают на государства обязательств по их безусловному исполнению. В ряде случаев принимаемые рекомендации в дальнейшем служат основой для разработки соответствующих конвенций.

Для уяснения содержания Рекомендаций № (88)18 экспертным комитетом подготовлены меморандум с комментариями к ним, а также комментарий к приложению к этим рекомендациям.

В российской юридической литературе Рекомендации № (88) 18 обычно только упоминаются при рассмотрении отдельных вопросов, связанных с установлением административной или уголовной ответственности юридических лиц[15], либо дается лишь их краткая характеристика[16].

В связи с изложенным представляется целесообразным рассмотреть более подробно этот документ, раскрывающий истоки многих последующих решений, связанных с введением уголовной ответственности юридических лиц.

Рекомендации № (88) 18 состоят из мотивировочной части, поясняющей, чем руководствовался Кабинет Министров принимая их, и резолютивной части, в которой предлагается правительствам стран — членов Совета Европы использовать в своих законодательствах и судебной практике основные положения, изложенные в приложении к Рекомендациям, состоящем из преамбулы (введения) и десяти пунктов — рекомендаций (принципов).

В мотивировочной части Рекомендаций № (88) 18 перечисляются обстоятельства, которые были приняты во внимание при их подготовке, и, кроме того, отмечается, что при принятии Рекомендаций Комитет Министров действовал на основании пункта «b» ст. 15 Устава Совета Европы, принимая во внимание уже ранее упомянутые Резолюцию № (77) 28 и Рекомендации № R (81) 12 и № R (85) 15.

Указаны следующие четыре обстоятельства, принятые во внимание при подготовке Рекомендаций.

1. Растущее число уголовных правонарушений, совершаемых в ходе ведения предприятиями своей деятельности, что наносит значительный вред отдельным лицам и обществу в целом.

2. Целесообразность привлечения к ответственности предприятия в случаях, когда им извлекается выгода из незаконной деятельности.

3. Трудности в идентификации лиц, которые должны отвечать за совершенное правонарушение, связанные со сложной структурой управления предприятием.

4. Целесообразность того, чтобы предприятия несли как можно больше ответственности, не освобождая при этом от ответственности физических лиц, причастных к правонарушению, в том числе чтобы применялись соответствующие санкции и меры по отношению к предприятиям, должным образом обеспечивающие наказание за незаконную деятельность, направленные также на предотвращение дальнейших правонарушений и взыскание нанесенного ущерба.

В поясняющих документах к Рекомендациям указывается, что рост экономической преступности выделил проблему привлечения к ответственности лиц, причастных к совершению правонарушений, связанных с хозяйственной деятельностью предприятия. При этом констатируется, что большое количество правонарушений совершается именно в ходе ведения хозяйственной деятельности предприятием.

---

[15] *Панкратова О.В.* К вопросу о необходимости признания юридического лица субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 145[1] УК РФ // Российский следователь. 2012. № 4. С. 16—18; *Панова И.В.* Еще раз о тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 8. С. 1—30; *Смольянинов Е.С.* О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Российский следователь. 2009. № 15. С. 19—21; *Тимошин А.В., Носков Б.П.* К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 14—18.

[16] См.: *Панов А.Б.* Административная ответственность юридических лиц: монография. М.: Норма, 2013. С. 34—36.

Обращается внимание, что сложная структура управления предприятиями зачастую делает трудной, а то и невозможной идентификацию лиц, которые действительно причастны к совершению правонарушений. Даже в тех случаях, когда оказывается возможным определить служащего предприятия, ответственного за совершение правонарушения, доказательство причастности высшего руководства к правонарушению может оказаться проблемным. Более того, каждое отдельное правонарушение может являться результатом отдельных решений, действий или бездействия различных лиц, хотя они и соответствуют общей атмосфере, создаваемой руководством предприятия. В таких случаях привлечение к ответственности отдельного лица может оказаться невозможным, но даже если это и удастся, истинная ответственность должна в различной степени распространяться и на других лиц, так как применение санкций к отдельному лицу недостаточно эффективная мера для предотвращения совершения предприятием правонарушений.

Для преодоления этих сложностей законодатели во многих европейских странах приняли решение о привлечении к уголовной ответственности самого предприятия. Так, например, нормы об уголовной ответственности юридических лиц были включены в 1976 г. в Уголовный кодекс Нидерландов[17], в 1986 г. — в Уголовный кодекс Швеции[18].

Мотивируя объективную обусловленность введения института уголовной ответственности юридических лиц, экспертный комитет в меморандуме с комментариями к Рекомендациям № (88) 18 обращает особое внимание на проблему, касающуюся установления вины предприятия — юридического лица, ставя вопрос: каким образом вина (mens rea — виновная воля) или халатность может относиться к корпоративной единице?

При ответе на этот вопрос анализируется две группы стран — членов Совета Европы.

Отмечается, что в странах общего права данной проблемы по отношению к корпоративным единицам не существует: общим правилом является, что корпоративная единица может нести уголовную ответственность так же, как и физическое лицо. Данное правило основывается на теории о том, что директора или верхний эшелон управления корпорацией, с юридической точки зрения, и являются корпорацией: они, так сказать, alter ego (второе «я») корпорации, результатом чего является отнесение их вины на корпорацию, что делает ее ответственной за уголовные правонарушения.

В то же время в ряде европейских юридических систем понятие виновности включает элемент ответственности, которая в соответствии с классической уголовной теорией может относиться только к физическому лицу. По этому критерию выделяется вторая группа стран, не предусматривающих никакую или не предусматривающих «полную» уголовную ответственность для юридических лиц, придерживающихся традиционного правила, что только физические лица могут признаваться виновными в совершении правонарушений.

Применительно ко второй группе стран экспертный комитет отмечает наметившиеся тенденции к отходу от традиционной концепции вины и признанию возможности уголовной ответственности юридического лица. Указывается, что это стало возможным путем определения правонарушений, не требующих доказательства вины, или посредством дедуктивного вывода о вине корпорации исходя из вины конкретных индивидуумов, или посредством введения в законодательство положений о дополнительной ответственности предприятия.

Исходя из имеющихся концепций определения вины юридического лица[19], можно констатировать, что в данном случае была реализована концепция «социальной» вины

[17] Об этом см.: Уголовный кодекс Голландии / научн. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. С. XIII–XV.

[18] Об этом см.: *Федоров А.В.* Изучение зарубежного права в целях совершенствования российского законодательства: уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Испании и Швеции // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 3 (51). С. 98, 99.

[19] См.: *Панова И.В.* Указ. соч. С. 1—30.

(ответственности юридических лиц за вину работника).

Рекомендации № (88) 18 характеризуются экспертным комитетом как попытка поощрения данных тенденций, основанного на убеждении, что борьба с экономическими правонарушениями требует наложения ответственности на само предприятие, при котором ни одно правонарушение, совершенное в ходе выполнения предприятием своей деятельности, не должно остаться безнаказанным.

При этом понимается, что предприятия должны пользоваться правами и гарантиями, эквивалентными тем, что предоставляются физическим лицам, обвиняемым в правонарушении.

Рекомендации № (88) 18 завершаются обращением к правительствам стран — членов Совета Европы руководствоваться в своем законодательстве и судебной практике принципами, изложенными в приложении к этим рекомендациям.

При этом, как отмечает экспертный комитет, слово «руководствоваться» выбрано для того, чтобы предоставить правительствам как можно больше свободы действий в выборе средств для наложения ответственности на предприятия за правонарушения, совершенные в процессе их деятельности. По той же причине предпочтение было отдано слову «принцип», а не слову «правило», поскольку целью рекомендаций является не достижение принятия одинаковых правил, а лишь способствование общему признанию в законе и судебной практике стран — членов Совета Европы концепции ответственности на основе приведенных рекомендаций.

В тексте самих Рекомендаций указано, что введение в законы отдельных стран принципа уголовной ответственности предприятий, являющихся юридическими лицами, не является единственным средством противодействия корпоративной преступности и не исключает возможность принятия других мер, преследующих ту же цель.

Рекомендации № (88) 18, как уже указывалось, имеют приложение, в котором выделены введение и две главы, включающие десять принципов, по пять каждая, имеющие сквозную нумерацию (1—10).

Во введении указано, что приведенные в приложении принципы направлены на принятие мер по наложению ответственности на предприятия за правонарушения, совершенные ими в ходе ведения своей деятельности. При этом отмечается, что данные принципы не распространяются на существующие меры гражданской ответственности предприятий и применимы как к частным, так и к общественным предприятиям, при условии, что они являются юридическими лицами, ведущими хозяйственную деятельность.

Экспертным комитетом в комментарии к приложению даны важные пояснения по введению.

Во-первых, в них акцентируется внимание на цель рекомендаций — способствовать принятию мер по введению ответственности предприятий за правонарушения, совершенные в ходе их экономической деятельности.

Во-вторых, отмечается, что ответственность устанавливается только для предприятий, являющихся корпоративными единицами, то есть признаваемыми юридическими лицами по законодательству стран — членов Совета Европы. При этом термин «предприятие» употребляется в значении, которое он имеет в законодательствах стран — членов Совета Европы, а также в международных договорах.

Указывается, что данные принципы не распространяются на существующие меры гражданской ответственности предприятий и применимы как к частным, так и к общественным[20] предприятиям, исходя из того, что в странах — членах Совета Европы образование и деятельность предприятий может регулироваться положениями либо частного, либо публичного права.

При этом обращается особое внимание на то, что изложенные принципы распространяются только на предприятия, ведущие хозяйственную деятельность, и не распространяются на учреждения, осуществляющие правительственные функции или облеченные верховной (de jure imperii) властью.

В первой главе приложения определены следующие принципы ответственности.

[20] Не следует путать эту терминологию с терминами, используемыми в британском законодательстве, где термин «общественная компания с ограниченной ответственностью» («public limited company») используется для обозначения компании, чьи акции могут продаваться на фондовой бирже.

1. На предприятия должна налагаться ответственность за правонарушения, совершенные ими в ходе ведения своей деятельности, включая случаи, когда правонарушение не связано с выполняемыми предприятием задачами.

Как отмечается экспертным комитетом, предприятия должны нести ответственность за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности, независимо от того, была ли деятельность предприятия, имеющая состав правонарушения, направлена на достижение целей и задач предприятия или нет, в том числе в случаях, когда предприятие используется как прикрытие для совершения противоправных действий.

2. Предприятие должно нести ответственность независимо от того, было ли идентифицировано то физическое лицо, чьи действия или бездействие имеют состав правонарушения.

Согласно комментариям экспертного комитета ответственность предприятия должна устанавливаться независимо от того, было ли установлено конкретное физическое лицо, действия или бездействие которого имели состав правонарушения. В случаях, когда не установлена ответственность конкретного физического лица, наложение ответственности на предприятие не исключается. В тех случаях, когда возможно идентифицировать такое физическое лицо, ответственность предприятия должна быть совокупной; возложение ответственности на предприятие не должно освобождать от ответственности физическое лицо, виновное в совершении правонарушения.

3. При наложении ответственности на предприятия необходимо, в частности, учитывать следующее:

а) наложение уголовной ответственности и санкций на предприятия в тех случаях, когда того требует характер правонарушения, степень вины со стороны предприятия, последствия этого правонарушения для общества и необходимость предотвращения дальнейших правонарушений.

б) наложение иных мер ответственности и санкций на предприятия, например, санкций, налагаемых администрацией и подлежащих судебному контролю, в частности, за противоправное поведение, при котором не требуется, чтобы нарушитель рассматривался как преступник.

Таким образом, распространение уголовной ответственности на предприятия является лишь одной из мер для достижения цели, поставленной в Рекомендациях. Как было отмечено экспертной комиссией, имеются и другие способы воздействия на юридических лиц, помимо применения уголовного права, например: неуголовная или квазиуголовная ответственность по аналогии с немецкими Ordnungswidrigkeiten, или карательные правонарушения в законодательствах ЕЭС, или ответственность, основанная на системе санкций, не зависимых от традиционной концепции вины. Странам — членам Совета Европы предоставляется возможность выбора типа ответственности, которая наиболее подходит к их законодательным системам.

При этом наиболее подходящими являются два выделенных варианта решений:

а) в случае, когда характер правонарушения и вины, а также последствия для общества или необходимость предотвращения дальнейших правонарушений требуют наложения уголовных санкций — отойти от традиционных концепций вины и виновности и использовать систему ответственности, основанную на социальной вине;

б) в случае, когда не требуется наложения уголовных санкций, — применять по аналогии с немецкой системой Ordnungswidrigkeiten, являющейся системой квазиуголовной ответственности, санкции, налагаемых административными органами и контролируемые судебными органами.

4. Предприятие должно быть освобождено от ответственности в тех случаях, когда управление предприятия не было задействовано в правонарушении и предпринимало все необходимые меры для предотвращения его совершения.

Рекомендацию 4 следует рассматривать в сочетании с рекомендацией 1, так как предприятие должно нести ответственность даже тогда, когда правонарушение не связано с выполнением целей предприятия. По мнению экспертного комитета, только в случаях, когда совершенно очевидной является непричастность предприятия к правонарушению (преступлению), оно может быть освобождено от

ответственности. Для этого необходимо, как минимум, наличие двух условий:

когда правление юридического лица либо один или несколько его членов не были задействованы в правонарушении (термин «задействовать» в данном случае понимается в широком смысле, включая те случаи, когда правление либо его члены хотя и не были вовлечены непосредственно в совершение правонарушения, тем не менее, зная о факте правонарушения, принимали прибыль, полученную в результате такого правонарушения);

когда правление предприняло все необходимые меры для предотвращения совершения правонарушения (например, в тех случаях, когда сотрудник ведет незаконную деятельность, нарушая инструкции, доведенные до его сведения правлением, которое настойчиво добивается соблюдения этих инструкций с целью предотвращения незаконной деятельности).

5. Наложение ответственности на предприятие не должно освобождать от ответственности физических лиц, задействованных в правонарушении. В частности, лица, выполняющие управленческие функции, должны отвечать за нарушение своих должностных обязанностей, которое приводит к совершению правонарушения.

В данном случае речь идет о соотношении между ответственностью предприятия и физического лица, задействованного в правонарушении. Если доказано, что определенное физическое лицо совершило правонарушение, то это лицо несет уголовную ответственность, независимо от того, налагается ли в этом конкретном случае ответственность на предприятие или нет. Индивидуальная ответственность должна налагаться особенно на лиц, занимающих руководящие посты, таких как менеджеры, директора или управляющие: в частности, они должны нести ответственность за невыполнение контрольных функций, которое ведет к правонарушению.

Во второй главе приложения рассматриваются принципы, относящиеся к санкциям.

6. При утверждении соответствующих санкций, которые могут налагаться на предприятия, особое внимание следует обратить на цели, отличные от наказания, такие как предотвращение дальнейших правонарушений и возмещение ущерба, понесенного потерпевшими.

Иными словами, ретрибуция (в данном случае — возмездие) не должна обязательно быть основной целью. Особое внимание следует уделить другим целям, таким как предотвращение правонарушений в будущем и возмещение убытка, причиненного потерпевшим.

7. Следует обратить внимание на введение санкций и мер, которые особенно подходят по отношению к предприятиям. Эти санкции и меры могут включать:

- предупреждение, выговор, обязательство, занесенное в судебный протокол;
- принятие решения, в котором заявляется об ответственности, без наложения санкций;
- штраф или иная финансовая санкция;
- конфискация собственности, которая использовалась при совершении правонарушения или приобретена в результате незаконной деятельности;
- введение запретов на определенные виды деятельности предприятия, например, запрет на ведение дел с государственными органами;
- лишение финансовых привилегий и субсидий;
- запрет на рекламу товаров или услуг;
- отзыв лицензии;
- снятие управляющих с занимаемых должностей;
- назначение судебными органами временного управления;
- закрытие предприятия;
- ликвидация компании;
- взыскание компенсации и/или реституции в пользу потерпевшего;
- восстановление прежнего состояния;
- опубликование решения о наложении санкции или иных мер.

Перечисленные санкции и меры могут приниматься отдельно или в сочетании с другими санкциями и мерами, с отсрочкой применения таких санкций и мер или без нее, в качестве основных или вспомогательных предписаний.

При составлении приведенного списка санкций, как отмечено экспертным комитетом, он попытался обеспечить высокую сте-

пень гибкости, позволяющую государствам устанавливать те санкции, которые наилучшим образом подходят для избранной системы мер ответственности. Так, помимо традиционных уголовных санкций (штрафы и конфискация имущества) к предприятиям могут быть применены и другие санкции (меры), которые специально разработаны для применения к предприятиям. Они затрагивают либо имущество предприятий, либо его возможность заниматься определенными видами деятельности, либо предусматривают прекращение предприятием своего существования.

Иные меры, такие как компенсация потерпевшим, запрет или временная приостановка отдельных видов деятельности, аннулирование лицензий или закрытие предприятия, могут оказаться более эффективными, чем традиционные при условии, что при этом адекватно будут защищены права других лиц, например работников предприятия или кредиторов. Еще одной мерой является распоряжение о restituto in integrum (восстановление первоначального правового положения).

Экспертным комитетом обращается внимание на то, что две из рекомендованных мер — снятие управляющих с занимаемых ими должностей и назначение временного правления — направлены, скорее, против правления предприятия, ответственного за правонарушение, нежели против самого предприятия, от имени которого было совершено правонарушение. Такие распоряжения могут применяться в качестве альтернативы судебному преследованию предприятия, которое само может быть жертвой незаконной деятельности правления. Назначение временного правления позволит предприятию продолжить свою деятельность, таким образом обеспечивая защиту интересов служащих, акционеров и кредиторов.

Рекомендованные меры не рассматриваются как взаимно исключающие друг друга: они могут применяться по отдельности и в сочетании с другими мерами. Более того, они могут являться предметом основного или вспомогательного распоряжения. В тех случаях, когда, например, компетентные органы считают уместным применение мер, отличных от финансовой санкции, то они могут наложить эту меру в качестве альтернативы штрафу или в качестве дополнительной к штрафу санкции.

8. При выборе санкций или мер, которые следует применить в каждом отдельном случае, особенно если они являются финансовыми, следует учитывать экономическую выгоду, полученную предприятием от своей незаконной деятельности; эту выгоду следует рассчитать, а при невозможности точного расчета — оценить приблизительно.

Указанная информация необходима для определения санкций, в первую очередь, штрафов и других финансовых санкций: они должны устанавливаться не только с учетом серьезности правонарушения, но и размера полученной экономической выгоды. Для преодоления процедурных трудностей, по мнению экспертного комитета, размер такой прибыли в отдельных случаях может определяться посредством приблизительной оценки.

9. В случаях, когда это необходимо для остановки правонарушения или для предотвращения повторных правонарушений или для обеспечения выполнения наложенной санкции или назначенных мер, компетентные органы должны рассмотреть возможность применения промежуточных мер.

Согласно пояснениям экспертного комитета для предотвращения продолжения правонарушения или совершения новых правонарушений и для исключения возможности принятия предприятием мер, которые затруднят или сделают невозможным применение санкций или мер, компетентные органы должны рассмотреть возможность применения до вынесения основного решения о наложении санкций соответствующих промежуточных мер. Такой мерой, например, может служить судебное распоряжение, запрещающее предприятию распоряжаться той частью своего имущества, которая необходима для уплаты штрафа или компенсации ущерба потерпевшему.

10. Для того, чтобы компетентные органы могли принимать решения, основываясь на полном знании санкций или мер, примененных к предприятиям ранее, следует рассмотреть возможность включения таких сведений в уголовные реестры или учреждения

специального реестра для записи принимаемых санкций и мер.

Фиксирование уголовных правонарушений предназначено для предоставления правоохранительным органам информации о прошлом ответчика, дающей им возможность «индивидуального подхода» к определению наказания. Знание таких фактов из прошлого является одинаково важным и по отношению к определению санкций, налагаемых на предприятия, независимо от того, имеют ли такие санкции уголовный или не уголовный характер. Поэтому правительствам рекомендуется рассмотреть возможность включения такой информации в уголовные реестры или учреждения специальных реестров, в которые будет заноситься информация о таких санкциях и мерах.

Сравнивая Рекомендации № (88) 18 с законопроектом «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», зарегистрированным 23 марта 2015 года за № 750443-6, можно констатировать, что эти рекомендации (возможно, опосредованно, через принятые позднее с их учетом национальные законы и международные антикоррупционные конвенции) нашли в определенной части отражение в указанном законопроекте.

Список литературы

1. *Антонова Е.Ю.* Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2011. — 421 с.

2. *Бастрыкин А.И.* К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. Вып. 2. С. 3—13.

3. *Бастрыкин А.И.* Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 6—12.

4. *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб.: Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб., 1998. — 40 с.

5. *Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А.* Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М.: Статус. 2013. — 312 с.

6. *Жданов Ю.Н., Лаговская Е.С.* Европейское уголовное право. Перспективы развития. М.: Международные отношения, 2001. — 232 с.

7. Курс советского уголовного права: в 6 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. — 246 с.

8. *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 204 с.

9. *Панкратова О.В.* К вопросу о необходимости признания юридического лица субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 145[1] УК РФ // Российский следователь. 2012. № 4. С. 16—18.

10. *Панов А.Б.* Административная ответственность юридических лиц: монография. М.: Норма, 2013. — 192 с.

11. *Панова И.В.* Еще раз о тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 8. С. 1—30.

12. *Смольянинов Е.С.* О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Российский следователь. 2009. № 15. С. 19—21.

13. *Тимошин А.В., Носков Б.П.* К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 14—18.

14. Уголовный кодекс Голландии / научн. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. — 253 с.

15. *Федоров А.В.* Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конферен-

ции (Москва, 21 марта 2014 года): в 2 частях. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. Ч. I. С. 6—12.

16. *Федоров А.В.* Изучение зарубежного права в целях совершенствования российского законодательства: уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Испании и Швеции // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 3 (51). С. 90—102.

17. *Федоров А.В.* Испанское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. Вып. 2. С. 13—18.

18. *Федоров А.В.* Об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления по законодательству Китая // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2. С. 32—37.

19. *Федоров А.В.* Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китая // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. научно-практических трудов / Следственный комитет Российской Федерации; под ред. А.И. Бастрыкина, 2014. Вып. 6. С. 6—16.

20. *Федоров А.В.* О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого Николая Сергеевича Алексеева (Москва, 23 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 14—25.

21. *Федоров А.В.* О разработке методики расследования коррупционных преступлений юридических лиц // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 7—15.

УДК 343
ББК 67.7

БАГМЕТ Анатолий Михайлович,
и.о. ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: akskrf@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье раскрывается структура российских организованных преступных формирований. Анализируется деятельность Следственного комитета Российской Федерации по противодействию организованной преступной деятельности.*

Ключевые слова*: организованная преступная деятельность, организованные преступные формирования, Следственный комитет, противодействие.*

Annotation*. The article deals with the structure of Russian organized crime groups. Analyses the activities of the Investigative committee of the Russian Federation to counter organized criminal activity.*

Keywords*: organized crime, organized criminal groups, the Investigative committee, opposed.*

В России под организованной преступностью, как особой формой преступности, понимается системно-структурная совокупность организованных преступных формирований (далее — ОПФ), лиц, входящих в эти формирования, и деятельности этих субъектов в целях получения незаконных доходов и иных выгод.

В действующем российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за определенные формы сложного соучастия:

- организованная преступная группа — устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ);
- преступная организация — структурированная организованная группа, созданная для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ);
- преступное сообщество — объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ);
- их подвиды:

– террористическое сообщество — устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ (ст. 205^4 УК РФ);

– террористическая организация — организация, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической (ст. 205^5 УК РФ).

– банда — организованная устойчивая вооруженная группа, созданная для напа-

дения на граждан или организации (ст. 209 УК РФ)[1];

– экстремистское сообщество — организованная группа лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности (ст. 282[1] УК РФ);

– экстремистская организация — общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 282[2] УК РФ)[2].

При этом к обязательным признакам организованной преступности относятся[3]:

- устойчивость конкретного преступного формирования, которая проявляется в длительном характере его активности, неоднократном совершении похожих *преступлений*;
- распределение ролей между участниками организации, как по вертикали (выделение руководящего звена), так и по горизонтали (преступная специализация);
- *иерархическая* структура, включающая как минимум одно лицо, руководящее деятельностью организации;
- сосредоточение усилий на определенных видах преступной деятельности (чем крупнее организация, тем более широким является круг таких видов деятельности);
- наличие цели извлечения максимально возможных доходов от преступной деятельности в минимально короткие сроки;
- наличие системы социальной взаимопомощи для членов группы (например, общей кассы — «общака»);
- активное противодействие *правоохранительным органам*, осуществляемое в том числе с использованием *коррупционных* механизмов;
- жесткая внутренняя дисциплина, наличие определенного кодекса поведения, к нарушителям которого применяются карательные меры.

В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством основной объем расследования организованной преступной деятельности возлагается на следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее — Следственный комитет), который не подчиняется в процессуальном и организационном плане какому-то другому органу. Общее руководство деятельностью Комитета осуществляет Президент Российской Федерации. Причем Председателем Следственного комитета А.И. Бастрыкиным расследованию преступлений, совершаемых ОПФ, уделяется особое внимание.

Вновь созданный правоохранительный орган, подконтрольный только главе государства, смог переломить ситуацию в борьбе с организованной преступностью, переведя ее на более высокий уровень. Не секрет, что длительность и размах ОПФ обеспечивается коррумпированными связями с властями и их представителями — правоохранительными органами.

Более эффективному противодействию организованной преступной деятельности способствует и совершенствующаяся нормативная база. В частности, во исполнение постановления Всероссийского координационного совещания руководителей правоохранительных органов от 21.02.2011 № 1 «О неотложных мерах по противодействию преступности, усилению охраны общественного порядка, активизации профилактики противоправного поведения», при участии Следственного комитета подготовлен приказ, утверждающий Положение об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)[4]. Данное Положение разработано в целях повышения эффективности взаимодействия органов прокуратуры, органов внутренних дел, органов ФСБ, органов ФСКН, учрежде-

---

[1] См. подробно: *Багмет А.М., Бычков В.В.* Банда как организованная группа: теория и судебная практика // Уголовное право. 2007. № 4. С. 4—7.

[2] См. подробно*: Бычков В.В.* Противодействие организованной преступности: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2014.

[3] См. подробно: *Багмет А.М., Бычков В.В.* Элементы устойчивости как признак организованной преступной группы // Юридическая теория и практика. 2007. № 4-5(54-55). С. 46—49.

[4] Приказ Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ, СК, ФСКН, ФТС, ФСИН России от 14.05.2013 № 192/420/279/15/229/1071/293 «Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)».

ний и органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации и следственных органов Следственного комитета при выявлении, расследовании, раскрытии, пресечении и предупреждении преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями).

Причем предшествующий нормативный акт по противодействию организованной преступной деятельности, касающийся совместной борьбы правоохранительных органов, был принят 20 лет назад[5] и давно не соответствовал реалиям времени.

С момента своего создания Следственный комитет расследовал сложные и вызвавшие широкий общественный резонанс преступления.

В Краснодарском крае на протяжении многих лет, при невмешательстве полиции и прокуратуры, действовала банда Цапка, апогеем деятельности которой стало убийство 12 человек. И только умелое и принципиальное расследование сотрудниками Следственного комитета поставило точку в их преступной деятельности. Кроме привлечения к уголовной ответственности всех членов банды и их пособников, по инициативе Следственного комитета лишились своих постов должностные лица, отвечающие за состояние правопорядка в крае, начиная от директора департамента по работе с правоохранительными органами администрации края и начальника ГУВД и заканчивая должностными лицами районного звена, включая федерального судью Кущевского районного суда.

В городе Гусь-Хрустальном Владимирской области простые граждане оказались наедине с преступными группировками, которые, распоясавшись от безнаказанности, пользуясь покровительством местных органов власти и правоохранительных структур, длительное время совершали тяжкие и особо тяжкие преступления. Опять же только Следственному комитету удалось освободить местное население от бандитского присутствия. В Гусь-Хрустальном к уголовной ответственности привлечено 20 участников и лидеров местного преступного сообщества, а также два сотрудника полиции и два депутата органов местного самоуправления. Причем работа следователей в данном регионе продолжается.

Кроме того, следует упомянуть о других резонансных делах.

В г. Санкт-Петербург «по горячим следам» совместно с оперативными сотрудниками ГУВД раскрыто бандитское нападение на инкассаторов коммерческого банка «ЛОКОБАНК» и хищение 25 миллионов рублей; пресечена деятельность банды, совершавшей на протяжении 10 лет убийства, разбои и грабежи с использованием форменной одежды сотрудников милиции.

Помимо этого, в настоящее время фиксируется изменение качественной характеристики организованной преступности, готовой на открытые формы уголовно наказуемого воздействия на общество и государство.

В частности, в г. Екатеринбурге была создана организованная устойчивая вооруженная группа, члены которой, с целью рейдерского захвата, организовали массовые беспорядки на территории компании «Оборонснабсбыт»[6].

В Северо-Кавказском федеральном округе сохраняется сложная криминогенная обстановка, обусловленная непрекращающимися вылазками бандитского подполья. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе зарегистрированных в округе преступлений составляет 29%, что выше среднероссийского показателя (26%). Кроме того, растет количество преступлений террористического характера.

В Следственном комитете, с учетом криминогенной обстановки в данном регионе, разработан комплекс мер, направленный на повышение эффективности межведомственного взаимодействия в Северо-Кавказском регионе. В Главном следственном управлении Следственного комитета по Северо-Кав-

[5] Положение о совместных следственно-оперативных группах (бригадах) органов прокуратуры, внутренних дел, безопасности и налоговой полиции для пресечения и расследования деятельности организованных преступных групп, утвержденное приказом Генпрокуратуры, МВД, ФСБ, ДНП России от 22.05.1995 № 32/199/73/278.

[6] См. подробно: *Багмет А.М.* Массовые беспорядки как способ достижения результата организованными преступными формированиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №. 10. С. 36—38.

казскому федеральному округу образована постоянно действующая оперативная группа. В ее состав включены представители Следственного комитета, ФСБ, Национального антитеррористического комитета и МВД России.

Для повышения эффективности расследования преступлений, связанных с похищениями и безвестным исчезновением граждан, а также для слаженной работы с правозащитными организациями и представителями Европейского Суда по правам человека образована постоянно действующая следственно-криминалистическая группа Следственного комитета.

Мобильные следственные группы действуют и в ряде республик Северного Кавказа.

Все эти меры позволили Следственному комитету сконцентрировать совместные усилия на раскрытии и расследовании террористических актов и других особо тяжких преступлений.

В результате целенаправленных мероприятий были раскрыты теракты в городах Ставрополе, Пятигорске, Владикавказе.

На территории Республики Дагестан в короткие сроки раскрыты убийства заместителя начальника штаба Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск МВД России, заместителя прокурора города Махачкалы, Министра внутренних дел Республики Дагестан и начальника тылового подразделения МВД этой Республики, а также целый ряд других таких преступлений.

Не остаются без внимания и совершенные в регионе иные особо опасные преступления. К примеру, раскрыто жестокое убийство 8 человек в г. Ставрополе.

Следует отметить, что именно Председателем Следственного комитета А.И. Бастрыкиным, реально, а не для отписки, инициирована работа по раскрытию преступлений прошлых лет. При этом в Главном управлении криминалистики стал осуществляться мониторинг деятельности созданных для этого специальных аналитических групп. Благодаря новейшим методикам следствия и налаженному взаимодействию с оперативными службами сотрудниками Следственного комитета за несколько лет с момента создания были раскрыты сложные по доказыванию тяжкие и особо тяжкие преступления прошлых лет. В их числе тысячи убийств, сотни изнасилований и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. При этом со дня совершения некоторых из них прошло более десяти лет!

В Следственном комитете сформированы специальные подразделения, к основной деятельности которых отнесено расследование преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, что также, несомненно, будет способствовать более успешному противодействию организованной преступности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что решение Президента Российской Федерации о создании специализированного следственного органа, подотчетного только главе государства, полностью оправдывает себя, так как лишь независимый от других организаций орган способен более качественно решать проблемы в борьбе с преступностью в целом и с организованной преступной деятельностью в частности.

Список литературы

1. *Багмет А.М., Бычков В.В.* Банда как организованная группа: теория и судебная практика // Уголовное право. 2007. № 4. С. 4—7.

2. *Багмет А.М., Бычков В.В.* Элементы устойчивости как признак организованной преступной группы // Юридическая теория и практика. 2007. № 4—5 (54—55). С. 46—49.

3. *Багмет А.М.* Массовые беспорядки как способ достижения результата организованными преступными формированиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №. 10. С. 36—38.

4. *Бычков В.В.* Противодействие организованной преступности: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2014.

УДК: 340
ББК: 67.0

ВОЛЧАНСКАЯ Алена Николаевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: alyena.87@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

СУНЦОВА Елена Анатольевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: suntsovanelly@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ИНТЕГРАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ПРАКТИКИ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Основы современной государственной политики в сфере развития правовой грамотности граждан вообще и научной ориентации юристов в частности подталкивает всю отечественную науку на исследование вопроса о необходимости интеграции образования, науки и практики.*

Ключевые слова*: образование, наука, практика, вуз.*

Annotation. *Foundations of the modern state policy in the sphere of legal literacy of citizens in general and scientific orientation of lawyers in particular encourages all national science to study on the need for the integration of education, science and practice.*

Keywords*: education, science, practice, university.*

Образованию как элементу государственной и национальной культуры всегда придавалось немаловажное значение, по крайне мере в высокоразвитых стабильных государствах, а утилитарные воззрения прогрессивных научных деятелей так или иначе всегда влияли и на морально-этическую атмосферу всего общества в целом и на образовательный процесс в частности. Именно поэтому индивидуальное воспитание и обучение становится важным как для общества, так и для государства. Государство начинает проявлять все большую заботу о том, как и каким образом формируется багаж знаний нового поколения.

Исторически образование в русском государстве приравнивалось к искусству, в рамках которого обучающийся должен был знать различные науки. Однако традиционное образование, которое окончательно сформировалось к XVII веку, к сожалению, разделило науку и образование. Во многих учебниках, в том числе и современных, зачастую проводится окончательная дифференциация между учебной дисциплиной и наукой. В некоторых учебниках четко указывается, что предмет учебной дисциплины отличается от предмета науки, давая понять обучающимся, что в рамках высшего образования доста-

точно ограничиться только изучением предмета учебной дисциплины[1].

Примечательно, что юридического образования в России подобная тенденция коснулась в меньшей степени. Такой подход был связан с именем С.Е. Десницкого, одного из первых докторов права, который написал ряд фундаментальных работ, посвященных методологии преподавания юридических наук. Среди них можно выделить труд «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», изданный в 1768 г.[2]

В начале XIX в. в России начинают появляться первые образовательные учреждения для подготовки квалифицированных юристов. Так, возникли Дерптский (1802 г.), Казанский и Харьковский (1804 г.), а несколько позже Петербургский (1819 г.) университеты. В результате в России была создана более или менее единая правовая система, а юридическое образование являлось не только престижным, но и нравственно значимым. Например, в Уставе Московского университета образца 1804 г. можно найти указания на то, что студент-юрист обязан изучать не просто предметы, а общетеоретические нравственные, политические и правовые науки. Об этом свидетельствуют и яркие состязательные судебные процессы, проходившие в то время.

Например, В.В. Вересаев в своем сочинении описывает судебные процессы с участием Ф.Н. Плевако: «...судили священника, совершившего тяжкое преступление, в котором он полностью изобличался и не отрицал вины. После громовой речи прокурора выступил Ф.Н. Плевако. Он медленно поднялся, бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз... «Господа, присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав! Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который ТРИДЦАТЬ ЛЕТ отпускал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?» И сел.». Или другое судебное разбирательство: «старушка украла жестяной чайник, стоимостью дешевле 50 копеек. Прокурор решил заранее парализовать влияние защитительной речи Плевако и сам высказал все, что можно было сказать в защиту старушки: бедная старушка, горькая нужда, кража незначительная, подсудимая вызывает не негодование, а только жалость. Но собственность священна. Все наше гражданское благоустройство держится на собственности, если мы позволим людям потрясать ее, то страна погибнет. В ответ Плевако заявил: «Много бед, много испытаний пришлось перенести России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары и поляки. Двунадесять языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник, стоимостью в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно»[3].

Тем не менее в XIX в. теоретическое юридическое образование было несколько оторвано от законотворческой и практической деятельности. Так, например, в 1828 г. М.М. Сперанский подал Николаю I доклад о целесообразности реорганизации юридической подготовки посредством формирования специализированных школ при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, что должно было содействовать завершению работ по созданию Свода законов Российской Империи.

Безусловно, данная проблема актуальна и по сей день. Само образование остается теоретико-познавательным, а правоприменительная практика порой носит вторичный характер. Вследствие этого возникает потребность в совершенствовании юридического образования путем гармоничного сочетания научных изысканий, теоретических знаний, практической деятельности.

Так, в своем выступлении Президент Российской Федерации В.В. Путин на X Съезде Российского Союза ректоров указал: «Не каждый вуз готов работать по-современному, учить так, чтобы у выпускника оставался не только диплом, но знания и профессиональ-

[1] См., напр.: *Мелехин А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Маркет ДС, 2007.

[2] *Малько А.В., Афанасьев С.Ф.* Интеграция юридического образования и науки как основное направление российской образовательной политики // Право и образование. 2005. № 3. С. 61—70.

[3] *Вересаев В.В.* Соч. Т. IV. М. 1948. С. 446, 447.

ные навыки». Тем самым Президент подчеркнул, что сегодня на первый план выходит максимальное сближение образования с производством, практикой, реальной жизнью.

Именно с этой целью была создана Академия Следственного комитета Российской Федерации (далее – Академия СК России)[4]. Знаковой чертой юридического образования в Академии СК России является необходимость овладения будущими следователями как теоретических дисциплин, изучаемых юристами, так и приобретение практических навыков в расследовании преступлений – столь необходимых юристам-следователям[5].

Сегодня современная практика предъявляет повышенные требования к качеству и обоснованности научных знаний и разработок. Поэтому позиция профессорско-преподавательского состава Академии Следственного комитета Российской Федерации такова: что нет непреложных истин. Ученый обязан воспитывать учеников[6]. Но ученики его не должны быть простым повторением учителя, мыслить лишь его категориями. В ходе образовательного процесса у обучающихся на основе получаемой всесторонней информации формируются всесторонние обширные юридические научные знания, которые они в состоянии использовать в практических целях.

В связи с этим мы можем говорить о необходимости неразрывной связи науки и практики. По этому поводу профессор Н.И. Матузов писал: «Наука тысячами нитей связана с учебным процессом, питает его, служит основой организации и совершенствования, вырабатывает оптимальные формы и методы обучения, принципы овладения той или иной специальностью. Она дает знания, а знания — первооснова убеждения; если нет знаний — нечего превращать в убеждения. Уже в этом заключается глубокая связь науки и обучения. Знания же и убеждения переходят затем в четкую социальную позицию, в поведение»[7].

Сегодня государственная политика в сфере образования придает ему плановость, систематичность, оно базируется на широком личностном взаимодействии преподавателя и студента. Вместе с тем современное обучение во многом не учитывает индивидуальных способностей лица к обучению. Оно основывается на гиперконтроле преподавателя за студентом, что, в свою очередь, часто приводит к слабой заинтересованности обучающегося к науке и безынициативности, а учебный процесс требует усредненного преподавания со стороны педагога, не рассчитанного на неординарно мыслящегося студента.

Традиционная схема обучения взаимодействия образования, науки и практики по юридическим дисциплинам в современных условиях требует кардинальных изменений.

Во-первых, следует преподавать учебные дисциплины с научной точки зрения, так как сугубо механический подход к процедуре передачи знаний для современного дифференцированного юридического образования губителен. Надо четко осознавать, что конкурентоспособность отечественного юридического образования зависит как от восприятия лучших зарубежных научных концепций, так и сохранения и приумножения собственных. Известно, что в 2014 году один из передовых вузов России вошел в топ-200 лучших вузов мира по версии британского издания Times Higher Education и информационной группы Thomson Reuters, заняв 196 строчку[8] (ранее и эта позиция была недосягаема). Следует подчеркнуть, что в современных геополитических условиях это безусловное достижение!

Во-вторых, обучающийся должен четко понимать, как он может применить полученные знания на практике[9]. Для этого и необ-

---

[4] Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» было создано распоряжением Правительства РФ от 27 января 2014 года № 77-р.

[5] См.: *Бастрыкин А.И.* Современные дидактические подходы в преподавании цикла теоретико-исторических дисциплин будущим следователям // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практич. тр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. Вып. 5. С. 4.

[6] Еще А.И. Деникин в книге «Путь русского офицера» сетовал на то, что: «...ни училищная программа, ни преподаватели, ни начальство не задавалось целью расширить кругозор воспитанников, ответить на их духовные запросы».

[7] *Матузов Н.И.* О связи науки и учебного процесса // Идейно-воспитательная работа и учебный процесс: научно-методический сборник. Саратов, 1979.

[8] http://www.rg.ru.

[9] См. подробнее: *Сунцова Е.А.* Практика студентов в условиях новых требований современного общества. Образование и общество в условиях глобализации: V Международная научная конференция. М.: МИЭМП, 2009.

ходимо дифференцированное точечное юридическое образование. Выходя из стен высшего учебного заведения, обучающийся должен быть высококвалифицированным специалистом в своей сфере. Так, перед Академией Следственного комитета Российской Федерации стоит первоочередная задача воспитать профессиональных следователей и следователей-криминалистов, которые бы не просто имели общие юридические знания, в том числе знали тактику и методику проведения тех или иных следственных и других действий, но и умели бы применять их на практике. В своей статье проректор Академии СК России Ю.П. Боруленков пишет: «Мышление современных следователей должно обладать свойствами прогностического характера[10]», позволяющими предвидеть все возможные действия, которые необходимо провести. Чтобы иметь такое мышление, преподаватель и должен научить будущего юриста-следователя мыслить не стандартно, обладать плюрализмом знаний и гибким мышлением.

Необходимо отметить, что проблема интеграции науки и образования перестала интересовать только лишь тот узкий круг людей, которые занимаются ею в силу профессиональных обязанностей или интересов. Ей придано общественное значение, а государство предпринимает попытки определить стратегические направления в сфере политики, связанной с интеграцией науки и образования. Об этом, в частности, свидетельствует постановление Правительства РФ от 05.09.2001 № 660 «О федеральной целевой программе интеграции науки и высшего образования России на 2002—2006 годы»[11].

Понимая всю важность и необходимость сближения науки, образования и практики сегодня, можно заявить о необходимости создания аспирантуры (докторантуры), чтобы сотрудник следственных органов мог заниматься наукой без отрыва от практической деятельности, дабы иметь непосредственную возможность влиять на процесс интеграции данных явлений.

Подводя итоги, целесообразно еще раз подчеркнуть, что высшее учебное заведение — это не только то место, где преподают дисциплины, указанные в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, но и средоточие научного потенциала, который призван интегрировать науку и практику.

Список литературы

1. *Бастрыкин А.И.* Современные дидактические подходы в преподавании цикла теоретико-исторических дисциплин будущим следователям // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практич. тр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. Вып. 5.
2. *Боруленков Ю.П.* Расследование как искусство // Российский следователь. 2014. № 14.
3. *Бровман Г.А.* В. Вересаев: Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1959.
4. *Вересаев В.В.* Соч. М., 1948. Т. IV.
5. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Вече, 2012.
6. *Карпец И.И.* Дело, которому мы служим (размышления юриста). М.: Юрид. лит., 1989.
7. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф.* Интеграция юридического образования и науки как основное направление российской образовательной политики // Право и образование. 2005. № 3.
8. *Матузов Н.И.* О связи науки и учебного процесса // Идейно-воспитательная работа и учебный процесс: научно-методический сборник. Саратов, 1979.
9. *Сунцова Е.А.* Практика студентов в условиях новых требований современного общества. Образование и общество в условиях глобализации: V Международная научная конференция. М.: МИЭМП, 2009.

[10] См. подробнее: *Боруленков Ю.П.* Расследование как искусство // Российский следователь. 2014. № 14. С. 10—13.

[11] *Малько А.В., Афанасьев С.Ф.* Указ. соч. С. 61—70.

УДК 342.53
ББК 67.400.5

БЫЧКОВА Екатерина Игоревна,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: katya_kr_08@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье проводится анализ форм законодательного обеспечения участия граждан в муниципальном правотворческом процессе, предлагается ряд изменений в действующем федеральном законодательстве.*

Ключевые слова: *правотворчество, инициатива, Устав, референдум.*

Annotation. *In the present article analyzes forms of legislative registration and participation of citizens in the municipal formation process, a number of changes to existing federal legislation.*

Keywords: *legislating, initiative, Charter, referendum.*

В свете реформирования муниципального уровня власти не прекращают иметь актуальность вопросы правового регулирования участия населения в решении местных вопросов посредством реализации форм народовластия.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] (далее — ФЗ № 131) предусматривает достаточно широкий перечень форм демократического участия населения в решении вопросов местного значения, однако в их числе, к сожалению, имеются до настоящего времени невостребованные обществом институты местного народовластия, среди которых и правотворческая инициатива граждан. До настоящего времени остается не решенным вопрос о полноценном участии населения в муниципальном правотворческом процессе.

Несомненно, правотворчество — это важнейшая деятельность государства, его регионов и муниципальных образований. Она представляет собой специфическую интеллектуальную деятельность, требующую особых познаний и связанную с созданием или изменением правовых норм. По итогам реализации правотворчества, воплощенного в законах, можно судить о демократичности государства, его цивилизованности.

Потребность наличия в обществе правовых регуляторов в форме общеобязательных предписаний — законах и нормативных правовых актах очевидна. При этом с качеством правотворческого акта непосредственно связан и уровень организации социума, его культуры и правосознания.

Суть правотворчества заключается в том, что законодатель на всех стадиях правотворческого процесса избирает наиболее оптимальный способ правовой регламентации, который бы отвечал интересам и целям общества и государства.

Повышение качества правовых решений, снижение до минимума числа неэффективных нормативных правовых актов — постоянная задача законодателя. Основным импульсом к созданию закона или иного нормативного правового акта служит общественно значимая проблема, острая социальная ситуация, нерешенный вопрос, имеющий значение для большого числа людей и государ-

[1] СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

ства в целом. Искусство законодателя в том и состоит, чтобы, во-первых, вовремя, а, во-вторых, точно, адекватными правовыми средствами отреагировать на общественный «вызов», «снять» остроту ситуации[2].

Муниципальное правотворчество имеет свою специфику, что исходит из природы самого местного самоуправления.

Качество муниципального правотворчества напрямую зависит от понимания субъектом правотворческого процесса целеполагания в каждом случае принятия муниципального правового акта и, кроме того, от четкого формулирования функций муниципального правотворчества, то есть его назначения.

Функции муниципального правотворчества отличаются устойчивостью, поскольку в них проявляется постоянное, целенаправленное воздействие населения, органов местного самоуправления на муниципальные правоотношения, направленное на создание условий эффективного решения вопросов местного значения. В совокупности функции местного правотворчества отражают возможности и эффективность всей системы местного самоуправления.

Функции муниципального правотворчества можно определить как обусловленные природой местного самоуправления основные направления деятельности субъектов права по созданию, изменению либо отмене муниципальных правовых актов.

Вся правотворческая деятельность конкретного муниципального образования направлена на формирование благоприятного правового поля для решения населением непосредственного или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, упорядочение и организацию общественных отношений. При этом население наделено законодательно правом на участие в муниципальном правотворческом процессе и является его полноправным субъектом.

Так, можно выделить одну из центральных функций муниципального правотворчества – обеспечение участия населения в решении местных вопросов.

Кроме названной функции, муниципальное правотворчество в целом обладает такими функциями, как регулирование общественных отношений, их упорядочение и организация, ликвидация пробелов в правовом регулировании, толкование нормы права; актуализация правового материала и др.

Как известно, правотворческая инициатива граждан является формой участия населения в осуществлении местного самоуправления и структурно представлена в системе форм местного народовластия[3].

Формы участия населения муниципального образования в правотворческом процессе по-разному представлены в уставах муниципальных образований.

Так, согласно ст. 48 Устава города Оренбурга проекты муниципальных правовых актов города Оренбурга могут вноситься депутатами Оренбургского городского Совета, органами Оренбургского городского Совета, Главой города Оренбурга, главой администрации города Оренбурга, органами территориального общественного самоуправления, инициативными группами граждан, а также должностными лицами администрации города Оренбурга, Счетной палаты города Оренбурга, избирательной комиссии муниципального образования «город Оренбург», установленными соответствующим муниципальным правовым актом[4]. Подобная формулировка содержится и в ст. 60 Устава муниципального образования городской округ город Тюмень[5] и Уставе муниципального образования «город Екатеринбург»[6] и других городов (Новосибирск, Смоленск).

По истине демократичный характер Уставу города Екатеринбург придает содержание ст. 48 Устава, которая устанавливает, что «По вопросам местного значения населени-

[2] Теория государства и права: учебник / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М, 1997.

[3] См.: ст. 26 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 23.06.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[4] Устав города Оренбурга (принят постановлением Оренбургского городского Совета от 27.04.2006 № 44) (в ред. от 28.04.2014) // Вестник Оренбургского городского Совета. 2006. № 2. Ч. 1.

[5] Устав муниципального образования городской округ город Тюмень (Устав города Тюмени) (принят решением Тюменской городской Думы от 16.03.2005 № 162) // Тюменский курьер. Спецвыпуск. 2007. № 112.

[6] Устав муниципального образования «город Екатеринбург» (в ред. от 15.10.2004) (принят Екатеринбургской городской Думой 16.10.1995) // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 2004. № 80.

ем муниципального образования непосредственно и органами, и должностными лицами местного самоуправления принимаются муниципальные правовые акты».

Устав города Челябинска в ст. 44 закрепляет, что проекты муниципальных правовых актов «могут также вноситься органами территориального общественного самоуправления, инициативными группами граждан в порядке правотворческой инициативы граждан»[7]. Идентичное юридическое закрепление формы участия граждан в правотворческом процессе на стадии правотворческой инициативы в составе инициативной группы имеется в Уставе города Вологды, где в ст. 26 сказано, что граждане в порядке правотворческой инициативы могут выступать субъектами внесения проекта муниципального правового акта о внесении изменений и (или) дополнений в Устав в Вологодскую городскую Думу[8], а также в Уставе муниципального образования — городской округ город Рязань Рязанской области, где говорится, что проекты муниципальных правовых актов могут вноситься инициативной группой граждан (в порядке реализации правотворческой инициативы)[9].

Таким образом, формы участия населения муниципального образования в муниципальном правотворчестве можно разделить на две основные:

1) участие посредством реализации правотворческой инициативы как формы народовластия (в порядке ст. 26 ФЗ № 131);

2) участие в качестве субъекта права правотворческой инициативы и в целом муниципального правотворческого процесса (в порядке, определенном Уставом муниципального образования).

Само собой, что участие граждан в муниципальном правотворческом процессе не ограничивается лишь правотворческой инициативой. Существует еще ряд форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления, по результатам реализации которых представительным органом муниципального образования может приниматься правовой акт.

В первую очередь — это местный референдум, где принятое гражданами решение является обязательным, не нуждается в дополнительном утверждении и действует на территории муниципального образования после официального опубликования.

Далее, территориальное общественное самоуправление, которое вправе вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами местного самоуправления, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов, публичные слушания, заключающиеся в обсуждении проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Кроме того, правотворческое значение могут иметь и собрания, конференции граждан и их коллективные обращения.

В рамках обозначенной темы статьи нельзя не обратить внимание, что согласно ст. 43 ФЗ № 131 актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов являются устав муниципального образования и оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме (сходе граждан). При этом ст. 44 ФЗ № 131 закрепляет, что принятие устава отнесено к ведению представительного органа (и только в поселениях с числом граждан, обладающих избирательным правом менее 100 человек, — к ведению схода граждан).

Справедливо считается, что Устав муниципального образования обладает учредительной функцией (хотя и в гораздо меньшей степени, чем Конституция Российской Федерации), поскольку именно Устав придает юридический характер муниципальным правовым отношениям, является основой для дальнейшего муниципального правотворчества, закрепляет структуру и систему органов местного самоуправления, их права и обязанности, пределы ведения муниципального образования. Устав муниципального образования — это своего рода важнейший организу-

---

[7] Устав города Челябинска (в ред. от 28.01.2014) // Вечерний Челябинск. 2014. 5 февр.

[8] Устав города Вологды (в ред. от 29.12.2004) // Вологодские новости. 1996. 8 авг.

[9] Устав муниципального образования — городской округ город Рязань Рязанской области (принят Решением Рязанского городского Совета от 30.06.2006 № 470-III) (в ред. от 22.05.2014) // Рязанские ведомости. 2006. 2 сент.

ющий нормативный акт, на котором базируются все общественные отношения в пределах муниципального образования.

Представляется, что учитывая особое значение Устава муниципального образования для населения, а также, что Устав муниципального образования можно считать своего рода «маленькой Конституцией», обладающей вторичной учредительной властью, то и приниматься он должен гражданами на местном референдуме.

Анализируя действующее законодательство, в частности Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[10] (далее — ФЗ № 67) становится ясно, что на местный референдум могут быть вынесены только вопросы местного значения (ст. 12 ФЗ № 67).

Согласно ФЗ № 131 вопросы местного значения — вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и указанным Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Из содержания данного Закона следует также, что принятие Устава муниципального образования не входит в сферу вопросов местного значения.

В п. 8 ст. 12 ФЗ № 67 перечисляется, как думается, исчерпывающий перечень вопросов, которые не могут быть вынесены на местный референдум и среди них отсутствует прямой запрет принятия на референдуме Устава муниципального образования, что вполне позволяет внести соответствующие изменения в федеральное законодательство.

Было бы целесообразно позволить населению самостоятельно принимать Устав своего муниципального образования на референдуме — высшего и непосредственного способа выражения волеизъявления, что сделало бы муниципальный правотворческий процесс демократичнее. Кроме того, наделение населения муниципального образования правом принимать свой Устав повысит их правовую заинтересованность в участии при решении вопросов местного значения, создании правовой базы для их решения, правовую культуру и воспитание.

Список литературы

1. Теория государства и права: учебник / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М, 1997.

2. Устав города Оренбурга (принят постановлением Оренбургского городского Совета от 27.04.2006 № 44) (в ред. от 28.04.2014) // Вестник Оренбургского городского Совета. 2006. № 2. Ч. 1.

3. Устав муниципального образования городской округ город Тюмень (Устав города Тюмени) (принят решением Тюменской городской Думы от 16.03.2005 № 162) // Тюменский курьер. Спецвыпуск. 2007. № 112. 8 авг.

4. Устав муниципального образования «город Екатеринбург» (в ред. от 15.10.2004) (принят Екатеринбургской городской Думой 16.10.1995) // Вестник Екатеринбургской городской Думы. 2004. № 80. 25 окт.

5. Устав города Челябинска (в ред. от 28.01.2014) // Вечерний Челябинск. 2014. 5 февр.

6. Устав города Вологды (в ред. от 29.12.2004) // Вологодские новости. 1996. № 32. 8 авг.

6. Устав муниципального образования — городской округ город Рязань Рязанской области (принят Решением Рязанского городского Совета от 30.06.2006 № 470-III) (в ред. от 22.05.2014) // Рязанские ведомости. 2006. № 221-222. 2 сент.

7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

8. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[10] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

УДК 342.4
ББК 67.400

ЧЕРВОНЮК Владимир Иванович,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: v. chervonyuk@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ (КОНСТИТУЦИОННЫХ) ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Представлен анализ теоретической конструкции механизма реализации прав и свобод, обоснованы его типовые модели, структура и технологические циклы (стадии).*

Ключевые слова*: механизм действия права; социально-правовая среда реализации конституционных прав и свобод, конституционно-правовые средства и механизмы реализации основных прав, механизм непосредственной реализации права, правовой режим (порядок) реализации прав и свобод (уведомительный, заявительный, разрешительный), стадии реализации прав и свобод, формальное и фактическое правопользование.*

Annotation. *Presented the analysis of theoretical construct of mechanism for the implementation of rights and freedoms, justified its typical models, structure and technological cycles and stages.*

Keywords: *the mechanism of action of law, social and legal environment of the implementation of constitutional rights and freedoms, constitutional and legal tools and mechanisms for the implementation of fundamental rights, the mechanism of direct realization of law, legal mode (method) of implementation of rights and freedoms (notification, declaratory, permissive), stages of implementation of rights and freedoms, formal and actual userrights.*

Закрепленные в Конституции права и свободы оправдывают свое социальное назначение при условии, что они претворяются в жизнь, осуществляются в деятельности индивидов, коллективов людей, способствуя тем самым достижению с помощью конституционно-правовых механизмов жизненных целей и устремлений[1]. Перевод конституционно-правового смысла и содержания, заложенного в правах и свободах в фактическое правомерное действие (фактический результат) охватывается понятием реализации конституционного права (свободы)[2]. В широком смысле реализация права является его сущностной характеристикой. В более узком значении — это такая характеристика права (свободы), которая свидетельствует о полном им (правом) обладании, пользовании и распоряжении носителем этого права. Реализация права характеризует его со стороны освоения субъектом[3]. Особенность реализации конституционных прав и свобод заключается в том, что субъект постоянно должен пользоваться правами и свободами, тем самым присваивая (используя в конституционно предусмотренных целях) неотъемлемые от него блага.

---

[1] См.: *Иванец Г.И., Калинский И.В., Червонюк В.И.* Энциклопедия конституционного права России. М.: Юрид. лит., 2003. С. 301.

[2] Термин «реализация» происходит от средневекового латинского – *realis* – вещественный, действительный и означает осуществление какого-либо плана, идеи (см.: Большой энциклопедический словарь. М., 2002. С. 1001).

[3] *Червонюк В.И.* Конституционное право России. М.: ИНФРА-М, 2003.

Понятно, что юридическое признание права, пусть даже в Конституции, это лишь одна из ступеней движения конституционного права к достижению его носителем фактических целей, вытекающих из нормативного содержания данного права. В силу самых разных обстоятельств как зависящих от правообладателя, так и не связанных с его волей и личностными возможностями, от закрепления права в Основном законе до фактического воплощения в реальном поведении — дистанция огромных размеров. На теоретическом уровне важно осмыслить этот путь, проектируя таким образом возможные сложности и препятствия на этом пути, и на этой основе предложить практике наиболее оптимальные способы их преодоления, обоснование позитивных стимулов конституционного поведения. Этой цели научного поиска отвечает конструкция «*механизм реализации конституционных прав и свобод*».

Понятие механизма реализации основных прав и свобод и его основные модели (типы). Механизм реализации конституционного права — это часть механизма действия права, а значит, ему присущи общие закономерности действия права. Вместе с тем реализация конституционных прав сохраняет значительную специфику, предопределенную природой основных прав и свобод.

Теоретическое и прикладное значение понятия механизма реализации конституционного права заключается в том, что он позволяет целостно представить весь процесс реализации, собрав воедино комплекс разнородных по своему характеру, направленности, силе воздействия и другим параметрам компонентов, с которыми, собственно говоря, связана реализация конституционного права. Это понятие охватывает все возможные аспекты реализации права, включая собственно специально-юридические, социально-юридические и метаюридического характера[4]; позволяет раскрыть структуру, взаимосвязь и взаимодействие элементов данного механизма, выявить роль социальной среды и психологических качеств личности при непосредственной реализации прав и свобод.

Основываясь на разработанной в общей юриспруденции методологии исследования механизма действия права, к составляющим механизма реализации конституционных прав и свобод следует отнести следующее.

Во-первых, специально-юридический блок (компонент)[5], который прежде всего представляют предусмотренные нормами конституционного права *правовые средства* — те специально-юридические инструменты (субстанциональные элементы права — те частицы права, которые предназначены исключительно для обслуживания юридически значимого поведения и деятельности людей)[6], при помощи которых управомоченные и правообязанные лица реализуют принадлежащие им конституционные права и обязанности (буквально осуществляют перевод содержащихся в нормах права прав и обязанностей в фактическое правомерное поведение).

В зависимости от функционального предназначения или выполняемой роли правовые средства подразделяются на *регулятивные* и *охранительные* (а последние в свою очередь на: а) средства, сдерживающие деструктивную (неправовую) активность; б) средства принудительного стимулирования конструктивной активности обязанных лиц); применительно к сфере применения — *частно-правовые и публично-правовые;* по субъектив-

[4] В этом смысле о социально-юридическом механизме если и возможно вести речь (см. *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения реализации прав человека и гражданина: теорет.-правовое исслед: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1996), то исключительно как составляющей общего механизма реализации прав и свобод. Предложенная автором модель такого механизма, следовательно, не может рассматриваться в качестве универсальной.

[5] При рассмотрении механизма реализации прав и свобод почти общим местом является рецепция выводов, сделанных при исследовании механизма правового регулирования. Соответственно вне зависимости от предметной сферы исследования различные авторы при определении составляющих механизма реализации права однозначно указывают на такие элементы, как нормы права и юридические факты. Само по себе это утверждение не дает прироста знания, не способствует уяснению действительной природы данного феномена.

[6] См.: *Гойман (Червонюк) В.И.* Формирование правовой активности личности: монография. М.: Высш. школа, 1998; *Он же.* Действие права: методологический анализ. М., 1992; Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2006; *Червонюк В.И.* Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск шестой. Элементарные частицы («вещество») права. Юридические средства и юридические механизмы в структурной организации права (в двух частях). Часть вторая: Юридический инструментарий действия права: правовые средства // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9.

ному восприятию (особенностям воздействия на сознание, волю и мотивы) субъектом — *стимулирующие* и *ограничивающие* его активность. Практически значима дифференциация правовых средств на *материально-правовые* и *процессуально-правовые*; *нормативные* и *ненормативные,* т.е. зафиксированные в законе и определяемые взаимными соглашениями участников правоотношений (договором) либо индивидуально-правовым актом, а в отдельных случаях и односторонними действиями лиц; выделение средств, используемых в правотворческой деятельности и в процессе осуществления права.

По значению правовые средства могут подразделяться на *основные,* применяемые для осуществления своих прав или их защиты, и *вспомогательные,* т.е. обслуживающие процессы осуществления субъектами их прав и обязанностей. Универсальность понятия «правовые средства» заключается также в том, что оно применимо не только для характеристики субъективных прав, но и для обязанностей; правовые средства в равной мере используются как для характеристики реализации права (*средства реализации),* так и для его защиты (*средства охраны, защиты*)[7]. Законодательство насыщено средствами, применение которых способно блокировать распространение злоупотребления правами.

Более сложным (сложносоставным) специально-юридическим образованием, организующим конституционное поведение субъектов конституционного права, являются *юридические (конституционно-правовые) механизмы*, представляющие собой своего рода комплексное правовое средство; это определенный набор правовых средств, соединенных с юридическими формами и способами осуществления предоставленных субъекту прав и обязанностей. Чаще всего с помощью юридических механизмов претворяются в жизнь (в реальное поведение) права и обязанности, содержащиеся в компетенционных нормах. Соответственно юридические (конституционно-правовые) механизмы предназначены главным образом для обеспечения реализации гражданами конституционных прав, свобод и обязанностей. Соответственно такими механизмами являются нормотворчество, правоприменительная, контрольно-надзорная, правоинтерпретационная деятельность, конституционный и судебный контроль, прокурорский надзор, правозащитная деятельность уполномоченного по правам человека и др.

С точки зрения специально-юридической природы и конституционного смысла рассмотренные правовые средства и механизмы призваны оказывать исключительно позитивно стимулирующее воздействие на процессы правопользования; в то же время отдельные из них, в особенности нормотворчество, правоприменение, контрольно-надзорная деятельность при определенных условиях способны оказывать деструктивное влияние.

Правовые средства и механизмы правозащитного свойства с точки зрения их назначения в механизме правопользования предстают как юридические гарантии прав и свобод личности. Эта их функция настолько значима для всего процесса реализации прав и свобод, что правомерно их обособление в данном механизме в качестве своего рода гарантийного блока правореализации.

Во-вторых, субстанциональный компонент механизма реализации конституционных прав и свобод представлен собственно *личностью* как носителем конституционного права (свободы), обязанности, наделенной конституционной правосубъектностью, общим правовым статусом и способной в силу этого своими действиями порождать наступление конституционно-правовых последствий — возникновение, изменение или прекращение конституционных правоотношений. Активное участие личности в механизме правопользования обеспечивается имманентно присущими ей свойствами (информативными, ценностно-ориентационными, поведенческими), которые в своем единстве и в соединении с правовыми средствами обусловливают правовую активность личности, ее конституционно-правовое поведение[8].

---

[7] См.: *Калинский И.В.* Конституция и гражданско-правовые средства защиты прав личности // 10 лет Конституции РФ: итоги и перспективы: научно-практич. конф. 28 ноября 2003 г. С. 78—81; *Червонюк В.И., Калинский И.В.* Правовые средства защиты жертв преступлений в уголовном процессе (анализ законодательных новелл и правоприменительной практики в аспекте международных и европейских стандартов) // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы Всероссийской межвуз. конф. (19—20 февраля 2004 г.). М., 2004. С. 236—239.

[8] См.: *Гойман (Червонюк) В.И.* Указ. соч.

В связи с этим представляется спорным утверждение о том, что правообладателю, «как правило, не надо предпринимать активных усилий по достижению результатов, предусмотренных конституционными правами, поскольку их осуществление выражается в определенном фактическом состоянии субъекта, который непрерывно пользуется благами в виде прав и свобод и при этом само это пользование прямо не связано с действием или бездействием»[9].

Между тем, как свидетельствует практика, конституционно-правовая позиция личности, ее способность к эффективному использованию предусмотренных законом правовых средств оказываются именно теми доминантами, с которыми связано достижение тех целей, которые вытекают из данного права. Подобные ситуации не являются исключениями, хотя, безусловно, правообеспечительные меры в механизме реализации прав и свобод играют заметную роль, что в особенности касается личных, или гражданских прав, социально-экономических и пр.[10]

В-третьих, это также социальная компонента механизма правопользования. Реализация прав и свобод сопряжена для личности с ее социально-правовым окружением — совокупностью тех условий и факторов, юридического и метаюридического характера, которые оказывают на ее поведение в конституционно-правовой сфере стимулирующее влияние или, напротив, воспрепятствуют реализации ею (личностью) прав и свобод. Таким образом, совокупные условия — *социально-правовая среда реализации конституционных прав и свобод* — еще одна важнейшая составляющая механизма реализации конституционных прав и свобод.

На содержание механизма реализации конституционных прав и свобод оказывает воздействие множество факторов; действие существенных факторов трансформирует данный механизм в типовую модель. К таким существенным факторам следует отнести прежде всего характер самого конституционного права (свободы), а равно предопределенные государственной властью и учреждаемые ею правовые режимы действия (реализации) этих прав; именно это обстоятельство в конечном счете характеризует состав юридического инструментария, привлекаемого для реализации того или иного конституционного права. Так, гражданские (личные) права предрасположены к так называемой непосредственной реализации, т.е. без участия в правореализационном процессе властных структур. Социально-экономические права, напротив, нуждаются в таком участии; большинство (или все такие права) не могут быть реализованы без соответствующих правоприменительных действий и решений государственных органов. Соответственно своей природе реализация всех конституционных прав формирует две модели (два типа) механизмов реализации конституционных прав: (1) *механизм непосредственной реализации*[11] (так называемый инициативный порядок реализации, а равно простые процедурно-правовые формы правопользования)[12] и (2) и *механизм опосредованной реализации*, обремененный (отягощенный) правоприменением, т.е. предполагающий правоприменительные властные действия и решения — регистрационные, регламентирующие, лицензионно-разрешительные, удостоверяющие, констатирующие, предписывающие, запрещающие, аннулирующие (Н.В. Витрук, И.В. Ростовщиков). Понятно, что реализации конституционных прав и свобод более всего отвечает первая модель. Действие второй модели сопряжено с применением различных по своему демократическому потенциалу пра-

[9] См.: *Бутылин В.Н.* Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.

[10] По этой причине односторонним представляется вывод о том, что «под реализацией конституционных прав и свобод ребенка предлагается понимать процесс практического использования ребенком социальных возможностей, предусмотренных конституционными нормами, и направленный на удовлетворение его законных интересов (*Бондаренко О.А.* Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012).

[11] См. об этом: *Белянская О.В.* Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.

[12] В данном случае закон с той или иной степенью определенности предусматривает пути и способы реализации человеком своих прав: устанавливается порядок реализации; последовательность ряда действий правообладателя; содержание действий, выполнение которых и направлено на достижение наиболее полного и точного использования права или свободы (*Тарасова А.Г.* Юридические процедуры и реализация прав человека: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 18, 19).

вовых режимов, формирующих определенный порядок реализации прав и свобод: а) *уведомительный (заявительный)*, при котором компетентный орган лишь должен быть поставлен в известность (тем или иным образом проинформирован) относительно правореализующих действий граждан; в) *регистрационный*, при котором реализация конституционного права предполагает законодательно предусмотренные формы регистрации, например, реализация права на объединение в форме учреждения некоммерческой организации (политической партии и др. НКО) предполагает регистрацию такой организации; в) разрешительный, когда реализация права сопряжена с предварительным получением соответствующего разрешения (например, осуществление предпринимательской деятельности с использованием статуса юридического лица).

Реализация конституционных прав и свобод — длящийся во времени и в пространстве процесс, в ходе которого законодательно предусмотренные в основных правах и свободах конституционные ценности под влиянием комплекса взаимосвязанных причин и обстоятельств личностного и внеличностного свойства, объективного и субъективно характера, юридического и метаюридического порядка становятся достоянием носителей этих прав — отдельного человека, группы людей. Следовательно, одного собрания компонентов, характеризующих собственно состав («анатомию») анализируемого механизма, недостаточно для понимания действительной конституционной природы реализации основных прав и свобод личности; данный механизм должен быть исследован с точки зрения его «физиологии» или динамики; тем самым становится возможным в целостном виде представить процесс конституционного правопользования в структурно-динамическом контексте, вовлекая в него (процесс правопользования) конституционно предусмотренные гарантии прав и свобод.

С указанных позиций нуждается в осмыслении стадийная, поэтапная, или технологоюридическая[13] характеристика процесса реализации прав и свобод личности[14]. Определение таких стадий, таким образом, есть необходимое условие уяснения специфики механизма реализации конституционных прав и свобод: с рассматриваемых позиций *механизм реализации конституционных прав и свобод представлен совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, имеющих своим предназначением преобразовать (перевести) конституционные права и свободы, выраженные формально юридически в конституционном тексте, в состояние фактического пользования ими.*

Стадии реализации конституционных прав и свобод. Стадии одновременно выступают предпосылкой и ключевой характеристикой рассматриваемого механизма в том смысле, что они предопределяют набор и собственно специфику юридических средств, используемых субъектом правопользования, а также органами и лицами, обеспечивающими реализацию прав и свобод[15].

В отечественной государствоведческой литературе по рассматриваемому вопросу представлены различные, хотя во многом совпадающие позиции.

Так, профессор С.Ф. Кечекьян считал, что осуществление содержащихся в законе юридических возможностей охватывает такие стадии, как общая правоспособность; специальная правоспособность[16]; субъективное право, не осуществленное в конкретном правоотношении; субъективное право, конкретизированное либо правоотношением, либо иными способами его осуществления[17].

---

[13] См.: *Червонюк В.И.* Юридические технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения (в 4 вып.). Выпуск четвертый. О моделях преподавания юридических технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 186—189.

[14] В этом случае акцент делается на том, что закон устанавливает известную «алгоритмичность» процесса реализации, его процедуру: последовательность поведения самого носителя права, а также содержание действий обязанных органов и лиц, направленных на достижение цели наиболее полного и точного использования права или исполнения обязанности (*Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 342).

[15] См.: *Червонюк В.И.* Механизм реализации конституционных прав и свобод (концептуальный анализ) // Сборник научных трудов профессоров и преподавателей ВГНА Минфина России. М., 2006.

[16] Вывод о том, что конституционные права уже с самого момента признания их в национальной конституции являются субъективным правом каждого, не соответствует действительности. Условием субъективности является общая (конституционная правоспособность и дееспособность).

[17] См.: *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 33, 34.

В работах Ц.А. Ямпольской получает развитие позиция, согласно которой конкретное право гражданина в своем развитии проходит три стадии: стадию правоспособности (потенциального состояния субъективного права), стадию приобретения субъективных прав, составляющих правовое состояние (правового статуса граждан), стадию реализации субъективного права в конкретном правоотношении[18].

В.А. Патюлин исходил из того, что стадиями осуществления прав граждан являются: стадия правового статуса (общее состояние), стадия правового модуса (готовность к реализации), стадия конкретного правоотношения (непосредственная реализация)[19].

В понимании В.А. Кучинского правовое регулирование общественных отношений происходит путем определения: правового статуса субъектов права; наделения их на этой основе и в зависимости от определенных жизненных обстоятельств конкретными правами и обязанностями; фактического осуществления этих прав и обязанностей во взаимоотношениях между людьми. При этом воздействие права на общественные отношения людей через поведение отдельных граждан проходит три основные стадии: а) установление и изменение правового статуса (статутных прав, обязанностей и ответственности) граждан; б) возникновения благодаря определенным юридическим фактам, фактическим составам, состояниям их индивидуальных (субъективных) прав и обязанностей; в) реализация субъективных прав и обязанностей граждан[20].

Профессор МГУ Л.Д. Воеводин к числу стадий реализации прав и свобод относит: установление общих признаков носителей прав и свобод личности, ее правосубъектности; закрепление фактического состава правоотношения и выделения из него юридически существенных элементов (признаков); установление соответствующей данному фактическому составу нормы права; толкование законов и нормативных актов о правах и свободах; восполнение пробелов в законодательстве, относящихся к правам и свободам; выработка конкретного решения, охватывающего фактический состав юридического отношения; обеспечение соблюдения прав и свобод (различные формы контроля и надзора)[21].

И в более ранних, и в новейших работах Н.В. Витрук различает три стадии проявления прав — стадию общего состояния, стадию обладания и стадию пользования (непосредственной реализации). При этом, как отмечает автор, стадия пользования — основная из этих стадий; две предшествующие стадии (состояния и обладания) — переходные, подготовительные к основной[22].

В современной литературе рассматриваемая проблема получила отражение в целом ряде публикаций, в том числе в исследованиях, проведенных на монографическом уровне. За небольшими исключениями сформулированные прежде выводы относительно стадий реализации конституционных прав и свобод не претерпели сколько-нибудь принципиального значения[23]. В качестве положительного момента следует обратить внимание на встречающиеся в «новых» работах попытки представить стадийную характеристику правопользования применительно к отдельным правам и свободам. Так, в одной из таких работ отмечается, что в механизме реализации свободы манифестаций выделяются четыре стадии: принятие решения о целесообразности участия в манифестации; подготовка проведения манифестации; проведение манифестаций; реализация решения, принятого на манифестации»[24].

Рассмотрение данной проблемы в контексте современной методологии указывает на то, что реализация права — не одномоментный акт, он представляет собой превращение права в новое качество, которое в данном контексте охватывает по меньшей мере

[18] См.: *Ямпольская Ц.А.* О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 160—166.

[19] См.: *Патюлин В.А.* Государство и личность в СССР (Правовые аспекты взаимоотношений). М., 1974. С. 196—204.

[20] См.: *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. М., 1978. С. 152, 153.

[21] См.: *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 221—285.

[22] См.: *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 216.

[23] См., например: *Широбоков С.А.* Конституционное право человека и гражданина на обращение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 15—18; *Хижняк В.С.* Вопросы реализации прав человека и гражданина на благоприятную окружающую среду в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 18—25 и др.

[24] *Буянтуева Р.С.* Свобода манифестаций и ее реализация на современном этапе развития российского общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Улан-Удэ, 2011.

три этапа: (1) его переход из объективного в субъективное право; (2) выработка внутренней мотивации, готовности и способности использовать данное право; (3) перевод субъективированного права в фактическое правомерное, или конституционное поведение, когда носитель данного права удовлетворяет интерес, являющийся содержанием (объектом) данного права, и таким образом присваивает (делает собственным достоянием) предусмотренные конституционным правом блага[25].

Соответственно реализация конституционных прав с этой (технологической) точки зрения представляет собой многоаспектный и многоступенчатый процесс, который по меньшей мере охватывает своим содержанием следующие последовательно сменяющие друг друга циклы (стадии, этапы):

(1) *стадию объективированного в конституционной (статутной) норме права, предусмотренного конституционной нормой (как правило, Конституцией).* Это право, выраженное в абстрактной форме (как правило, в Конституции) и являющееся элементом конституционно-правового, или общего правового статуса. Данную стадию поэтому правомерно обозначить стадией общей правоспособности или действия конституционного статуса. Одновременно данное право существует и в форме так называемого общерегулятивного правоотношения, юридическим фактом возникновения которого является сам факт закрепления данного права в национальной Конституции. Данная стадия связана исключительно с фактом признания данного права и помимо этого каких-либо других средств, форм своего выражения не требует. При этом формой признания может быть как закрепление права в Конституции, так и распространение действия норм международного (европейского) гуманитарного права в национальной правовой системе. Кроме того, содержанием данной стадии охватывается законодательная конкретизация данного права в специальном принятом законе, а равно в акте федерального органа конституционного контроля. Законодательная конкретизация в этом случае может быть связана как с определением пределов действия данного права, учреждением механизма (процедур, порядка) его реализации, так и правообеспечительными мерами. Одновременно актуальной является имплементация норм международного права об основных правах во внутригосударственное право. Отмеченная стадия относится к потенциальной реализации конституционных прав и свобод, в том смысле, что сам факт действия Конституции одновременно приводит в действие и весь механизм реализации закрепленных в ней конституционных прав и свобод. Данной стадией может ограничиваться реализация личных или гражданских прав и конституционных свобод;

(2) *стадию действия общего (конституционного) правоотношения.* Она может включать законодательную конкретизацию и правообеспечительные меры;

(3) *стадию субъективирования (индивидуализации) конституционного права в индивидуальной норме или в конкретном (отраслевом) правоотношении.* Это стадия опосредованного действия конституционного права или юридического правообладания. Она может быть связана как с волевыми усилиями и правовой активностью обладателя права (например, в случае реализации права на пользование достижениями культуры), так и деятельностью специализированных органов и учреждений, призванных обеспечивать конституционные права в специально оговоренных законом случаях (выдать лицензию на право осуществления предпринимательской деятельности, зарегистрировать в качестве юридического лица предприятие или учрежденную гражданами общественную организацию и т.д.). Как правило, данная стадия связана всегда с индивидуально-правовой деятельностью властных структур, предполагает нормотворческую конкретизацию. Данная стадия касается не всех, но лишь только тех прав, реализация которых связана с необходимостью предварительной индивидуализации объективного конституционного права и придания ему таким образом качества субъективного права. Такой способ реализации относится прежде всего к социально-экономическим правам;

(4) *стадия фактического правообладания или пользования конкретным благом. Она*

[25] См.: *Червонюк В.И.* Механизм реализации конституционных прав и свобод (концептуальный анализ).

охватывает так называемую непосредственную форму реализации, когда требуются правомерные фактические действия обладателя правом. Данная стадия включает (интериоризацию права ее носителем, выработку внутренней мотивации к использованию данного права и собственно фактические правомерные действия);

(5) *субсидарная стадия, выступающая связующим звеном между первой и второй стадиями и связанная с конкретизацией прав и обязанностей субъектов правоотношения*[26]. Это может быть конкретизация в форме: а) нормативной в детализации; б) официального толкования; в) создания прецедентной нормы; г) принятие процедур реализации конституционного права (охранительные или правозащитные действия как блокирующие возможные препятствия, так и устраняющие уже реально существующие препятствия к реализации конституционного права.

Таким образом, механизм реализации прав и свобод представляет собой сложное конституционно-правовое образование: в структурном отношении он охватывает разнообразные конституционно-правовые и иные юридические средства и механизмы, включая те из них, которые рассматриваются в качестве юридических гарантий (охватывающих многообразную деятельность специализированных органов публичной власти); это также конституционное поведение субъекта правопользования и социально-правовая (конституционная) среда, в которой субъект реализует свою конституционно-правовую активность в форме отдельных действий, деятельности, иных форм правового поведения. Технолого-правовые особенности проявления каждого из компонентов анализируемого механизма охватываются содержанием описанных стадий конституционного правопользования. С указанных позиций механизм реализации конституционных прав и свобод представляет собой совокупность средств и форм реализации субъективного права, а также — последовательно сменяющих друг друга стадий многоступенчатого процесса, на которых эти средства приходят в движение, «срабатывают» и таким образом обеспечивают достижение управомоченным фактических целей, вытекающих из содержания конституционного права. Можно сказать, что стадии, а равно юридические средства и социально-правовые условия и факторы (социально-правовая среда) в своем единстве и во взаимосвязи с конституционно-правовой активностью носителя конституционного права (свободы) наиболее полно характеризуют сложный процесс реализации прав и свобод.

Список литературы

1. *Белянская О.В.* Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.
2. Большой энциклопедический словарь. М., 2002.
3. *Бондаренко О.А.* Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
4. *Буянтуева Р.С.* Свобода манифестаций и ее реализация на современном этапе развития российского общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Улан-Удэ, 2011.
5. *Бутылин В.Н.* Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
6. *Он же.* Действие права: методологический анализ. М., 1992.
7. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
8. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
9. *Гойман (Червонюк) В.И.* Формирование правовой активности личности: монография. М.: Высш. школа, 1998.
10. *Иванец Г.И., Калинский И.В., Червонюк В.И.* Энциклопедия конституционного права России. М.: Юрид. лит., 2003.

[26] В специальной литературе данную стадию чаще всего относят к факультативной. Однако применительно к конституционным правам она почти всегда или чаше всего выступает непременным условием их реализации. Конструкция реализации конституционных прав вне правоотношений, как представляется, не входит в противоречие с отмеченным.

11. *Калинский И.В.* Конституция и гражданско-правовые средства защиты прав личности // 10 лет Конституции РФ: итоги и перспективы: научно-практич. конф. 28 ноября 2003 г. С. 78—81.

12. *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

13. *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. М., 1978.

14. *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения реализации прав человека и гражданина: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1996.

15. *Патюлин В.А.* Государство и личность в СССР (Правовые аспекты взаимоотношений). М., 1974.

16. *Тарасова А.Г.* Юридические процедуры и реализация прав человека: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012.

17. *Хижняк В.С.* Вопросы реализации прав человека и гражданина на благоприятную окружающую среду в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

18. *Червонюк В.И., Калинский И.В.* Правовые средства защиты жертв преступлений в уголовном процессе (анализ законодательных новелл и правоприменительной практики в аспекте международных и европейских стандартов) // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы Всероссийской межвуз. конф. (19—20 февраля 2004 г.). М., 2004. С. 236—239.

19. *Червонюк В.И.* Механизм реализации конституционных прав и свобод (концептуальный анализ) // Сборник научных трудов профессоров и преподавателей ВГНА Минфина России. М., 2006.

20. *Он же.* Юридические технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения (в 4 вып.). Выпуск четвертый. О моделях преподавания юридических технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8. С. 186—189.

21. *Он же.* Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск шестой. Элементарные частицы («вещество») права. Юридические средства и юридические механизмы в структурной организации права (в двух частях). Часть вторая. Юридический инструментарий действия права: правовые средства // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9.

22. *Он же.* Конституционное право России. М.: ИНФРА-М, 2003.

23. *Широбоков С.А.* Конституционное право человека и гражданина на обращение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.

24. *Ямпольская Ц.А.* О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 160—166.

УДК 343.1
ББК 67.311

ГЕЛЮС Татьяна Феликсовна,
ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
подполковник полиции
E-mail: dfvnii@mail.ru

КРЮЧКОВА Валентина Феликсовна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Пятого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск)
ИПК ФГКОУ ВО «Академия СК России»,
кандидат юридических наук,
майор юстиции
E-mail: kryuchkovav@list.ru

Рецензент: Е.А. Киселев, кандидат юридических наук, доцент

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА, РЕГУЛИРУЮЩАЯ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА, И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Анализ следственной и судебной практики показывает, что практические сотрудники, занимающиеся расследованием преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, сталкиваются со значительными трудностями. Причины этого кроются, прежде всего, в несовершенстве действующего законодательства в сфере ЖКХ и, как следствие, — использование нормативных пробелов заинтересованными субъектами в личных криминальных целях.*

Ключевые слова: *жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), законодательство, правоприменение.*

Annotation*. Abstract Analysis of the investigative and judicial practice shows that the practice staff involved in the investigation of crimes in the sphere of housing and communal services, face significant challenges. The reasons for this lie primarily in the imperfection of the current legislation in the field of housing and as a consequence — the use of regulatory gaps stakeholders for personal criminal purposes.*

Keywords: *housing and communal services (HCS), legislation, enforcement.*

Президент РФ Владимир Путин 8 февраля 2013 г. в своем выступлении на коллегии МВД России отметил, что актуальными задачами Министерства остаются декриминализация экономики и противодействие коррупции. При этом он обратил внимание на необходимость сосредоточиться на оздоровлении сферы ЖКХ, на ее очистке от разного рода серых схем, воровства и коррупции [1].

Как показывает следственная и судебная практика, в течение последних лет в данной сфере отмечается увеличение различных форм хищений и злоупотреблений полномочиями со стороны лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в сфере ЖКХ. При этом субъекты данных преступных деяний активно приспосабливаются к системе функционирования ЖКХ и формам контроля за ее деятельностью, используя различные схемы механизма совершения преступлений экономической направленности. Как правило, эти преступные деяния завуалированы под совершение легальных действий, зачастую с использованием законных доку-

ментов, что и окружающими, и правоохранительными органами довольно часто воспринимается как чисто гражданско-правовые отношения. Эти причины являются одним из факторов высокой степени латентности преступлений рассматриваемой категории.

Вместе с тем следует отметить, что изучение материалов судебно-следственной практики свидетельствует о немалом положительном опыте успешного раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ, но, к сожалению, указывает и на значительные трудности, с которыми сталкиваются практические работники, что вызвано, прежде всего, несовершенством действующего законодательства в сфере ЖКХ и, как следствие, использованием нормативных пробелов заинтересованными субъектами в личных криминальных целях.

Правовое регулирование деятельности данной сферы на сегодняшний день осуществляется довольно обширной нормативно-правовой базой:

Конституцией РФ, которая закрепляет положения, предусматривающие правовое регулирование жилищных отношений, защиту и охрану участников этих отношений, обеспечение права неприкосновенности жилища [2];

Жилищным кодексом РФ, который является основным актом, регулирующим отношения, связанные с жилыми помещениями, их использованием, жилищными правами граждан [3];

Гражданским кодексом РФ, регулирующим вопросы владения, пользования, распоряжения жилыми помещениями; заключения договоров социального, коммерческого найма; по обслуживанию, ремонту и т.д. [4];

Градостроительным кодексом РФ, который содержит нормы о градостроительной деятельности, регулирует деятельность по развитию территорий, в том числе городов и иных поселений [5];

Земельным кодексом РФ, регулирующим отношения в сфере использования и оборота земельных ресурсов, в том числе и применительно к объектам ЖКХ [6];

Налоговым кодексом РФ, определяющим порядок налогообложения, в том числе и организаций в сфере ЖКХ [7];

Кодексом РФ об административных правонарушениях, который предусматривает административную ответственность собственников жилых помещений и руководителей управляющих компаний и других организаций в сфере ЖКХ [8];

Уголовным кодексом РФ, предусматривающим уголовную ответственность собственников жилых помещений и руководителей и сотрудников управляющих компаний и других организаций в сфере ЖКХ [9];

Бюджетным кодексом РФ, который определяет общий и специальный порядок формирования и исполнения бюджетов всех уровней, в том числе по линии целевых бюджетных программ [10];

другими федеральными законами, устанавливающими общие начала правового регулирования жилищных отношений и связанных с ними иных правоотношений [11];

указами Президента РФ. Как показывает практика последних лет, указы Президента РФ в сфере ЖКХ обычно издаются по вопросам реформирования данной сферы, реализации Государственных целевых программ (например «Свой дом»), мер по государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья [12];

постановлениями Правительства РФ. Например, по вопросам совершенствования кредитования по приобретению жилья, жилищному строительству; реформирования и модернизации ЖКХ, установления стандартов оплаты жилья и коммунальных услуг, учета, контроля использования жилищного фонда, разработки правил пользования жилыми помещениями, обмена и бронирования; о жилищно-коммунальных льготах для отдельных категорий граждан [13];

законодательством субъектов РФ, регулирующим, например, жилищные отношения по определению порядка предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда субъекта РФ, установлению порядка определения размера дохода,

приходящегося на каждого члена семьи и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению, в целях признания граждан малоимущими и предоставления им по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда;

иными нормативно-правовыми источниками, определяющими жилищную политику в современных условиях.

Так, например, федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным издавать нормативные правовые акты, содержащие нормы, регулирующие жилищные отношения, в настоящее время выступает и Министерство регионального развития РФ, которое оказывает услуги по управлению государственным имуществом и решает вопросы правоприменения в данной сфере, за исключением функций по контролю и надзору. Кроме этого Министерство издает индивидуальные правовые акты, ведет реестры и кадастры.

Также действуют правила, санитарно-технические и иные нормы, нормативы, утвержденные постановлениями Правительства РФ и Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Правила и нормы включают в себя требования относительно организации технического обслуживания и текущего ремонта жилищного фонда, содержания помещений и придомовой территории, технического обслуживания и ремонта строительных конструкций, технического обслуживания и ремонта инженерного оборудования. В данных документах установлены предельные сроки устранения неисправностей при выполнении внепланового (непредвиденного) текущего ремонта отдельных частей жилых домов и их оборудования; перечень работ по содержанию жилых домов; работ, относящихся к текущему, капитальному ремонту и т.д.

Органы местного самоуправления могут также принимать нормативные правовые акты, содержащие нормы, регулирующие жилищные отношения, в пределах своих полномочий. Виды правовых актов органов местного самоуправления, выборных, должностных лиц, полномочия по изданию указанных актов, порядок их принятия и вступления в силу определяются уставом муниципального образования, а также соответствующими законами субъектов Российской Федерации.

Актам, принятым тем или другим местным органом, может быть придана юридическая сила как нормативного правового акта (например, в форме закона муниципального образования, закона муниципалитета). Они могут носить характер ненормативных либо индивидуальных предписаний (назначение на должность, установление конкретным лицам льгот и преимуществ) либо обычных рекомендаций, создающих права и обязанности после трансформации (преобразования через соответствующие процедуры).

Глава муниципального образования (Глава администрации) принимает постановления, являющиеся нормативными правовыми актами (рассчитанными на многократное применение в течение длительного периода времени), руководствуясь законами РФ, субъектов РФ, иными законодательными актами, а также дает распоряжения (как индивидуальный акт). Акты глав муниципальных образований могут именоваться и приказами, правилами, инструкциями.

Таким образом, обзор законодательства, регулирующего отношения в сфере ЖКХ, позволяет выделить эту сферу из всего правового массива и признать, что это обширный объем федерального, регионального и местного законодательства, в котором крайне сложно ориентироваться, особенно обывателю. Ведь без преувеличения можно сказать, что сфера ЖКХ затрагивает интересы каждого гражданина независимо от возраста или имущественного положения, но с сожалением приходится констатировать тот факт, что в настоящее время отсутствует четкая, понятная, прозрачная и непротиворечивая система жилищного законодательства.

Этот факт подчеркивается и на самом высоком государственном уровне. Как отметил В.В. Путин: «законотворчество в жилищно-коммунальной сфере сегодня двигается

семимильными шагами, за последние годы принято 100 различных нормативных правовых актов, еще большое количество находится в стадии межведомственного согласования. При этом острота проблемы остается большой. Для нормальной работы в этой сфере необходимо, прежде всего, компактное, понятное законодательство, правила и нормы» [14].

Вместе с тем очевидно, что специфика доказательной базы по делам о преступлениях, совершаемых в сфере ЖКХ, требует от сотрудников правоохранительных органов глубоких познаний не только уголовного и уголовно-процессуального права, но и специальных знаний в области жилищно-коммунального хозяйства, финансового и налогового законодательства, поскольку для выявления признаков преступной деятельности необходимо, как минимум, знать, что нарушается.

Поэтому от сотрудников правоохранительных органов требуется постоянное повышение квалификации, отслеживание изменений нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, умение оценить полученную информацию, разработать и реализовать план ее проверки и получить документальные доказательства совершения преступления в целях его раскрытия и расследования.

Список литературы

1. Владимир Владимирович Путин выступил на заседании расширенной коллегии МВД. 08.02.2013 // [Электронный ресурс] — URL: http://police russia. info/index.php/2013/02/08/vladimir-vladimirovich-putin-vystupil-na-zasedan rasshirennoj-kollegii-mvd/

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ).

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 28.06.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2014).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014, с изм. от 23.06.2014, вступ. в силу с 01.07.2014); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 21.07.2014); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 05.05.2014); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 23.07.2013, с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013).

5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 21.07.2014).

6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в ред. от 21.07.2014).

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 23.06.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014);

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 21.07.2014).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 21.07.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2014).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.07.2014).

10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 28.06.2014, с изм. от 21.07.2014).

11. См, например: Федеральный закон от 30.12.2004 № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» (в ред. от 30.12.2012, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2013);

Федеральный закон от 21.07.2007 № 185- ФЗ «О фонде содействию и реформированию жилищно-коммунального хозяйства» (в ред. от 28.06.2014);

Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на не-

движимое имущество и сделок с ним» (в ред. от 23.06.2014);

Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 05.05.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2014);

Федеральный закон от 06.05.2003 № 52-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об основах федеральной жилищной политики» и другие законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты жилья и коммунальных услуг» (в ред. от 25.11.2013).

12. См., например: Указ Президента РФ от 23.03.1996 № 420 «О разработке федеральной целевой Программы «Свой дом» (в ред. от 02.04.1997).

13. См., например: постановление Правительства РФ от 23.05.2006 № 307 «О порядке предоставления коммунальных услуг гражданам» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг гражданам») (в ред. от 27.08.2012);

постановление Правительства РФ от 11.06.2013 № 493 «О государственном жилищном надзоре» (вместе с «Положением о государственном жилищном надзоре») (в ред. от 26.03.2014);

постановление Правительства РФ от 23.05.2006 № 306 «Об утверждении Правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг» (в ред. от 26.03.2014);

постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» (в ред. от 26.03.2014);

постановление Правительства РФ от 21.02.2013 № 146 «О федеральных стандартах оплаты жилого помещения и коммунальных услуг на 2013—2015 годы» (вместе с «Федеральными стандартами оплаты жилого помещения и коммунальных услуг в среднем по Российской Федерации на 2013—2015 годы», «Федеральными стандартами оплаты жилого помещения и коммунальных услуг по субъектам Российской Федерации на 2013—2015 годы»).

14. *Путин В.В.* Для нормальной работы ЖКХ нужно понятное законодательство // Российская газета. 2013. 31 мая. // [Электронный ресурс] — URL: http://www.rg.ru/2013/05/31/jkh-anons. html.

УДК 343.62
ББК 67.408

БЕЛОШЕЕВ Владимир Михайлович,
старший следователь-криминалист отдела криминалистики
СУ СК России по Мурманской области
E-mail: murmanskkrim@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ДЕТОУБИЙСТВА

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Анализ российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что ряд понятий, характеризующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, до настоящего времени остается дискуссионным, поскольку не нашел точного закрепления в законе. Автор определил, что уголовное законодательство, а также иные нормативные правовые акты не содержат точного определения временного промежутка, характеризующего понятие «сразу же после родов», отсутствуют определение понятия «новорожденный», единый подход к критерию, на основании которого можно судить о времени окончания действия психотравмирующей ситуации. На основании этого автор делает вывод о необходимости определить единый подход и законодательно закрепить указанные понятия.*

Ключевые слова: *объективная сторона, детоубийство, новорожденный, сразу же после родов.*

Annotation. *The analysis of the Russian legislation allows to draw a conclusion that a number of the concepts characterizing the objective party of the crime provided by Art. 106 of the criminal code of Russian Federation so far remains debatable as didn't find exact fixing in the law. The author defined that the criminal legislation, and also other normative legal acts don't contain exact definition of the temporary interval characterizing the concept «at once after the delivery» there is no definition to the concept «newborn», there is no uniform approach to criterion on the basis of which it is possible to judge time of the end of action of the psychoinjuring situation. On the basis of it the author draws a conclusion about need to define uniform approach and legislatively to consolidate the specified concepts.*

Keywords: *objective party, infanticide, newborn, at once after the delivery.*

Согласно теории уголовного права под объективной стороной преступления понимается совокупность признаков, характеризующих внешнюю сторону преступления. К этим признакам относятся общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и причинно-следственная связь, существующая между ними. Для квалификации детоубийства, то есть преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, как оконченного преступления необходимо обязательное установление всех трех признаков объективной стороны.

В случае если преступный результат в виде смерти не наступил, преступление считается неоконченным, при наличии приготовления или покушения на него влечет квалификацию с применением ст. 30 УК РФ. Таким образом, преступное деяние, квалифицируемое по ст. 106 УК РФ, является преступлением с материальным составом. С объективной стороны убийство может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия.

В уголовном законе представлены три разновидности детоубийства:

- убийство новорожденного во время или сразу же после родов;
- убийство в условиях психотравмирующей ситуации;
- убийство в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Очевидно, что первая разновидность может быть совершена лишь путем активных действий, к примеру проникающее ножевое ранение, утопление, удушение, отравление ядом. Вторая и третья разновидности могут быть совершены и бездействием, когда виновная была обязана заботиться о потерпевшем, но умышленно не выполняла своих обязанно-

стей и желала, либо сознательно допускала наступление смерти, либо безразлично относилась к наступлению таких последствий[1] (отказ от кормления, непринятие мер к защите ребенка от воздействия низких температур).

Психическое расстройство женщины при совершении убийства новорожденного во время или сразу же после родов не лишает ее возможности осознавать окружающую действительность или руководить своими действиями, однако эта способность в определенной мере ослаблена. Судя по санкции, можно утверждать, что законодатель это убийство считает совершенным при смягчающих обстоятельствах, учитывая особое психическое состояние женщины во время или после родов.

В связи с этим Л.Л. Кругликов полагает, что при убийстве во время или сразу же после родов определенные отклонения в психологическом состоянии роженицы, влияющие на возможность осознания ею своего поведения и на принятие решения, презюмируются законодателем, и эта презумпция объявляется неопровержимой. Поэтому если в конкретном случае окажется, что роды прошли гладко и не вызвали сколько-нибудь заметных психических расстройств, но тем не менее мать по каким-либо соображениям убила ребенка во время или сразу же после родов, содеянное должно квалифицироваться не на общих основаниях («простое» убийство), а по ст. 106 УК РФ[2].

В юридической литературе имеются как сторонники подобной позиции, например А.Н. Попов в работе «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», так и противники — А.Н. Красиков в работе «Преступления против права человека на жизнь»[3].

Анализ статьи показывает, что убийство новорожденного во время или сразу же после родов напрямую не связывается законодателем с каким-либо особым психическим состоянием роженицы. Можно лишь предполагать, что законодатель имел в виду такое состояние, но в диспозиции данную мысль никак не отразил. Таким образом, представляется обоснованным мнение К.В. Чемеринского о том, что законодателю следовало бы откорректировать эту часть диспозиции нормы, увязав совершение данной разновидности преступления не только с моментом причинения смерти новорожденному, но и с особым психическим состоянием в этот момент его матери. Отсутствие такого состояния должно исключать ответственность по ст. 106 УК[4].

Такого же мнения придерживаются А.М. Багмет, А.В. Трощанович, справедливо отмечая, что привилегированное убийство матерью новорожденного ребенка должно остаться в УК РФ лишь при наличии обязательного признака, если убийство ребенка женщина совершает, находясь в особом психофизиологическом состоянии, вызванном родами, либо в условиях психотравмирующей ситуации[5].

При совершении убийства во время или сразу же после родов необходимо выяснить временной промежуток совершенного преступления, при этом момент возникновения преступного умысла, наличие или отсутствие подготовки к преступлению, способ его совершения значения для квалификации не имеют.

Стоит обратить внимание на тот факт, что УК РФ, а также иные нормативные правовые акты не содержат точного определения временного промежутка, характеризующего понятие «сразу же после родов».

Л.Л. Кругликов пишет, что период «сразу же после родов» означает: вслед, тут же, вскоре же; этот временной промежуток, во всяком случае, не исчисляется часами, а тем более сутками»[6]. По мнению А.К. Звирбуля, это преступление совершается в ограниченный, небольшой промежуток времени, который подлежит определению в каждом конкретном случае[7].

---

[1] *Кадников Н.Г.* Уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Городец, 2006. С. 172, 173.

[2] *Кругликов Л.Л.* Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998. С. 29.

[3] *Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И.* Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. 2-е изд. М.: Инфра-М. Контракт, 2009. С. 29.

[4] *Чемеринский К.В.* Объективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка // Современные научные исследования: электронный научный журнал. 2011. № 2. С. 20 – 23.

[5] *Багмет А.М., Трощанович А.В.* К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 1.

[6] *Кругликов Л.Л.* Уголовное право России. Особенная часть. М.: БЕК, 1999. С. 42.

[7] *Звирбуль А.К.* Расследование и предупреждение детоубийств. М.: Норма, 2009. С. 8.

В отсутствии конкретики признака «сразу же после родов» в уголовном законодательстве в настоящее время данный вопрос остается дискуссионным. Стоит отметить, что медицинские критерии не описывают признак «сразу же после родов», как не устанавливают границ «новорожденности».

В российской педиатрии новорожденным признается младенец с момента живорожденности до месячного возраста, в акушерстве длительность периода новорожденности равна одной неделе, в судебной медицине – одним суткам[8].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что отсутствие в судебной медицине четкого определения периода новорожденности порождает спорные моменты квалификации деяния по ст. 106 УК РФ. Конец спорам и субъективной трактовки понятий «сразу же после родов» и «новорожденный» может положить законодательное определение данных терминов.

Наряду с указанным выше видом детоубийства в ст. 106 УК РФ предусмотрена ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации, которое отсрочено во времени относительно момента родов.

По причине отсутствия связи с процессом родов налицо прямое указание закона на особый характер ситуации, сопутствующей убийству. Таким образом, эта категория детоубийств совершается в послеродовой период, и обязательным ее признаком является наличие психотравмирующей ситуации. В теории нет единого подхода к понятию условий психотравмирующей ситуации.

А.С. Лукомская предлагает обозначить понятие психотравмирующей ситуации применительно к ст. 106 УК РФ как конкретный набор обстоятельств, препятствующих достижению какой-либо цели и субъективно способных оказать влияние на психическое состояние женщины в виде внешнего и внутреннего конфликта, выраженное определенным эмоциональным состоянием[9]. По результатам проведенных исследований, ученый предлагает следующую классификацию психотравмирующих ситуаций[10].

1. Психотравмирующие ситуации семейно-бытового характера (конфликты с родителями и родственниками, проживающими совместно; сложные взаимоотношения с соседями по коммунальной квартире; конфликты между членами семьи из-за материально-бытовой неустроенности; несоответствие в интеллектуальном и культурном уровне супругов; злоупотребление одного из членов семьи алкоголем; сексуальная дисгармония; измена супруга, ревность; расторжение брака; материальный ущерб (кража личного имущества, стихийные бедствия).

2. Ситуации производственно-профессионального характера (сложные интерперсональные взаимоотношения и служебные конфликты, обусловленные неадекватным отношением администрации или сотрудников; трудовая деятельность, связанная с высокой степенью эмоционального напряжения, с неблагоприятными условиями труда в сочетании с отрицательными эмоциональными переживаниями; условия труда с риском для жизни; трудовая деятельность, сочетающаяся с высокой степенью ответственности за свою работу, «снижение социального престижа»).

3. Ситуации, связанные с неудачно складывающимися жизненными обстоятельствами, а также с рядом неблагоприятных социальных и экономических факторов, в основе которых обычно лежат: собственная болезнь или увечье, угроза здоровью или жизни, угроза позора, неудачная любовь, оскорбления со стороны окружающих, собственный неблаговидный поступок, неуверенность в завтрашнем дне, увольнение с работы или страх перед безработицей, отсутствие или низкий уровень позитивных эмоциональных переживаний.

4. Ситуации смешанного характера, которые включают все вышеперечисленные обстоятельства и могут сочетаться между собой различным образом.

А.С. Лукомская приходит к выводу, что четвертый, то есть комплексный пункт представленного деления ситуаций, наиболее ха-

---

[8] *Тамбовцев А.И.* Проблемы уголовно-правовой квалификации убийств новорожденных // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3. С. 17–20.

[9] *Лукомская А.С.* Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 77.

[10] Там же. С. 76.

рактерен для убийства матерью новорожденного ребенка.

Ученые достаточно широко трактуют само содержание психотравмирующей ситуации. Так, по мнению Е.И. Грубовой, ситуация может быть отнесена к психотравмирующей при наличии таких обязательных условий, как ее присутствие на момент совершения преступления, наличие непосредственной связи с беременностью, родами, судьбой матери и ребенка, воздействие именно данной ситуации на принятие решения о лишении новорожденного жизни[11].

Таким образом, оценивая психотравмирующую ситуацию, необходимо обращать внимание не только на ее последствия, но также на содержание фактора, оказывающего влияние на психику женщины, наличие связи непосредственно с родами. Квалификацию содеянного по ст. 106 УК РФ следует исключить, если убийство матерью новорожденного ребенка произошло, когда условия психотравмирующей ситуации отпали.

Психотравмирующая ситуация в составе детоубийства не может вызвать состояния аффекта, поскольку возникает не в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, что предусмотрено в ст. 107 УК РФ.

По мнению К.В. Чемеринского[12], сама по себе психотравмирующая ситуация может иметь достаточную продолжительность. Однако убийство ребенка за пределами срока его новорожденности, хотя и в условиях психотравмирующей ситуации, исключает ответственность по ст. 106 УК РФ. Виновная должна нести ответственность по соответствующей части ст. 105 УК РФ.

Принимая во внимание, что законодатель не дал четкого описания временного промежутка послеродового периода, когда мать убивает ребенка, находясь под влиянием психотравмирующей ситуации, данные выводы представляются обоснованными.

Для решения обозначенной проблемы Н.А. Соловьева излагает основные требования, которым должен отвечать временной промежуток послеродового периода, когда мать убивает ребенка, находясь под влиянием психотравмирующей ситуации[13]:

1) это отрезок времени, в течение которого ребенок характеризуется как новорожденный и жизнеспособный;

2) промежуток времени, в течение которого женщина признается роженицей, то есть находящейся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами;

3) этот период должен быть непродолжительным.

Между тем в теории и практике на сегодняшний день не выработано единого критерия, на основании которого можно судить о времени окончания действия психотравмирующей ситуации.

Интересным по данной теме является мнение Е.И. Грубовой о том, что закрепление психотравмирующей ситуации в качестве одного из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является ошибочным[14]. Психотравмирующая ситуация как таковая не может служить основанием, позволяющим отнести совершенное деяние к убийству, совершенному при смягчающих обстоятельствах, и должна выступать одним из условий, приводящих роженицу в состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости. При отсутствии же наступления данного состояния, наличие факторов, порождающих психотравмирующую ситуацию, может признаваться лишь смягчающим вину обстоятельством при квалификации данного преступления по ст. 105 УК РФ.

Е.И. Грубова предлагает исключить анализируемый признак из диспозиции статьи, закрепив лишь временной промежуток в качестве объективного признака, и состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости — в качестве субъективного признака состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка».

---

[11] *Грубова Е.И.* Психотравмирующая ситуация: проблема трактовки признака ст. 106 УК РФ // Следователь. 2008. № 11. С. 2.

[12] *Чемеринский К.В.* Указ. соч. С. 28.

[13] *Соловьева Н.А.* Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Теория и практика прокурорского надзора // Законность. 2006. № 8. С. 12, 13.

[14] *Грубова Е.И.* Указ. соч. С. 4.

Проведенный анализ позволяет согласиться с мнением о необходимости закрепления временного промежутка в качестве объективного признака, при этом исключение признака совершения убийства в условиях психотравмирующей ситуации из диспозиции статьи как такового представляется необоснованным.

Оканчивая анализ объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, рассмотрим убийство матерью новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Понятие психического расстройства, не исключающего вменяемости, для целей ст. 106 УК РФ в полной мере соответствует положениям ст. 22 УК РФ об ограниченной вменяемости. Эта категория детоубийств также может быть совершена только в период, следующий за окончанием процесса родов. Однако в отличие от предыдущих разновидностей детоубийств законодатель, формулируя признаки данного преступления, акцентирует внимание не на времени или ситуации, складывающейся вокруг роженицы, а на ее особом психическом состоянии.

Представляется, что наличие юридического критерия ограниченной вменяемости, как и в случае установления невменяемости, полностью зависит от наличия медицинского критерия, устанавливающего нарушения в интеллектуальной и эмоционально-волевой сфере, не позволяющие в полной мере осознавать свои поступки и руководить ими.

Необходимо иметь в виду, что главным отличительным признаком ограниченной вменяемости является возможность лица осознавать свои действия, руководить ими, но в силу психического заболевания у него ограничена способность к полноценной психической деятельности. Наличие медицинского критерия ограниченной вменяемости как психического заболевания и юридического критерия, как способности, хоть и не в полной мере, но осознавать свои действия (бездействие), руководить ими обусловливают возможность привлечения лица к уголовной ответственности[15].

Ретроспективный анализ послеродовых психических нарушений говорит о том, что учение по данной проблематике возникло достаточно давно. Так, Гиппократ говорил, что у женщин в связи с родами могут возникнуть болезни, в том числе и душевные. Сегодня нет сомнений в том, что беременность оказывает влияние на вегетативные функции и психику женщины. Также известно, что в период беременности, особенно первой, ускоряется созревание личности женщины, она готовится стать матерью, растет чувство ответственности за будущего ребенка, зреет инстинкт материнства. Одновременно с этим часто возникают расстройства психики, прежде всего невротического уровня[16].

По современным представлениям в послеродовом периоде можно выделить три основные группы психических расстройств:

1) послеродовые психозы;
2) послеродовые депрессии;
3) послеродовые блюзы[17].

Нельзя забывать, что состояние ограниченной вменяемости учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, но законодатель не относит его к смягчающим обстоятельствам, предусмотренным ст. 61 УК РФ, и как смягчающее обстоятельство данное состояние может быть признано только по усмотрению суда.

Очевидно, что по каждому случаю детоубийства в отношении матери-убийцы необходимо назначать комплексную судебно-медицинскую и психолого-психиатрическую экспертизу.

Л.И. Мурзина приводит обязательные к постановке эксперту вопросы: страдала ли она во время совершения инкриминируемого ей деяния психическим расстройством; находилась ли она во время совершения инкриминируемого ей деяния в состоянии эмоциональной напряженности, вызванном психотравмирующей ситуацией и оказавшем существенное влияние на ее сознание и поведение; могла ли она во время совершения ин-

---

[15] *Мустаханов Р.Д.* Вопросы ограниченной вменяемости по Уголовному кодексу Российской Федерации // Законность. 1998. № 7. С. 44.

[16] *Сорокина Т.Т.* Роды и психика. Практическая медицина. Практическое руководство. Минск: Новое знание, 2003. С. 29.

[17] Там же.

криминируемого ей деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), руководить ими, и если могла, то в полной ли мере; нуждается ли обвиняемая (подсудимая) в применении к ней принудительных мер медицинского характера, и если да, то каких именно[18].

По общему правилу для характеристики состава детоубийства имеют значение также такие факультативные признаки объективной стороны, как обстановка и место родов. Указанные признаки могут повлечь появление у виновной внезапного намерения избавиться от ребенка, как причины ее физических и нравственных страданий, либо ее преступное намерение укрепится.

На основании изложенного к проблемным вопросам содержания объективной стороны детоубийства полагаем необходимым отнести тот факт, что УК РФ, а также иные нормативные правовые акты не содержат точного определения временного промежутка, характеризующего понятие «сразу же после родов», отсутствует и определение «новорожденный». В уголовном законодательстве в настоящее время данные вопросы остаются дискуссионными. Кроме того, в теории и практике на сегодняшний день не выработано единого критерия, на основании которого можно судить о времени окончания действия психотравмирующей ситуации.

При указанных обстоятельствах представляется обоснованным вывод о необходимости определить единый подход к трактовке и законодательно закрепить указанные выше понятия и критерии.

Список литературы

1. *Багмет А.М., Трощанович А.В.* К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 1.

2. *Грубова Е.И.* Психотравмирующая ситуация: проблема трактовки признака ст. 106 УК РФ // Следователь. 2008. № 11.

3. *Звирбуль А.К.* Расследование и предупреждение детоубийств. М.: Норма, 2009.

4. *Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И.* Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. 2-е изд. М.: Инфра-М. Контракт, 2009.

5. *Кадников Н.Г.* Уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Городец, 2006.

6. *Кругликов Л.Л.* Преступления против личности. Ярославль: ЯрГУ, 1998.

7. *Кругликов Л.Л.* Уголовное право России. Особенная часть. М.: БЕК, 1999.

8. *Лукомская А.С.* Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3.

9. *Мурзина Л.И.* Квалификация убийства новорожденного ребенка, совершенного его матерью // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28.

10. *Мустаханов Р.Д.* Вопросы ограниченной вменяемости по Уголовному кодексу Российской Федерации // Законность. 1998. № 7.

11. *Соловьева Н.А.* Психотравмирующая ситуация: значение для квалификации детоубийств // Теория и практика прокурорского надзора // Законность. 2006. № 8.

12. *Сорокина Т.Т.* Роды и психика. Практическая медицина. Практическое руководство. Минск: Новое знание, 2003.

13. *Тамбовцев А.И.* Проблемы уголовно-правовой квалификации убийств новорожденных // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3. С. 17—20

14. *Чемеринский К.В.* Объективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка // Современные научные исследования: электронный научный журнал. 2011. № 2. С. 20—23.

[18] *Мурзина Л.И.* Квалификация убийства новорожденного ребенка, совершенного его матерью // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 136.

УДК 343.3
ББК 67.408

БОРИСОВ Андрей Викторович,
старший преподаватель кафедры
учебно-методической работы
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: av-borisov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЕ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с причинами и условиями совершения налоговых преступлений в сфере строительства. Анализ детерминант налоговой преступности в сфере строительства позволит выработать конкретные меры по предупреждению налоговой преступности в указанной сфере.*

Ключевые слова: *налоговая преступность в сфере строительства, причины и условия налоговых преступлений в сфере строительства.*

Annotation. *The article discusses issues related to the causes and conditions for settlement of tax cases in the tax sphere. The analysis of the determinants of tax crime in the construction industry will develop specific measures to prevent tax crime in this area.*

Keywords. *Tax crime in the construction industry, the causes and conditions of tax crimes in the sphere of construction.*

Причины и условия преступности всегда действуют как комплекс факторов, как единая система, влияющая на состояние преступности в конкретной местности в определенный промежуток времени. Для лучшего понимания причин и условий преступности они делятся на группы по различным критериям. Выделяют экономические, политические, технические, моральные, правовые, организационные причины и условия[1].

Причины и условия налоговой преступности в строительной сфере полагаем целесообразным рассмотреть в двух плоскостях.

Один из используемых нами методов классификации причин преступности заключается в том, чтобы рассматривать их на разных уровнях. Низший уровень — психологический (индивидуальный). Причиной преступного поведения на этом уровне является недостаточная социализация личности. Второй уровень — групповой. На нем рассматриваются недостатки общественной системы, т.е. социальные, экономические, политические и духовные явления, которые вызывают преступность, их взаимосвязь и взаимную обусловленность. Третий уровень — философский. Изучаются причины негативных явлений в обществе в целом.

Другой способ классификации факторов — в зависимости от сферы общественной жизни. В соответствии с ним на развитие налоговой преступности наиболее активно влияют следующие причины и условия: экономические; социальные; организационно-управленческие; политические и правовые, а также нравственно-психологические причины и условия.

[1] *Кучеров И.И.* Налоги и криминал. М., 2000. С. 55.

Наиболее общей причиной любой преступности являются противоречия в развитии общества. В частности, для современного общества потребления характерно противоречие между ростом потребностей человека и возможностями по их удовлетворению.

Следующая причина налоговой преступности коренится в правовом сознании граждан. К сожалению, высокая гражданско-правовая культура не характерна для России. В отличие, например, от западноевропейских стран с развитым гражданским обществом, где законы и право в целом гораздо охотнее соблюдаются, в нашей стране человек четко отделяет, а иногда и противопоставляет себя государству, в бюджет которого собираются налоги.

Некоторые авторы среди основных причин налоговой преступности в России называют негативную социально-экономическую ситуацию в стране, низкий уровень доходов населения[2]. Безусловно, эти причины усугубляют неуплату налогов, однако и в странах с высоким экономическим развитием и большими доходами на душу населения налоговая преступность довольно развита. По различным оценкам, в ряде стран Западной Европы потери от неуплаты налогов составляют до 20% от суммы доходов бюджета, в США — до 15%[3].

Социальные и экономические причины и условия тем не менее оказывают значительное криминогенное влияние на налоговую преступность. Форсированный переход от социалистического уклада экономики к капитализму, проведение реформ, к которым страна была не готова, передел собственности привели к расслоению российского общества, появлению значительного разрыва в доходах между богатыми и бедными. По словам специалистов, наиболее деструктивным фактором, влияющим на уровень преступности в стране, является концентрация огромных капиталов в руках одних лиц и обнищание других, что влечет ужесточение борьбы за сферы влияния, в том числе криминальными методами. Криминализация экономики привела к союзу, а нередко и совпадению в одном лице «общеуголовных» и экономических преступников.

Упадок промышленности и сельского хозяйства практически превратил Россию в «сырьевой придаток» более развитых стран. И сейчас большая часть государственного бюджета формируется за счет экспорта нефти, газа и т.п. При отсутствии необходимых объемов промышленного производства в стране соответственно наблюдается низкая наполняемость бюджета налоговыми поступлениями. Недостаток объекта налогообложения государство подчас стремится компенсировать не стимулированием производства, а повышением ставки налога и введением новых налогов.

Между тем согласно исследованиям изъятие у налогоплательщика более 35—40% добавленной стоимости приводит к тому, что расширение производства, инвестиции, а нередко и само производство становятся невыгодными. Такой уровень налогов приводит к так называемой налоговой ловушке. Попавший в нее налогоплательщик любыми способами стремится уйти от уплаты налогов для того, чтобы не разориться и сохранить свой бизнес.

К политическим и юридическим причинам налоговой преступности можно отнести непоследовательную налоговую политику: несовершенство и постоянные изменения налогового законодательства.

При этом частые поправки в налоговом законодательстве приводят к неумышленным нарушениям налоговой дисциплины. Подчас кажется, что действия государственного аппарата направлены не на стимулирование производства и предпринимательства в целом, а на его стагнацию путем различных бюрократических приемов.

Налогоплательщики и государство как будто действуют на противоположных фронтах: налоговая служба рассматривает налогоплательщика как врага, которого надо во что бы то ни стало уличить и оштрафовать. В свою очередь, предприниматель считает существующую налоговую систему несправедливой и грабительской, не желая добровольно отдавать большую часть своей прибыли.

---

[2] См. напр.: *Середа И.М.* Преступления против налоговой системы: характеристика, ответственность, стратегии борьбы. Иркутск, 2012. С. 46, 47.

[3] *Новиков А.М., Ильюхов А.А.* Пути решения нерешенных проблем при расследовании налоговых преступлений // Российский следователь. 2014. № 14. С. 41—43.

Уголовное и налоговое законодательство, устанавливающее ответственность за преступления и иные правонарушения в налоговой сфере, не отличается однозначностью. Такие понятия, как сокрытие, уклонение, занижение, не имеют точного законодательного определения. Это позволяет правоохранительным и налоговым органам расширительно толковать данные термины, что приводит к необоснованным обвинениям или несоразмерным санкциям. Часто орган налогового контроля занимает такую позицию: наказать компанию любой ценой, или, например, при малейшем сомнении в представленных документах отказать в возмещении НДС — налогоплательщик, если не согласен, пусть обжалует — его право. Это привело к тому, что арбитражные суды завалены делами по налоговым спорам компаний с инспекциями ФНС, и нередко такие дела разрешаются в пользу налогоплательщика.

Указанный фактор не способствует укреплению налоговой дисциплины. В данной ситуации даже изначально законопослушный налогоплательщик вынужден укрыть некоторую часть своей прибыли от налогообложения вместо того, чтобы нести неизбежные временные и финансовые издержки разбирательства с налоговой службой. Кроме того, насколько известно автору данной работы, руководитель практически каждой коммерческой компании заранее определяет, какую сумму налогов уплатить в бюджет, и, исходя из этого, планирует составление бухгалтерской отчетности.

Опрос предпринимателей о причинах уклонения от уплаты налогов показывает следующие причины:

- постоянные изменения в законодательстве — 55%;
- наличие огромного количества подзаконных актов и их противоречивость — 27,5%;
- неопытность бухгалтера — 5,3%;
- иное — 10%[4].

На наш взгляд, одним из основных правовых условий, способствующих совершению налоговых преступлений, являются щадящие санкции за такие преступления. Как известно, удержать человека от совершения преступления может одна из двух причин: его высокая правовая культура или боязнь наказания. О добровольной законопослушности российского налогоплательщика как массового явления говорить не приходится: для этого нет еще необходимых предпосылок, он не обладает таким высоким уровнем налоговой культуры. Поэтому, по нашему мнению, единственное, что может удержать его от совершения налогового преступления — строгость наказания.

При планировании своего преступного поведения человек оценивает выгоду от своих действий и возможный ущерб в случае неблагоприятных для него обстоятельств. Если выгода от совершения преступления выше, чем возможные потери, то потенциальный преступник принимает решение о совершении конкретного преступления. При этом налоговые преступники, как правило, имеют в своем распоряжении специалистов, которые могут до копейки просчитать выгоду от неуплаты налогов. Учитывая низкий размер уголовных санкций, налогоплательщику выгоднее понести издержки в виде штрафа, чем платить налоги.

Следует согласиться с тем, что задача государства — сделать так, чтобы совершение налоговых преступлений стало невыгодным как с материальной, так и с моральной точки зрения[5]. Это можно подтвердить на примере эффекта от ужесточения в Российской Федерации наказания за правонарушения в сфере дорожного движения: количество дорожно-транспортных происшествий заметно сократилось именно благодаря ужесточению санкций.

К организационно-управленческим факторам, негативно влияющим на состояние налоговой преступности, относятся следующие:

- отсутствие должного ведомственного финансового контроля;
- недостаток специалистов по налоговым правонарушениям в правоохранительных органах; упразднение Федеральной службы налоговой полиции, которая, согласно подсчетам, путем выявления и предупреждения налоговых преступлений приносила государству на каждый вложенный рубль 22 рубля прибыли[6];

---

[4] *Середа И.М.* Указ. соч. С. 59.

[5] *Соловьев И.Н.* Налоговые преступления и преступность. М., 2006. С. 157.

[6] Налоговое право: учеб. для вузов / под ред. И.Ш. Килясханова, А.М. Багмета, М.Е. Косова. — 5-е изд. перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 123.

▪ низкий профессионализм сотрудников налоговых органов;

▪ несогласованность действий правоохранительных и контролирующих органов;

▪ нарушения в применении контрольно-кассовых машин, бланков строгой отчетности или их отсутствие;

▪ коррупция.

Строительство — одна из крупнейших отраслей российской экономики. Все без исключения рассмотренные причины и условия налоговой преступности характерны и для строительной сферы. Кроме того, в строительстве присутствуют дополнительные факторы, благоприятствующие совершению налоговых преступлений.

Среди множества этих факторов необходимо выделить наиболее криминогенные:

1) форма собственности и организационно-правовая форма компании;

2) роль предприятия в строительстве (заказчик, застройщик, подрядчик, субподрядчик);

3) способ и виды оплаты строительных работ;

4) наличие налоговых льгот. По замыслу законодателя, льготы должны стимулировать налогоплательщика к декларированию и уплате налога. Однако на практике это имеет совершенно противоположный эффект, привлекая как законопослушных налогоплательщиков, так и предпринимателей, желающих получить сверхприбыли;

5) неконтролируемые темпы роста цен на недвижимость при относительно стабильной себестоимости строительства — привлекают многих предпринимателей высокой рентабельностью отрасли;

6) возможность привлечения дешевой и подчас нелегальной рабочей силы;

7) сложность и длительность процесса строительства приводит к практически полной невозможности проследить реальные издержки на всех его этапах, создавая, таким образом, благоприятные условия для приписок, завышения расходов;

8) гражданско-правовая конструкция договора строительного подряда и невозможность осуществить полный цикл строительства силами одной организации — обусловливают возможность привлечения неограниченного количества субподрядчиков, в том числе и фиктивных;

9) недостаточный контроль со стороны государства за стадиями строительства способствует различным нарушениям, например позволяет затягивать процесс оформления права собственности на жилой дом и производить продажу уже готовых квартир под видом заключения договоров участия в долевом строительстве.

Помимо факторов, способствующих совершению всех налоговых преступлений в строительстве, можно выделить специфические криминогенные факторы, способствующие совершению отдельных налоговых преступлений.

Одними из причин совершения преступления, предусмотренного статьей 199[2] УК РФ («Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов»), являются:

▪ безнаказанность нарушителей (руководитель строительной компании видит, что его коллега уклоняется от погашения недоимки и его за это никто не наказывает, что является побудительным мотивом для аналогичных действий);

▪ непринятие налоговыми инспекциями мер по взысканию задолженности с юридического лица; отсутствие должного контроля за недоимщиками;

▪ недостаточная профилактическая работа, что приводит к отсутствию у должностных лиц компании осознания того, что их действия составляют налоговое преступление[7].

Таким образом, мы пришли к выводу, что основными факторами совершения налоговых преступлений в строительной сфере являются:

1) искажение сущности налога — превращение его из средства процветания государства в инструмент обогащения правящей верхушки;

[7] *Куликова О.Н.* Проблемные вопросы при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях и расследовании уголовных дел данной категории // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов.– М.: Академия СК России, 2014. Вып. 3. С. 43—46.

2) непродуманная налоговая политика, частые поправки налогового законодательства, наличие большого количества противоречивых подзаконных актов;

3) мягкость наказания за налоговые преступления;

4) низкий уровень правосознания граждан и налоговой культуры, терпимость к налоговым преступникам;

5) преобладание индивидуалистических ценностей личности над общественными;

6) тяжелое налоговое бремя и его связь с экономической стагнацией в стране (как прямая, так и обратная);

7) гражданско-правовая конструкция договора строительного подряда, предусматривающая возможность привлечения к строительным работам неограниченного числа субподрядчиков;

8) благоприятные правовые условия для создания фирм-однодневок и недостаточный контроль за их деятельностью со стороны правоохранительных органов;

9) высокая рентабельность строительной отрасли, что привлекает огромные инвестиции со стороны охотников за «легкими деньгами», в том числе и преступные группировки, в деятельности которых почти всегда присутствуют налоговые преступления;

10) с вышеуказанной причиной тесно связано наличие огромных капиталов, добытых преступным путем (в том числе укрытых от налогообложения), которые нужно легализовать. Образуется замкнутый круг: средства, укрытые от налогов, вкладываются в строительную деятельность, прибыль от которой опять же укрывается. При этом для правоохранительных органов представляет большую сложность контроль и доказывание действий, направленных на отмывание денежных средств;

11) коррупция и применение органами власти двойных стандартов к компаниям в зависимости от наличия у них административного ресурса;

12) недостатки в работе налоговой службы и во взаимодействии подразделений правоохранительных и контролирующих органов;

13) нестабильность экономической ситуации, неуверенность в завтрашнем дне;

14) концентрация в строительной отрасли огромных капиталов и большого количества неучтенных наличных денежных средств.

Полагаем, что определяющими факторами налоговой преступности являются непродуманная налоговая политика и мягкость санкций за налоговые преступления. При этом они лучше всего поддаются корректировке. Отстаивая позицию о большом значении уголовно-правовых мер борьбы с налоговыми преступлениями, отметим, что уголовное право не устанавливает и не закрепляет отношения собственности, основы конституционного строя, налоговые отношения и т.д. Однако уголовная ответственность развивает динамику этих отношений.

Список литературы

1. *Куликова О.Н.* Проблемные вопросы при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях и расследовании уголовных дел данной категории // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Академия СК России, 2014. Вып. 3. С. 43—46.

2. *Кучеров И.И.* Налоги и криминал. М., 2000.

Налоговое право: учеб. для вузов / под ред. И.Ш. Килясханова, А.М. Багмета, М.Е. Косова. — 5-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.

3. *Новиков А.М., Ильюхов А.А.* Пути решения нерешенных проблем при расследовании налоговых преступлений // Российский следователь. 2014. № 14. С. 41—43.

4. *Середа И.М.* Преступления против налоговой системы: характеристика, ответственность, стратегии борьбы. Иркутск, 2012.

5. *Соловьев И.Н.* Налоговые преступления и преступность. М., 2006.

УДК 343.9
ББК 67.51

БЫКОВА Елена Георгиевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Второго факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Екатеринбург)
Института повышения квалификации
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: nega83-03@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ВСЛЕДСТВИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

***Аннотация**. В статье анализируется возможность установления причинной связи между деянием и наступившими вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей последствиями.*

***Ключевые слова:** причинно-следственная связь, объективная сторона преступления, материальный состав преступления, причинение смерти по неосторожности, профессиональные обязанности.*

***Annotation.** The article analyzes opportunity to establish causal link between the act and the death resulted from improper performance of professional duties consequences.*

***Keywords:** a causal link, objective element of the crime, material corpus delict, causing of death through negligence, professional functions.*

Обязательным признаком объективной стороны преступления с материальным составом является причинно-следственная связь между совершенным общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Верховный Суд РФ постоянно акцентирует внимание на необходимости установления названного признака. Например, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ»[1] указано, что при рассмотрении каждого дела о нарушении правил и норм охраны труда особое значение приобретает тщательное и всестороннее исследование причинной связи между этими нарушениями и наступившими вредными последствиями либо наличием реальной опасности наступления таких последствий. В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении и о превышении должностных полномочий»[2] обращено внимание на необходимость выяснения вопроса о том, находится ли причиненный правам и интересам вред в причинной связи с допущенным должностным лицом нарушением своих служебных полномочий.

[1] СПС «КонсультантПлюс».
[2] СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем в правоприменительной практике отсутствуют четкие критерии установления причинно-следственной связи, что приводит к возникновению спорных ситуаций в процессе юридической оценке содеянного.

В науке уголовного права также нет единого мнения по данному вопросу. Существует множество теорий причинно-следственной связи: теория эквивалентности, теория адекватной причинной связи, теория виновной причинной связи, теория ближайшей причины, теория главной причины, теория необходимой причины, теория возможности и действительности, теория причин и условий и другие[3]. На основании каждой из них предлагаются различные варианты толкования этого признака, что ни коим образом не упрощает деятельность правоприменителей.

Весьма удачным представляется следующий:

а) двигаясь от преступного результата к действиям (бездействию), выявить все наступающие друг за другом общественно опасные результаты совершенных лицом действий (бездействия);

б) установить непосредственные причинные связи между соседними выявленными результатами, используя принцип «мысленного исключения»;

в) определить общественно опасное деяние, совершенное лицом, и констатировать наличие непосредственной причинной связи данного явления с наступлением преступного результата[4].

Таким образом, для ответа на вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между деянием и наступившими последствиями в преступлениях, совершенных вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, сначала изучаются общественно опасные последствия. При этом, как справедливо отмечал И. Реннеберг, необходимо исследовать и раскрывать причинную связь также в отдельных звеньях и в их сцеплении, привлекая к этому в соответствующих случаях медицинских, технических и иных экспертов[5]. В связи с этим берутся за основу выводы, содержащиеся в заключении экспертизы, чтобы установить, какое именно явление вызвало наступление конкретных последствий. Так, с позиции судебно-медицинских экспертов, если наступает смерть человека, получившего повреждения, то судебно-медицинский эксперт обязан определить: 1) тяжесть вреда здоровью; 2) причину смерти; 3) наличие или отсутствие причинной связи между повреждением и смертью, указав характер такой связи[6].

После того, как получен ответ на вопрос о том, от чего наступило конкретное общественно опасное последствие, нужно проанализировать поведение лица, в вину которому ставится ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, установить, как можно более детально, какие действия были совершены либо не совершены этим лицом. Затем следует определить, ненадлежащее исполнение какой профессиональной обязанности могло привести к появлению причины, указанной в заключении эксперта.

Кроме этого обязательно обратить внимание на вопрос о том, могло ли надлежащее исполнение обязанностей предотвратить наступившие общественно опасные последствия. При положительном ответе констатируется факт, что между совершенным деянием и наступившими общественно опасными последствиями имеется причинно-следственная связь, а при отрицательном – что она отсутствует.

Например, на территории общеобразовательной школы хоккейные ворота упали на малолетнюю М., которая скончалась на месте происшествия. По заключению судебно-медицинских экспертов причиной смерти потерпевшей М. стали травмы, полученные в результате падения на нее незакрепленных хоккейных ворот.

В ходе доследственной проверки было установлено, что учитель начальных классов Д. провела в первом классе на один урок меньше, чем было предусмотрено в расписании занятий. Де-

[3] Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 105—107.

[4] *Балашов С.* Причинная связь: теоретические основы и судебная практика // Уголовное право. 2009. № 2. С. 6.

[5] *Реннеберг И.* Объективная сторона преступления. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 61.

[6] *Грицаенко П.П.* О причинной связи между повреждением и смертью // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 166.

тей, которые не остаются на группу продленного дня, она отпустила домой, с остальными пошла в столовую, а потом в класс заниматься внеурочной работой. Потерпевшая оказалась без присмотра на территории школьного стадиона, на котором находились незакрепленные хоккейные ворота. Она дожидалась, чтобы ее забрали из школы родители.

При проверке возник вопрос о наличии в содеянном классным руководителем Д. признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Для привлечения к уголовной ответственности по указанной части статьи 109 УК РФ необходимо установить помимо признаков основного состава наличие у виновного профессиональной подготовки, знание им специальных правил безопасности. В материалах доследственной проверки имелся лист ознакомления Д. с Правилами внутреннего трудового распорядка. В соответствии с данным нормативным актом педагогическим работникам запрещается, в частности, изменять по своему усмотрению расписание уроков, отправлять учащихся начальных классов домой без сопровождения родителей или письменного разрешения родителей отправлять детей домой одних; классный руководитель обязан контролировать, чтобы после уроков дети шли домой. На основании этого был сделан вывод, что Д. нарушила требования Правил внутреннего трудового распорядка, то есть ненадлежащим образом исполнила свои профессиональные обязанности.

Вместе с тем для того, чтобы привлечь ее к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, необходимо установить наличие причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими общественно опасными последствиями в виде смерти М.

В ходе доследственной проверки определено, что ответственность за жизнь и здоровье потерпевшей возлагается на педагогов лишь во время образовательного процесса, а в период ее следования к месту учебы и обратно – на мать погибшей М. Кроме этого, по имеющейся информации родители забирали М. из школы, не ориентируясь на расписание уроков, а после того, как потерпевшая звонила и просила приехать за ней. В таком случае действия классного руководителя, нарушившего распорядок дня и отпустившего детей домой раньше, сами по себе не могли закономерно привести к смерти потерпевшей. На основании этого сделан вывод, что не представляется возможным привлечь классного руководителя Д. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ в связи с отсутствием причинно-следственной связи между ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей и смертью[7].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что для установления причинно-следственной связи следует сначала проанализировать наступившие общественно опасные последствия, затем — содеянное конкретным субъектом, обязательно учитывая совокупность всех обстоятельств происшедшего.

Список литературы

1. Архив Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области за 2012 год.

2. *Балашов С.* Причинная связь: теоретические основы и судебная практика // Уголовное право. 2009. № 2.

3. *Грицаенко П.П.* О причинной связи между повреждением и смертью // Российский юридический журнал. 2010. № 1.

4. *Реннеберг И.* Объективная сторона преступления. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.

5. Учение о составе преступления: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009.

[7] Архив Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области за 2012 год.

УДК 343.3
ББК 67.408

ВАРЛАМОВА Евгения Александровна,
старший инспектор организационно-аналитического
отдела управления процессуального контроля
Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по г. Санкт-Петербург
E-mail: ucspb-va@mail.ru

ПРИСТАНСКОВ Владимир Дмитриевич,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail:vdpristanskov@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Вопросы, связанные с доказыванием вины медицинских работников, допустивших дефекты оказания медицинской помощи, вызывают существенные затруднения у практических работников органов предварительного расследования, обусловленные, в первую очередь, трудностью установления причинной связи между деяниями медицинских работников и наступившими неблагоприятными для пациента последствиями. В связи с этим авторами определены основные проблемы и предложены пути их решения.*

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, судебная экспертиза качества оказания медицинской помощи, причинно-следственная связь.*

Annotation. *Questions connected with proving guilt of practitioners of medicine, who allowed defects of medical treatment, causes essential difficulties for the practitioners of investigating agencies, conditioned, first of all, by the difficulty of the determination casual relationship between deeds of practitioners of medicine and dued to them negative consequences for the patients. Authors determined main problems thereupon and proposed ways to solve them.*

Keywords: *iatrogenic crimes, legal expertise of the quality of medical treatment, cause-and-effect relationship.*

Современный этап развития медицины характеризуется резким увеличением патологии лечения и диагностики. Отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблемам качества оказания медицинской помощи, свидетельствуют о неуклонном росте осложнений диагностики и лечения и увеличении заболеваний, развитие которых обусловлено дефектами оказанной медицинской помощи и их последствиями.

Причиной дефектов медицинской помощи являются не столько объективные факторы, связанные с тяжестью отдельных заболеваний и их неизученностью, сколько субъективные факторы, порождаемые небрежным, легкомысленным отношением медицинских работников к исполнению своих профессиональных обязанностей, отсутствием внимательного и заботливого отношения к пациентам.

Именно поэтому вопросы, связанные с выявлением и расследованием преступлений, совершаемых медицинскими работниками при осуществлении своей профессиональной деятельности, и приводящих к причинению вреда здоровью граждан или летальному исходу, имеют особую актуальность и значи-

мость. Осуществление медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей напрямую затрагивает интересы всех без исключения граждан, поэтому противодействие преступлениям, связанным с дефектами оказания медицинской помощи, является безусловным приоритетом в работе Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербург (далее — Главное следственное управление).

Медицинские работники за небрежные или легкомысленные действия при оказании медицинской помощи могут быть привлечены к уголовной ответственности за причинение по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей смерти (ч. 2 ст. 109 УК РФ), тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ), а также за неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), за причинение по неосторожности смерти или вреда здоровью при незаконном производстве аборта (ч. 3 ст. 123 УК РФ) или при незаконном занятии частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ). Также возможна квалификация действий медицинского работника по ч. 2 ст. 238 УК РФ, если при оказании медицинской помощи он в нарушение установленного порядка оказания медицинской помощи (медицинской услуги) применил прием или способ, не отвечающий требованиям безопасности жизни или здоровья человека (потребителя услуги).

Указанные преступные посягательства с учетом специфики субъекта (медика) и профессиональной (медицинской) деятельности, в сфере которой они совершаются, образуют группу, получившую определение «ятрогенные преступления» (от греч. *iatros* — врач и *gennes* — порождаемый)[1].

Вместе с тем существуют серьезные трудности как уголовно-правового, так и криминалистического характера, касающиеся расследования преступлений о противоправных деяниях в сфере оказания медицинской помощи гражданам. При этом одной из основных проблем криминалистического характера являются сложности с доказыванием вины медицинских работников, что связано с использованием большого понятийного аппарата, спецификой субъекта совершения преступлений данной категории, а также результатом преступных действий — наступлением неблагоприятных для пациента последствий, которые приводят к нарушению функций организма или смерти.

Необходимо отметить, что из всей массы поступающих в Главное следственное управление сообщений о преступлениях данной категории уголовные дела до сих пор возбуждаются довольно редко.

Так, за период с 2011 года по настоящее время в Главное следственное управление поступило 144 сообщения о преступлениях медицинских работников, при этом уголовные дела были возбуждены только в 24 случаях. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что лишь каждый 6-й материал проверки содержит в себе достаточные основания для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, во всех остальных случаях следователями выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела[2].

Основной причиной принятия подобных решений является то обстоятельство, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела определяющее значение приобретают результаты судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи, проводимой, как правило, в рамках проверки по сообщению о ятрогенном преступлении, в целях исследования фактических данных об обстоятельствах происшествия, устанавливаемых на основе специальных медицинских познаний.

---

[1] Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности. Ч. IV: Особенности поддержания государственного обвинения по делам о грабежах и разбоях, вымогательствах, мошенничестве, обороте наркотиков, преступных ятрогениях / В.С. Бурданова, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристансков, Е.Б. Серова; науч. ред. О.Н. Коршунова. СПб., 2003. С. 100—147.

[2] Анализ практики рассмотрения сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных медицинскими работниками при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, повлекшем причинение вреда здоровью или смерти пациентов, проведенный Главным следственным управлением Следственного комитета РФ по г. Санкт-Петербург за 2011—11 месяцев 2014 гг.

При этом в заключениях судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи эксперты в области медицины зачастую указывают на отсутствие прямой причинной связи между дефектами лечения (или бездействием медицинского работника) и наступившими общественно опасными последствиями.

Аналогичны основания большинства прекращенных производством уголовных дел о ятрогенных преступлениях.

Здесь обращает на себя внимание следующее, несмотря на то, что согласно ст. 74 УПК РФ заключение эксперта (и заключение эксперта по вопросам качества оказания медицинской помощи в частности) является лишь одним из видов доказательств и не имеет приоритета над остальными доказательствами, по делам о ятрогенных преступлениях оно имеет решающее значение, и без указания в заключении эксперта на наличие причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи и наступившими опасными последствиями возбуждение уголовного дела фактически является необоснованным.

Формирующаяся судебная практика по делам данной категории также обнаруживает прочную зависимость итогов разрешения дела от выводов судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи, делая ее, как отмечают В.И. Витер, А.Р. Поздеев и И.В. Гецманова, своеобразным апофеозом в системе доказательств, когда выводы данной экспертизы кладутся в основу судебного решения и предопределяют его характер[3].

Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняется тем, что определение механизма причинной связи между действием медицинского работника и наступившими последствиями имеет важнейшее криминалистическое значение, поскольку, во-первых, позволяет установить лицо, допустившее нарушение правил оказания медицинской помощи (т.е. субъект преступления) и степень его виновности; а во-вторых, проанализировать сам ятрогенный процесс и установить его характер и динамику развития.

В целом в следственно-судебной практике вопрос о причинной связи в большинстве случаев не вызывает особой сложности. Однако именно при расследовании случаев, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи медицинскими работниками, повлекшим неблагоприятные последствия для жизни и здоровья пациентов, установление причинной связи, вызывает определенные затруднения.

Так, при решении вопроса о наличии причинной связи по делам о ятрогенных преступлениях следует учитывать наличие медицинских данных о причинно-следственных отношениях между неблагоприятным исходом медицинской помощи, ятрогенным дефектом и ятрогенией, развитие которых стало возможным в результате неадекватных действий медика по оказанию медицинской помощи потерпевшему.

Указанные криминалистически значимые отношения образуют механизм ятрогенного процесса, который не имеет самостоятельного уголовно-правового характера, «а имеет лишь вспомогательное значение для определения в конечном итоге причинной связи между деянием виновного и наступившей смертью»[4].

Следует отметить, что действия субъекта могут не находиться в объективной причинной связи с непосредственной причиной наступления неблагоприятного исхода. Однако исход может находиться в причинной связи с комплексом действий или их отсутствием, обусловленных, например, ненадлежащим исполнением субъектом своих профессиональных обязанностей. По многим делам о ятрогенных преступлениях летальный исход наступил в результате прогрессирования основного заболевания или развития осложнения от полученной травмы на фоне неоказания или ненадлежащего оказания МП.

Так, дежурный фельдшер О. отделения скорой медицинской помощи (ОСМП) Кировской центральной районной больницы (ЦРБ), прибыв по вызову, обнаружил в ванной комнате гр-на М., совершившего попытку суицида. В наруше-

[3] *Витер В.И.* Юридическая и экспертная оценка неблагоприятных исходов при расследовании профессиональных нарушений медицинских работников / В.И. Витер, А.Р. Поздеев, И.В. Гецманова; под ред. Г.А. Пашиняна. Ижевск, 2007. С. 15.

[4] *Малинин В.Б.* Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 241.

ние «Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий», утвержденной приказом Минздрава России от 04.03.2003 № 73 и должностной инструкции фельдшера выездной бригады ОСМП, не произвел осмотра пациента, визуально оценил его состояние, характер резаных ран и, проявив преступную самонадеянность, необоснованно констатировал смерть М. Прибывший на место происшествия дознаватель ОВД Кировского района во время осмотра обнаружил, что гр-н М. жив. Прибывший повторно фельдшер О. доставил гр-на М. в больницу, при этом не осуществил инфузионную терапию для восполнения утраченного объема крови. В выводах СМЭ отмечено, что ненадлежащее исполнение фельдшером О. своих профессиональных обязанностей по оказанию МП гр-ну М. «крайне неблагоприятно повлияло на исход травмы». В случае оказания фельдшером О. своевременной адекватной медицинской помощи при первичном осмотре пациента его жизнь могла быть спасена. Эксперты, отметив наличие причинной связи между имевшими место телесными повреждениями, которые гр-н М. нанес себе сам, и непосредственной причиной его смерти, указали, что «состояние М. на момент его обнаружения требовало срочного оказания медицинской помощи в условиях стационара. При первичном посещении фельдшер скорой помощи О. должен был провести подробный осмотр М., установить тяжесть состояния его здоровья, оказать на месте экстренную медицинскую помощь и срочно госпитализировать»[5].

По данному уголовному делу судмедэксперты не вторглись в прерогативу следственных органов по установлению причинно-следственной связи между деянием медика и наступившей смертью гражданина, указав в выводах экспертного заключения, что установление или отсутствие причинной связи между деянием субъекта и наступившими последствиями относится к компетенции следственных органов.

Однако часто судмедэксперты в выводах экспертного заключения указывают на отсутствие прямой причинно-следственной связи между небрежными, самонадеянными действиями медика и неблагоприятным исходом оказанной медицинской помощи.

Как правило, подобные выводы обусловливаются двумя обстоятельствами.

Во-первых, даже если перед экспертами вопрос о наличии связи между деянием медицинского работника и наступившими опасными последствиями следствием не ставится, в ряде случаев эксперты фактически отвечают на него самостоятельно, преследуя корпоративные интересы и пытаясь, таким образом, оказать воздействие на следствие с целью предрешения результатов предварительного следствия — прекращения уголовного преследования в отношении врача, оказавшего неадекватную медицинской помощь вследствие небрежного или легкомысленного отношения к своим обязанностям.

Во-вторых, сами следователи зачастую создают благоприятную почву для подобных заключений путем заведомо неправильной постановки вопросов экспертам о наличии связи между действиями (бездействием) медицинского работника и наступившими опасными для жизни и здоровья пациента последствиями. Так, в своих постановлениях о назначении судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи следователи, как правило, просят экспертов указать «имеется ли прямая причинно-следственная связь между действиями (бездействием) медика и наступившими неблагоприятными для пациента последствиями». Данная формулировка представляется нам в корне неправильной в первую очередь потому, что ответ на этот вопрос лежит в правовом поле и находится вне компетенции экспертов, являясь исключительно прерогативой следователя. Кроме того, как справедливо отмечает В.Б. Малинин, «причинная связь как объективная, не зависящая от воли и сознания человека категория не может быть ни прямой, ни какой-либо иной — она или есть, или ее нет»[6]. Аналогичной позиции придерживается и И.Г. Вермель, указывающий на то, что о прямой причинной связи не может идти речь, если «имеется цепочка причин и следствий в виде процессов патогенеза и танатогенеза, закончившихся смертью. Только при быстро наступившей смерти можно

[5] Архив Кировского городского суда Ленинградской области, дело № 1-26/2006.
[6] *Малинин В.Б.* Указ. соч. С. 268.

говорить о прямой причинной связи дефекта (повреждения) со смертью, соответственно, и ставить вопрос о прямой причинной связи дефекта со смертью не всегда имеет смысл»[7].

С нашей точки зрения, для определения причинной связи по делам о ятрогенных преступлениях важно выяснить следующие вопросы:

Какие профессиональные действия должен был выполнить медработник, чтобы оказать пациенту адекватную медицинскую помощь?

Если бы медработник исполнил надлежащим образом свои профессиональные обязанности, мог ли пациент остаться живым?

Мог и должен ли был врач с учетом имеющейся у него специализации и квалификации предвидеть наступление летального исхода в конкретном случае оказания медицинской помощи пациенту, страдающему определенной патологией (травмой) в случае ее прогрессирования?[8]

При этом в случае смерти пациента для установления виновного в преступной неосторожности медицинского работника перед экспертом также необходимо поставить следующий вопрос:

Каков механизм (танатологическая картина) смерти?

Описание танатологической картины смерти необходимо следователю для суждения о факте ятрогенного дефекта и ятрогении и установлении причинной связи ятрогении с неблагоприятным исходом оказания медицинской помощи. Кроме того, это позволит следователю судить о возможности недопущения смерти пациента на определенных стадиях развития ятрогенного процесса.

Таким образом, ответ на данный вопрос позволит следователю определить динамику и механизм умирания пациента и установить непосредственную причину смерти.

Приведенные вопросы носят обобщенный характер, в целом они должны формулироваться исходя из условий конкретной следственной ситуации таким образом, чтобы ответы на них отражали динамику, содержание и характер ятрогенного процесса, составляющего основную часть механизма ятрогенного посягательства. Полученная вследствие постановки вопросов экспертам в данной формулировке информация позволит наиболее полно и объективно отразить связь допущенных дефектов оказания медицинской помощи с неблагоприятными последствиями для жизни и здоровья пациентов.

Список литературы

1. *Вермель И.Г.* Формулирование и обоснование выводов судебно-медицинского эксперта о причине смерти. Екатеринбург, 1997.

2. *Витер В.И.* Юридическая и экспертная оценка неблагоприятных исходов при расследовании профессиональных нарушений медицинских работников / В.И. Витер, А.Р. Поздеев, И.В. Гецманова; под ред. Г.А. Пашиняна. Ижевск, 2007.

3. *Малинин В.Б.* Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000.

4. *Пристансков В.Д.* Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: монография. СПб., 2007.

5. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности. Ч. IV. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о грабежах и разбоях, вымогательствах, мошенничестве, обороте наркотиков, преступных ятрогениях / В.С. Бурданова, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристансков, Е.Б. Серова; науч. ред. О.Н. Коршунова. СПб., 2003.

---

[7] *Вермель И.Г.* Формулирование и обоснование выводов судебно-медицинского эксперта о причине смерти. Екатеринбург, 1997. С. 9, 10.

[8] *Пристансков В.Д.* Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: монография. СПб., 2007. С. 140, 141.

УДК 343.4
ББК 67.408

ГОНЧАРОВ Денис Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права
Второго факультета (с дислокацией в г. Екатеринбург)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
доцент, кандидат юридических наук
E-mail: goncharov_d@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье обосновывается необходимость учета повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием технических средств передачи информации в отношении несовершеннолетних. Обосновывается необходимость законодательного расширения числа составов преступлений, признаком которых является использование технических средств передачи информации и учета этого обстоятельства при назначении наказания.*

Ключевые слова: *интернет, телекоммуникационные системы, несовершеннолетние, преступления, общественная опасность.*

Annotation. *Heed of the accounting of the increased public danger of crimes, the information transfers made with use of technical means in respect of minors locates in article. Locate: need of legislative expansion of number of structures of crimes which sign is use of technical means of information transfer; need of the accounting of this circumstance at purpose of punishment.*

Keywords: *Internet, telecommunication systems, minors, crimes, public danger.*

В современном информационном обществе молодежь «завоевана» Интернетом, с самого раннего возраста люди предпочитают иным источникам получения и передачи информации практически неограниченные возможности мировой информационной сети.

Правоохранительные органы столкнулись с проблемой широкого использования информационных технологий в целях совершения преступлений, в том числе таких, в орбиту которых нередко втягиваются несовершеннолетние лица.

Например, Московским городским судом установлено, что, планируя поставки запрещенных к обороту веществ в Москву и другие регионы России в целях их незаконного сбыта, для обеспечения собственной безопасности члены преступной группы, возглавляемой Б. А. А., разработали схему, согласно которой какой-либо личный контакт с потребителями наркотиков и психотропных веществ был исключен. Заказы на наркотические средства и психотропные вещества принимались посредством интернет-сайта, а их оплата производилась через электронные системы денежных переводов. Приговором суда от 17.09.2013 члены группы осуждены за преступления, связанные со сбытом наркотиков, однако использование сети «Интернет» юридического значения иметь тогда не могло, поскольку на момент совершения преступлений российское законодательство не предусматривало такую возможность[1].

[1] Приговор Московского городского суда от 17.09.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Использование технических средств передачи информации при совершении преступлений в одних случаях является способом совершения скрываемого преступления, в других – когда преступление завершено с использованием средств технической фиксации, но информация о нем широко тиражируется в обществе – способно значительно изменить постпреступную ситуацию. В УК РФ с указанием на признак использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», сконструированы составы нескольких преступлений, в их ряду и те, которые совершаются в отношении несовершеннолетних и могут быть совершены несовершеннолетними (ст. 171[2]. Незаконные организация и проведение азартных игр; 185[3]. Манипулирование рынком; 228[1]. Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества; 242. Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов; 242[1]. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и др.).

Относительно новое явление в практике правоохранительных органов — выявление скрываемых субъектами преступных действий, состоящих в совершении ими информационного развратного воздействия на несовершеннолетних посредством возможностей Интернета. Так, в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» наряду с разъяснением сути развратных действий отмечено, что таковыми могут признаваться и действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети «Интернет», иных информационно-телекоммуникационных сетей.

Следует отметить, что российская правоприменительная практика имеет в этой сфере сходства с зарубежной практикой. Так, например, в Германии присутствие несовершеннолетнего при совершении развратных действий означает не столько нахождение вблизи таких действий, сколько их визуальное восприятие и осознание происходящего.

> Федеральная судебная палата ФРГ отклонила жалобу на решение I Земельного суда Мюнхена, так как не нашла каких-либо нарушений законодательства по отношению к обвиняемому и оставила в силе приговор, по которому ему назначался 1 год и 6 месяцев лишения свободы подп. 1 абз. 4 § 176 УУ Германии за совершение сексуальных действий в присутствии детей. Установлено, что обвиняемый в полдень 18 мая 2007 г., находясь в Баварии, вступил в контакт через сеть «Интернет» с использованием веб-камеры с пятью детьми в возрасте от 5 до 13 лет, находившимися в Бельгии. На предупреждение одной из девочек, что ей всего двенадцать лет, обвиняемый ответил, что для него не имеет значение возраст, и сообщил, что хочет «совершить сексуальные действия» с ней («Ich will dich ficken»). Далее он направил веб-камеру на свой половой орган и совершил развратные действия[2].

Преступным по п. 1 абз. 4 § 176 УУ Германии также будет являться демонстрация сексуальных действий несовершеннолетнему посредством сети «Интернет» вне зависимости от расстояния между ним и виновным[3].

Интернет-общение с несовершеннолетним в целях совершения с ним сексуальных действий при планируемой очной встрече является предварительной преступной деятельностью и квалифицируется как приготовление к конкретному сексуальному преступлению. Однако в ряде стран Европы в силу высокой оценки степени общественной опасности такие действия охватываются отдельными составами преступлений.

---

[2] BGH 1 StR 105/09 — Beschluss vom 21. April 2009 (LGMunchenI) (http://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/09/1-105-09.php, дата обращения: 03.01.2014). Цит. по: *Бимбинов А.* Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по законодательству стран Евросоюза (на примере Германии, Франции и Англии) // Уголовное право. 2014. № 2. С. 16—22.

[3] *Бимбинов А.* Указ. соч.

Так, в уголовном законодательстве Французской Республики предусмотрена отдельная норма, предусматривающая ответственность за предложение несовершеннолетнему, не достигшему 15-летнего возраста, или же лицу, представляющемуся таковым, вступить в сексуальную связь. Согласно ст. 227-22-1 УК Франции такое предложение должно быть сделано совершеннолетним с использованием средств электронной коммуникации. Эта же норма предусматривает более строгое наказание, если после предложения вступить в сексуальную связь последовала реальная встреча[4].

В Англии преступлением признается только встреча с несовершеннолетним, не достигшим 16-летнего возраста, которая последовала после как минимум двух эпизодов так называемого груминга («grooming»[5]). Данным термином обозначается деятельность по общению с несовершеннолетними с помощью различных средств электронной коммуникации (социальные сети, мобильные приложения, чат и т.п.). Груминг позволяет установить доверительные отношения, а целью его является совершение сексуальных действий с несовершеннолетним. Согласно ст. 15 английского Закона о сексуальных преступлениях ответственность будет наступать только в случае, если совершеннолетний виновный после двух случаев груминга преднамеренно встречает жертву или же пытается встретиться с ней[6].

В России отдельных составов преступлений либо квалифицирующих признаков, предусматривающих усиленную ответственность за совершение половых преступлений с использованием интернет-пространства в отношении несовершеннолетних, нет. Учитывая, что российский законодатель накопил опыт конструирования составов преступлений в УК РФ по признаку использования информационно-телекоммуникационных сетей, следует предложить и развратные действия рассматривать как представляющие повышенную опасность в случае совершения с использованием таких сетей.

К случаям, когда преступление завершено с использованием средств технической фиксации, но информация о нем широко тиражируется в обществе, следует относить лавинообразно растущую практику выкладывания в Интернет материалов, посредством которых участники совершенных преступлений выставляют ее напоказ. Это становится распространенным в среде подростковой преступности.

Так, приговором Московского городского суда от 12 апреля 2012 года установлено, и материалами дела вышестоящих инстанций подтверждено, что после организации и совершения членами организованной группы террористических актов несовершеннолетний А. создал ряд видеороликов на основании видеозаписей совершенных террористических актов и опубликовал их с соответствующими титрами на различных сайтах компьютерной сети «Интернет», доступных для неограниченного числа пользователей. Помимо преступлений террористической направленности А. осужден за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 282 УК РФ (объективная сторона которых заключалась в создании и опубликовании видеороликов)[7].

Следует отметить, что экстремистские движения, вовлекающие в свои ряды несовершеннолетних, одной из целей деятельности, очевидно, считают широкую пропаганду своих идей, не в последнюю очередь с использованием средств массовых коммуникаций.

Так, например, известное своей противоправной деятельностью во многих регионах страны движение против незаконной иммиграции (ДПНИ) широко использовало интернет-пространство для противоправной пропаганды. В частности, приговором Ленинского районного суда г. Кирова от 17 ноября 2010 г., вступив-

[4] *Бимбинов А.* Указ. соч.

[5] The Crown Prosecution Service. Legal Guidance. Sentencing Manual (http://www.cps.gov.uk/legal/s_to_u/sentencing_manual/s12_causing_child_ to_watch_sexual_act, дата обращения: 03.01.2014). Цит. по: *Бимбинов А.* Указ. соч.

[6] House of Commons. Session 2002—03. Home Affairs Committee Publications. Fifth Report (http://www.publications. parliament.uk/pa/cm200203/cmselect/cmhaff/639/63908.htm, дата обращения: 03.01.2014). Цит. по: *Бимбинов А.* Указ. соч.

[7] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.12.2013 № 237-П12пр // СПС «КонсультантПлюс».

шим в законную силу 28 декабря 2010 г. Т., являвшийся координатором структурного подразделения ДПНИ-Вятка, М., Т., являвшиеся членами МОО ДПНИ, признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК Российской Федерации.

Вступившим в законную силу решением Первомайского районного суда города Кирова Кировской области от 14 января 2010 г. использовавшийся осужденными интернет-ресурс и содержащиеся на нем информационные материалы признаны экстремистскими.

До этого, вступившим в законную силу решением Первомайского районного суда г. Кирова Кировской области от 2 октября 2009 г. размещенный в сети «Интернет» видеоматериал «День мигранта» признан экстремистским[8].

Широкое распространение получила демонстрация в сети фактов применения насилия к несовершеннолетним потерпевшим, глумления над ними (зачастую их же сверстниками) в ходе нанесения побоев в драках, избиениях.

По сути, в случаях, когда информационно-телекоммуникационные технологии используются не как средство совершения преступления, а для демонстрации уже совершенного преступного акта, тиражирование девиаций в сети меняет общественную опасность совершенного деяния. Лица, просматривающие интернет-ресурсы с явно «преступным содержанием», в особенности если это несовершеннолетние, подвергаются информационному воздействию, искажающему их представления о социальной справедливости. В населенных пунктах, особенно небольших, в местах локального присутствия несовершеннолетних (образовательные и иные учреждения) узнаваемость демонстрируемых событий и участвовавших в них лиц повышает градус социального напряжения.

На наш взгляд, в случаях, когда технические средства передачи информации использованы не в целях совершения преступления, но виновный желал либо осознавал, что материалы, на которых зафиксированы его преступные действия в отношении несовершеннолетних, оказываются распространенными без согласия потерпевших и без соблюдения порядка публикации материалов о несовершеннолетних в средствах массовой информации, это свидетельствует о повышенной общественной опасности таких деяний. Судам уже сегодня следует учитывать это при назначении наказания, в том числе и в тех случаях, когда использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», не является признаком основного или квалифицированного состава преступления.

Список литературы

1. Приговор Московского городского суда от 17.09.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

2. BGH 1 StR 105/09 — Beschluss vom 21. April 2009 (LGMunchenI) (http://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/09/1-105-09.php.

3. *Бимбинов А.* Ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних по законодательству стран Евросоюза (на примере Германии, Франции и Англии) // Уголовное право. 2014. № 2.

4. The Crown Prosecution Service. Legal Guidance. Sentencing Manual (http://www.cps.gov.uk/legal/s_to_u/senten-cing_manual/s12_causing_child_ to_watch_sexual_act, дата обращения: 03.01.2014).

5. House of Commons. Session 2002—03. Home Affairs Committee Publications. Fifth Report

(http://www. publications. parliament.uk/pa/cm200203/cmselect/cmhaff/639/63908.htm, дата обращения: 03.01.2014).

6. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.12.2013 № 237-П12пр // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2011 № 5-Г11—131.

[8] Определение Верховного Суда РФ от 09.08.2011 № 5-Г11-131.

УДК 343.2
ББК 67.408

ДИКАРЕВ Вячеслав Геннадиевич,
начальник кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков
Международного межведомственного центра
подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК МВД России,
подполковник полиции;

ОЛИМПИЕВ Анатолий Юрьевич,
профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков
Международного межведомственного центра
подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК МВД России,
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
полковник полиции

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОСОБЫХ ФОРМАХ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ, НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В данной статье даются описания отечественного уголовного законодательства, внесенных в него изменений и дополнений, видов освобождения от уголовной ответственности при соучастии в преступлении, неоконченном преступлении и множественности преступлений как особых форм преступной деятельности.*

Ключевые слова: *стратегия, уголовное право, суд, постановление, правоохранительные органы, практика.*

Annotation. *This article contains descriptions of domestic Hugo-inal legislation introduced amendments and additions vie-ing exemption from criminal liability for complicity in the crime lenii, unfinished offense and multiple offenses as a special form of criminal activity.*

Keywords: *strategy, criminal law, court ruling, law enforcement practice.*

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537) одним из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должно стать совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью. При этом Президент РФ 30 ноября 2010 г. в Послании Федеральному Собранию РФ отметил, что уголовное законодательство должно быть жестким, но в то же время современным и гуманным в разумном смысле слова. Такой подход также согласуется с выводами Президента РФ, обозначенными им 22 декабря 2011 г. в Послании Федеральному Собранию РФ, о серьезном реформировании уголовного законодательства в 2011 году, что позволило сделать его более справедливым, гуманным и адекватным целям развития нашего общества.

Анализ изменений, внесенных в 2010—2012 гг. в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), показывает, что, с одной стороны, сохраняется строгая уголовная ответственность за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, за реци-

див, за проявления криминального профессионализма и организованной преступности, а с другой — наметился отход от преобладания репрессивных мер воздействия в отношении совершивших преступление впервые, преступление небольшой или средней тяжести, преступление в сфере экономической деятельности, в несовершеннолетнем возрасте, по неосторожности и т.д. При этом все большее значение в карательном механизме государства приобретает понятие компромисса — допустимого способа решения проблемы реализации ответственности в правовом государстве. Конкретным выражением института компромисса между государством и лицом, совершившим противоправное деяние, в случае его (лица) позитивного докриминального и посткриминального поведения, является межотраслевой институт освобождения от уголовной ответственности.

Подобные законодательные положения соответствуют мировой тенденции развития сокращенных форм уголовного судопроизводства. Институт освобождения от уголовной ответственности позволяет достигать цели, стоящие перед правосудием по уголовным делам, значительно сократить материальные и организационные затраты, избежать при этом нарушения конституционных прав лица, обвиняемого в совершении преступления. Кроме того, данный институт дает возможность снизить нагрузку на уголовно-исполнительную систему России и, в перспективе, приблизить ее к мировым стандартам.

Законодатель достаточно много места отвел в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. ФЗ 2013 г.) (далее — УК РФ) институту освобождения от уголовной ответственности: нормативно закрепил общие нормы об освобождении от уголовной ответственности по различным основаниям (ст. 75, 76, 76^1, 78, 84 УК РФ); установил основания (условия) такого освобождения; значительно расширил перечень специальных случаев освобождения от уголовной ответственности (ст. 126, 127^1, 178, 184, 198, 199—199^1, 204, 205^1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 228^3, 275, 282^1, 282^2, 291, 291^1, 307 УК РФ) и т.д. Однако данный институт подвергся существенным преобразованиям в 2003—2012 гг. в связи с вступлением в силу ряда федеральных законов. В числе последних законов следует отметить Федеральный закон от 07.12.2011. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В условиях реформирования российского законодательства нормы об освобождении от уголовной ответственности активно применяются на практике. Так, согласно статистическим сведениям о работе судов общей юрисдикции за 2011 год в целом по РФ судами всех уровней в отношении 257 589 лиц были прекращены уголовные дела, что на 5,0% меньше, чем в 2010 г. (было прекращено в отношении 271 043 лиц).

Несмотря на систематическое совершенствование института освобождения от уголовной ответственности, в теории уголовного права и на практике остаются нерешенными множество вопросов, связанных с применением норм об освобождении от уголовной ответственности (в связи с добровольным отказом, деятельным раскаянием, вымогательством взятки (подкупа), примирением с потерпевшим, актом об амнистии, а также по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности) при соучастии в преступлении, неоконченном преступлении и множественности преступлений как особых форм преступной деятельности.

Во-первых, в уголовном законе не регламентированы особенности освобождения от уголовной ответственности при соучастии в преступлении (за исключением примечания к ст. 210 УК РФ). При этом законодатель закрепил признаки деятельного раскаяния применительно лишь к деятельности исполнителя, без учета особенностей группового преступления.

Во-вторых, Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ в Общей части УК РФ была закреплена новая норма — статья 76^1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

В-третьих, Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ в УК РФ введена новая норма — статья 228^3 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение или перевозка пре-

курсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ», в которой законодатель предусмотрел специальный вид освобождения от уголовной ответственности.

В-четвертых, Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ в УК РФ введена новая норма статья 291[1] УК РФ («Посредничество во взяточничестве»), в которой законодатель предусмотрел специальный вид освобождения от уголовной ответственности.

В-пятых, Федеральным законом от 30.12.2012 № 306-ФЗ внесены изменения в положения специальных норм об освобождении от уголовной ответственности по ст. 222—223 УК РФ.

В-шестых, в уголовном законе не регламентированы особенности применения компромиссных норм об освобождении от уголовной ответственности при неоконченном преступлении. В свою очередь, анализ предусмотренных компромиссных норм указывает на необходимость разграничения положений ст. 31, 75 и примечания к ст. 205 УК РФ в части, касающейся содержания действий соучастников при добровольном отказе от совершения преступления и деятельном раскаянии.

В-седьмых, в уголовном законе четко не регламентированы особенности применения норм об освобождении от уголовной ответственности при множественности преступлений. Последняя свидетельствует о повышенной общественной опасности содеянного и личности виновного, а поэтому множественность преступлений является одним из условий дифференциации уголовной ответственности посредством освобождения от нее. Законодатель использует данный институт в качестве условия, при котором освобождение от уголовной ответственности невозможно (ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76[1], примечания к ст. 127[1], 198, 199, 199[1], 337 и 338 УК РФ). Однако в остальных случаях множественность преступлений не препятствует освобождению от уголовной ответственности — ст. 126, 178, ч. 3—4 ст. 184, ст. 204, 205, 205[1], 206, 208, 210, 222, 223, 228, 228[3], 275, 282[1], 282[2], 291, 291[1], 307 УК РФ).

Указанные вопросы не получили четкой регламентации как в уголовном законе, так и в иных нормативных актах, поэтому неоднозначно понимаются и решаются правоприменителями. В итоге, это и многое другое порождает противоречивую практику освобождения от уголовной ответственности при особых формах преступной деятельности.

Список литературы

1. СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

2. СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.06.12).

УДК 343.7
ББК 67.408

ЗАГРЯДСКАЯ Екатерина Александровна,
и.о. заведующего кафедрой уголовного права
Четвертого факультета (с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФКГОУ ВО «Академия Следственного комитета
Российской Федерации»
E-mail: zag.ea@mail.ru

К ВОПРОСУ О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются признаки малозначительных деяний, к которым относится общественная опасность деяния и причиненный вред. На примере конкретного уголовного дела рассматривается общественная опасность коррупционных преступлений и возможность прекращения уголовного дела в связи с малозначительностью.*

Ключевые слова: *малозначительность, коррупционные преступления, должностные лица, общественная опасность, последствия, причиненный вред.*

Annotation. *The article deals with signs of minor offenses, which include a socially dangerous act and the harm. On the example of the criminal case is considered public danger of corruption offenses and the possibility of termination of criminal proceedings in connection with insignificance.*

Keywords: *insignificance, corruption offenses, officials, public danger, the consequences caused harm.*

Коррупция является комплексной социально-политической проблемой современности. Это явление отрицательно влияет на разные стороны общественной жизни: экономику, политику, управление, социальную и правовую сферы. Коррупционные проявления деформируют бытовую, правовую, этическую стороны человеческой жизни, постепенно превращаясь из аномалии в норму поведения. Пожалуй, сложно сейчас обнаружить какую-либо сферу экономической или политической жизни, не подверженную коррупционной угрозе. Коррупционные преступления являются многогранными, охватывают довольно большую группу преступлений, посягающих на самые различные охраняемые законом общественные отношения.

Применение уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за указанные преступления, имеет важное значение. При большой общественной опасности данных преступлений противодействие им является одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов. Однако предпринимаемые меры по противодействию коррупции на региональном, национальном и международном уровнях, очевидно, не влекут ожидаемой результативности. В такой ситуации важным элементом государственной системы пресечения и профилактики коррупции является адекватная деятельность всех правоохранительных органов, включая Следственный комитет Российской Федерации, прокуратуры и суды.

Вместе с тем в правоприменительной практике имеются случаи, когда в судах при рассмотрении уголовных дел о коррупционных преступлениях используется уголовно-правовой институт малозначительности, посредством которого декриминализируются коррупционные деяния и прекращаются уголовные дела.

Необходимо отметить, что в настоящее время законодатель четко не сформулировал определение понятия малозначительности, в связи с этим имеются проблемы в оценке конкретного преступного деяния с позиции ма-

лозначительности. Часть 2 ст. 14 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации предписывает, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя и формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Малозначительные деяния внешне содержат признаки определенных деяний, предусмотренных УК РФ, поэтому такие деяния затрагивают общественные отношения, которые находятся под защитой уголовного закона, так как они причиняют вред охраняемым этим Законом интересам, а поэтому могут быть квалифицированы как преступления в силу формальной противоправности. В то же время такие деяния не обладают общественной опасностью, которая характерна для преступления [1].

Малозначительное деяние не является преступлением при наличии одновременно двух условий. Первое условие заключается в том, что деяние должно формально подпадать под признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, то есть должно быть противоправным. Второе условие заключается в том, что в деянии должно отсутствовать такое свойство преступления, как общественная опасность. Как правило, опасность будет отсутствовать потому, что ущерб, причиненный деянием, является ничтожным, малым. В связи с этим деяние в целом оказывается непреступным. Поэтому, прекращая дела, суды рассматривают вопрос о возможности иной, не уголовно-правовой меры ответственности за него [2].

Как уже отмечалось, при рассмотрении уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности суды по-разному оценивают преступное деяние с позиции малозначительности, одни выносят обвинительные приговоры, другие аналогичные уголовные дела прекращают по малозначительности.

Так, в ходе предварительного следствия по уголовному делу, возбужденному в отношении Г., установлено, что она является главой муниципального образования, обладает организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, в ее компетенцию входит исполнение бюджета сельсовета, владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности сельского поселения.

Г., действуя умышленно, из корыстных побуждений, незаконно используя свое служебное положение, похитила из бюджета муниципального образования, путем присвоения, вверенные ей денежные средства в сумме 5500 рублей, причинив ущерб бюджету муниципального образования на вышеуказанную сумму. Своими действиями Г. совершила преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 160 УК РФ.

В ходе предварительного следствия Г. вину в совершении данного преступления признала в полном объеме. Уголовное дело с утвержденным прокурором обвинительным заключением было направлено в суд.

Постановлением районного суда уголовное дело в отношении Г. было прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления (по реабилитирующим основаниям).

Свое решение суд мотивировал тем, что деяние, совершенное Г., не является преступлением, так как в силу малозначительности не представляет общественной опасности, в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ. Судом установлено, что бюджет муниципального образования в 2011 году составил 7 млн 939 тыс. рублей, поэтому присвоение Г. 5500 рублей не могло причинить ущерб бюджету муниципального образования, поскольку составляет очень незначительную часть бюджетных средств. В соответствии с Федеральным законом от 01.06.2011 № 106-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» с 1 июня 2011 года минимальный размер оплаты труда составляет 4611 рублей в месяц. Таким образом, сумма похищенных денежных средств Г. незначительна, поскольку составляет чуть более одного минимального размера оплаты труда, действовавшего на момент хищения.

Решение суда куда более чем спорное, попытаемся обосновать свою позицию.

Вопрос о признании деяния малозначительным — всегда вопрос факта. Следствие и суд при его решении должны прежде всего учитывать реально наступившие вредные последствия, способ совершения деяния, форму вины, мотив, цель.

Для признания деяния малозначительным необходимо руководствоваться объективным

и субъективным критериями. Объективный критерий указывает на то, что деяние не представляет общественной опасности в силу его малозначительности. Субъективный критерий требует, чтобы умысел лица был направлен на совершение малозначительного деяния, т.е. когда лицо желало совершить именно малозначительное деяние, а не потому, что оно по не зависящим от него обстоятельствам так в конкретном случае произошло.

На наш взгляд, хищение бюджетных средств, совершенное высшим должностным лицом муниципального образования с использованием своего служебного положения, носит повышенную общественную опасность. Заметим, что при рассмотрении аналогичных уголовных дел о хищениях денежных средств граждан размер похищенного свыше 2500 рублей признается значительным. В соответствии со статьей 8 Конституции Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, следовательно, хищение из бюджета имеет общественную опасность, так же как и хищения денежных средств, находящихся в иной форме собственности.

По мнению некоторых ученых, малозначительности не может быть, если условием привлечения к уголовной ответственности является наступление строго формализованных последствий, например определенной суммы ущерба. Так, уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ) признается преступлением только, если налоги были не уплачены в крупном размере. Поэтому при уклонении от уплаты налогов в меньшем размере, чем предусмотрено в примечании к ст. 198 УК РФ, речь идет не о малозначительности деяния, а об отсутствии состава преступления, поскольку нет одного из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, — последствий [3]. В этом случае говорится о совершении административного (налогового) правонарушения, предусмотренного ст. 119 — 122 Налогового кодекса РФ.

Нет малозначительности деяния и при совершении хищения малоценного имущества из помещения и жилища, поскольку действие ст. 7.27 КоАП РФ согласно примечанию к этой статье не распространяется на совершение хищения, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ. Аналогичным образом следует учитывать положения уголовного закона при квалификации деяний по ч. 2 ст. 159 и 160 УК РФ [4].

Давая оценку степени общественной опасности содеянного Г., суд исходил из установленных в судебном заседании обстоятельств совершения данных деяний и отсутствия в материалах уголовного дела доказательств, свидетельствующих о том, что содеянное Г. обладает признаками высокой общественной опасности и представляло бы угрозу причинения существенного вреда как для общества и государства, так и для муниципального образования. Однако, как представляется автору статьи, общественная опасность всех коррупционных преступлений не в размерах присвоенных, растраченных, похищенных суммах, а в том, что подрывается авторитет государственной власти, личные интересы чиновников превалируют над государственными интересами. Должностное лицо, обладая широким кругом полномочий, например, исполнение бюджета сельсовета, владение, пользование, распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности сельского поселения, злоупотребляет ими, совершая преступные деяния. Как раз в этом и заключается общественная опасность совершенных Г. преступлений.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 35.

2. *Наумов А.В.* Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации (комментарий судебной практики и доктринальное толкование) / под ред. Г.М. Резника. М., 2005. С. 42, 43.

3. *Гонтарь И.Я., Зинченко И.А., Козлов А.П.* и др. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. СПб., 2005. С. 93.

4. *Вишнякова Н.В.* Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008. С. 219.

5. *Винокуров В.Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4.

УДК 343.7
ББК 67.408

ИЗОСИМОВ Вадим Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Четвертого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук
E-mail: VEKiz@yandex.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (СТРАНЫ ОБЩЕГО ПРАВА)

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматривается зарубежное уголовное законодательство, регламентирующее ответственность за различные виды коррупционных преступлений. Проводится анализ нормативных источников стран общего права применительно к обозначенной теме, таких как США и Англии, на основании чего автор делает собственные выводы, касающиеся принятия законов по этике для отечественной законодательной, исполнительной и судебной власти, а также создания специальных ведомств по контролю за исполнением данных этических норм.*

Ключевые слова: *коррупционная преступность, зарубежное законодательство, страны общего права, публичный служащий, этика.*

Annotation. *This paper examines the foreign criminal laws governing liability for various types of corruption crimes. The analysis of the normative sources of the common law countries, in relation to the designated topic, such as the United States and England, based on which the author draws his own conclusions concerning the adoption of ethics for domestic legislative, Executive and judicial authorities, as well as the establishment of special agencies to monitor compliance with these ethical standards.*

Keywords: *corruption, crime, foreign law, common law countries, the public employee ethics.*

Анализ норм российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за различные виды коррупционных преступлений свидетельствует о наличии тенденции сближения правовых систем и непрекращающихся попытках найти оптимальную линию борьбы с этими общественно опасными деяниями [1]. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к исследованию законодательных источников стран общего права.

Представление о состоянии законодательства стран общего права дает обращение к нормативным источникам США и Англии.

США. В законодательстве США наиболее подробно изложены положения, регулирующие ответственность за взяточничество в сфере деятельности публичной администрации. Однако в нем есть и такие нормы, которые запрещают публичным служащим совмещать свою службу с иной сферой деятельности.

Один из вариантов злоупотребления служебным положением, совершаемым публичными служащими, федеральное законодательство (гл. 11) относит занятия, не совместимые с основными должностными обязанностями. Так, согласно § 204 разд. 18 Свода законов США конгрессмены или лица, избранные в Конгресс, либо члены постоянных комиссий подлежат уголовной ответственности, если они практикуют в Претензионном суде. За такое «совместительство» законно предусматривается наказание в виде штрафа

до 10 тыс. долл. США или (и) лишение свободы на срок до 2 лет.

Публичный служащий или лицо, работающее по найму в органах законодательной, исполнительной или судебной власти США, не может выступать, если это не входит в его обязанности, в качестве представителя или обвинителя в каком-либо требовании, предъявляемом Соединенным Штатам, а также получать вознаграждение, проценты, долю и пр. за оказание помощи в предъявлении такого требования. Эти же лица не могут представлять чьи-либо интересы в гражданских, административных и уголовных делах, в которых стороной являются Соединенные Штаты либо в которых государство имеет прямую и существенную материальную заинтересованность (§ 205). Данные действия караются штрафом до 10 тыс. долл. США или (и) лишением свободы сроком до 2 лет.

Вышеназванные должностные лица несут также уголовную ответственность, если они принимают участие лично и опосредованно в качестве государственных служащих в каких-либо делах, где они, их супруги, несовершеннолетние дети, партнеры, организации, в которых они служат, являются доверительными собственниками либо партнерами, а также организации, с которыми они ведут переговоры о предстоящей работе, имеют финансовый интерес (§ 208).

Отличительной особенностью законодательства США является то, что в нем преступления, связанные с выборами и политической деятельностью, выделены в отдельную главу (гл. 29 разд. 18 Свода законов США), предусматривающую ответственность кандидатов на какие-либо выборные должности, которые в обмен на поддержку своей кандидатуры обещают кому бы то ни было назначение на публичную или частную должность или получение работы по найму.

Антикоррупционные нормы содержатся не только в Своде законов США, но и уголовных кодексах штатов. Так, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк отводит должностным преступлениям раздел, именуемый «Преступления против публичного управления». Он объединяет статьи, предусматривающие уголовную ответственность за неправомерное поведение должностных лиц и воспрепятствование осуществлению должностных обязанностей, взяточничество и примыкающие к нему правонарушения, а также преступления против правосудия. К их числу относятся и те, которые запрещают публичным служащим совмещать свою служебную деятельность с коммерческой. Аналогичные нормы содержатся и в уголовных кодексах других штатов.

Особая роль в деле противодействия коррупционным преступлениям в США принадлежит Федеральному Бюро Расследований. Созданные при этом органе комиссии постоянно обращают внимание на соответствие доходов и расходов, как чиновников, так и бизнесменов. Любые нарушения, касающиеся точности и достоверности, подаваемых должностными лицами сведений о своих доходах, влекут за собой крупные штрафы и административные взыскания, а возможно, и уголовное преследование.

В 1978 г. Конгресс США принял *Закон об этике в правительстве*, задача которого «сохранять честность государственных чиновников и учреждений и способствовать таковой». Подписывая данный нормативный правовой акт, экс-президент США Дж. Картер заявил, что «этот закон не только сделает правительственных чиновников честными, но и заставит их сохранять честность», и благодаря ему «обществу будет предоставлена возможность оценивать, является ли честным тот или иной кандидат, а также тот или иной государственный чиновник» [2].

В 1989 г. Конгресс США одобрил закон, внесший некоторые изменения в нормы, регулирующие этику поведения должностных лиц, и распространил положения закона об этике на все ветви федеральной власти — законодательную, исполнительную и судебную. Были также созданы специальные ведомства, призванные надзирать за соблюдением этических норм. Данный контроль осуществлялся: а) в отношении членов и сотрудников аппарата Палаты представителей Конгресса — на Комитет по стандартам официального поведения Палаты представителей Конгресса США; б) в отношении сенаторов и сотрудников Сената — на Комитет Сената США по этике; в) в отношении федеральных судей и сотрудников аппаратов судов — на Административное управление судов США; г) в отношении должностных лиц органов

исполнительной власти — на Управление по этике в правительстве.

На служащих органов исполнительной власти распространяется действие «Кодекса этики правительственной службы», нормы которого вправе устанавливать государственный секретарь США от имени Президента страны.

Англия. Великобритания одной из первых осознала опасность преступлений, совершаемых государственными служащими, и уже в 1809 году в Законе о продаже должностей предусмотрела ответственность за продажу, покупку, сделку с целью получения какой-либо должности, в том числе и работы по найму как в пределах Соединенного Королевства, так и в британских владениях.

В 1889 году был принят Закон о взяточничестве в публичных организациях. Далее — Законы о предупреждении коррупции 1906 и 1916 гг. и Закон 1925 г. «О чести». Отметим, что до настоящего времени эти законы остались практически без изменения.

Первый из вышеназванных нормативных правовых актов (Закон 1889 г.) запрещает истребование взятки или получение или согласие на получение подарка, ссуды, вознаграждения или чего-либо иного, имеющего ценность как средства побуждения служащего сделать что-либо или воздержаться от выполнения чего-либо. Виновное лицо наказывается лишением свободы или штрафом, равному стоимости подарка, ссуды или вознаграждения, полученных им. Дополнительно оно лишается права быть избранным или назначенным на какую-либо публичную должность сроком на семь лет. В случае повторного осуждения субъект дисквалифицируется навсегда, а также лишается права на какую-либо компенсацию или пенсию, на которые он бы рассчитывал в качестве должностного лица.

Закон 1906 г. о предупреждении коррупции предусматривает уголовную ответственность за сам факт получения незаконного вознаграждения, независимо от того, совершило ли лицо, получившее взятку, те действия, за которые она была дана, и от мотивов, которыми руководствовался взяткодатель.

Закон 1916 г. об исправлении Закона о предупреждении коррупции и дополнениях к нему устанавливает ответственность за взяточничество в тех случаях, когда делом или сделкой, по поводу которых взятка была дана, был договор или предложение договора с центральным правительством или с отдельными правительственными ведомствами. Согласно этому источнику лицо, виновное в совершении указанного преступления, карается тюремным заключением на срок от трех до семи лет [3].

Закон 1925 г. «О чести» посвящен предотвращению злоупотреблений по службе и был принят после ряда случаев продажи титула пэра в то время, когда пост премьер-министра занимал Дэвид Ллойд Джордж. На его основе в рамках антикоррупционной стратегии в Великобритании была создана и реализуется программа утверждения принципов честности и неподкупности во всех сферах жизни общества, в том числе на государственной службе.

Кроме названных выше, следует упомянуть и Закон 1986 г. «О дисквалификации директоров компаний» [4]. Данный нормативный правовой акт также обладает определенным антикоррупционным потенциалом. В соответствии с этим документом под *дисквалификацией* понимается издание судом приказа о запрете лицу на указанный в нем срок занимать должности директора компании, управляющего имуществом компании, как прямо, так и косвенно, а также принимать участие в продвижении, образовании или управлении компанией без специального разрешения суда (ст. 1(1) (а)). Дисквалификация не определяется в абсолютных величинах. В приказе устанавливаются лишь максимальный и минимальный ее срок. При этом сам приказ вступает в силу через 21 день после его издания (ст. 1(2)). Если приказ издан в отношении лица, к которому уже применяется дисквалификация, сроки, которые указаны в первом приказе, поглощаются (ст. 1(3)). Дисквалификация применяется не только за преступления, но и по иным основаниям (ст. 1(4)), в силу чего возможно ее назначение не только судом, но и министром внутренних дел (ст. 1А (1)). В тех случаях, когда дисквалификация является уголовным наказанием, ее сроки зависят от процедуры судопроизводства. При рассмотрении дела в суде магистрата максимальный период дис-

квалификации составляет пять лет. Во всех остальных случаях — пятнадцать лет (ст. 1А (3)). Если лицо совершило преступление, которое может быть разрешено судом присяжных, вне зависимости от места рассмотрения дела, допустимо назначение дисквалификации на срок до 15 лет [5]. Нарушение приказа влечет увеличение наказания.

Необходимо отметить, что вопросами противодействия коррупции в Великобритании занимается ряд ведомств. Расследование подобных преступлений, требующее глубоких знаний экономики и механизмов совершения финансовых операций, анализа бухгалтерской документации, затруднялось в связи с отсутствием в правоохранительных органах специалистов такого высокого уровня. В результате был принят закон [6], регулирующий процедуру расследования «наиболее сложных и многогранных уголовных дел в сфере коммерческой деятельности» [7], в том числе и коррупционного характера. Этот же документ определил компетенцию органа, получившего название Подразделение по борьбе с серьезными мошенничествами (Serious Fraud Office), который занимался расследованием таких преступлений.

В октябре 1994 года в Англии был создан независимый консультативный Комитет по стандартам (поведения) в общественной (государственной) жизни, который в 1995 году разработал своеобразный кодекс этики чиновника, главными принципами которого стали: а) *нестяжательство* — служение только общественным интересам; б) *отказ от каких-либо действий для достижения материальных и финансовых выгод для себя, своей семьи и друзей*; в) *неподкупность* — недопущение какой-либо финансовой или иной зависимости от внешних лиц или организаций, которые могут повлиять на исполнение официального долга; г) *объективность* — непредвзятое решение всех вопросов; д) *подотчетность* — ответственность за предпринятые действия перед обществом и предоставление полной информации в случае публичной проверки; е) *открытость* — максимальное информирование общества обо всех решениях и действиях, их обоснованности (при этом сокращение информации допустимо при необходимости соблюдения высших общественных интересов); ж) *честность* — обязательное сообщение о своих частных интересах, связанных с общественными обязанностями, принятие всех мер для разрешения возможных конфликтов в пользу общественных интересов; з) *лидерство* — соблюдение принципов лидерства и личного примера в исполнении стандартов общественной жизни [8].

Несмотря на то, что Великобританию критикуют за отсутствие современного антикоррупционного законодательства, она относится к числу государств, наименее подверженных коррупции. Дела о мздоимстве чиновников являются крайне редкими, что можно объяснить традициями британского общества, истоки которых восходят к первым антикоррупционным актам начала XIX века.

Подводя итог вышесказанному, полагаем, что принятие аналогичных законов по этике для отечественной законодательной, исполнительной и судебной власти, а также создание специальных ведомств по контролю за исполнением данных этических норм дало бы положительный эффект по существенному снижению уровня коррупции в органах власти.

Список литературы

1. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. М.: Юридическая литература, 1994. С. 3.

2. *Николайчик В.* Правила этики — попытка предупреждения коррупции // Чистые руки. 1999. № 1. С. 72.

3. Цит. по: *Бочарников И.В* Зарубежный опыт противодействия коррупции // Аналитический вестник Аналитического управления Аппарата Федерального Собрания РФ. 2007. № 6 (351). С. 39—62.

4. Company Directors Disqualification Act, 1986.

5. Company Directors Disqualification Act, 1986.

6. Criminal Justice Act 1987.

7. SFO Annual Report 2001—2002. Letter to the Attorney General. P. 1.

8. *Бочарников И.В.* Зарубежный опыт противодействия коррупции // Аналитический вестник Аналитического управления Аппарата Федерального Собрания РФ. 2007. № 6 (351). С. 39—62.

УДК 343.72
ББК 67.408

КАЗАЧЕК Елена Юрьевна,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Пятого факультета повышения квалификации
Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск)
Федерального государственного образовательного
учреждения высшего образования
«Академия Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: dobrychkaa@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация: *В статье приведена классификация предмета преступных посягательств совершения мошенничества при получении выплат; подробно, с использованием примеров судебной практики раскрываются типичные способы данного вида преступления.*

Ключевые слова: *мошенничество, способы совершения преступления, виды выплат, судебно-следственная практика.*

Annotation. *This paper provides a classification of the subject criminal encroachments committing of fraud when picked payments; detail, using the jurisprudence reveals typical ways given kind crime.*

Keywords: *fraud, modus operandi, kinds of payments by, the forensic investigative practice.*

Количество преступлений против собственности за последние годы продолжает увеличиваться. Особое место среди них занимает мошенничество.

Так, мошенничество — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Приведенное определение мошенничества применимо к любым видам мошеннических действий независимо от отрасли, сферы экономической деятельности, способов совершения и т.д.[1]

При этом в результате совершения преступлений данного вида причиняется значительный или крупный ущерб как государству, так и отдельным гражданам.

Качественные изменения, происшедшие в нашей стране за последние годы как в общественной, так и экономической жизни, привели к тому, что преступники традиционные способы мошенничества стали приспосабливать к новым условиям. Широкую почву для этого предоставляет недостаточная урегулированность некоторых вопросов в уголовном, гражданском, уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном праве.

В свою очередь, несовершенство законодательства позволяет мошенникам находить лазейки для совершения своих махинаций.

В связи с развитием экономических отношений возникают новые способы мошенничества — мошенничество при получении выплат.

Сравнительно часто судебно-следственная практика сталкивается с незаконным получением обманным путем гражданами государственных пенсий в повышенных размерах, различных пособий и иных разовых или регулярных выплат, нередко при содействии должностных лиц, которые в этих целях выдают непосредственному исполнителю мошенничества фиктивные документы, как правило, различного рода справки, в которых отображаются несоответствующие действительности (ложные) сведения в части или в полном объеме.

Подобные действия до недавнего времени квалифицировались по ст. 159 УК РФ. Одна-

[1] *Третьяк М.И.* Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2014.

ко для устранения ошибок и разногласий в сфере получения пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 159[2], предусматривающей ответственность за мошенничество подобного рода[2].

Так, мошенничество при получении выплат — это хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Способ совершения преступления является неполноструктурным, так как при совершении мошеннических действий в сфере получения выплат отсутствует один из элементов, а именно способ сокрытия преступления.

Как правило, мошенничество при получении выплат готовится заранее: преступник для осуществления своего умысла изготавливает заведомо подложные документы, которые предоставляют право на получение той или иной выплаты. К числу таких документов, содержащих заведомо ложные сведения, относятся: свидетельство о рождении якобы родившегося ребенка; договор, заключенный с «мертвыми душами», и т.д.

По российскому законодательству существуют следующие виды выплат:

1) компенсации — денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей. Выплачиваются нуждающимся гражданам с целью оказания им помощи по восстановлению утраченного имущественного положения;

2) доплата — компенсационная выплата за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению;

3) субсидия — полная или частичная оплата предоставляемых гражданам социальных услуг. Выплачивается с целью оказания помощи отдельным категориям граждан в благоустройстве, в оплате жилищно-коммунальных услуг и т.д.;

4) пособие — безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;

5) пенсия по государственному пенсионному обеспечению — ежемесячная государственная денежная выплата, право на получение которой определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными законом, и которая предоставляется гражданам в целях компенсации им заработка (дохода), утраченного в связи с прекращением федеральной государственной гражданской службы, при достижении установленной законом выслуги и выходе на трудовую пенсию по старости (инвалидности); в целях компенсации вреда, нанесенного здоровью граждан при прохождении военной службы, в результате радиационных или техногенных катастроф, в случае наступления инвалидности или потери кормильца, при достижении установленного законом возраста; нетрудоспособным гражданам в целях предоставления им средств к существованию.

Обычно мошеннические действия при получении выплат совершаются лицом в одиночку и лишь изредка — в соучастии. Соучастие может проявляться в непосредственной помощи мошеннику изготовления заведомо подложных документов, в предоставлении необходимых бланков, дающих право на получение выплаты того или иного рода.

Мошенничество при получении выплат состоит в активных действиях претендующего на назначение выплаты (он же мошенник), и пассивных действиях, направленных на обман представителя организации, государственного или муниципального органа, уполномоченного принимать решение о производстве выплаты, и неправомерное получение выплат. Обманутое мошенником лицо назначает и выдает социальную выплату из находящихся в его распоряжении денег, средств или имущества, принадлежащего организации, государству или муниципалитету, в результате чего последним причиняется ущерб,

[2] Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 4 дек.

в размере выплаченной суммы денежных средств или стоимости иного имущества[3].

Для получения выплаты лицу, претендующему на ее получение, необходимо подать документы, подтверждающие право на получение данной выплаты в соответствии с действующим законодательством.

На сегодняшний день, как показывает судебно-следственная практика, мошеннические действия чаще всего совершаются при получении следующих видов выплат: а) пособий неработающим пенсионерам и инвалидам, по безработице, пособий, направленных на поддержку семей, имеющих детей (материнский капитал); б) пенсий по случаю потери кормильца нетрудоспособному члену семьи; в) субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, для поддержки малого и среднего бизнеса, в соответствии с региональными нормативными правовыми актами; г) компенсаций за найм жилого помещения; д) социальных доплат к пенсии, доплат к пенсии в связи с прохождением обучения в образовательном учреждении, в связи с нетрудоспособностью или по случаю потери кормильца.

Способы совершения мошенничества при получении выплат весьма разнообразны. Их можно классифицировать следующим образом.

1. Обманное получение различных выплат одним лицом вместо другого, когда виновный выдает себя за лицо, имеющее право на получение имущества, которым он в действительности не является. Обычно получение выплат таким способом совершается путем присвоения лицом чужого или вымышленного имени и фамилии; иногда виновный, не присваивая себе чужого или вымышленного имени, выдает себя за лицо, находящееся в известных личных, например родственных, отношениях с другим лицом, для которого виновному на этом основании передается право на получение различного рода выплат.

Например, Г., являясь председателем животноводческого кооператива и обладая правом на осуществление приема и увольнение работников, издание приказов и распоряжений, подписал фиктивные трудовые договоры от имени работников кооператива, а также фиктивный приказ о приеме данных граждан на работу, собственноручно учинил подпись от их имени и предоставил данные документы в орган, осуществляющий выплату денежных средств в виде пособий, после чего получил данные денежные средства и присвоил их[4].

2. Незаконное получение по подложным документам различных выплат: пенсий, пособий, субсидий, компенсаций.

Так, З., фактически проживая в домовладении, не вошедшем в зону затопления стихийного бедствия в Крымском районе Краснодарского края и не утратив предметы первой необходимости, была включена в списки пострадавших и получила компенсацию за утраченное имущество в денежном размере.

3. Путем предоставления заведомо ложных сведений в органы, осуществляющие выплату денежных средств.

Так, М. в целях получения денежных средств в виде материнского капитала представила в отделение Пенсионного фонда фиктивное свидетельство о рождении на несуществующего у нее ребенка, после чего получила эти средства[5].

Ж. в целях получения денежных средств в виде материнского капитала, являясь матерью троих несовершеннолетних детей и имея государственный сертификат на материнский (семейный) капитал и не имеющая намерений улучшать свои и своих несовершеннолетних детей жилищные условия, вступив в преступный сговор с К., являющимся председателем КПК «Дом и семья», обговорив между собой роли и получения выгод для каждого и мошенническую схему хищения средств материнского (семейного) капитала, согласно которой Ж. должна была стать членом КПК «Дом и семья», а затем заключить фиктивный договор займа денежных

[3] *Филиппов А.Г., Чистова Л.Е.* Расследование отдельных видов мошенничества: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2014.

[4] Приговор от 12 апреля 2013 г. в отношении гр. Г. // Архив Лопатинского районного суда Пензенской области, 2013 г.

[5] Приговор от 17 апреля 2013 г. в отношении гр. М. // Архив Буйнакского городского суда Республики Дагестан, 2013 г.

средств у КПК «Дом и семья» якобы на приобретение жилища, фактически не получая денежных средств. После этого Ж. необходимо было составить фиктивный договор о заключении сделки по купле квартиры, на которую она якобы расходовала полученные от КПК «Дом и семья» заемные денежные средства. Впоследствии Ж. предоставила данные договоры в Управление Пенсионного Фонда Российской Федерации, где указала в своем заявлении о перечислении денежных средств по материнскому (семейному) капиталу в КПК «Дом и семья» для погашения якобы полученных денежных средств, после чего получила эти средства[6].

4. Обращение в свою пользу денежных средств по фиктивным трудовым соглашениям, договорам.

С., проходя военную службу по контракту, представил в войсковую часть договор найма жилого помещения, содержащий заведомо ложные сведения о том, что он арендует жилое помещение. Введенный в заблуждение командир воинской части издал приказ о выплате С. денежной компенсации за найм жилого помещения[7].

5. Умолчание о фактах, влекущих прекращение социальных выплат (если лицо до того на законных основаниях получало различного рода выплаты).

Гр. Я. получал пенсию по случаю потери кормильца. После отчисления из Смоленского машиностроительного колледжа он, зная, что прекращение учебы по очной форме влечет за собой прекращение выплаты пенсии, не сообщил об этом в Управление Пенсионного фонда РФ и продолжал получать пенсию[8].

6. Путем подделки документов, которые регламентируют получение денежных средств.

А., являясь главным бухгалтером, наделенным правом оформления справок на получение денежных средств в форме субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, используя свое служебное положение, внесла в данные справки заниженные сведения о своей заработной плате, после чего незаконно получила деньги в форме субсидий[9].

Результативность и эффективность проводимых в России коренных преобразований во всех сферах жизни общества и государства во многом зависит от того, как будет строиться деятельность социальных институтов гражданского общества. Чем совершеннее будет уголовное законодательство, тем успешнее могут быть выполнены задачи в области экономической и социальной жизни нашего общества.

Преступления против собственности, совершенные путем обмана, обращают на себя пристальное внимание с точки зрения их социальной оценки как преступлений, порождающих разнообразные негативные последствия в различных сферах жизни общества. Актуальность противодействия рассматриваемым деяниям обусловливается их достаточно широкой распространенностью, сложностью установления способа совершения преступления, квалификации с учетом новизны статьи и отсутствия единообразия в правоприменительной практике.

Изучение предложенных в статье способов совершения мошенничества при производстве выплат показало, что они зависят как от объективных факторов, таких как нестабильность в развитии экономики страны, пробелов в законодательстве, своеобразии сфер деятельности в той или иной отрасли экономики, так и от субъективных факторов, а именно: наличии навыков ведения финансово-хозяйственной деятельности, знании гражданского права, законодательства и т.д.

---

[6] Приговор от 4 октября 2013 г. в отношении гр. Ж. и К. // Архив Шкотовского районного суда Приморского края, 2013 г.

[7] Приговор от 1 апреля 2013 г. в отношении гр. С. // Архив военного гарнизонного суда № 235 г. Москвы, 2013 г.

[8] Постановление от 20 февраля 2013 г. в отношении гр. Я. // Архив Смоленского гарнизонного военного суда, 2013 г.

[9] Приговор от 18 января 2013 г. в отношении гр. А. // Архив Новочеркасского городского суда Ростовской области, 2013 г.

Все это необходимо учитывать при определении способа совершения преступления, а также, наряду с другими обстоятельствами, должны рассматриваться типичные признаки конкретного предмета преступного посягательства как объекта носителей информации о следах преступления.

Список литературы

1. *Третьяк М.И.* Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2014. 200 с.

2. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 4 дек.

3. *Филиппов А.Г., Чистова Л.Е.* Расследование отдельных видов мошенничества: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 280 с.

4. Приговор от 12 апреля 2013 г. в отношении гр. Г. // Архив Лопатинского районного суда Пензенской области, 2013 г.

5. Приговор от 17 апреля 2013 г. в отношении гр. М. // Архив Буйнакского городского суда Республики Дагестан, 2013 г.

6. Приговор от 4 октября 2013 г. в отношении гр. Ж. и К. // Архив Шкотовского районного суда Приморского края, 2013 г.

7. Приговор от 1 апреля 2013 г. в отношении гр. С. // Архив военного гарнизонного суда № 235 г. Москвы, 2013 г.

8. Постановление от 20 февраля 2013 г. в отношении гр. Я. // Архив Смоленского гарнизонного военного суда, 2013 г.

9. Приговор от 18 января 2013 г. в отношении гр. А. // Архив Новочеркасского городского суда Ростовской области, 2013 г.

УДК 343.2
ББК 67.408

КАЛАЙДОВА Анна Семеновна,
профессор кафедры судебной экспертизы и криминалистики
юридического факультета Ростовского государственного
экономического университета (РГЭУ «РИНХ»),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Kalaydova. anna@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс, криминалистика;
оперативно-розыскная деятельность

Рецензент: Улезько Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой уголовного права и криминологии;
уголовно-исполнительное право (РГЭУ «РИНХ»)

О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НОН)

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются основные аспекты уголовно-правовой и криминалистической характеристик преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств; правовая природа самих наркотических средств и психотропных веществ, имеющих двойственный характер. Анализируются законодательство РФ в этой сфере и сложившаяся практика.*

Ключевые слова: *преступления, незаконный оборот наркотических средств, квалификация, проблемы.*

Annotation. *The article discusses the basic aspects of the criminal legal characteristics of the crimes connected with illegal drug trafficking. The legal nature of these narcotic drugs and psychotropic substances has a dual character. The legislation of the Russian Federation in this field and established practices.*

Keywords: *crime, narcotics trafficking, qualification, problems.*

Все, что связано с незаконным оборотом наркотических средств (НОН) во всем мире, и наша страна не исключение, приобретает все большую актуальность. Их распространение создает реальную угрозу населению, подрывает экономический потенциал, негативно влияет на демографическую ситуацию. По оценкам экспертов, в настоящее время в той или иной степени проблема наркомании на территории нашей страны затрагивает около 30 млн человек, то есть практически каждого пятого жителя страны. За последние 20 лет количество состоящих на учете наркозависимых лиц возросло в 10 раз, что в 7—10 раз превышает показатели стран Евросоюза [1].

По заявлению ФСКН России на 2014 год рынок наркопотребления в России составляет 8 млн человек. Так, за 2012 год в нашей стране были привлечены к уголовной ответственности 110 тыс. лиц, употребляющих наркотические средства, а на учете состоит свыше 450 тыс. [2].

Безусловно, это многоплановая проблема, требующая совершенствования нормативной базы и существенной корректировки практики деятельности правоохранительных органов и судов.

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция производства новых видов наркотических средств. Все возрастающий спрос на новые виды наркотиков, про-

дающихся по рецептам, сводит на нет все успехи, достигнутые мировым сообществом в области снижения потребления героина и кокаина. Например, в 2010 году широкое распространение получил такой новый вид наркотического вещества, как дезоморфин (крокодил). Количество употребляющих этот вид наркотика колеблется по разным оценкам в диапазоне от нескольких сотен тысяч до одного миллиона человек и принял масштабы эпидемии. Это объясняется тем, что дезоморфин обладает таким же эффектом, как и героин, только в 15 раз более токсичный, однако стоит намного дешевле и отличается сравнительной легкостью приготовления. По степени вреда здоровью «крокодил» в несколько раз превосходит героин. Именно поэтому его называют наркотиком самоубийц.

Естественно, возросло и количество смертей среди молодежи. Масса изъятого правоохранительными органами дезоморфина увеличилась более чем в 300 раз. В Комитет поступило более 70 обращений глав субъектов Федерации по вопросу принятия мер, направленных на пресечение распространения потребления дезоморфина.

Еще одной серьезной проблемой является расширяющаяся угрожающими темпами организованная преступная деятельность в сфере наркобизнеса. Специалисты утверждают, что мы столкнулись с пандемией. Кроме того, не ослабляется, а возрастает и рост преступлений, связанных с контрабандой наркотиков [3]. Необходимо при этом учитывать и значительную латентность, которая во много раз превышает количество зарегистрированных преступлений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Справедливо отметил В. Иванов, что если в 2006 году дезоморфин изымался на территории 19 российских субъектов, то в прошлом году он (название среди наркоупотребляющих лиц — «крокодил») появился уже на территории 77 губерний [4].

Следует согласиться с практиками, что методы борьбы с незаконным оборотом наркотиков пока малоэффективны, и наиболее слабым звеном в деятельности правоохранительных органов является низкая активность разведывательной деятельности по выявлению и привлечению к ответственности организаторов наркобизнеса.

Для того чтобы скоординировать все усилия государственных органов на достижение конечного результата, предотвратить массовую наркотизацию населения, и было принято решение о создании Государственного комитета РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а с 1 июля 2003 года — Госнаркоконтроль России. 11 марта 2013 года исполнилось 10 лет со дня образовании ФСКН России.

Ученые и практики отмечают, что многие общественно опасные деяния, к которым относится и сбыт наркотиков, совершаются латентно, по согласию обеих сторон, в них нет потерпевших в обычном смысле этого слова, поэтому отсутствуют заявления в правоохранительные органы. Использование в доказывании данных, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий — это объективная необходимость сегодняшнего времени. Практика расследования уголовных дел, связанных со сбытом наркотиков, показывает, что положительный результат обеспечивается не только процессуальными, но и методами оперативно-розыскной деятельности, использование которых позволяет не ограничиваться только тем, чтобы идти по следам преступников, но и отыскать изобличающие преступников доказательства. Судебно-следственная практика показывает, что даже если процессуальными средствами выявляются исполнители сбыта наркотиков, то получить информацию об организаторах доставки наркотиков и о руководителях преступной группы практически невозможно.

Вследствие отсутствия надлежащего контроля на границах Российской Федерации 90% всех выявляемых наркотиков поступает в Россию из других стран, а именно из центрально-азиатских республик, Закавказских государств, Афганистана, Ирана и стран ближнего зарубежья. Соседство Амурской области с Китаем способствует поступлению на ее территорию таких наркотических средств, как эфедрин (за прошедший год задержано 344 перевозчика этого наркотика). Причем места сокрытия наркотических средств различны. Правоохранительными органами были выявлены десятки устойчивых маршрутов, которые постоянно используются международным наркобизнесом. По-

нятие и классификация наркотических средств, характеристика их незаконного оборота дается в Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5]. Это вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, растения, включенные в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г.

Наркотическими средствами признают включенные уполномоченными на то органами в специальные перечни химические или природные вещества и растения выбывающие, как правило, при их потреблении особые состояния, а также психическую и физическую зависимость [6].

Наркотические средства могут быть: в виде капсул (дозы твердых наркотических средства, помещенные в растворимую оболочку из твердого или мягкого желатина); в виде настойки (спиртовые или водные извлечения наркотических средств из растительного сырья); отвары (полученные посредством технической обработки растворы наркотических средств в воде или другой жидкости); растворы (смешанные с водой или органическими растворителями наркотические средства); пилюли — небольших дозированных количеств наркотического средства в виде шарика, получаемые путем раскатывания фармацевтического материала в цилиндрическую палочку и ее деления на отдельные дозы; порошки — измельченные до порошкообразного состояния наркотические средства; сиропы (смесь наркотических средств концентрированных водным раствором запаха, глюкозы или других компонентов); таблетки — твердые дозированные наркотические средства, получаемые путем прессования порошкообразных, кристаллических или гранулированных материалов. Они могут быть различных форм, размеров и цвета.

Наиболее общепринятой является следующая классификация наркотических средств.

1. В зависимости от источников происхождения. По этому признаку наркотические средства делят на природные (натуральные) и синтетические (или полусинтетические наркотики). К природным (натуральным) наркотическим средствам относятся наркотики, изготавливаемые из мака: наркотики, изготавливаемые из конопли: из кокаинового куста и наркотики, изготавливаемые из эфедры.

2. По цели изготовления.

3. По происхождению.

4. По способу изготовления.

5. По типу воздействия на человека.

6. По химическому составу (строению основного физиологического компонента, относящегося к химической классификации).

Наиболее важными группами согласно этой классификации считают: амфетамин и его производные; бензодиазепины; производные барбитуровой кислоты.

Следует отметить, что для криминалистических целей более простой и рациональной является классификация по фармакологическому действию на организм. В этом случае контролируемые вещества делятся на шесть групп: опиоиды (маковая солома, опий, экстракт маковой соломы, морфин, кодеин, тебаин, героин и др.); наркотические средства, получаемые из конопли; стимуляторы, амфетамин и его производные (крек, др.); галлюциногены (лезиргид — ЛСД, мескалин и др.); успокаивающие средства и транквилизаторы (барбитураты); другие контролируемые вещества (фторотан, эфир, толуол) [7].

Подобное деление условно, так как некоторые из них действуют на организм комплексно. Например, производное амфетамина (ДОБ) действует как стимулятор и как галлюциноген. Фенциклидин имеет как анальгезирующий, так и мощный галлюциногенный эффект.

Наркотическими средствами признаются определенные вещества растительного или синтетического происхождения, лекарственные препараты, содержащие наркотические вещества, которые оказывают специфическое (стимулирующее, возбуждающее, угнетающее, галлюциногенное) воздействие на центральную нервную систему и включены Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения и медицинской промышленности РФ в список наркотических средств.

Список наркотических средств содержит три Перечня.

В первом представлен сводный список наркотиков, отнесенных к таковым Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г. Среди них — гашиш (анаша), героин, каннабис (марихуана), кодеин, кокаин, концентрат из маковой соломы, кустарно приготовленные препараты из эфедрина и др. (всего 240 наименований).

Во втором Перечне указаны, главным образом, наркотические лекарственные средства, которые используются при лечении больных и отпускаются строго индивидуально по особым рецептам врачей. Содержащиеся в данном Перечне наименования наркотических средств соответствуют позициям предыдущего Перечня.

В третьем — наркотические средства, запрещенные для применения на людях и производства, в том числе для посевов и выращивания. Среди них такие наркотикосодержащие растения, как индийская, южночуйская, южно-маньчжурская, южноархонская, краснодарская конопля; опийный мак и его производные, содержащие 26 алкалоидов опия: тебаин, кодеин, орипавин и др.

В основу деления психотропных веществ включены положения Венской конвенции о психотропных веществах 1971 г., а также Конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» 1988 года.

Следует также обратить внимание на такую проблему, как хищение наркотиков в медицинских учреждениях, которые в основном совершаются следующими способами:

- неоприходование поступающих препаратов (полное либо частичное);
- списание наркотиков на больных, которым они не применялись либо применялись в меньших количествах;
- извлечение наркотического вещества из ампул с заменой их содержимого;
- составление фиктивных актов об уничтожении наркотиков с просроченным сроком хранения.

В России постоянно пополняется список запрещенных веществ. Но чуть ли не еженедельно на черном рынке появляются новые. И пока включат в запретный список, проходит довольно много времени. Подобное происходит сегодня с курительными смесями.

В связи с этим интерес вызывают участники незаконного оборота наркотических средств. Так, лица могут быть условно классифицированы на определенные группы. При этом одно и то же лицо в зависимости от характера совершаемых действий может быть отнесено к одной или нескольким группам. Необходимо отметить, что участники НОН и организаторы преступных сообществ — это лица, которые организуют и руководят деятельностью групп по приобретению, изготовлению и распространению наркотиков на «черном рынке». Как правило, ими становятся авторитеты преступного мира, ранее судимые за преступления, связанные с НОН, располагающие большими денежными средствами [8].

Организаторы нередко в операциях по скупке и продаже наркотиков непосредственного участия не принимают, они лишь финансируют эту деятельность, получают доходы, при этом тщательно маскируют свою причастность к наркобизнесу.

Вторая группа участников НОН — это сбытчики — лица, совершающие незаконную реализацию наркотических средств. В свою очередь, сбытчиков можно классифицировать по следующим типам:

- оптовые сбытчики — те, кто занимается скупкой наркотических средств в крупных размерах у производителей или расхитителей и реализацией их преступниками. Оптовые сбытчики вместе с организаторами составляют ядро преступных групп. Они, как правило, сами наркотики не употребляют;
- перекупщики — лица, которые приобретают партии наркотиков у оптовых сбытчиков, расфасовывают и сбывают их розничным торговцам. Часть этих преступников сами употребляют наркотики или являются наркоманами;
- розничные сбытчики — это лица, которые непосредственно сбывают наркотики потребителям, а нередко и занимаются содержанием притонов для употребления наркотических средств. Эти лица часто употребляют наркотики.

Особенностью преступной деятельности сбытчиков наркотиков является ее групповой характер, разветвленность преступных связей, их межрегиональный характер, распределение ролей среди участников группы.

Третья группа участников НОН — это изготовители — лица, которые непосредственно перерабатывают сырые или изготавливают готовые к употреблению наркотики.

Правовая природа самих наркотических средств и психотропных веществ имеет двойственный характер. С одной стороны, в силу лечебных свойств они являются неотъемлемым элементом системы здравоохранения. С другой — их неконтролируемый оборот приводит к серьезнейшим социальным издержкам, сопряженным, в частности, с наркоманией и немедицинским потреблением [9].

Производителями наркотического сырья или готовых наркотиков могут быть различные категории населения: сельские жители, выращивающие различные культуры, в том числе и наркотикосодержащие (они часто это делают по заказам сбытчиков), медицинские работники, научные сотрудники и др.

Отдельной группой участников незаконного оборота наркотиков являются расхитители наркотикосодержащего сырья или наркотиков. Как правило, это их потребители, не имеющие материальных средств для приобретения, прежде всего, ранее судимые за преступления, связанные с наркотиками, не работающие и не учащиеся наркоманы.

Предмет преступного посягательства изучают, прежде всего, такие науки, как уголовное право и криминалистика, хотя цели у них разные. Если для уголовного права целью является юридическая квалификация события, то посягательства являются одним из элементов криминалистической. Для криминалистов необходимо установить признаки и свойства преступного события для выявления, раскрытия и расследования данного вида преступлений. Сведения о предмете преступной характеристики — это, прежде всего, изменения, которые локализуются на месте преступного события; на самом объекте; в местах укрытия или реализации; на теле или одежде преступника; на орудиях преступления, технических средствах, используемых преступником.

Уголовная политика как средство адекватного отражения государственно-правовых реалий направлена, прежде всего, на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ с целью сбыта. Речь идет о подпольной торговле наркотиками, их изготовлении в нелегальных лабораториях и иных формах организованной преступной деятельности в рассматриваемой сфере [10].

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), является безопасность здоровья населения. В то же время рассматриваемые деяния могут посягать и на иные объекты, причинять ущерб другим общественным отношениям, таким как: деятельность государственных предприятий и учреждений (при нарушении установленных правил производства наркотических средств или психотропных веществ) и т.д. Указанные отношения являются непосредственными дополнительными объектами рассматриваемых составов преступлений.

Предметом посягательства преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, является: наркотические средства и психотропные вещества.

Согласно Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. их изготовление означает все процессы, при помощи которых они могут быть извлечены, включая рафинирование, превращение одних наркотических средств в другие [11]. Получение при этом готового наркотика — не обязательное условие наличия оконченного состава преступления.

Оконченным составом незаконного изготовления наркотических средств является также извлечение сока из головок мака, так как свернувшийся сок мака содержит наркотическое средство — опий.

Незаконная перевозка наркотических средств или психотропных веществ заключается в их перемещении из одного места в другое любым видом транспорта — наземным, подземным, водным, воздушным, независимо от способа транспортировки и места хранения незаконно перемещаемых средств или веществ.

Наиболее опасной формой распространения (реализации) наркотических средств и психотропных веществ является их незаконный сбыт. Иными словами, любые способы их распространения (продажа, дарение, об-

мен, уплата долга, дача взаймы, введение инъекций другому лицу и т.п.). В результате указанных действий другое лицо становится обладателем названных средств или веществ.

Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ в Уголовный кодекс РФ было введено новое понятие значительного размера наркотических средств и психотропных веществ, незаконный оборот которых влечет уголовную ответственность (в отношении контрабанды наркотиков понятие значительного размера действовало и ранее), при этом уголовная ответственность за оборот наркотических средств и психотропных веществ в крупном и особо крупном размерах, понятия которых в качестве квалифицирующего признака в УК РФ уже существовали, была значительно усилена. Перечни наркотических средств и психотропных веществ у нас утверждены соответствующим постановлением Правительства РФ. В связи с этим Правительство РФ утвердило новые размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного наказания, определив в качестве «значительного» и «крупного» размеров те значения, которые ранее относились к «крупным» и «особо крупным» соответственно, установив для «особо крупного» размера новые значения. Так, в частности, в отношении героина особо крупным размером будет считаться размер свыше 1 кг, марихуаны — свыше 100 кг, гашиша — свыше 10 кг, дезоморфина (свыше 10 г), опия, коки и маковой соломки — свыше 5, 20 и 100 кг сухого вещества соответственно. Федеральный закон вступил в силу с 1 января 2013 года [12].

Для состава незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ не имеет значения, каким образом получившее их лицо распорядится ими: употребит лично, передаст другому лицу, будет хранить и т.п. Если сбытчик заведомо знает, что наркотик либо психотропное вещество используется покупателем для осуществления иных преступных действий, то его деяние следует квалифицировать и как пособничество в совершении соответствующих преступлений. Субъектами преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Рассматриваемые преступления часто совершаются лицами, которые уже сами имеют диагноз «наркомания» или «токсикомания». В таких случаях необходимо проводить, кроме криминалистической, физико-химическую, наркологическую, судебно-психиатрическую и другие экспертизы.

Переноска наркотических средств должна рассматриваться в качестве разновидности их хранения. Перевозка может совершаться не только владельцем наркотических средств или психотропных веществ, но и другими лицами, получившими их на временное хранение.

Незаконную пересылку и хранение наркотических средств или психотропных веществ нужно отграничить от их незаконного перемещения через таможенную границу РФ. Такие действия представляют собой разновидность уголовно наказуемой контрабанды и подлежат дополнительной квалификации по ст. 188 УК РФ.

В результате указанных действий другое лицо становится обладателем названных средств или веществ. Форма передачи наркотика или психотропного вещества в фактическое обладание другого лица не влияет на правовую квалификацию содеянного точно так же, как и то, была ли эта передача возмездной или безвозмездной. Сбыт наркотических средств или психотропных веществ следует считать оконченным преступлением с момента получения их другим лицом.

Скупка и перепродажа наркотических средств, в зависимости от наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств, квалифицируются по ст. 228 УК РФ.

Действия лица, сбывающего под видом наркотических или психотропных какие-либо иные вещества с целью завладения деньгами или имуществом граждан, следует квалифицировать как мошенничество. Покупатели в некоторых случаях могут нести ответственность за покушение на незаконное приобретение наркотиков [13].

Статьей 229 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ. Установленная мера уголовного наказания — лишение свободы на срок от трех до семи лет.

Субъективную сторону состава данного преступления образует вина в виде прямого умысла. При применении ст. 229 УК РФ дополнительная квалификация деяния как приобретение наркотических средств не требуется, так как она охватывается понятием хищения либо вымогательства. Если же после хищения либо вымогательства последовали такие действия, как хранение, переработка, перевозка и пересылка с целью сбыта или без таковой, а равно сбыт наркотиков или психотропных веществ, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 229 и 228 УК РФ.

Субъектом рассматриваемого преступления является как частное лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, так и должностное либо материально ответственное лицо, а также лицо, которому наркотические средства или психотропные вещества были вверены под охрану.

Хищение наркотических средств или психотропных веществ из государственных, общественных организаций, учреждений и предприятий любых форм собственности или у граждан — это умышленное незаконное и безвозмездное завладение ими либо их изъятие в целях личного потребления или иного противоправного использования.

Вымогательство наркотических средств или психотропных веществ — это требование их передачи под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Для квалификации по ст. 229 УК РФ не имеет значения, кому именно принадлежали наркотики или психотропные вещества — государственным или общественным, смешанным, частным предприятиям, учреждениям, организациям либо отдельным гражданам, владеющим ими правомерно или противозаконно. Новая позиция только в статье о контрабанде наркотиков (229^1). При этом пункт «в» ч. 2 ст. 229^1 (где говорится о значительном размере в связи с контрабандой — вступило в силу с 1 января 2013 года).

Законодательство РФ и сложившаяся практика не разграничивают ответственность за дикорастущую и культивируемую коноплю. Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления является безопасность здоровья населения. В качестве дополнительных объектов при хищении либо вымогательстве наркотических средств или психотропных веществ могут выступать отношения собственности, безопасность жизни и здоровья личности.

Так, Донецким судом (Ростовская область) в феврале 2012 г. было установлено, что обвиняемая К. (ст. 229^1 ч. 1, 228 ч. 1 УК РФ), имея умысел на незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств, в нарушение специальных правил, установленных Таможенным кодеком Таможенного союза и Положением «О ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при осуществлении внешнеторговой деятельности с государствами — участниками Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», утвержденного постановлением Правительства РФ от 21.03.2011 № 181, незаконно переместила с территории государства Украина в г. Донецк Ростовской области через таможенную границу пакет из полимерного материала, в котором находилась измельченная растительная масса зеленого цвета, являющаяся наркотическим средством — каннабис (марихуана). После пересечения таможенной границы К. была задержана сотрудниками отдела МВД России по г. Донецку в 130 метрах от домовладения в г. Донецке за административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ — незаконный оборот наркотических средств. Предмет посягательства специфичен — это наркотические средства и психотропные вещества. По данному предмету рассматриваемое преступление отличается от смежных криминальных деяний, в частности от хищений и вымогательства чужого имущества.

Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ не утрачивает общественной опасности и в случае малозначительного имущественного ущерба либо его полного отсутствия. Предметом хищения либо вымогательства могут

являться и наркотические средства, не имеющие государственной цены.

Так, несколько лиц в поисках наркотиков проникли на один из дворов сельскохозяйственного предприятия и похитили 3,5 кг измельченной конопли. Судебно-химическая экспертиза признала это наркотическим средством — марихуаной. В данном случае это было хищение наркотического средства, совершенное путем кражи.

Объективную сторону состава хищения наркотических средств или психотропных веществ образуют действия, совершенные путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением.

Вымогательство этих средств и веществ с объективной стороны осуществляется путем применения психического насилия (угроз) к потерпевшему, выражающегося в трех формах: угрозы применения физического насилия; угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества; угрозы распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Квалифицированный вид хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ имеет место, когда оно совершено группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Момент окончания хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ зависит от содержания объективной стороны этих деяний.

При хищениях путем кражи, грабежа и мошенничества преступление будет окончено с момента завладения наркотиками или психотропными веществами и получения возможности хотя бы первоначально распорядиться ими (спрятать, унести и т.п.).

При хищениях путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением деяние окончено с момента изъятия вверенных лицу (в связи с его служебным положением или под охрану) наркотических средств или психотропных веществ, при наличии реальной возможности распоряжаться ими по своему усмотрению или пользоваться ими. В случае хищения наркотиков или психотропных веществ, совершенного путем разбойного нападения, преступление считается оконченным с момента нападения, соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Вымогательство считается оконченным с момента предъявления незаконного требования передачи наркотических средств или психотропных веществ.

Здесь необходимо выяснить цели хищения либо вымогательства наркотиков или психотропных веществ, так как их осуществление с целью сбыта отличается по своим правовым последствиям от совершения преступления без цели сбыта. При установлении, что хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ совершено для их последующего сбыта, действия виновного надлежит квалифицировать дополнительно и как приготовление к преступлению, предусмотренному статьей 228 УК РФ.

При применении ст. 229 УК РФ дополнительная квалификация деяния как приобретение наркотических средств не требуется, так как она охватывается понятием хищения либо вымогательства. Если же после хищения либо вымогательства последовали такие действия, как хранение, переработка, перевозка и пересылка с целью сбыта или без таковой, а равно сбыт наркотиков или психотропных веществ, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 229 и 228 УК РФ. Под использованием служебного положения при совершении хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ) понимается совершение виновным в указанных целях противоправных действий по службе [13].

Проблемы с идентификацией конопли и ее производных действительно есть. Эти проблемы — следствие различий терминологии, используемой в Единой конвенции 1961 года и в российском законодательстве. Основное расхождение в том, что в Конвенции используются понятия «каннабис» и «растение кан-

набис» (под первым понимается наркотическое средство, под вторым — само растение). А в Российской Федерации — сначала в Сводной таблице, сейчас в постановлении Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 существует позиция «каннабис (марихуана)», что до 2010 года приводило на практике к тому, что растение конопля и марихуана признавались синонимами. После появления перечня наркосодержащих растений для целей статьи 228 УК РФ (куда была помещена конопля) наркотическое средство марихуана и растение конопля были нормативно разделены, но все равно добиться пересмотра приговоров, в которых за собранную траву привлекали как за марихуану, чрезвычайно сложно. Административная и уголовная ответственность наступает в равной мере за преступления, связанные с веществами любых списков Перечня. Разница лишь в том, что размеры веществ Списка I определяются с учетом нейтральных компонентов (всей смеси), а Список II — только по активному веществу. Для ранее осужденных это не влечет никаких ухудшающих последствий.

Таким образом, с постоянно меняющимися поправками и изменениями в Перечнях — Списках наркотических средств довольно сложно правоприменителям, таким как следственные органы, а судам — осуществлять правосудие по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, так как требуется переквалификация совершенных по этим статьям преступлений. Более того, практические и законодательные проблемы сегодняшнего дня принесли нам так называемые курительные смеси в виде «спайса».

Список литературы

1. Перспективы совершенствования правовых институтов в условиях формирования новой национальной антинаркотической модели: сб. ФСКН России. 2011. № 5. С. 3.

2. Из доклада Главы ФСКН В. Иванова Президенту о состоянии наркоситуации в стране. Москва. Кремль // Российская газета. 2013. 11 марта.

3. *Мусаев А.Н.* Механизм противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 46 с.

4. Интервью директора ФСКН России В. Иванова в «Российской газете». ttp://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/events /2012/1018

5. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

6. *Трухин С.А.* Разграничение понятий наркосодержащего растения и наркотического средства и уголовно-процессуальные последствия возникающих коллизий // Уголовное право. 2012. № 4. С. 67.

7. *Митричев В.С., Хрусталев В.Н.* Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них. СПб.: Питер, 2003. С. 105.

8. *Боголюбова Т.А., Толпекин К.А.* Деятельность прокуратуры по предупреждению наркотизма на региональном уровне. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 123.

9. *Комиссаров В.С.* Ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ по Уголовному кодексу РФ // Законодательство. 2012. № 10. С. 11.

10. *Шестопалов С.В.* Краткая криминалистическая характеристика преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и лиц, их употребляющих // Российский следователь. 2012. № 18. С. 45.

11. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. // СПС «Консультант-Плюс».

12. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей ст. 228, 228[1], 229, 229[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская юстиция. 2012. № 5.

13. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2012. С. 372.

УДК 343.9
ББК 67.51

КЛОЧКОВА Александра Леонидовна,
ассистент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права,
криминологии Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ)
E-mail: klochkova_alexa86@mail.ru

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются факторы, детерминирующие появление и развитие экстремизма. На основании анализа соответствующей литературы и российского законодательства автор выделяет три группы факторов, вызывающих появление и развитие экстремистского движения в различных его формах и вариантах: экономические, социально-политические и идеологические.*

Ключевые слова: *экстремизм, экстремистское движение, факторы, ислам.*

Annotation. *In the articles the factors that determine the appearance and development of extremism are viewed. Based on the analysis of the relevant literature and Russian legal system the author distinguishes three groups of factors that determine the appearance and development of extremism movements in its different forms and variations: economic, socio-political, ideological.*

Keywords: *extremism, extremist movement, factors, islamic faith.*

Следует отметить, что любая идеология, в том числе и религиозная, изначально (явно или косвенно) лежит в основе любого политического движения. Вместе с тем каждая из них может быть трансформирована в экстремистскую.

Так, нетерпимость к инакомыслию изначально может нести в себе предрасположенность к насильственному распространению только собственного учения. В подобных условиях получает развитие и сама экстремистская идеология. Обращение к известным религиозным и иным учениям служит мощным фактором воздействия на массы и привлечения их на свою сторону, особенно если эти учения являются традиционными для социума или отвечают потребностям некоторой его части. Вместе с тем провозглашение всех несогласных с подобной идеологией ее противниками представляет собой сильный психологический фактор, не только объединяющий сторонников экстремистской идеологии, но и повышающий в их глазах свой собственный статус[1].

Кроме того, доминирование эмоционального воздействия является весьма эффективным средством, способным на определенное время сплотить участников экстремистского движения и привлечь к нему значительное число лиц. Именно с эмоциональных позиций происходит восприятие лидеров движения как харизматических лиц, что, в свою очередь, усиливает их воздействие на своих сторонников.

Изложенное позволяет сделать вывод, что экстремистское движение представляет собой сложный феномен, имеющий тенденции к саморазвитию. Появление его обусловлено наличием целого ряда факторов, тесно взаимодействующих между собой. В то же время отсутствие одного или нескольких из этих факторов значительно препятствует распространению экстремистских настроений и резко снижает воздействие экстремистской иде-

[1] *Залиханова Л.И.* Проявление национального и религиозного экстремизма в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 79—84.

ологии на этнонациональный менталитет и социокультурную деятельность.

К основным факторам, вызывающим появление и развитие экстремистского движения в различных его формах и вариантах, относятся следующие: экономические, социально-политические и идеологические.

В экономические факторы входят:

а) различные экономические кризисы, сопровождающиеся безработицей, обнищанием большой части населения и утратой ею своего социального статуса;

б) криминализация определенной части экономики;

в) возникновение значительного социального расслоения в обществе.

Как правило, все эти факторы не выступают самостоятельно, но тесно связаны друг с другом.

Социально-политические факторы возникновения экстремизма включают:

а) ослабление государственной власти и пассивность ее силовых структур;

б) высокую коррумпированность чиновников;

в) криминализацию общества;

г) отсутствие законодательной базы, обеспечивающей эффективную борьбу с проявлениями экстремизма;

д) содействие экстремистам со стороны зарубежных государств и общественных организаций, направленное на достижение своих собственных целей за счет экономического и политического ослабления государства-конкурента и т.п.

К идеологическим факторам возникновения экстремизма можно отнести отсутствие в государстве какой-либо общепризнанной идеологической концепции, разделяемой подавляющим большинством населения.

Экономические, политические, социокультурные, географические и другие особенности жизни того или иного общества накладывают значительный отпечаток на восприятие им собственной религии и выработку общественной религиозной идеологии, будь это христианство или мусульманство. Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что в одних исламских обществах экстремистские религиозные настроения получили значительное распространение, а в других — нет[2].

В настоящее время исламский фактор во многом определяет состояние и тенденции развития общественно-политической обстановки в России, в частности на Северном Кавказе и в ряде регионов Поволжья. В последние годы отмечается усиленное развитие процессов исламизации общественной жизни северокавказских республик, культивирование в них радикальных течений исламского фундаментализма с искусственным нагнетанием межконфессиональной напряженности. Помимо этого активизировались процессы политизации ислама, обусловленные совокупным действием трех составляющих:

- борьбой за власть национальных политико-экономических элит и связанных с ними организованных преступных группировок;
- смыканием антироссийского национал-сепаратизма с реакционным фундаменталистским течением в исламе на общей платформе насильственного изменения конституционного строя;
- стремлением ряда иностранных государств, прежде всего стран арабского Востока, Турции и США, усилить свое влияние в регионах традиционного проживания российских мусульман.

Не ослабевает интерес к религиозной обстановке в Российской Федерации у мусульманских государств и в первую очередь у стран Ближнего и Среднего Востока, скоординированные действия которых стимулируют распространение ислама. Официальные круги этих государств, их специальные службы и связанные с ними религиозные центры стремятся обеспечить благоприятные условия для оказания выгодного им воздействия на развитие политической и экономической ситуации в регионах, используя для этого многочисленные международные исламские центры, зарубежные культурно-просветительные и благотворительные организации, расширяющие масштабы своего влияния в регионе.

В конечном итоге проводимая мусульманскими странами политика исламизации России и насаждения крайних радикальных течений ислама ведет к усилению межэтнических и межрелигиозных противоречий в целях ослабления влияния России на регионы Поволжья, Закавказья, Каспийско-Черноморского бассейна. Это противоречит геополи-

[2] Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 1999. С. 132—139; 154—161.

тическим интересам стран блока НАТО, и в особенности США, которые не заинтересованы в выходе отдельных республик из состава России, так как образование новых независимых мусульманских государств серьезно усилит позиции ислама на мировой политической арене.

Имеющаяся информация свидетельствует о том, что США и Великобритания, используя влияние на Турцию, усиливают свое присутствие в Каспийско-Кавказском регионе через создание здесь различных международных правительственных и неправительственных организаций, благотворительных фондов, которые пытаются ослабить роль мусульманских государств на мировой арене. Для укрепления своих позиций на Северном Кавказе Соединенные Штаты, Великобритания, их организации и различного рода гуманитарные структуры (под прикрытием которых работают спецслужбы) действуют активно и скоординированно. Кроме того, их деятельность способствует образованию в республиках Северного Кавказа ряда так называемых территорий регулируемых конфликтов. Наличие таких зон способствует ослаблению страны, постоянному внутриполитическому напряжению, значительным финансовым и материальным затратам в ущерб решению основных экономических проблем, а также уязвимости России при принятии политических решений на мировой арене[3].

Касаясь ситуации внутри страны, необходимо отметить, что в ряде национальных республик ислам все активнее выступает как эффективный механизм регулирования общественно-политических, межэтнических, семейных и межличностных отношений. Его влияние, помимо Чечни и Дагестана, последовательно распространяется на другие национальные республики, ощущается в мусульманских общинах адыгов, ногайцев, карачаевцев, балкарцев и других народностей, компактно проживающих на территории Ставропольского, Краснодарского краев и южных областей России. Здесь в последнее время отмечается резкое увеличение числа верующих, появляется все больше мечетей, открываются исламские учебные заведения. В связи с этим экстремистские движения стремятся использовать мусульманскую религию, а особенно радикальные, фундаменталистские течения, в своих антироссийских политических целях.

При этом следует признать, что традиционный для России ислам сегодня «растаскан» по национальным квартирам. Особенность же радикальных течений в исламе, и в первую очередь ваххабизма, как раз и заключается в том, что они не признают национальных границ и выступают в качестве эффективного средства межэтнической консолидации и политической мобилизации масс.

Необходимо также отметить, что по своей сути радикальные течения в исламе являются одним из видов тоталитарной деструктивной секты, куда вовлекаются в основном малограмотные и малообеспеченные люди, стремящиеся к духовной и материальной поддержке. В секте они попадают под жесткий морально-психологический контроль духовных наставников, их сознание «зомбируется», и они готовятся для выполнения любых указаний своих лидеров, в том числе и совершению самых жестоких преступлений.

Например, ваххабиты основное внимание уделяют привлечению на свою сторону молодежи, используя для этого материально-финансовый фактор. Они стремятся оторвать молодых людей от родителей и духовных наставников, исповедующих традиционный ислам.

При этом молодежи внушается пренебрежение к труду, чувство собственного превосходства, неуважение к национальным и семейным традициям. Насаждаются идеи о том, что ваххабит имеет право на имущество «неверных» (причем к неверным относятся и мусульмане, не признающие этого вероучения), может убить «неверного». Прививается интерес молодежи к оружию и военному делу, внедряется система боевой подготовки исламских экстремистов.

Анализ вышеизложенного позволяет сделать вывод о наличии четкой программы рас-

[3] *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2004. С. 118.

пространения и становления структур исламского фундаментализма. Если в первые годы насаждения ваххабитского движения энергично действовали те, кого определяли как мусульманские просветители, то затем более заметными стали политические претензии «поборников возрождения ислама».

При этом выдвигались лозунги и требования, хорошо известные в странах Ближнего и Среднего Востока — возрождение истинного ислама, приведение норм общественной и личной жизни в соответствие с заповедями мусульманской религии, утверждение основ исламистской экономики.

В качестве явно выраженных тенденций в деятельности исламских радикальных организаций можно отметить следующие:

- расширение географии и численности ваххабитских структур за счет привлечения новых сторонников, активизация деятельности представителей зарубежных, в том числе религиозных экстремистских, организаций по оказанию им финансовой и иной помощи;
- вытеснение проповедников традиционного ислама более молодыми имамами, прошедшими специальную подготовку за рубежом;
- смыкание определенных кругов традиционного ислама с ваххабитами;
- проникновение сторонников ваххабизма и их пособников в органы власти и управления национальных республик, что создает условия для «мирного» захвата ими власти;
- увеличение силовой составляющей движения, создание на основе ваххабитских общин нелегальных боевых структур — «джамаатов», активное вовлечение их членов в экстремистскую и террористическую деятельность;
- подготовка материально-ресурсной базы и условий для вооруженного захвата власти в отдельных субъектах Федерации[4].

Явления экстремизма многообразны, их проявления самые различные, цели их также различны. Порой бывает очень трудно отличить обычные выражения несогласия, протеста, недовольства, социальной или межнациональной напряженности, которые в каждом обществе всегда были и будут, от действий экстремистского характера.

Учитывая важность и последствия религиозного экстремизма для региона, требуются более жесткое правовое регулирование деятельности тоталитарных сект, поддержка традиционных конфессий.

В качестве объективной причины, способствующей низкой правоприменительной практике в борьбе с проявлениями экстремистской деятельности, следует указать неадекватность тяжести наказания за данное преступное деяние. Отсюда, выявление преступлений с экстремистской окраской уходит на второй план, а выявление и пресечение общеуголовных преступлений является предпочтительней.

Причины недостаточной активности в сфере борьбы с политическим экстремизмом заключаются в том, что еще не достаточно глубоко осознана степень опасности экстремизма для самих принципов государственности. Экстремизм воспринимается как негативное, но находящееся где-то за пределами общественной жизни явление, не способное существенно повлиять на судьбу развития страны.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как наличие во властных структурах людей, сочувствующих многим идеям, которые объективно относятся к разряду экстремистских.

Подводя итоги, отметим следующее.

1. Выделяются три группы факторов, вызывающих появление и развитие экстремистского движения в различных его формах и вариантах: экономические, социально-политические и идеологические.

2. Государственно-правовая разностатусность этносов создавала объективные предпосылки для латентной межнациональной и межэтнической напряженности на основе исторических обид, экономических, территориальных и социальных противоречий.

---

[4] *Фридинский С.Н.* Экстремизм: понятие, сущность и основные формы проявления: научно-методическое пособие. М., 2010. С. 132—135.

3. Несмотря на широкую нормативно-правовую базу, регулирование конфессиональной ситуации в России, и в частности на Северном Кавказе, остается нерешенной проблемой.

4. Активизировались процессы политизации ислама, обусловленные совокупным действием следующих составляющих:

а) борьбой за власть национальных политико-экономических элит и связанных с ними организованных преступных группировок;

б) смыканием антироссийского национал-экстремизма с реакционным фундаменталистским течением в исламе на общей платформе насильственного изменения конституционного строя;

в) стремлением ряда иностранных государств усилить свое влияние в регионах традиционного проживания российских мусульман.

5. Основной идеологической базой современного экстремизма на Кавказе является исламский фундаментализм, облеченный в форму ваххабизма.

6. Среди факторов распространения экстремизма следует также выделить экспансию экстремистских псевдорелигиозных учений и тоталитарных сект.

Список литературы

1. *Залиханова Л.И.* Проявление национального и религиозного экстремизма в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 4. С. 79—84.

2. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 1999. 221 с.

3. *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2004. 218 с.

4. *Фридинский С.Н.* Экстремизм: понятие, сущность и основные формы проявления: научно-методическое пособие. М., 2010. 235 с.

УДК 343.2
ББК 67.408

КОЗЛОВА Екатерина Аркадьевна,
магистр кафедры уголовного права и криминологии
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»
E-mail: Ekaterina-kozlova02@yandex.ru

Научный руководитель: В.Ю. Дроздов,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права
и криминологии Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»

НЕДРУЖЕСТВЕННОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ (РЕЙДЕРСКИЕ ЗАХВАТЫ): АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБОВ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Автором проанализированы современные способы недружественного поглощения предприятий (рейдерских захватов) и приведена их классификация и типология в зависимости от формы образования юридического лица. Основное внимание уделено детальному рассмотрению видов рейдерских захватов в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах.*

Ключевые слова: *недружественное поглощение, акционерное общество, единый государственный реестр, хищение долей, захват корпоративного контроля.*

Annotation. *The author offers modern ways hostile takeover enterprises (hostile takeovers) and given their typology depending on the form of a legal entity. Focuses on the analysis of types of hostile takeovers in limited liability companies and joint stock companies.*

Keywords: *hostile takeover companies raiding, Limited Liability Company, corporation, unified state register, stealing share, seizure control.*

В действующем уголовном законодательстве не содержится норм об уголовной ответственности за недружественное поглощение предприятий и рейдерства, нет их четких оценочных критериев, поэтому при квалификации данных деяний существует определенные проблемы. Как и при недружественном поглощение предприятий, так и при рейдерских захватах нарушается закон, происходит захват корпоративного контроля. По сути, недружественное поглощение является формой рейдерского захвата предприятий, поэтому далее в статье используется именно этот термин.

Анализ эмпирических данных показывает следующее: несмотря на то, что с 1 июля 2010 года действующий Федеральный закон № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», направленный на противодействие рейдерским захватам, не в полной мере противодействует рейдерству[1].

Введение в УК РФ ст. 170^1, 185^5 и 285^3 и дополнительной части к статье 185^2 — это только начало долгого и длительного пути по совершенствованию действующего анти-

[1] Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3431; Российская газета. 2010. 5 июля.

рейдерского законодательства[2]. Включение в подпункт «а» пункта 1 части второй статьи 151 УПК РФ означает, что указанные преступления передаются в исключительную подследственность следователей Следственного комитета Российской Федерации[3]. Однако это не означает, что с момента введения в действие указанных поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации преступления, совершенные в ходе рейдерских захватов, будут исключены из подследственности следователей МВД России.

Во-первых, в производстве следственных органов МВД остаются ранее возбужденные уголовные дела по фактам рейдерских захватов, совершенных в предыдущие годы.

Во-вторых, все рейдерские захваты, повлекшие отчуждение активов захваченного предприятия, надлежит квалифицировать по статьям Главы 21 УК РФ, соответственно совершенному виду хищения, поскольку нововведения предусматривают уголовную ответственность за незаконные действия на ранних стадиях захватов (регистрация фиктивной информации в Едином государственном реестре юридических лиц, фальсификация результатов общего собрания акционеров и др.).

Хищение долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью и акций часто используется рейдерами как способ установления корпоративного контроля над предприятием. И хотя данное деяние совершается с целью незаконного захвата управления в юридическом лице, его надлежит также квалифицировать как хищение, поскольку доля в уставном капитале или акция (пакет акций) имеет стоимостное выражение и относительную индивидуальную определенность, т.е. является предметом преступного посягательства в данном случае.

По-прежнему наиболее часто используемой в таких случаях нормой будет дифференцированная статья 159 УК РФ, поскольку в подавляющем большинстве такие действия связаны с подделкой каких-либо документов и использованием их для обмана или злоупотребления доверием как потерпевших, так и третьих лиц[4].

Любые действия, связанные с фальсификацией сведений о юридическом лице с целью незаконного отчуждения его имущества, если оно не доведено до конца по независящим от субъекта обстоятельствам, правильно квалифицируется как покушение на хищение имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Судебная практика, сформированная судами всей России, подтверждает это.

В Забайкальском крае возбуждено уголовное дело по ст. 163 УК РФ (вымогательство), из фабулы которого следует, что обвиняемые под угрозой применения насилия принудили потерпевшего к подписанию договора дарения доли в уставном капитале ООО. Указанный пример является, скорее, исключением из складывающейся судебной и следственной практики. Данный способ незаконного захвата управления в юридическом лице был характерен для 90-х годов XX века, однако используется и в настоящее время и нет оснований думать, что он не будет использован в будущем. Преступления, предусмотренные данной статьей, остаются в подследственности следователей органов внутренних дел Российской Федерации.

Таким образом, значительное количество уголовных дел о рейдерских захватах будет находиться в производстве следственных органов МВД России.

В соответствии с вышеупомянутым Федеральным законом № 147-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введено понятие «незаконный захват управления в юридическом лице».

Таким образом, преступления, направленные на причинение вреда юридическому лицу, можно разделить на незаконный захват управления в нем и, непосредственно, хищение имущества юридического лица.

Строго говоря, рейдерским захватом следует считать только незаконный захват корпоративного управления, поскольку хищение (и как норма в уголовном законодательстве,

[2] Сайт Российский налоговый курьер http://www.rnk.ru/article/153559-antireyderskie-popravki-v-ugolovnyy-kodeks-v-2010-godu

[3] Сайт ГСУ СК России http://crim. sledcom.ru/feedback/detail.php? SECTION_ID

[4] Методические рекомендации по расследованию уголовных дел, связанных с незаконным отчуждением имущества юридических лиц, подготовленные Контрольно-методическим управлением Следственного департамента МВД России в 2012 году.

и как криминологическая характеристика преступления) существует столько, сколько существует само понятие «преступление».

Рассматривая типологии рейдерских захватов, полагаем целесообразным разделить их на захват управления в обществе с ограниченной ответственностью и захват управления в акционерном обществе.

Рассмотрим вначале захват управления в обществе с ограниченной ответственностью. Первым способом является хищение доли в уставном капитале. Оно совершается путем подготовки фиктивных документов о ее купле-продаже, дарении или ином отчуждении, а затем представления в орган ФНС этих документов. Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации право собственности на долю наступает с момента государственной регистрации данных сведений в Едином государственном реестре юридических лиц, т.е. регистрация является главной целью данного преступления[5].

Хищение доли в уставном капитале ООО в размере свыше 50% уставного капитала дает право на переизбрание единоличного исполнительного органа, иными словами, установление корпоративного контроля над имущественным комплексом данного предприятия. Это дает основание утверждать, что такое хищение совершается с целью незаконного захвата управления в юридическом лице, значит, относится к категории рейдерских захватов в чистом виде.

Тем не менее доля имеет стоимостное выражение (номинальную стоимость), относительную индивидуальную определенность, следовательно, является предметом хищения. Кроме того, субъективная сторона данного преступления имеет четко выраженную корыстную цель — получив долю более 50%, лицо, хотя и не становится собственником ни самого ООО, ни его имущества, может беспрепятственно распоряжаться всеми активами предприятия, избрав на должность генерального директора либо себя, либо подконтрольное лицо.

Статья 170[1] УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», введенная Федеральным законом № 147-ФЗ, предусматривает уголовную ответственность за представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные в целях внесения в Единый государственный реестр юридических лиц недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества.

Данная норма имеет формальный состав, юридический факт в виде перехода права собственности на долю в уставном капитале ею не охватывается.

В связи с изложенным, деяние, повлекшее незаконный переход права собственности на долю в уставном капитале, надлежит квалифицировать по статье 159 или иной статье главы 22 Уголовного кодекса РФ.

Следующий способ — регистрация незаконного исполнительного органа. Способ совершения рейдерского захвата предприятия, заключающийся в представлении в регистрирующий орган подложных документов о назначении «подставного» лица на должность единоличного исполнительного органа, является самым распространенным в России и составляет не менее 70% от общего числа незаконных захватов управления в юридическом лице.

В значительном числе случаев это деяние совершается совместно с хищением доли в уставном капитале ООО.

Первым этапом такого захвата следует считать подготовку фиктивного пакета документов о смене генерального директора для представления их в налоговую инспекцию.

Для реализации данного этапа необходимо располагать информацией о полном наименовании и местонахождении юридического лица, паспортных данных генерального директора и участников, ИНН, КПП и других кодах и номерах юридического лица и др.

Уголовно квалифицируемое деяние начинается с момента изготовления подложного заявления о внесении изменений в ЕГРЮЛ,

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям: самое полное издание: печатается по официальной публикации / под ред. Г.Ю. Касьяновой М.: АБАК, 2014. С. 153.

в котором подделывается подпись заявителя. Кроме того, необходимо, чтобы подпись была нотариально заверена. Однако подпись и печать нотариуса может быть подделана, но они могут быть и подлинными. В данном случае следует рассматривать причастность нотариуса к совершению преступления в составе организованной преступной группы либо наличие в его действиях признаков состава преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ.

Второй этап — непосредственно совершение регистрационных действий в налоговой инспекции.

Пробелы в законодательстве дают практически беспрепятственную возможность регистрации ложных сведений о юридическом лице в ЕГРЮЛ, поскольку Федеральный закон от 08.07.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» не предусматривает возможности проверки достоверности этих сведений[6].

С момента регистрации в ЕГРЮЛ в качестве единоличного исполнительного органа физическое лицо получает легитимное право распоряжения имуществом юридического лица.

Получив свидетельство о регистрации сведений об исполнительном органе в Едином государственном реестре, рейдеры приступают к третьему этапу — совершению неоднократных сделок с активами (недвижимостью) в целях создания так называемого добросовестного приобретателя.

Как указано в части первой статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли[7].

Такой уровень правовой защиты добросовестного приобретателя делает процедуру возвращения похищенного имущества законному собственнику крайне затруднительной. Так, на этапе создания добросовестного приобретателя криминальную операцию по захвату имущественного комплекса юридического лица следует считать оконченной.

На первом этапе действия по незаконному захвату управления в юридическом лице следует квалифицировать по ст. 170[1] УК РФ как представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные данные, в целях внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица.

Однако данная норма в определенной части конкурирует со статьей 171 УК РФ, которая также предусматривает уголовную ответственность за представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения. Текст статей полностью аналогичен, разница только в последнем слове (в статье 170[1] — «данные», в статье 171 — «сведения»). В качестве квалифицирующего признака статья 171 УК РФ предусматривает причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном размере.

Статья 170[1] УК РФ предусматривает цель — внесение в ЕГРЮЛ недостоверных сведений. Возникает вопрос, а в каких же других целях можно подать документы в налоговый орган? Кроме того, предусмотрен квалифицирующий признак «в иных целях, направленных на приобретение права на чужое имущество». Однако эта фраза правовой ситуации в целом не меняет — если фиктивные документы только представлены в нало-

[6] Федеральный закон от 8 июля 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. 2001. 10 авг.; Парламентская газета. 2001. 14 авг.; СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3431.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации [части первая, вторая, третья и четвертая]. Текст с изменениями и дополнениями на 15 января 2014 года. М.: Эксмо, 2014. С. 201.

говый орган, преступление пресечено на первоначальном этапе, до завладения правом на чужое имущество достаточно далеко, и такая цель, по нашему мнению, практически недоказуема, если только сам подозреваемый не даст показаний, касающихся его умысла. Если же добыты доказательства, свидетельствующие о намерениях подозреваемых завладеть правом на имущество юридического лица после регистрации фиктивных сведений в ЕГРЮЛ, такое деяние следует квалифицировать по ст. 30 и 159 УК РФ как покушение на мошенничество.

Что касается применения статьи 171 УК РФ к факту представления фиктивных документов в регистрирующий орган, то следственный орган в каждом конкретном случае должен установить, причинен ли крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо извлечен доход в крупном или особо крупном размере.

Следует отметить, что статья 170^1 УК РФ отнесена к исключительной подследственности следователей Следственного комитета РФ, а часть вторая статьи 171 УК РФ остается в исключительной подследственности следователей МВД России. По части первой данной статьи производится дознание.

Возвращаясь к анализу данного типа рейдерского захвата, укажем, что на его втором этапе, если будет доказано участие налогового инспектора в рейдерской группе, а точнее — то, что он сознавал факт недостоверности вносимых им в ЕГРЮЛ сведений, его действия следует квалифицировать по ст. 285^3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений» за умышленное внесение должностным лицом в один из единых государственных реестров, предусмотренных законодательством Российской Федерации, заведомо недостоверных сведений.

Если рейдерами осуществлен третий этап захвата, т.е. совершены действия по отчуждению имущества, то, как указывалось выше, в них усматриваются признаки хищения, иными словами, признаки оконченного преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ «Мошенничество».

При наличии особых квалифицирующих признаков (например, угроза насилием) такие действия могут быть квалифицированы по соответствующей статье 22 главы УК РФ.

Теоретически возможен захват управления в обществе с ограниченной ответственностью путем фальсификации решения общего собрания его участников так, как указано в диспозиции ст. 185^5 УК РФ, введенного Федеральным законом № 147-ФЗ, а именно путем умышленного искажения результатов голосования, внесения в протокол общего собрания, в выписки из него, а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования, путем составления заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа участника хозяйственного общества к голосованию, несообщения сведений о проведении общего собрания участников либо сообщения недостоверных сведений о времени и месте проведения общего собрания (такова диспозиция цитируемой нормы).

Рассмотрим далее захват управления в акционерном обществе. Первый способ — фальсификация результатов общего собрания акционеров. Поскольку Федеральным законом № 147-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации внесена статья 185^5 «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества», считаем необходимым проанализировать данный способ в первую очередь.

В конце 90-х годов XX в. и начале XXI в. в ходе приватизации в форме акционирования и дальнейших корпоративных конфликтов с целью принятия нужного решения путем обеспечения перевеса голосов на общем собрании акционеров совершались такие маневры, как пересылка акционерам, несогласным с действиями держателя контрольного пакета акций, чистого листа в конверте вместо приглашения на собрание, сообщение неверного места и времени проведения собрания и т.д. с тем, чтобы они не явились на собрание якобы по объективным причинам.

Важное значение в таких ситуациях имел подсчет голосов на собраниях. «Подтасовка» избирательных бюллетеней, «вброс» фальшивых бюллетеней, заполненных в интересах одной из сторон конфликта, заведомо неверное указание в протоколе общего собрания акционеров результатов голосования и прочие подобные приемы были направлены на принятие решения, выгодного той или иной конфликтующей стороне. Такое решение сводилось, как правило, к избранию совета директоров (если в его компетенцию входили выборы генерального директора) или непосредственно единоличного исполнительного органа. Таким способом можно было установить контроль за имущественным комплексом, принадлежащим акционерному обществу.

Все данные ухищрения в настоящее время практически не используются, поскольку во всех крупных акционерных обществах как открытого, так и закрытого типа, крупные пакеты акций консолидированы и надежно находятся в руках менеджмента. Движение блокирующих и иных менее крупных пакетов также контролируется. Иными словами, в подавляющем большинстве общие собрания акционеров, в том числе и подсчет голосов на них, проходят без неожиданностей.

В такой экономической обстановке принятая статья 185^5 УК РФ, как сейчас принято говорить, будет выполнять «охранительную функцию», т.е. станет «мертвой» нормой.

Если же в каком-либо акционерном обществе сформировалось два пакета акций, примерно равных по управленческим полномочиям (что теоретически допустимо), и корпоративный конфликт неизбежен, в ходе его могут применяться различные приемы фальсификации результатов проведенных общих собраний акционеров. Неправомерные действия одной из сторон конфликта могут быть квалифицированы по ст. 185^5 УК РФ.

Однако по-прежнему остается дискуссионным вопрос — будет ли возбуждение уголовного дела в такой ситуации противодействием рейдерскому захвату или все-таки вмешательством в корпоративный конфликт?

Правоприменительная практика даст ответ на этот вопрос. Пока же следует признать, что отнесение данной статьи к исключительной подследственности следователей прокуратуры в значительной степени уменьшает предпосылки к коррупционным проявлениям в рядах следователей органов внутренних дел.

Следующий способ — незаконные операции с реестром акционеров. Реестром акционеров является перечень лиц (как физических, так и юридических), имеющих полномочия по осуществлению прав по управлению акционерным обществом, предоставляемых именными эмиссионными ценными бумагами — акциями, с указанием количества акций, которыми может управлять данное лицо. В реестре не всегда может быть указан собственник акций, корпоративное право знает понятие «номинальный держатель» — лицо, которому акционер поручил представление его интересов в акционерном обществе, в том числе участие в общих собраниях акционеров. При этом имя действительного собственника акций раскрывается в случаях, перечень которых ограничен законом.

В соответствии с частью 1 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в реестре акционеров общества указываются сведения о каждом зарегистрированном лице, количестве и категориях (типах) акций, записанных на имя каждого зарегистрированного лица, иные сведения, предусмотренные правовыми актами Российской Федерации.

Реестр акционеров не всегда имеет документарную форму. В конце 90-х годов XX века в подавляющем большинстве реестр велся в книгах, где записывались имена акционеров или номинальных держателей с указанием количества их акций. В настоящее время реестр может вестись в электронном виде, при этом письменная форма реестра может быть параллельной (а может и не быть), а в отдельных АО по-прежнему ведутся книги с реестрами акционеров.

---

[8] Федеральный закон от 30.10.2009 № 241-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 44. Ст. 5170; Парламентская газета. 2009. 3 нояб.; Российская газета. 2009. 3 нояб.

Согласно части 3 указанной статьи держателем реестра акционеров общества может быть это общество или регистратор. В обществе с числом акционеров более 50 держателей реестра акционеров общества должен быть регистратор.

Регистратор — независимый профессиональный участник рынка ценных бумаг, имеющий соответствующую лицензию и по общему правилу не имеющий права совмещать ведение реестров акционеров с другими видами деятельности на рынке ценных бумаг. С эмитентом (акционерным обществом, реестр которого он ведет) регистратора связывают договорные отношения, т.е. никаких рычагов давления на него эмитент не имеет, кроме расторжения договора на ведение реестра и заключение такого договора с другим регистратором. Такой правовой механизм, по замыслу законодателя, должен защитить рядовых акционеров от произвола и злоупотреблений со стороны менеджмента акционерного общества — эмитента. В обычных условиях корпоративных правоотношений такой механизм, вероятно, эффективен.

Когда же данные отношения переходят в стадию конфликта, особенности ведения реестра акционеров, а также иные пробелы в правовом регулировании данного объекта с успехом используются рейдерами и конфликтующими сторонами.

Наиболее примитивная незаконная операция — хищение реестра акционеров (если он имеет письменную форму и ведется непосредственно в АО) и изготовление другого, в котором рейдеры через подставных лиц или лично становятся владельцами контрольного пакета акций.

Очень часто для легитимизации дублирующего реестра лица, изготовившие его, обращаются в суд с иском о признании законности их реестра. Такой судебный процесс, как правило, сопровождается коррупционными проявлениями, тем не менее решение суда получает силу закона (вступает в законную силу) и действует до тех пор, пока не будет отменено вышестоящим судом.

В ходе рейдерских захватов используется склонение регистратора, ведущего реестр, на сторону рейдеров. Согласившийся на сотрудничество регистратор может в процессе ведения реестра акционеров обеспечить «плавный переход» контрольного пакета акций к представителям преступной группы путем последовательного внесения в реестр заведомо ложных сведений.

Один из вариантов незаконной операции с реестром — это заключение от имени подставного исполнительного органа договора на ведение реестра с другим, подконтрольным регистратором, часто в удаленном регионе, и поручение ведения ему дублирующего реестра. Такие действия в большинстве случаев осуществляются в совокупности с другими видами незаконных операций, редко — как самостоятельная преступная операция.

Ситуации, когда злоумышленники проводят параллельные общие собрания акционеров, заручившись дублирующим реестром акционеров, имеют место, когда вяло текущий корпоративный конфликт переходит в стадию активных «боевых» действий. Это чаще всего происходит, когда одна из сторон призывает на помощь профессиональных рейдеров.

Порой сами акционеры, вставшие на преступный путь, захватив подлинный реестр акционеров, уничтожив его и сфальсифицировав новый, согласно которому они являются владельцами контрольного пакета акций, могут проводить свои общие собрания акционеров, дабы придать законный вид владению акциями. Такие случаи встречались в следственной практике.

Однако следует указать, что такой вид нарушения системы корпоративного управления, как самостоятельный способ рейдерского захвата, используется крайне редко. В любом случае конечная цель рейдеров — захват управления в юридическом лице, и наличие информации в реестре акционеров о владении контрольным пакетом является лишь предпосылкой, псевдоправовым основанием для принятия на общем собрании акционеров выгодного преступной группе решения. А таким решением является, как отмечалось выше, избрание на должность единоличного исполнительного органа своего подконтрольного лица.

Федеральным законом от 30.10.2009 № 241-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации внесена статья 185^2 «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги», которая предусматривает уголовную ответствен-

ность для профессиональных участников рынка ценных бумаг, ведущих реестры акционеров, а также учитывающих права акционеров на счетах «депо» (депозитариев), за нарушение установленного порядка учета прав на ценные бумаги[8].

Уже упомянутый нами Федеральный закон № 147-ФЗ в той же норме (статье 185[2]) конкретизировал ответственность регистраторов и ввел в нее часть третью, согласно которой в уголовном порядке наказывается внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений, а равно умышленное уничтожение и подлог документов, на основании которых внесены запись или изменение в реестр владельцев ценных бумаг.

По непонятной причине в диспозиции данной статьи не предусмотрена ответственность для депозитариев, которые также могут вносить ложные сведения в счета «депо», выписки из которых удостоверяют права акционеров так же, как и выписки из реестров. Иными словами, правовые последствия от действий регистраторов и депозитариев одинаковые, а ответственность разная.

В целом данная норма применима в том случае, если профессиональные участники рынка ценных бумаг совершают действия в пользу рейдеров. За другие вышеописанные нами незаконные операции с реестрами акционеров уголовная ответственность не предусмотрена.

Тем же Федеральным законом № 147-ФЗ в УК РФ введена статья 170[1], предусматривающая в качестве преступления, помимо прочего, внесение заведомо недостоверных сведений в реестр владельцев ценных бумаг или систему депозитарного учета путем неправомерного доступа к ним (часть вторая) или те же деяния, сопряженные с насилием или угрозой его применения (часть третья).

Однако квалифицировать создание дублирующего реестра акционеров, в том числе его хищение и уничтожение, по статье 170[1] УК РФ — значит, расширительно толковать уголовно-правовые нормы. Как известно, такой подход в уголовном праве неприемлем.

Таким образом, существенная часть неправомерных действий с реестром акционеров, совершаемых как в ходе рейдерских захватов, так и в ходе корпоративных конфликтов, остается вне рамок уголовного закона.

Вместе с тем изложенный правовой анализ введенных в УК РФ статей для следователей органов внутренних дел полезен лишь для сведения, поскольку эти нормы отнесены к исключительной подследственности следователей Следственного комитета РФ.

«Размывание» пакета акций представляет собой дополнительную эмиссию акций, связанную с увеличением уставного капитала акционерного общества, с условием, что все дополнительно эмитированные акции скупаются лицами, контролируемыми рейдерской структурой.

Это дает возможность при сохранении номинальной стоимости пакета акций «неугодных» акционеров уменьшить его процентное соотношение до размера, не дающего права реально влиять на принятие решений общим собранием акционеров.

Такой прием используется рейдерами после законного получения акций, возможности проведения собрания или создания видимости его проведения, на котором может быть принято решение об увеличении уставного капитала (это решение относится к исключительной компетенции общего собрания).

Необходимо иметь в виду, что дополнительная эмиссия акций подлежит государственной регистрации в соответствующем подразделении Федеральной службы по финансовым рынкам, акционерным обществом должен быть подготовлен проспект ценных бумаг, отчет о предыдущем их выпуске, а также представлен ряд других документов.

Решение о дополнительной эмиссии акций может быть оспорено только в судебном порядке.

С точки зрения рейдеров, при наличии контрольного пакета размывание проводят для устранения миноритарных акционеров, которые, имея, например, блокирующий пакет, не позволяют бесконтрольно распоряжаться активами Общества.

Если же стоит задача захвата корпоративного управления при наличии пакета акций менее 50%, принятие решения о дополнительной эмиссии и увеличении уставного капитала не может быть достигнуто законным путем. Это означает, что протокол общего собрания акционеров, проспект акций или отчет о размещении акций, которые предоставляются в ФСФР, будут содержать фик-

тивные сведения, иметь признаки фальсификации, т.е. такое деяние (помимо умысла на завладение правами на имущество юридического лица) содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 185 УК Российской Федерации.

Данная статья Федеральным законом № 147-ФЗ также отнесена к исключительной подследственности следователей Следственного комитета РФ.

Третий способ — регистрация фиктивного исполнительного органа. Поскольку акционерное общество находится на учете в налоговых органах, так же как и общество с ограниченной ответственностью, все вышеуказанные преступления, связанные с незаконной регистрацией фиктивных сведений в ЕГРЮЛ, могут быть совершены и в отношении акционерного общества.

Технология таких преступлений совершенно аналогична описанной выше — подготовка фиктивных документов о переизбрании единоличного исполнительного органа, представление их в орган ФНС, внесение неосведомленным должностным лицом недостоверных сведений в ЕГРЮЛ, получение рейдерами свидетельства о регистрации изменений, отчуждение активов и, если в этом есть необходимость, их силовой захват.

И также, как нами выше упомянуто, ответственность за представление фиктивных документов в регистрирующий орган наступает по статьям 170[1] или 171 УК РФ, а при совершении действий по отчуждению имущества — по статье 159 УК РФ либо другим статьям главы 22 УК РФ, при наличии соответствующих признаков других преступлений.

Проведенный анализ недружественных поглощений предприятий в форме рейдерских захватов показывает основные направления совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, подчеркивает важность продолжения предупреждения и противодействия преступлениям рейдерской направленности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 01.07.2010 № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3431; Российская газета. 2010. 5 июля.

2. Федеральный закон от 8 июля 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. 2001. 10 авг.; Парламентская газета. 2001. 14 авг.; СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3431.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации [части первая, вторая, третья и четвертая]. Текст с изменениями и дополнениями на 15 января 2014 года М.: Эксмо, 2014.

4. Сайт Российский налоговый курьер http://www.rnk.ru/article/153559-anti-reyderskie-popravki-v-ugolovnyy-kodeks-v-2010-godu

5. Сайт ГСУ СК России http://crim.sledcom.ru/feedback/detail.php? SECTION_ID

УДК 343.6
ББК 67.408

КОРОБЕЕВ Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Дальневосточного федерального университета,
профессор, доктор юридических наук
e-mail: ugpra@chair. dvgu.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ЧЕКУЛАЕВ Сергей Сергеевич,
заместитель руководителя следственного
отдела по Советскому району г. Владивосток
следственного управления Следственного
комитета РФ по Приморскому краю,
капитан юстиции

Рецензент: **Басова Татьяна Борисовна**,
доктор юридических наук, профессор

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ ИЗ КОРЫСТНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ, А ТАКЖЕ СОПРЯЖЕННЫХ С РАЗБОЕМ И БАНДИТИЗМОМ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Анализ законодательства и практики показывает, что, устанавливая дополнительную ответственность за убийство, сопряженное с другими преступлениями, законодатель в большей степени опирается не на существующие правила квалификации, а, скорее, на необходимость усиления ответственности за данное преступление. Авторами определены существующие проблемы квалификации убийств из корыстных побуждений, а также сопряженных с разбоем и бандитизмом. На основании этого сделаны выводы о том, что решение проблемы усиления ответственности за совершение определенной категории преступлений подобным путем приводит лишь к появлению дополнительных сложностей в квалификации и совершенно необъяснимо с позиции дифференциации уголовной ответственности.*

Ключевые слова: *проблемы квалификации, убийства, корыстные побуждения, разбой, бандитизм.*

Annotation. *The analysis of legislation and practice shows that the establishment of an additional responsibility for the murder associated with other crimes wasn't dictated by the existing rules of qualification. It has happened rather due to the necessity to aggravate the punishment. The authors identified the existing problems of qualification of mercenary murders, and murders associated with robbery and banditry. On this basis it is concluded that the problem of aggravating the responsibility for commission of certain categories of offenses only leads to additional difficulties in crimes' qualification and from the point of differentiation of criminal responsibility it is completely inexplicable.*

Keywords: *problems of qualification, murder, selfish motives, robbery, banditry.*

Убийства, как известно, относятся к разряду тех негативных социальных явлений, которые по своему характеру и степени общественной опасности во все времена и у всех народов справедливо причисляются к категории самых тяжких преступлений. Нормой об ответственности именно за убийства открывается Особенная часть УК РФ 1996 г. Законодатель тем самым подчеркивает, что жизнь человека

является наиболее ценным благом из всех, подлежащих уголовно-правовой охране.

Криминологическими исследованиями установлено, что в настоящее время наиболее распространенным мотивом совершения убийств является корысть во всех самых причудливых формах ее проявления. В свою очередь, одной из разновидностей убийства из корыстных побуждений выступает убийство, сопряженное с разбоем или бандитизмом.

В УК РСФСР 1960 г. этот вид убийства ограничивался указанием только на корыстный мотив его совершения. В ныне действующем Уголовном кодексе РФ в характеристику рассматриваемого убийства включены дополнительно такие признаки, как совершение его по найму, в связи с разбоем, вымогательством, бандитизмом.

Вопреки расхожему мнению, далеко не все из этих вновь включенных признаков являются уточняющими, конкретизирующими корыстную направленность умысла виновного. Ясно, что корыстными следует признать убийства, сопряженные с разбоем и вымогательством. Но вот наемные убийства и особенно убийства, соединенные с бандитизмом, могут и не иметь корыстной окраски. Тем не менее указанное обстоятельство не может служить препятствием для квалификации подобных убийств по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК.

Корысть, по В. Далю, есть страсть к приобретению, к наживе; жадность к деньгам, к богатству, любостяжание, падкость на барыш[1]. Отсюда корыстный мотив — это стремление к личной выгоде, материальной пользе, получению материальных благ или избавлению от имущественных обременений, т.е. это меркантилизм в его чистом виде.

В теории уголовного права и судебной практике убийством из корыстных побуждений признается убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, права на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.). В этот же ряд можно поставить убийство коллеги по работе с целью получения его высокооплачиваемой должности; убийство потерпевшего с целью употребления отдельных частей его тела в пищу и т.п.

Таким образом, корысть как мотив убийства предполагает достаточно широкую трактовку этого понятия, включая в него и получателей материальной выгоды, которыми могут быть не только убийцы, но и те близкие им люди, в судьбе которых они заинтересованы. Следовательно, стремление обеспечить имущественную выгоду другим лицам при совершении убийства также необходимо трактовать как разновидность корысти[2]. Для квалификации по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК не имеет значения, на законном или незаконном основании в дальнейшем должны были приобретаться или отчуждаться для себя или иных лиц вышеперечисленные материальные блага.

Типичным примером такого убийства может служить следующее уголовное дело.

С целью завладения имуществом Л. ее родственница П. нанесла ей несколько ударов кулаком, а затем удушила потерпевшую полотенцем. Верховный Суд РФ справедливо по этому поводу указал, что убийство члена семьи с целью завладения имуществом должно квалифицироваться как умышленное убийство из корыстных побуждений[3].

В другом случае умышленное убийство четырехлетнего ребенка с целью освободиться от уплаты средств на его содержание также признано совершенным из корыстных побуждений[4].

Корыстный мотив убийства зафиксирован и в ситуациях, когда П. с целью избавиться от уплаты долга, образовавшегося в результате совместного участия в кражах, умышленно лишил жизни своего «подельника» Т.,[5] а пассажир У. с целью избежать платы за проезд убил водителя автомашины Ч.[6]

---

[1] См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989. С. 171.

[2] См.: *Миненок М.Г., Миненок Д.М.* Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 112; *Нафиев С.Х.* Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1999. С. 15.

[3] См.: БВС РСФСР. 1967. № 8. С. 7.

[4] См.: БВС. 1994. № 11. С. 1.

[5] См.: БВС. РСФСР. 1972. № 10. С. 10.

[6] См.: БВС. РФ. 1997. № 6. С. 11.

В последнее время широкое распространение получили убийства с целью завладения приватизированными квартирами граждан. Специализируются на этом «бизнесе» в основном организованные преступные группы. По некоторым сведениям, почти половину лиц, неопознанные трупы которых обнаруживают на улице, в подвалах, на чердаках и т.п., составляют люди пожилого возраста. Ими, как правило, оказываются убитые пенсионеры, квартирами которых завладели преступные группы[7]. По одному из уголовных дел Верховный Суд констатировал: лица, совершившие убийства собственников квартир из корыстных побуждений с целью завладения денежными средствами, вырученными от продажи этих квартир, обоснованно осуждены по п. «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ[8].

Квалификация убийства по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ возможна при условии, что корыстный мотив возник до (или в процессе) убийства, но не после его совершения. Умысел на лишение жизни потерпевшего в указанном случае может быть только прямым: убийца желает смерти жертвы, ибо лишь таким способом он может достичь преследуемую цель и удовлетворить свой корыстный мотив.

Было бы, однако, ошибкой вкладывать в понятие корыстных побуждений чрезмерно широкий смысл. На практике такие ошибки допускаются при квалификации убийств, совершенных с целью охраны материальных ценностей, являющихся собственностью виновного; убийств, потерпевшими от которых выступают лица, совершившие хищения или не выполнившие взятые на себя имущественные обязательства (например, не погасившие карточный долг). При ближайшем рассмотрении мотивами таких убийств оказываются отнюдь не корыстные побуждения. В первом случае виновный стремится не получить материальную выгоду или избавиться от материальных затрат, а оградить от посягательства то, что у него уже имеется. Во втором случае убийцей движет, как правило, месть.

Например, убийство, совершенное Н. при охране им личного имущества, Президиумом Верховного Суда РФ справедливо не было признано убийством из корыстных побуждений[9].

Убийство, сопряженное с разбоем, должно содержать все признаки последнего, т.е. представлять собой нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, и отягощенное умышленным причинением смерти потерпевшему.

Самым сложным при этом для правоприменителя является ответ на вопрос: как квалифицировать все содеянное? По совокупности преступлений как убийство и разбой или только по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ?

Верховный Суд РФ в своем постановлении от 27.12.2002 № 29 (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» приходит к выводу: «Если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное им следует квалифицировать по пункту «з» части второй статьи 105 УК РФ, а также по пункту «в» части четвертой статьи 162 УК РФ»[10]. Такая же рекомендация содержится и в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»[11].

Позиция высшей судебной инстанции страны по этому вопросу вызвала обоснованную критику в юридической литературе. Такой подход не только игнорирует принципиальные положения теории квалификации преступлений, но и вступает в явное противоречие с действующим уголовным законодательством.

Дело в том, что п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в той части, где речь идет об убийстве, сопряженном с разбоем (а равно с бандитизмом и вымогательством), представляет собой так называемую учтенную совокупность соответствующих преступлений. А ст. 17 УК РФ в ее нынешнем виде совокупность пре-

[7] См.: *Антонов В.Н.* Особенности преступных посягательств на рынке жилья. Владивосток, 2000. С. 9.
[8] См.: БВС. РФ. 2010. № 2. С. 23.
[9] См: БВС. РСФСР. 1963. № 3. С. 5.
[10] См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 2010. С. 185.
[11] См.: Там же. С. 145.

ступлений определяет как «совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». Отсюда разбой, сопряженный с убийством, не может рассматриваться как самостоятельное преступление, требующее квалификации его по совокупности с убийством. Все содеянное полностью охватывается п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и никакой дополнительной квалификации не требует. Более того, такая квалификация нарушала бы еще и принцип справедливости, согласно которому «никто не может нести уголовную ответственности дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Примечательно, что и сам Верховный Суд РФ по другой категории уголовных дел занял отстаиваемую нами позицию. После того как законодатель в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК предусмотрел уголовную ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку, Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 постановления от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» сформулировал следующее правило: «В случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» части 3 статьи 205 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ не требует»[12]. Остается поэтому надеяться, что аналогичный подход будет продемонстрирован Верховным Судом РФ к оценке не только террористических актов, сопряженных с убийством, но и к убийствам, сопряженным с иными преступлениями.

Итак, как сопряженное с разбоем (а равно с бандитизмом или вымогательством) следует рассматривать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях должно квалифицироваться только по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК без дополнительной ссылки на статьи УК, предусматривающие ответственность за разбой (бандитизм или вымогательство).

Двойственную позицию по этому вопросу занимают А. Марцев и Р. Токарчук. С одной стороны, они подвергают справедливой критике рекомендации Верховного Суда РФ квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105, а также по п. «в» ч. 4 ст. 162 и п. «в» ч. 3 ст. 163 УК случаи идеальной совокупности разбоя и убийства, вымогательства и убийства. Такие рекомендации, правильно подчеркивают они, не соответствуют требованиям принципа справедливости. С другой стороны, указанные авторы предлагают те же самые деяния все равно квалифицировать по совокупности, вменяя дополнительно к убийству лишь простые составы разбоя и вымогательства[13].

Спрашивается: неужели при такой «облагороженной» квалификации принцип справедливости не будет поколеблен ни на йоту? Конечно, нет. Ведь очевидно, что, конструируя п. «з» ч. 2 ст. 105 УК как учтенную совокупность убийства, бандитизма, разбоя и вымогательства, законодатель отразил повышенную общественную опасность этих сложносоставных преступлений в санкции данной статьи. И если при таких обстоятельствах считать несправедливым дополнительное присоединение к квалифицированному убийству особо квалифицированных видов разбоя и вымогательства, то дополнительное вменение простых их видов придется признать уже верхом несправедливости.

При сопряжении убийства с разбоем не вызывает сомнений тождественность мотивов совершения последнего преступления и самого убийства. Трудности же в их оценке возникают при разграничении убийств, сопряженных с разбоем, с одной стороны, и чисто корыстных убийств — с другой.

В теории правильно отмечается, что критериями разграничения корыстного убийства при разбое и корыстного убийства без признаков разбоя является наличие или отсутствие обязательной совокупности трех моментов. Если убийство совершено, во-первых, путем нападения, во-вторых, с целью завладения материальными ценностями (похище-

[12] См.: БВС РФ. 2012. № 4.

[13] См.: *Марцев А., Токарчук Р.* Вопросы совокупности вменения разбоя или вымогательства и преступлений против жизни // Уголовное право. 2008. № 12. С. 39 – 41.

ния их), и, в-третьих, если завладение имуществом осуществлено в момент совершения убийства или непосредственно после него, то налицо корыстное убийство, сопряженное с разбоем[14]. При отсутствии хотя бы одного из перечисленных критериев ответственность наступает также по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, но по признаку — «убийство из корыстных побуждений».

Наконец, если умысел на завладение имуществом убитого возник после совершения убийства, то это не влечет квалификации действий виновного по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК. Содеянное в таких случаях обычно представляет собой совокупность простого убийства и кражи.

Поскольку убийства, сопряженные с разбоем и вымогательством, уже не требуют квалификации по совокупности преступлений, а само по себе лишение жизни человека в процессе разбоя или вымогательства есть типичное проявление корыстного убийства, то по поводу и этих признаков п. «з» ч. 2 ст. 105 УК в литературе высказано небезосновательное соображение о том, что сохранение их в данной норме — излишне[15].

Умышленное убийство, сопряженное с бандитизмом, имеет свои особенности. Убийство, отягощенное бандитизмом, сходно с убийством по найму в том смысле, что, как и последнее, не всегда совершается из корыстных побуждений. Известно, что бандитизм может выражаться, например, в нападениях с целью уничтожения имущества, захвата заложников, освобождения арестованных, совершения изнасилований.

Строго говоря, нет никаких препятствий, чтобы и подобные проявления бандитизма, соединенные с убийством потерпевших, квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК. Предложения отдельных авторов ограничить такую квалификацию лишь «корыстным» бандитизмом не основаны на законе. Если мы допускаем возможность подобной квалификации при некорыстном убийстве по найму, то почему должны делать исключение для бандитизма? В связи с этим, правда, возникает и другой вопрос: чем объяснить, что законодатель допускает формальную возможность квалификации по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК действий лиц, совершающих убийства, сопряженные с некорыстным бандитизмом, и не включает в этот пункт убийства, сопряженные, скажем, с терроризмом?

Ответ на поставленный вопрос в законе мы не находим. Можно лишь предположить, что, конструируя п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, законодатель ориентировал его на борьбу с корыстными видами убийств, однако сделал это не совсем удачно. Если предположение верно, то целесообразнее было бы убийство по найму «разместить» в самостоятельном пункте ч. 2 ст. 105 УК, а убийство, сопряженное с бандитизмом, исключить из нее вовсе.

Список литературы

1. *Антонов В.Н.* Особенности преступных посягательств на рынке жилья. Владивосток, 2000.

2. *Бавсун М., Вешнякова Н.* Проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями // Уголовное право. 2004. № 4.

3. *Галимов И.Х.* Разбой: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 14.

4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989.

5. *Марцев А., Токарчук Р.* Вопросы совокупности вменения разбоя или вымогательства и преступлений против жизни // Уголовное право. 2008. № 12. С. 39—41.

6. *Миненок М.Г., Миненок Д.М.* Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001.

7. *Нафиев С.Х.* Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 1999.

[14] См.: *Галимов И.Х.* Разбой: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 14.

[15] См.: *Бавсун М., Вешнякова Н.* Проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями // Уголовное право. 2004. № 4. С. 9.

УДК 343.9
ББК 67.52

МИХЕЛЬСОН Роман Игоревич,
следователь следственного отдела
по Кировскому району г. Ярославль
следственного управления СК России
по Ярославской области
E-mail: meksikan007@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В указанной статье исследуется проблема определения такого элемента объективной стороны состава преступления, как причинно-следственная связь, при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 143, 158, 264 УК РФ. Кроме того, автором предлагается ряд правил, которыми необходимо руководствоваться при решении исследуемой проблемы.*

Ключевые слова: *преступление, причинно-следственная связь, действие, бездействие, последствия, условие.*

Annotation. *In this article the problem of the definition of an element of the objective side of the offense, as a causal link, with the definition of crimes under Articles 143, 158, 264 of the Criminal Code. In addition, the authors propose a set of rules to be followed in dealing with the problem under investigation.*

Keywords: *crime causation, act, omission, consequences condition.*

Как известно, любое преступление посягает на определенные общественные отношения. Общественные отношения складываются из трех элементов:

1) участники общественных отношений;

2) предмет общественных отношений;

3) связи, возникающие между участниками общественных отношений.

По мере развития общества усложняются и общественные отношения, следовательно, и преступные посягательства становятся более замысловатыми. Все это приводит к тому, что на практике возникают сложности при квалификации отдельных видов преступлений, в частности автотранспортных.

Так, закономерно приходим к отсутствию норм, регулирующих соответствующие правонарушения, проще говоря, к пробельности в праве. Именно поэтому в данной статье осуществляется попытка проиллюстрировать то, насколько действующее в Российской Федерации законодательство отстает от реальной жизни.

Труднее всего обстоит с такими дорожно-транспортными происшествиями, повлекшими преступные последствия, в которых участвуют сразу несколько лиц. Причинно-следственная связь в таких преступлениях обладает рядом специфических черт, а именно: во-первых, в силу того, что хотя бы одним из его участников является лицо на транспортном средстве, которое в свою очередь характеризуется сложным механическим устройством, во-вторых, тем, что причиной автотранспортного преступления служит нарушение правил дорожного движения, что само по себе является административным правонарушением и не обладает высокой общественной опасностью, однако способно вызывать тяжкие преступные последствия, в-третьих, последствия, часто неадекватны нарушению, то есть водитель может совершить незначительное нарушение, которое приведет к тяжелым последствиям, не характерным для данного правонарушения.

В ст. 264 УК РФ указывается, что преступным признается только такое поведение водителя, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, которое противоречит правилам дорожного движения или

эксплуатации дорожных средств. Следовательно, первым шагом в определении причинной связи по делам об автотранспортных преступлениях является вопрос о том, имело ли место нарушение правил дорожного движения. На это указывает и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», отмечая, что в приговоре по делу о преступлениях, предусмотренных статьей 264 УК РФ, судам следует указывать нарушение каких конкретно пунктов Правил дорожного движения или Правил эксплуатации транспортного средства повлекло наступление последствий[1]. Чаще всего такое нарушение совершается водителем путем активных действий, например: проезд на запрещающий сигнал светофора, превышение установленной на данном участке дороги скорости, выполнение обгона на участках дорог, где он запрещен, однако возможны нарушения и путем бездействия, а именно: не выполнение водителем требования о переключении дальнего света фар на ближний, в случае приближения встречного автотранспортного средства, в темное время суток, непринятие мер для предотвращения наезда на пешехода и т.д.

Анализ практики Ростовского районного суда Ярославской области за период с 2008 по 2012 г. показывает, что в большинстве случаев, когда происходит ДТП, повлекшее наступление последствий, указанных в статье 264 УК, водитель совершает не одно, а целый ряд нарушений, при этом в 25 случаях из 29 водитель нарушил п. 10.1 Правил дорожного движения, который предписывает водителю соблюдать скоростной режим, а также вести транспортное средство таким образом, чтобы была возможность, в случае опасности, предотвратить ДТП[2]. Следовательно, данный анализ позволяет нам сделать вывод — в большинстве случаев необходимым условием возникновения преступного результата является то, что водитель выходит за тот предел, который позволял ему контролировать ситуацию.

Уголовно-правовое значение имеют только те нарушения, результатом которых стали последствия, указанные в статье 264 УК РФ. Само по себе нарушение правил при одних условиях может повлечь такой результат, а при других нет, но в любом случае оно создает возможность наступления такого результата[3]. Далее происходит взаимодействие с другими участниками дорожного движения, которое и трансформирует возможность наступления последствий абстрактную в реальную.

Например, водитель, двигаясь со скоростью, превышающей установленную, создает абстрактную возможность наступления вредных последствий, однако если проезжую часть начинает переходить пешеход, то у водителя может не хватить времени на предотвращение наезда. С этим связан еще один вопрос, порожденный все той же нечеткостью формулировок действующего уголовного законодательства, на который в научной литературе отвечают по-разному. В пункте 10.1 Правил дорожного движения указывается, что водитель обязан применить все возможные для него меры к снижению скорости, вплоть до остановки при возникновении опасности для движения. То, что в Правилах не содержится расшифровка понятия «опасность для движения», и приводит к тому, что появляются различные мнения по поводу данного явления.

Так, например, Н. Яблоков и Ю. Багдасарян отвечают на данный вопрос следующим образом: опасность вне пешеходного перехода возникает при условии вступления на проезжую часть малолетнего или слепого пешеход[4]. Для того чтобы оценить подход, предложенный учеными, необходимо смоделировать следующую ситуацию. Вблизи школ на

---

[1] Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // http://www.rg.ru/2008/12/26/pdd-dok.html

[2] Приговор по уголовному делу № 1-18/10 // http://rostovsky.jrs.sudrf.ru; Постановление по уголовному делу № 1-9/11 // http://rostovsky.jrs.sudrf.ru

[3] См.: *Нерсесян В.* Особенности установления причинной связи в составах преступлений, совершенных по неосторожности // Уголовное право. 2000. № 3. С. 32.

[4] См.: *Яблоков Н., Багдасарян Ю.* Возникновение опасной ситуации как элемент ДТП // Социалистическая законность. 1987. № 11. С. 59.

дорогах, как правило, устанавливается знак «Дети». Представим, что водитель пренебрег данным знаком, и в результате того, что на проезжую часть выбежал ребенок, произошло ДТП, последствиями которого стали тяжкие телесные повреждения у последнего. С позиции Н. Яблокова и Ю. Багдасаряна, момент опасности возник тогда, когда ребенок выбежал на проезжую часть, соответственно необходимо оценивать действия водителя именно с этого момента. В ходе экспертизы может быть установлено, что водитель, во временном промежутке с момента появления ребенка на проезжей части до момента наезда, не имел возможности предотвратить дорожно-транспортное происшествие. Однако с таким выводом согласиться нельзя. Дорожный знак «Дети» предупреждает водителя о том, что на проезжей части возможно внезапное появление детей, что обязывает его к выбору такого стиля вождения, который бы позволил обеспечить безопасность дорожного движения. Водитель должен быть предельно внимателен на данном участке дороги, следовательно, моментом возникновения опасности необходимо считать не появление детей на проезжей части, а объективную возможность их обнаружения у водителя[5]. На это указывает и Пленум Верховного Суда в п. 7 упомянутого выше постановления. Момент опасности, на первый взгляд, можно отождествить с аварийной обстановкой, о которой говорит В.В. Лукьянов[6]. Под аварийной обстановкой автор понимает такую ситуацию, когда водитель должен изменить скорость и/или направление движения для того, чтобы обеспечить безопасность, но по объективным причинам он не может этого сделать[7].

Установив факт нарушения водителем Правил дорожного движения и последствия, указанные в статье 264 УК, а именно: тяжкий вред здоровью; смерть человека; смерть двух и более людей, необходимо установить причинную связь между этими явлениями.

Первое, что нужно сделать — это ответить на вопрос: было ли нарушение водителем Правил дорожного движения необходимым условием наступления общественно опасных последствий. Рассмотрим простой случай, встретившийся в практике.

Водитель Г., управляя автомобилем ВАЗ-21213, двигался по второстепенной дороге. Подъезжая к нерегулируемому перекрестку, игнорируя требования знака приоритета, который обязывает водителя уступить дорогу всем транспортным средствам, движущимся по пересекаемой дороге, не убедившись в отсутствии транспортных средств, не уступил дорогу автомобилю ВАЗ-21043, в результате этого произошло столкновение. В данном случае, очевидно, что необходимым условием наступления ДТП явилось нарушение водителем Г. правил. Если бы он выполнил требование знака и принял меры к снижению скорости, вплоть до остановки, для того, чтобы уступить дорогу автомобилю ВАЗ-21043, столкновения бы не произошло.

Рассмотрим пример, когда нарушение правил дорожного движения водителем не будет являться необходимым условием наступления последствий.

Дело рассматривалось Басманным районным судом города Москвы. Гражданин С., управляя служебным автомобилем, находясь при исполнении служебных полномочий, выполняя неотложное служебное задание, допустил преступную небрежность, которая выразилась в том, что он, совершая разворот, в нарушении Правил дорожного движения, не убедился в том, что встречные транспортные средства уступают ему дорогу, в результате чего произошло столкновение с мотоциклом. Также было выяснено, что С. не включил специальный звуковой сигнал, хотя в данной ситуации он обязан был это сделать. Эксперты усмотрели причинную связь между действами С., который не убедился, что ему уступают дорогу, тем самым нарушив Правила дорожного движения, и преступным результатом. Отступления от требования включить специальный звуковой сигнал, по мнению экспертов, в причинной связи с последствиями не находилось[8].

---

[5] См.: *Козаченко И.Я., Курченко В.Н, Злоченко Я.М.* Проблемы причины и причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права. СПб., 2003. С. 122.

[6] См.: *Лукьянов В.В.* Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М., 1979. С. 59.

[7] См.: Там же. С. 61.

[8] Приговор по уголовному делу №1-35/11 // http://basmanny.msk.sudrf.ru

Однако не все ученые считают возможным применение теории необходимого условия по делам об автотранспортных преступлениях. В частности, Н.С. Романов в обоснование своей критики данного подхода приводит дело Л.

Л. выехал на машине с неисправными тормозами. Двигаясь по шоссе, он задел повозку, в результате чего находившийся в ней гр. А. упал на дорогу, получив тяжкие телесные повреждения. Столкновение автомобиля с повозкой произошло в результате того, что лошадь, испугавшись машины, неожиданно бросилась в сторону. Эксперты по данному делу пришли к выводу о том, что появление повозки на полосе движения автомобиля произошло на таком близком расстоянии, что даже если бы тормоза в автомобиле были исправны, водитель все равно не смог бы предотвратить столкновение торможением. Надзорная инстанция, рассматривая данное дело, не признала наличия причинной связи между ездой Л. с неисправными тормозами и происшествием[9].

Суть замечания Н.С. Романова в следующем, используя теорию необходимого условия, придем к выводу о том, что между действиями Л. и последствиями причинная связь присутствует, так как, если бы водитель поступил в соответствии с правилами и не выехал бы с неисправными тормозами, то столкновения бы не произошло. Мнению Романова можно противопоставить ряд аргументов.

Во-первых, возможна ситуация, в которой Л., выезжая, не знал о неисправности тормозной системы, следовательно, нельзя признать за ним факта нарушения Правил дорожного движения, в итоге, и вопрос о причинной связи отпадает.

Во-вторых, Романов забывает о том, что, выезжая с неисправными тормозами, водитель создает абстрактную возможность наступления преступных последствий, а для нас решающим будет период времени с момента возникновения реальной опасности до момента столкновения, соответственно нас будет интересовать, как влияет неисправность тормозной системы на столкновение с повозкой. В случае если и с исправными тормозами происшествия не избежать, то неисправность не может быть необходимым условием наступления общественно опасных последствий.

Ряд ученых, в частности Е.В. Болдырев, К.И. Лысков, А.И. Чучаев, утверждают, что в автотранспортных преступлениях возможна только прямая, непосредственная причинная связь, то есть такая, при которой между нарушением и последствием нет никаких событий[10]. С данной позицией трудно согласиться. Безусловно, в случаях, когда, например, водитель превышает скорость, вследствие чего не успевает принять меры по предотвращению ДТП и наезжает на пешехода, причинная связь будет прямой. В данном случае наблюдается лишь одно звено: нарушение — последствие. Однако не всегда все так просто и однозначно. Представим себе следующую ситуацию.

Водитель Б. решил произвести обгон. Перед тем как выезжать на полосу встречного движения водитель обязан убедиться в том, что на ней нет транспортных средств. Б. в нарушение Правил в этом не убедился и начал производить обгон. Двигавшийся по полосе встречного движения водитель М. резко тормозит и уходит вправо от столкновения, в результате чего происходит столкновение с автомобилем под управлением В., двигавшемся по соседней с М. полосе. Последствиями столкновения стали тяжкие телесные повреждения у пассажиров, находившихся в автомобиле В.

Если придерживаться точки зрения, указанной выше, причиной преступных последствий явились действия водителя М., а противоправные действия Б. останутся вне причинной связи с наступившим результатом, поскольку между ними существовали действия водителя В. С таким выводом соглашаться нельзя. В данном казусе можно усмотреть два звена: противоправные действия Б. — действия М. — последствия. Действия М. явились прямым результатом действий Б., следовательно, причинная связь между дей-

[9] *Романов Н.С.* Установление причинной связи по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Советское государство и право. 1984. № 5. С. 100.

[10] *Малинин В.Б.* Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3. С. 277.

ствами последнего и преступным результатом очевидна.

Еще один вопрос, связанный с причинной связью в автотранспортных преступлениях, который хотелось бы рассмотреть — это «вина потерпевшего». Как правило, она выражается в том, что потерпевший сам нарушает Правила дорожного движения. Такие случаи, мы считаем, необходимо делить на две категории:

1) случаи, когда только потерпевший нарушает Правила дорожного движения;

2) случаи, когда и потерпевший и лицо, причинившее вред, нарушают Правила.

Первую категорию случаев можно проиллюстрировать следующим примером.

Водитель А. движется по шоссе, не превышая установленной скорости. Неожиданно пешеход Л. начинает переходить дорогу в месте, где это делать запрещено, в результате чего происходит наезд (под условием того, что водитель А. принял все меры для предотвращения ДТП). Ответственность в отношении водителя А. по статье 264 исключается, поскольку он не нарушил Правил дорожного движения. В нашем случае именно действия пешехода явились причиной ДТП. Если мы изменим условия примера, и водитель А. превышал скорость, то наличие причинной связи будет зависеть от того, имел ли он возможность избежать наезда, соблюдая установленную скорость движения. В случае, если эксперты установят, что даже если бы он соблюдал установленную скорость, наезда все равно было бы не избежать, то причинной связи между его действиями и результатом не будет, поскольку они не явились необходимым условием его наступления. Однако если выяснится, что при соблюдении установленной скорости можно было бы предотвратить наезд, то причинная связь будет иметь место, и уже противоправные действия потерпевшего выяснится в качестве смягчающего обстоятельства.

Таким образом, при определении наличия или отсутствия причинной связи в автотранспортных преступлениях решающее значение имеет техническая экспертиза, поскольку только с помощью нее мы можем достоверно узнать, совершил ли водитель нарушение, допустил ли сам потерпевший нарушение, имел ли водитель реальную возможность избежать вредных последствий.

Преступления против жизни и здоровья законодатель в настоящее время считает самыми опасными. Охрана личности признана главной задачей уголовного законодательства, а наиболее значимыми элементами личности являются ее жизнь и здоровье. Наказания за преступления, посягающие на жизнь и здоровье, самые суровые, соответственно возрастает и цена судебной ошибки. Поэтому по делам о преступлениях, предусмотренных гл. 16 УК РФ, необходимо четко устанавливать все элементы состава преступления, ибо одна неточность может перечеркнуть жизнь невиновного. Наиболее опасным видом преступного поведения названной главы является убийство. В силу того, что состав данного преступления материальный, определение причинной связи необходимо.

Как и в вопросе о сущности и природы причинной связи нет универсального ответа, так и в вопросе об определении причинной связи в преступлениях против жизни и здоровья не все однозначно. Все сводится к тому, что необходимо выбрать из теорий причинной связи наиболее подходящую под составы преступления против жизни и здоровья.

В настоящее время практика идет по пути признания только прямой, непосредственной причинной связи между деянием и смертью. Об этом свидетельствуют приговоры, которые выносят суды по делам об убийствах. Наиболее часты следующие формулировки: «Смерть потерпевшей находится в прямой причинной связи с нанесением ей ранений в жизненно важный орган», «..которое привело к развитию обильной кровопотери, что и явилось непосредственной причиной смерти. Наступление смерти ФИО состоит в прямой причинной связи с данным ранением». Хотя такая позиция и принята большинством практических работников, и она имеет своих противников. В частности, Василий Борисович Малинин с ней не согласен. По его мнению, для правильной квалификации наиболее эффективным и верным будет использование теории необходимого условия в совокупности с другими уголовно-правовыми институтами, а именно субъективной стороной[11]. В обосно-

[11] *Малинин В.Б.* Указ. соч. С. 248.

вание своей позиции Малинин приводит пример из практики, суть которого заключается в следующем.

> И. из хулиганских побуждений нанес У. удар ножом в левую часть грудной клетки. Доставленный в тяжелом состоянии в больницу У. после проведенной срочной операции скончался от вызванной принятием наркоза при операции асфиксии, наступившей вследствие дыхательных путей рвотными массами. Действия И. Пленумом Верховного Суда СССР были расценены как покушение на убийство, по причине того, что непосредственной причиной смерти У. явилась операция.

Трудно спорить с утверждением Василия Борисовича о том, что смерть все-таки наступила, и необходимым условиям ее наступления явился удар ножом. Однако для нас этого недостаточно. Причинная связь развивалась следующим образом: действия И. — операция — смерть, т.е. наблюдается два звена, причем именно между операцией и смертью прямая связь.

По нашему мнению, формулируя диспозицию ст. 105 УК, законодатель в определение понятия «убийство» заложил наличие именно прямой причинной связи. Данный вывод мы делаем исходя из формулировки «умышленное *причинение*...». Если сравнить с формулировкой ст. 264, где сказано *«...повлекшее..»*, становится очевидным, что характер причинной связи в первом составе преступления должен быть непосредственным. В приведенном Малининым примере причинная связь между деянием И. и смертью У. прерывается действиями врачей, т.е. появляется еще одно звено, что устраняет непосредственную причинную связь между ножевым ранением и смертью. Точку зрения Малинина подвергает критике Э.Ф. Побегайло, говоря о том, что теория необходимого условия не может применяться при установлении причинной связи в данном случае, поскольку это может привести нас к абсурдному выводу, а именно: к ответственности за убийство будет привлечен портной, который из чувства ненависти сшил барину холодное платье, который впоследствии умер от простуды[12]. Очень часто происходит так, что после нанесения раны потерпевший тут же не умирает, это происходит спустя некоторое время, причем в этом временном промежутке на него оказывают воздействие другие лица, например врачи. Не редки случаи, когда пострадавшему успевают оказать медицинскую помощь, однако она оказывается либо ненадлежащим образом, либо не своевременно, либо в обстановке, когда объективно нет возможности спасти жизнь человека. Трудность состоит в определении влияния действий врачей на развитие причинной связи между преступными действиями и смертью.

Мы считаем, что необходимо определить непосредственную причину смерти потерпевшего для определения причинной связи. Несомненно, в любом случае виновные действия являются необходимым условием наступления смерти, однако они опосредуют причинную связь между ними. Мы считаем, что для определения причинной связи в данном случае необходимо установить объективную возможность медицинских работников устранить последствия в виде смерти. В случае, когда такая возможность существует, однако врачи допускают преступную небрежность, которая может выражаться как в оказании неквалифицированной помощи, так и в неоказании помощи вообще, непосредственной причиной смерти будут являться именно их действия или бездействие.

Иную позицию занимает В.Н. Кудрявцев. Автор считает, что лицо, создавшее реальную опасность для жизни потерпевшего, несет ответственность за наступившие последствия даже в случае, когда врачи своевременно не оказали помощь, хотя бы было установлено, что при своевременном вмешательстве потерпевшего можно было бы спасти[13]. А.Н. Игнатов утверждает, что ход причинной связи между действиями преступника и смертью потерпевшего может изменяться только в случае таких действий врачей, которые ухудшают состояние больного[14].

Необходимо отметить, что теория непосредственной причинной связи применима не

---

[12] *Побегайло Э.Ф.* Отзыв на диссертацию В.Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики» // Уголовное право. 2000. № 1. С. 118.

[13] *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 231.

[14] Уголовное право. Т.1. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 62.

во всех случаях причинения вреда жизни или здоровью человека. Так, например, А. Тарасов приводит интересный пример, суть которого состоит в том, что подозреваемый, пытаясь скрыться от полицейских, прикрывается телом девушки, при этом стреляя, в результате чего девушка погибает от ответного выстрела офицера[15]. Смерть потерпевшей наступила от выстрела представителя власти, то есть прямая причинная связь существует лишь между выстрелом полицейского и преступным результатом, однако привлекать к ответственности мы будем подозреваемого, который своими неправомерными действиями создал реальную возможность наступления вредных последствий и относился к ним как минимум безразлично.

Одним из сложных вопросов в уголовном праве является вопрос о возможности причинения смерти путем бездействия. Параллельно с этим возникает вопрос о причинной связи при бездействии. Первым, кто изучал причинную связь при бездействии, был Люден. Его выводы относительно исследуемой темы следующие: причиной наступившего результата является не само бездействие, а сопутствующая ему положительная деятельность. В комичной форме данную позицию опроверг Круг, говоря о том, что причиной смерти ребенка, оставленного матерью без пищи, является вязание, которым она в это время занималась[16]. Несостоятельность данной позиции усматривается в том, что ее последователь не учитывает тот факт, что положительной деятельности в момент бездействия может и не быть. М.Д. Шаргородский, к примеру, вообще отрицал причинную связь между бездействием и результатом, указывая на то, что необходимо лишь определить преступность бездействия путем выяснения обязанности и возможности действовать[17]. С данной точкой зрения соглашается и В.Б. Малинин. В обоснование своей позиции он применяет «золотое» правило к бездействию, а именно, мысленно исключает его и проверяет, наступают ли последствия в этом случае[18]. Очевидно, исключая то, чего нет, мы придем к тем же последствиям. Приводя классический пример, когда мать не кормит своего ребенка, и он умирает, автор указывает на то, что невозможно определить возраст ребенка, до наступления которого причинная связь между бездействием матери будет присутствовать, и после достижения которого она будет отсутствовать. Мы считаем, в данном случае нет необходимости определять такую возрастную грань, которая является формальным критерием. Для нас значение имеет лишь объективная возможность или невозможность ребенка самому о себе заботиться. Возможны случаи, когда человек беспомощен не в силу возраста, а в силу определенных заболеваний. Другие авторы, признавая отсутствие в природе причиняющего воздействия, бездействия, указывали на то, что в обществе оно может повлиять на поведение других лиц, заставить их действовать или, наоборот, т.е. стать причиной их поведения, а не причиной следствия[19].

На наш взгляд, нельзя отрицать причиняющий характер бездействия. Для подтверждения этой позиции необходимо провести аналогию. Представим, что общество — это сложный механизм, и действия каждого человека — это определенная деталь, функционирующая исправно. Нарушение закона путем действия будет равно тому, что одна шестеренка начинает крутиться в обратную сторону, соответственно это приводит к нарушению работы механизма, то есть к нарушению общественных отношений. Представим, что деталь выпадает или просто перестает функционировать. Это приводит к тем же последствиям, что и неправильное функционирование той же детали, таким образом, можно сделать соответствующий вывод. Человека можно признать такой деталью в случаях, когда он обязан действовать и когда он может это делать. Следовательно, когда система общественных отношений строится на действиях определенных лиц и другие участники ожидают такого закономерного поведения, причиняющий характер бездействия очевиден. Важно отделить две категории слу-

[15] См.: *Тарасов А.* О причинно-следственной связи в современном уголовном праве // Уголовное право. 2000. № 2. С. 60.

[16] *Церетели Т.В.* Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 240.

[17] Полный курс уголовного права: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 381.

[18] *Малинин В.Б.* Указ. соч. С. 210.

[19] Там же. С. 370.

чаев: когда лицо изначально путем действий создает опасность для потерпевшего, а потом не принимает меры по спасению и когда состояние опасности возникает, независимо от действий лица, не принявшего меры в дальнейшем. В первой категории случаев нельзя говорить о причинении смерти путем бездействия, поскольку сама опасность создается положительным действием виновного, который осознает ее характер и возможность наступления преступных последствий. Во второй же категории случаев лицо вообще не принимает каких-либо действий в отношении потерпевшего, который вправе на них рассчитывать, тем самым причиняя ему вред.

Характер причинной связи в преступлениях, предусмотренных ст. 143 УК РФ, также обладает рядом особенностей, как совершенно точно заметил В.И. Борисов[20]. Осложняется она, как правило, следующими факторами: а) виновный создает лишь условия для наступления неблагоприятного результата; б) преступные последствия являются результатам взаимодействия целого ряда условий; в) вина потерпевшего[21].

Безусловно, в ряде случаев причинную связь между нарушением правил охраны труда и последствием определить нетрудно.

Например, когда бригадир тракторной бригады направил в качестве тракториста молодого рабочего, который не имел прав на управление трактором и не был проинструктирован о безопасных методах на тракторе. При движении трактор попал на болотистую почву и забуксовал, рабочий хотел подбить под колесо старую телогрейку, и в этот момент, он был захвачен движущимся колесом, затянут под него и задавлен насмерть[22].

В данном случае невозможна прямая причинная связь, как утверждает М.С. Брайнин. Действия бригадира не были непосредственной причиной смерти рабочего. Отправив его работать на тракторе, бригадир лишь создал условия для наступления такого результата, т.е. при наступлении критической ситуации молодой работник не знал, как правильно действовать. Действия бригадира отделены от последствий привходящими обстоятельствами.

Рассмотрим другой пример.

На одном из строительных участков было проведено бетонирование наклонной галерее. На следующий день бригадир Ч., нарушая строительные правила, дал указание рабочим снимать опалубку. В связи с тем что бетон не успел приобрести достаточную прочность, бетонное перекрытие галереи обрушилось, причинив одному из рабочих смертельную травму[23].

В данном случае можно вести речь о прямой причинной связи. На первый взгляд может показаться, что прямой причинной связи нет, поскольку действия самих рабочих стали непосредственной причиной преступного последствия, однако данную ситуацию можно сравнить с убийством путем дачи яда. Отравленный напиток, к примеру, выпивает сама жертва, однако ее действия не следует рассматривать в качестве отдельного звена в развитии причинной связи, поскольку они не имеют никакого уголовно-правового значения, как, например, процессы, проходящие в пистолете в момент выстрела.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что причинная связь в преступлениях, предусмотренных ст. 143 УК РФ, может носить как прямой, так и опосредованный характер.

Однако в судебной практике встречаются дела, в которых суд выносил оправдательный приговор, со ссылкой на отсутствие именно *прямой* причинной связи, что является неточным. Здесь очевидно, что судебная практика идет вразрез с действующими нормами УК РФ. Такая ссылка, например, делается в приговоре Якутского городского суда Республики Якутия от 27 мая 2011 года[24]. В подтверждение рассмотрим наглядный пример, когда причинная связь между действиями подсудимого и преступным результатом носит опосредованный характер.

---

[20] *Борисов В.И.* Уголовная ответственность за нарушения правил при производстве строительных работ. Харьков, 1977. С. 53.

[21] См.: *Кругликов Л.Л.* Преступления против личности. Ярославль, 1998. С. 77.

[22] См.: *Брайнин М.С., Квелидзе С.А.* Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. М., 1997. С. 61.

[23] См.: *Борисов В.И.* Указ. соч. С. 53.

[24] Кассационное определение по уголовному делу № 22-1662 // http://vs.jak.sudrf.ru

При производстве погрузочных работ строитель И. поднялся в кузов прицепа для расцепки строп. В это время его напарник К. находился в кабине крана. И., ввиду невозможности расцепки, принял решение о перемещении груза к центру машины и подал соответствующий сигнал рукой К. Последний в свою очередь команду исполнил, в результате чего И. был нанесен тяжкий вред здоровью. Процесс погрузки контролировал бригадир П. Суд первой инстанции не усмотрел *прямой* причинной связи между бездействием П. и последствиями, указав на то, что последний не имел возможности предотвратить несчастный случай. Однако суд кассационной инстанции с данной позицией не согласился, сославшись на то, что П. в нарушение правил техники безопасности не пресек нарушение И., которое выражалось в нахождении его в момент погрузки в кузове[25].

Очевидно, что между бездействием П. и последствиями присутствует причинная связь, однако она не является прямой. Бригадир лишь создал условия наступления преступного результата, непосредственной причиной которого были действия К. При этом П. имел возможность удалить И. из кузова, что бы предотвратило несчастный случай. Наличие возможности совершить требуемое действие, как совершенно точно, на наш взгляд, указывает Н.Л. Потапова, является обязательным элементом причинной связи при бездействии[26].

Далее следует сказать о том, какую роль в развитии причинной связи играют действия самого потерпевшего. Ответ на данный вопрос можно найти в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 № 1 (в ред. от 06.02.2007 г.) «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ». А именно в п. 5 сказано, что если несчастный случай на производстве произошел вследствие небрежности потерпевшего, суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого...». Данное правило применяется в тех случаях, когда последствия, указанные в ч. 1 и 2 ст. 143 УК РФ, являются результатом лишь небрежности самого потерпевшего, при отсутствии в действиях подсудимого признаков состава преступления, предусмотренного данной статьей.

Так, следователь по ОВД Брянского МСО СУ СК при прокуратуре РФ по Брянской области, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 143 ввиду того, что тяжкий вред наступил по вине самого потерпевшего. При этом была проведена проверка, в ходе которой установлено, что вина потерпевшего отсутствует, однако Сельцовский городской суд Брянской области не удовлетворил жалобу на постановление следователя. И лишь в кассационном порядке суд признал результаты проверки и отправил дело на новое судебное рассмотрение. Правильно оценила ситуацию и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Саха, которая оставила приговор городского суда без изменений в силу того, что обвиняемым лицом не были нарушены правила и нормы охраны труда, а несчастный случай произошел по вине потерпевшего. Судебная коллегия при этом указывала на то, что потерпевший прошел инструктаж по технике безопасности, следовательно, он сам несет ответственность за нарушение правил безопасности и за наступившие последствия[27]. Последнее указание мы считаем излишним, поскольку сам факт прохождения инструктажа по технике безопасности не перекладывает всю ответственность на потерпевшего. Именно отсутствие нарушений в действиях подсудимого явились основанием для вынесения оправдательного приговора. Совершенно точно было сделано замечание той же судебной коллегией в другом деле о том, что вина потерпевшего не может служить основанием, указывающим на отсутствие вины лица, на которое возложены обязанности обеспечить соблюдение норм и правил охраны труда[28]. Правонарушение самого потерпевшего не исключает правонарушение лица, обязанного следить за

[25] Кассационное определение по уголовному делу № 22-1662 // http://vs.jak.sudrf.ru

[26] *Потапова Н.Л.* Основание возбуждения уголовного дела при расследовании преступных нарушений правил охраны труда // Российский следователь. 2003. № 2.

[27] Кассационное определение по уголовному делу № 22-1662 // http://vs.jak.sudrf.ru

[28] Кассационное определение по уголовному делу № 22-472м // http://vs.jak.sudrf.ru

соблюдением правил и норм охраны труда, однако оно может исключить причинную связь между несчастным случаем и нарушением последним своих обязанностей.

В организациях, как правило, на нескольких лицах лежит обязанность по охране правил и норм безопасности труда, причем они находятся в соподчинении. Например, руководитель цеха и мастер этого же цеха. При решении вопроса, на ком же лежит ответственность за несчастные случаи на вверенном им участке, суды устанавливают лицо, непосредственно контролирующее выполнение определенных работ. Данный вывод позволяет сделать анализ судебной практики, который показывает, что при установлении субъекта данного преступления суды используют термин «непосредственно ответственный»[29].

В практике (в отсутствие соответствующего правового регулирования) сложилась тенденция к непривлечению руководителей организаций, на которых лежит обязанность создать необходимые условия для выполнения правил по обеспечению безопасных условий труда другими лицами[30]. Мы считаем, что недопустимо так сужать границы уголовной ответственности. Когда имеет место несколько уровней защиты безопасности труда работников, а соответственно и несколько лиц, отвечающих за безопасность, при возникновении несчастного случая необходимо оценивать действия всех из них. Если будет установлено, что на двух уровнях было совершено нарушение правил охраны труда, необходимо установить их связь с наступившими последствиями. В данном случае целесообразно руководствоваться «золотым правилом» и исключить данные действия для того, чтобы узнать, как бы это повлияло на результат и явилось ли оно его необходимым условием. При положительном ответе на данный вопрос остается только установить субъективную сторону данных нарушений, и тогда перед нами будет полная картина случившегося.

Как известно, преступные хищения в зависимости от размера наносимого ими имущественного ущерба подразделяются:

1) на «простые», не причиняющие значительного ущерба гражданину или крупного ущерба юридическому лицу;

2) сопряженные с причинением значительного ущерба гражданину;

3) совершенные в крупном размере;

4) совершенные в особо крупном размере[31].

Проблемы чаще всего возникают при квалификации двух последних видов краж. Для начала определимся, что понимается под крупным и особо крупным размером. Примечание к ст. 158 УК РФ дает нам ответ на данный вопрос: крупным размером признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — один миллион рублей. Каждый раз при квалификации хищения перед судом стоит задача определить, к какому из видов оно относится. Данный выбор должен основываться на оценке похищенного. Оценка осуществляется двумя способами, в зависимости от того, каким образом было приобретено имущество потерпевшим. Что касается собственности, как известно, существуют два способа приобретения права на нее: первоначальный и производный (правопреемство)[32]. Частными случаями первоначального приобретения права собственности являются изготовление вещи или переработка. В случае хищения такого имущества его стоимость определяется на основании его рыночной цены[33]. Такой способ, на наш взгляд, наиболее разумный, нежели оценивать имущество как совокупность затрат на его производство. Ведь в условиях рыночной экономики каждая вещь оценивается не только исходя из ее себестоимости, то есть затрат на ее изготовление, но и исходя из спроса на эту вещь. Поэтому наиболее полной будет защита прав потерпевшего при оценке похищенного первым

[29] Постановление по уголовному делу № 1-996/11 // http://primorsky.spb.sudrf.ru; Приговор по уголовному делу № 1-26/11 // http://mos-sud.ru/ms/373; Приговор по уголовному делу № 1-29/10 // http://mos-sud.ru/ms/50.

[30] *Грошев А., Смык О.* Квалификация нарушений правил охраны труда несколькими лицами // Уголовное право. 2006. № 1.

[31] Уголовное право России. Часть особенная / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2012. С. 222.

[32] См.: Сборник статей памяти М.М. Агаркова / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. С. 4.

[33] См.: *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 520.

способом. При хищении имущества, приобретенного производным способом, например по договору, его оценка основывается на тех затратах, которые понес ее приобретатель[34]. В ряде договоров цена не является его существенным условием. Так, например, в простом договоре купли-продажи цена не является существенным условием, поэтому при ее отсутствии в договоре применяется положение ст. 424 ГК РФ, суть которого заключается в том, что ценой будет являться та сумма, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары. Отсюда следует, что при отсутствии сведений в договоре о тех расходах, которые понес приобретатель, оценщики должны опираться на рыночную цену.

Проблемы, встречающиеся на практике, могут приводить к правовому нигилизму у тех, кто ищет справедливости в суде. Зачастую суд квалифицирует хищение, неправильно оценив его размер.

Например, суд первой инстанции квалифицировал действия Б. как разбой, совершенный с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере. При этом сославшись на показания потерпевшего, который оценил общий ущерб в 285 600 рублей, из которых 260 тыс. рублей составляет цена автомобиля, похищенного при разбое. Однако Президиум Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировал данное деяние с ч. 3 на ч. 2 ст. 162 УК РФ, поскольку судебно-товароведческой экспертизой было установлено, что стоимость похищенного автомобиля составляет 185 665 рублей 04 копейки, в связи с чем общий ущерб не превысил 250 тыс. рублей[35].

В данном случае мы имеем дело с технической ошибкой. Суд первой инстанции без достаточных оснований определил размер хищения, в результате чего квалификация оказалась не верной. Однако возможны и другие случаи, когда возникают подобные вопросы. Так, в случаях, когда умысел обвиняемого направлен на хищение в крупном размере, однако по независящим от него обстоятельствам умысел в полной мере реализовать не удалось.

Гражданин Ч. под предлогом покупки доли заправочного комплекса взял в долг у В. денежные средства частями по 160 тыс. — 450 тыс. рублей в общей сумме 2 млн 168 тыс. рублей, заведомо зная, что не возвратит их. Однако умысел Ч. был направлен на получение 2 млн 500 тыс. рублей, но в силу того, что у потерпевшей закончились деньги реализовать его не удалось. Ленинский районный суд города Курска квалифицировал данное деяние как покушение на мошенничество в особо крупном размере. Судебная коллегия по уголовным делам Курского областного суда согласилась с таким решением[36].

На первый взгляд квалификация может показаться неверной, поскольку Ч. похитил денежные средства на сумму свыше одного миллиона, соответственно нужно говорить об оконченном преступлении. В ч. 3. ст. 30 о покушении говорится как об умышленных деяниях, непосредственно направленных на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. В нашем примере концом преступления для Ч. будет получение 2 млн 500 тыс. рублей. Данных денежных средств он не получил, поэтому преступление будет неоконченным. Причинная связь между его действиями и результатом в какой-то момент прерывается превосходящими силами. Если бы деньги у потерпевшей не закончились, связь бы не прервалась, и умысел Ч. был бы реализован.

Возможно и иное развитие причинной связи. Например, лицо знает, что в сейфе какой-либо организации находится определенная сумма, предположим 5 млн рублей. Указанное лицо похищает данный сейф. В его сознании причинная связь складыва-

[34] См.: Там же. С. 521.
[35] Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 353-П08 // http://www.vsrf.ru/
[36] Кассационное определение по уголовному делу № 22-1-2011 // http://oblsud.krs.sudrf.ru/

ется следующим образом: похищаю сейф — приобретаю 5 млн рублей (соответственно собственник их лишается). Однако в действительности в сейфе оказывается 500 тыс. рублей. Получается, что объективно причинная связь развивалась так: похищение сейфа — приобретение похитителем 500 тыс. рублей. Очевидна ошибка лица в развитии причинной связи. На квалификацию поведения это повлияет так же, как и в предыдущем примере. Будет иметь место покушение на хищение в особо крупном размере. В указанном примере имела место фактическая ошибка, то есть заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, являющихся объективными признаками совершаемого им преступления[37].

Таким образом, суду при рассмотрении дел о хищениях в крупном или особо крупном размере необходимо установить следующее:

1) точную стоимость похищенного, при этом руководствуясь результатом экспертной оценки;

2) умысел подсудимого, а именно, в каком размере он планировал совершить хищение (при неопределенном умысле фактическая ошибка исключается[38], и квалификация зависит от фактического вреда[39]).

[37] *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 90.
[38] См.: Там же. С. 92.
[39] Уголовное право России. Часть Общая: учебник. 3-е изд. / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2012. С. 208.

УДК 343.4
ББК 67.52

РОГОЗИН Вадим Юрьевич,
заведующий кафедрой информационных технологий
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции
E-mail: vrogozin@rambler.ru

НОВЫЕ РЕАЛИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье автор делает акцент на возникновение новых видов компьютерных преступлений, распространение которых приобрело транснациональный характер. Появились новые угрозы, опирающиеся на объективные реалии технического прогресса и массовое владение пользователями высокотехнологичных устройств передачи данных.*

Анализ международной практики указывает на активизацию киберпреступности в области хищения персональных данных. Это явление в силу своей массовости ставит под угрозу развитие целых отраслей знаний и наносит реальный вред как отдельным структурам, так и государствам в целом. Работа по объединению усилий ведущих государств в этой области проводится недостаточно эффективно.

Ключевые слова: *киберпреступность, компьютерные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, персональные данные, борьба с киберпреступностью.*

Annotation. *The author focuses on the emergence of new types of computer crime, the spread of which has acquired a transnational character. There are new threats based on objective realities of technical and progress and mass ownership by users of high-tech communication devices.*

Analysis of international experience indicates activation cybercrimes in the area of identity theft. This phenomenon is due to its mass jeopardizes the development of whole branches of knowledge and causes real harm as a separate structure, and the state as a whole. Work to bring together the leading states in this area are not sufficiently promoted.

Keywords: *cybercrime, computer crime, crime in the area of computer information, personal data, the fight against cybercrime.*

Почти обыденно используется относительно новый термин «киберпреступность». Однако само явление не ново. Преступления в сфере компьютерной информации — это проблема, которая сопутствовала высоким технологиям практически с момента возникновения таковых. Как разработчики брони постоянно сталкиваются с новыми средствами ее разрушения, так и разработчики программного обеспечения (далее — ПО) вынуждены создавать средства защиты своих программ, а параллельно еще и средства, противодействующие программам и методам преодоления своей же собственной защиты.

Технологии меняются, появляются новые информационные сервисы и возможности. Растет число «рядовых» пользователей, владеющих высокотехнологичными устройствами и сбываются самые далеко не радужные прогнозы, сделанные еще в 90-е годы прошлого столетия[1]. Становится очевидным, что наличие на руках около 10 миллиардов электронных устройств ведет к практически неконтролируемому трафику огромных объемов информации, а вместе с ней и вредоносного ПО. Несложно подсчитать, что если темпы роста производства и продаж сохранятся, то количество электронных средств

[1] *Рогозин В.Ю.* Особенности расследования и предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград , 1998.

Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации

коммуникации и передачи информации к 2025 году превысит цифру в 25 миллиардов. Сохраняется тенденция, при которой пользователи (из соображений удобства доступа и обработки) хранят свою личную и, что хуже всего, служебную информацию в «облачных» сервисах (хранилищах). Выводы напрашиваются сами собой.

Действительность такова, что количество «гаджетов» увеличивается, а уровень грамотности пользователей (в относительных величинах) резко падает. Прошли те времена, когда владение сложной техникой было уделом подготовленных специалистов, вместе с этим снизилось и понимание важности применения защитных механизмов. Многие вообще не используют никаких средств защиты своих данных, в том числе и персональных.

Наши исследования подтверждают, что в российской действительности не только рядовые пользователи, но и огромное количество руководителей различных структур и учреждений (в том числе и государственных) имеют весьма смутное представление о средствах и методах обеспечения информационной безопасности. Недооценка существующих рисков, связанных с незаконным доступом к данным, приводит к недостаточно эффективному реагированию на действия преступников.

Приведем несколько примеров из мировой практики.

В марте 2011 года в международной компании Epsilon, базирующейся в США, был зафиксирован инцидент, когда к блоку клиентской информации Epsilon был получен доступ посредством несанкционированного проникновения в систему электронной почты компании.

На момент инцидента в данной организации подчеркивали, что «раскрытая информация ограничивалась исключительно адресами электронной почты и/или именами клиентов. Тщательная проверка позволила определить, что угроза распространения любой прочей личной информации отсутствует». В связи с этим компания Marks&Spencer (M&S), которая является клиентом компании Epsilon, была вынуждена предупредить своих клиентов о возможном использовании их персональных данных в мошеннических целях. Клиентов предупредили, что они могут получать нежелательные сообщения, однако, как подчеркивалось, в компании «относились крайне серьезно к обеспечению конфиденциальности их личной информации» и намеревались «продолжать прилагать все усилия для защиты личной информации».

На тот момент представители Офиса комиссара по информационным вопросам Великобритании заявили о начале расследования касательно факта нарушения Закона о защите данных Великобритании. Среди прочих клиентов компании Epsilon числятся такие компании, как Hilton Hotels, Best Buy, Barclaycard US и Capital One.

В прошлом году компания on-line азартных игр Betfair признала, что ее клиенты не были проинформированы о крупной утечке данных. Еще в 2010 году были похищены данные, включающие 3,1 миллиона учетных записей с зашифрованными ответами на контрольные вопросы, 2,9 миллиона имен пользователей, а также почти 90 тыс. имен учетных записей с данными о банковских счетах.

В компании Betfair также признали, что об атаке стало известно лишь два месяца спустя, когда вышел из строя сервер в центре обработки данных компании на Мальте. Как утверждали представители компании, необходимость в уведомлении клиентов отсутствовала, так как меры по обеспечению безопасности препятствовали использованию данных в мошеннических целях. Когда стало известно об утечке, компания Betfair проинформировала Агентство по борьбе с особо опасной организованной преступностью, а также Австралийскую федеральную полицию и немецкие государственные органы. В компании узнали об утечке данных случайно — когда социального работника, забравшего конфиденциальные бумажные документы на дом, ограбили.

В марте 2012 года было объявлено, что процессинговый центр Global Payments, находящийся в Атланте, стал жертвой «несанкционированного доступа» в систему. Об этом

были уведомлены правоохранительные органы и финансовые учреждения. Операторы платежных систем MasterCard, Visa, American Express и Discover Financial Services подтвердили, что они стали жертвами инцидента, наряду с банками и прочими представителями клиентской базы.

После публикации сообщения об инциденте в СМИ акции MasterCard упали на 1,8%, а акции Visa — на 0,8%, даже несмотря на тот факт, что аналитики выражали сомнения в отношении исков со стороны контролирующих органов. По сообщениям, жертвами могли стать около 10 миллионов держателей карт по всему миру, однако компания незамедлительно сообщила, что количество пострадавших клиентов составило 1,5 миллиона жителей исключительно в Северной Америке. Представители компании сообщили, что были украдены данные Track2, а не личные данные клиентов, и в компании считали, что утечку данных удалось локализовать.

Страховой компании Chartis US в своей практике пришлось иметь дело с несколькими подобными инцидентами. Известен случай, когда на некую компанию был подан иск в суд после того, как один из сотрудников присвоил конфиденциальную информацию, поступившую от конкурента. Выплаты Chartis US по данному инциденту составили порядка 200 тыс. долл.

В другой раз хакеры получили доступ к компьютерным системам 26 отелей и могли иметь имена и номера кредитных карт примерно 480 тыс. клиентов. Страховые выплаты Chartis US на урегулирование последствий инцидента составили более 980 тыс. долл. США.

Есть примеры халатного отношения к своим обязанностям. Так, застрахованный клиент непреднамеренно разместил в открытом доступе на своем сайте конфиденциальные данные более 42 тыс. студентов. Родители одного из пострадавших подали иск в суд о нарушении права на частную жизнь. Кроме того, по итогам инцидента Федеральная Торговая Комиссия (ФТК) начала расследование на предмет соблюдения застрахованным Акта ФТК, запрещающего искажение фактов при обработке конфиденциальных данных. Выплаты Chartis US на судебные издержки составили порядка 250 тыс. долл. США.

Другой застрахованный попросту потерял носители с информацией о медицинской страховке и номерах социального страхования. Страховое возмещение на расходы по содержанию call-центра и мониторинга репутации застрахованного составило 400 тыс. долл. США.

Это лишний раз подтверждает, что самосознание простых пользователей, служащих компаний и руководителей всех уровней в области информационной безопасности далеки от идеала.

И это лишь та малая часть случаев, с которыми уже имели дело страховые компании[2].

В результате утраты и распространения персональных данных мы столкнулись с такими новыми явлениями, как угроза репутации, упущенная выгода, кибертерроризм, интернет-мошенничество, посягательства на электронно-платежные системы, а также распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних в сети «Интернет». Опосредованно это поспособствовало и распространению нелицензионного программного обеспечения.

В заключение отметим, что еще в 2008 г. европейская Конвенция о Киберпреступности назвала пять видов компьютерных преступлений, среди которых есть и такое, как незаконное использование устройств (производство, продажа, приобретение для использования, импорт, оптовая продажа или иные формы предоставления в пользование: устройств, включая компьютерные программы, разработанных или адаптированных для совершения преступлений; компьютерных паролей, кодов доступа или иных подобных данных, с помощью которых может быть получен доступ к компьютерной системе в

[2] Киберпреступность — новые страховые риски. URL: http://ins39.ru/story/post/356.

целом или любой ее части с целью использовать их для совершения преступлений. А также владение одним из предметов, упоминаемых выше, с намерением использовать его с целью совершения преступлений)[3].

На наш взгляд, следует безотлагательно предпринять ряд мер, направленных на сдерживание нарастающей угрозы.

Во-первых, работа по информированию пользователей мобильных устройств обработки и передачи информации о возможных угрозах должна приобрести массовый характер.

Во-вторых, следует в законодательном порядке обязать всех производителей и распространителей подобных устройств предпринимать более существенные меры программно-технического характера по предотвращению несанкционированного доступа к персональным данным. Например, в обязательном порядке устанавливать на смартфоны антивирусное программное обеспечение.

В-третьих, возможно применение жесткой персонификации высокотехнологичного оборудования, это должно стать сдерживающим фактором для желающих поживиться за чужой счет.

Список литературы

1. *Волеводз А.Г.* Конвенция о Киберпреступности: Новации Правового Регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17—25.

2. Киберпреступность — новые страховые риски // URL: www.ins39.ru

3. *Рогозин В.Ю.* Особенности расследования и предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.

[3] *Волеводз А.Г.* Конвенция о Киберпреступности: Новации Правового Регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 18.

УДК 343.37
ББК 67.408

САРАДЖАЕВА Ольга Владимировна,
доцент кафедры «Финансы и кредит»
Московского государственного индустриального университета,
кандидат экономических наук
E-mail: braolya@yandex.ru

Научная специальность: 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Современное социально-экономическое положение России в условиях глобализации, изменения конъюнктуры мировых рынков и активизации борьбы за источники сырьевых ресурсов делает очевидной необходимость усиления деятельности государства и общества, направленной на обеспечение экономической безопасности государства как условия обеспечения стабильного состояния страны.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, глобализация, организационно-экономические и правовые меры, устойчивое развитие.*

Annotation. *Modern economic and social situation of Russia in the conditions of globalization, changes of an environment of the world markets and activation of fight for sources of raw material resources does obvious need of strengthening of the activity of the state and society aimed at providing economic security of the state as conditions of providing a stable condition of the country.*

Keywords: *economic security, globalization, organizational and economic and legal measures, and sustainable development.*

Деградационные процессы, в основе которых лежали стремления к этническому сепаратизму, привели к распаду Советского Союза, цементирующим центром которого была РСФСР. В результате распада прежде мощной страны, выработавшей достаточно действенные методы обеспечения собственной безопасности как в политической, так и в экономической сферах, произошел разрыв хозяйственных связей, сопровождающийся в некоторых бывших регионах страны разрушением хозяйственной инфраструктуры. Для России как вновь образованного государства это означало, помимо прочего, рост нагрузки на бюджет вследствие необходимости восполнения потерь инфраструктурных объектов, оставшихся за пределами страны и гражданской войны в южных регионах (речь идет о Чечне). Анализ событий начала 1990-х годов показывает, насколько актуальным для страны стало «экономическое измерение» социальных конфликтов, то есть оценка экономических потерь (о приобретениях экономического порядка на тот момент говорить не приходится), и это обусловило понимание необходимости научно-теоретического осмысления и практического применения в новых условиях методов защиты суверенного экономического пространства страны, иными словами, сделало актуальным обеспечение экономической безопасности страны как способа обеспечения ее политического суверенитета. В определенном смысле Россия уже имела подобный опыт — ранее в 1920-е гг., когда свой политический суверенитет отстаивало молодое советское государство, правда, иными методами, поскольку 70-летний исторический период обусловил иные объективные условия, выражающиеся, прежде всего, в более высоком уровне развития экономики как в технико-технологическом аспекте, так и в фи-

нансовом, а также в ином структурировании сферы экономики и характере организации хозяйственных связей.

Таким образом, экономическая безопасность России возникла в силу необходимости соблюдения экономических интересов государства, общества и граждан на этапе формирования новой государственности и формирования новой формы, ранее отсутствовавшей в рамках прежде существовавшего государства, — отношений собственности. В этом смысле нельзя не обратить внимание на высказывание А.А. Пороховского, рассматривающего причины формирования системы экономической безопасности: «историческая проблема национальной экономической безопасности возникает одновременно с возникновением государственности и государственных экономических интересов. Поэтому в истории любого государства можно встретить периоды, когда проблема экономической безопасности либо обострялась, либо уходила в тень, но она никогда не исчезала из поля зрения государственных мужей» [1].

Очевидно, что в период, о котором идет речь, актуальными задачами были создание органов, отвечающих за экономическую безопасность государства, и выработка концепции и стратегии в отношении создания правовых, экономических и организационных механизмов предотвращения и нейтрализации внутренних и внешних угроз экономике и субъектам хозяйствования, возникающих в процессах реструктуризации управления, экономических кризисов, недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов и органов управления, криминальных структур, оказывающих негативное воздействие на экономическое состояние производственного комплекса и экономики страны, ущемляющих экономические интересы производителей и граждан.

Формирующаяся экономика России на первом этапе оказалась не способной за короткий период сформировать основные регуляторы, и создать необходимые условия для развития рыночной экономики смогла только по истечении определенного периода времени.

Анализ экономических показателей, которые отечественные и зарубежные исследователи относят к числу важных с точки зрения оценки уровня экономической безопасности страны показывают, что в 1999 г. Россия была в ситуации, когда ее экономическая безопасность была под угрозой, поскольку снижение ВВП по сравнению с 1990 г. составило 65,7%, в то время как пороговое значение снижения объема валового внутреннего продукта (ВВП) страны не может быть ниже кризисного порога 75%. Ряд авторов[2] придерживаются мнения, что в мирное время критическим показателем для ВВП следует считать снижение данного показателя на величину 30%. С этой точки зрения Россия пересекла черту, отделяющую ее от состояния отсутствия экономической безопасности еще в 1995 г. и вернулась к тому уровню, когда ее экономическая безопасность была восстановлена, только в 2003 г. Оставив за рамками данного рассмотрения дискуссию о том, какую величину снижения ВВП следует считать критической с точки зрения экономической безопасности, очевидно, что период с 1995 по 2003 г. вполне обоснованно можно назвать периодом критического состояния экономической безопасности России. Кроме того, в этот период активно использовались различные формы теневой экономики. Этому периоду с точки зрения современных представлений об экономической безопасности соответствуют рискованные уровни снижения основных экономических показателей, что характеризуется как наличие значительной экономической и социально-политической угрозы безопасности страны. Нельзя отрицать, что возникновение экономических угроз внутреннего характера, в том числе развитие различных форм теневой экономики, связано с действием факторов объективного характера, в том числе с периодом бесконтрольного рыночного строительства.

Несмотря на смену руководства страны, понимание важности вопроса экономической

[1] *Пороховский А.А.* Рыночная экономика на рубеже нового века: место и роль России // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества. М.; Спб., 1995. С. 26, 27.

[2] *Попова Е.* Признаки национальной безопасности // Экономика и жизнь. 2005. № 35 (9093). 1 сент.; *Афонцев С.А.* Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10. С. 30—39.

безопасности оставалось на должном уровне. Не случайно именно в обсуждаемый период (1995—2003 гг.) были приняты упомянутые выше основополагающие программные документы: в 1996 г. была принята «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)»[3], в 1997 г. была принята «Концепция национальной безопасности Российской Федерации»[4], которая была скорректирована в соответствии с изменившимися реалиями социально-экономического положения страны. Именно в этот период появились наиболее значимые научные публикации отечественных ученых по проблемам экономической безопасности — работы Л.И. Абалкина[5], В.К. Сенчагова[6], А.В. Илларионова[7] и других. Работы этих ученых заложили базис современных представлений об экономической безопасности России.

Переломным с точки зрения экономической безопасности в нашей стране следует считать 2004 г., когда ВВП впервые за долгий период показал рост 3,6% по сравнению с уровнем 1990 г. В 2008 г. по поручению Президента РФ Министерством экономического развития и торговли РФ была разработана «Концепция долгосрочного социально-экономического развития нашего государства на период до 2020 года»[8], целью которой явилось определение путей устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления экономической безопасности страны и развития экономики нашей страны, а стратегическим ориентиром было названо восстановление Россией статуса мировой экономической державы. Указанная Концепция предусматривает, что системное решение поставленных задач заключается в переходе российской экономики от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу, то есть расширение конкурентного потенциала страны за счет наращивания сравнительных преимуществ в науке, образовании и высоких технологиях и, как следствие, задействованности новых источников экономического роста. Для этого необходима структурная диверсификация национального хозяйства. Позднее, в 2009 г., в условиях сформировавшейся тенденции экономического роста и нового позиционирования России на международной политической арене был принят новый документ — «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»[9].

В контексте международного взаимодействия важным фактором изменения условий обеспечения экономической безопасности России стало ее вступление во Всемирную торговую организацию в 2012 г., что нашло отражение в новой парадигме в сфере внешнеэкономических связей. Следует согласиться с позицией И.С. Кириенковой[10] в том, что своим вступлением в ВТО Россия, встав на путь открытого развития, подтвердила свой отказ от прежней замкнутости, последовала общемировым тенденциям; вместе с тем вступление в ВТО следует рассматривать как с позиций вновь приобретаемых преимуществ, так и с позиций потенциальных угроз экономическому суверенитету страны. Речь идет о защите национальных интересов и готовности институтов власти создавать и реализовывать организационно-управленческие механизмы защиты национальных ин-

---

[3] Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // СЗ РФ. 1996. № 18. Ст. 2117.

[4] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (в ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 26 дек. (утратил силу).

[5] *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 9; *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4—13.

[6] *Сенчагов В.* Экономическая безопасность: состояние экономики, фондового рынка и банковской системы // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 144—153; *Сенчагов В.* О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 97—106.

[7] *Илларионов А.В.* Показатели экономической безопасности по методике С. Глазьева // Вопросы экономики. 1998. № 10.

[8] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

[9] Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

[10] *Кириенкова И.С.* Экономическая безопасность России при вступлении во Всемирную торговую организацию // Бизнес в законе. 2007. № 2. С. 45—48.

тересов в сфере экономики. Вместе с тем, очевидно, что Россия имеет огромный потенциал для обеспечения собственной экономической безопасности.

В настоящее время Россия в достаточной степени интегрирована в мировое экономическое пространство, и в условиях глобализации хозяйственных процессов для нашей страны, как и для других стран, участвующих в процессе глобализации, актуальной стала задача независимости национальных государств в сфере осуществления экономической политики. Одной из важных проблем обеспечения экономической безопасности стала зависимость субъектов принятия политических решений конкретной страны от решений, принимаемых субъектами принятия решений других государств или международных организаций, как это произошло в 2014 г., когда европейское сообщество, находясь в определенной зависимости от политических целей США, приняло решение о введении экономических санкций в отношении РФ. С.А. Афонцев[11] предлагает называть независимость субъектов принятия политических решений конкретной страны от решений, принимаемых субъектами принятия решений других государств или международных организаций термином «суверенитет экономической политики». Обоснованно можно утверждать, что в настоящее время Россия обладает суверенитетом экономической политики в полной мере, что позволило ей не идти навстречу политическим требованиям США и Евросоюза, а принять контрмеры экономического характера.

Т.В. Самушенок[12], анализируя современные угрозы экономической безопасности России, предлагает причинно-следственную цепочку феномена экономической безопасности, включающую в себя три основных звена: экономические интересы, то есть объективно существующие общественно значимые потребности, ориентированные на создание материальной базы во всех сферах производственно-экономической деятельности и, как следствие, прочных позиций России в мировом сообществе; экономические угрозы, то есть наличие реальных или потенциальных факторов, оказывающих дестабилизирующее действие вплоть до дезорганизации и полного уничтожения экономики России; экономическая безопасность, то есть состояние защищенности интересов социума в экономической сфере от внутренних и внешних угроз.

В соответствии с действующей «Государственной стратегией экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)»[13] государство возлагает на себя обязанность по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации и определяет следующие основные направления своей деятельности в этой сфере.

Во-первых, постулируется необходимость выработки совокупности критериев и параметров с их пороговыми значениями, определяющими состояние экономики, отвечающее требованиям экономической безопасности, то есть обеспечивающее приемлемые для большинства населения условия жизни и развития личности, устойчивость социально-экономической ситуации, военно-политическую стабильность общества, целостность государства, возможность противостоять влиянию внутренних и внешних угроз. На основании выработанных критериев с пороговыми значениями осуществляется мониторинг параметров социально-экономического развития страны, по итогам которого выявляются ситуации, когда фактические или прогнозируемые параметры экономического развития отклоняются от пороговых значений экономической безопасности. В случае выявления такого рода ситуаций, детерминируемых как зоны опасности, должна осуществляться разработка комплексных государственных мер по выходу страны из зоны опасности.

Во-вторых, одновременно с прогнозами социально-экономического развития страны разрабатываются меры и механизмы, обеспечивающие экономическую безопасность России.

В-третьих, осуществляются превентивные меры по недопущению возникновения угроз

[11] *Афонцев С.А.* Указ. соч. С. 30—39.

[12] *Самушенок Т.В.* Современные угрозы экономической безопасности России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73—1. С. 405—408.

[13] Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

экономической безопасности Российской Федерации, в рамках которых Совет Безопасности РФ рассматривает концепцию федерального бюджета с точки зрения обеспечения экономической безопасности государства, а Правительство РФ координирует работу органов исполнительной власти на федеральном и территориальном уровнях по обеспечению правового базиса экономической безопасности страны.

Государственная стратегия экономической безопасности включает в себя реализацию на планомерной основе комплекса следующих мероприятий:

1) определение в режиме мониторинга условий и факторов, создающих опасность для жизненно важных экономических интересов общества и государства и определение на основе их анализа характеристик внешних и внутренних угроз экономической безопасности России;

2) выработка на научно-теоретической основе базисных критериев, характеризующих национальные интересы в области экономики, и установление пороговых значений базисных критериев;

3) выработка механизмов, позволяющих устранить воздействие факторов, подрывающих устойчивость национальной экономики;

4) формирование и реализация экономической политики государства таким образом, чтобы базисные критерии не выходили за пределы пороговых значений.

По мнению ряда авторов, в частности А.А. Барта[14], А.В. Фирсова[15], П.П. Журило,[16] в российской экономике в настоящее время нарастают деструктивные и кризисные явления, в числе которых называют рост доли сырьевых отраслей в структуре экономики страны, китаизацию экономики, увеличение зависимости от конъюнктуры мирового рынка товаров и услуг.

В качестве основных особенностей обеспечения экономической безопасности России в современных условиях следует назвать

- изменение модели взаимодействия политико-экономического комплекса нашей страны с мировым хозяйством, что означает переход от простых товарообменных форм взаимодействия к более сложным формам сотрудничества, включая движение капитала, в рамках базы новой парадигмы отношений;
- рост национального дохода по сравнению с масштабами внутреннего производства на основе повышения его эффективности международного оборота ресурсов;
- появление новой, ранее отсутствовавшей, в явно демонстративном виде угрозы в виде международных экономических санкций.

Следует согласиться с мнением П.П. Журило,[17] что «в основе функционирования механизма обеспечения экономической безопасности России должна закладываться готовность и возможность обеспечить макро- и микроэкономическую стабильность под воздействием любых условий и факторов».

Национальные интересы России представляют собой совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства.

Современное социально-экономическое положение России в условиях, с одной стороны, глобализации и изменения конъюнктуры мировых рынков, а, с другой стороны, в условиях активизации борьбы за источники сырьевых ресурсов, делает очевидной необходимость усиления деятельности государства и общества, направленной на обеспечение экономической безопасности государства как условия обеспечения стабильного состояния страны.

---

[14] *Барт А.А.* Механизм обеспечения экономической безопасности России // Российское предпринимательство. 2010. № 11. Вып. 1 (170). С. 4—9 // URL: http://www. creativeconomy.ru/articles/11011/

[15] *Фирсов В.А.* Меры по устранению угроз экономической безопасности Российской Федерации // Вестник РАГС при Президенте РФ. 2008. № 2.

[16] *Журило П.П.* Механизм обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях // ARS ADMINISTRANDI. 2012. № 4. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah

[17] *Журило П.П.* Указ. соч.

Обеспечение экономической безопасности невозможно на основе временных, периодических, кратковременных мероприятий. Защита и сохранение национальных интересов в сфере экономики требует разработки и реализации стратегии экономической безопасности на краткосрочный и долгосрочный период. При этом необходима разработка механизма реализации стратегии экономической безопасности государства, под которым понимают систему организационно-экономических и правовых мер, направленных на предотвращение угроз экономике страны, и который включает в себя такие элементы, как мониторинг экономических показателей, определение пороговых социально-экономических показателей, действия институтов государства по выявлению внутренних и внешних угроз экономической системе страны, формирование обоснованного объема материальных запасов как производственного, так и непроизводственного назначения для целей компенсации проблем потребления в случае экстремальных для экономики страны условий.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 29.04.1996. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // СЗ РФ. 1996. № 18. Ст. 2117.

2. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. от 10.01.2000) // Российская газета. 1997. 26 дек. (утратил силу).

3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

4. Указ Президента РФ от 12.05.2009. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

5. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России // Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67. № 9.

6. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4—13.

7. *Афонцев С.А.* Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10. С. 30—39.

8. *Барт А.А.* Механизм обеспечения экономической безопасности России // Российское предпринимательство. 2010. № 11. Вып. 1 (170). С. 4—9; URL: http://www.creativeconomy.ru/articles/11011/

9. *Журило П.П.* Механизм обеспечения экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях // ARS ADMINISTRANDI. 2012. № 4.

10. *Илларионов А.В.* Показатели экономической безопасности по методике С. Глазьева // Вопросы экономики. 1998. № 10.

11. *Кириенкова И.С.* Экономическая безопасность России при вступлении во Всемирную торговую организацию // Бизнес в законе. 2007. № 2. С. 45—48.

12. *Попова Е.* Признаки национальной безопасности // Экономика и жизнь. 2005. № 35 (9093). 1 сент.

13. *Пороховский А.А.* Рыночная экономика на рубеже нового века: место и роль России // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества. М.; СПб., 1995. С. 26, 27.

14. *Самушенок Т.В.* Современные угрозы экономической безопасности России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73—1. С. 405—408.

15. *Сенчагов В.* Экономическая безопасность: состояние экономики, фондового рынка и банковской системы // Вопросы экономики. 1996. № 6. С. 144—153.

16. *Сенчагов В.* О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 97—106.

17. *Фирсов В.А.* Меры по устранению угроз экономической безопасности Российской Федерации // Вестник РАГС при Президенте РФ. 2008. № 2.

УДК 343.62
ББК 67.408

ФОМИНЫХ Алексей Вадимович,
старший инспектор отдела процессуального контроля
Западно-Сибирского следственного управления
на транспорте Следственного комитета Российской Федерации,
подполковник юстиции
E-mail: fominykh@92. sledcom.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 134 И 135 УК РФ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В данной статье анализируются конструкции статей УК РФ о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Анализ проводится на уровне понятий, используемых законодателем при описании преступных деяний. Выявлен ряд проблемных моментов, которые оказывают влияние на практику применения указанных норм при квалификации конкретных действий преступников.*

Ключевые слова: *половая неприкосновенность, половое сношение, половая зрелость.*

Annotation. *This article examines the construction of articles of the Criminal Code on crimes against sexual inviolability of minors. The analysis is performed at the level of the concepts used by the legislator in the description of the criminal acts. A number of the issues that have an impact on the practice of application of these standards in the qualification of specific actions of criminals.*

Keywords: *sexual integrity, sexual intercourse, puberty.*

Политика законодателя в области уголовного права в части защиты несовершеннолетних от преступных посягательств, носящих сексуальный характер, идет по пути усиления ответственности за эти преступления. Очередным шагом в этом направлении должны были стать изменения в УК РФ, внесенные Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних».

Изменения были внесены в ст. 134, 135 УК РФ, защищающие половую неприкосновенность лиц, не достигших 16-летнего возраста, путем введения запрета на совершение в отношении них сексуальных действий как нарушающих нормальное физиологическое и психически нравственное формирование личности. Законодатель исключил «заведомость» из субъективного отношения виновного к возрасту жертвы.

Кроме того, на некоторое время УК РФ вернулся к понятию «половая зрелость», которое содержалось в УК РСФСР (данная конструкция исключена из УК РФ Федеральным законом от 28.12.2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Статья 134 УК РФ — половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, — вводит запрет на такие действия сексуального характера, как половое сношение, мужеложство и лесбиянство. Таким образом, объективная сторона данного преступления состоит в добровольном совершении полового сношения, мужеложства или лесбиянства с лицами мужского или женского пола, не достигшими 16-летнего возраста и

половой зрелости, без применения физического или психического насилия[1].

В отличие от постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» ранее действовавшее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» определяло, что под половым сношением следует понимать совершение полового акта между мужчиной и женщиной, под мужеложством — сексуальные контакты между мужчинами, под лесбиянством — сексуальные контакты между женщинами[2].

Все эти термины являются не юридическими, а относятся к сексологическим понятиям.

Половое сношение как действие определяется в медицине как соединение (контакт) мужских и женских половых органов (коитус). Это введение мужского полового органа в половые органы женщины вне зависимости от глубины проникновения и его физиологического завершения. Мужеложство в медицине определяется как мужской гомосексуальный коитус, т.е. анальный сексуальный контакт мужчины с лицом того же пола. Уголовно-правовая наука восприняла медицинский подход.

Так, Э.Ф. Побегайло указывает, что мужеложство (мужской гомосексуализм) — это один из видов удовлетворения половой страсти в форме педерастии. Оно выражается во введении полового члена одного мужчины в анальное (заднепроходное) отверстие другого мужчины.

Лесбиянство — женский гомосексуализм, получивший в медицине названия сапфизм, корофилия, трибадия. В уголовном праве лесбиянство определено И.Я. Козаченко как удовлетворение половой страсти женщин-партнерш, охватывающее самые разнообразные их любострастные действия. Сходное определение предлагают Л.Д. Гаухман, Э.Ф. Побегайло и другие авторы. Более детальное определение мы находим у С.В. Бородина, оценивающего лесбиянство в уголовном праве как общение женщины с женщиной в половой сфере путем соприкосновения их половых органов. А также иные любострастные действия, совершаемые руками и другими органами и частями тела. Фактически к лесбиянству на практике относят мастурбацию, удовлетворение половой страсти с помощью руки или иных частей тела, сексуальные ласки женщины по отношению к женщине и т.п. Во всех случаях лесбиянство совершается с целью полового удовлетворения субъекта. Однако в отличие от мужеложства юридическая практика еще не выработала однозначного критерия того, какие именно действия лиц можно считать лесбиянством.

Субъект подлежит привлечению к уголовной ответственности вне зависимости от того, какую роль он выполнял при вступлении в связь — пассивную или активную.

Таким образом, охватывая практически любые сексуальные действия между женщинами, объективная сторона данного преступления не охватывает иные действия сексуального характера между лицами мужского пола, между мужчиной и женщиной. Это разногласие между названием статьи и диспозицией ее части первой давно подмечено наукой, но законодателем не устранено.

Возникает вопрос о том, как квалифицировать «иные действия» (не являющиеся мужеложством или лесбиянством), совершенные без применения насилия, в отношении лица, не достигшего 16 лет? УК РФ дает на него один возможный ответ — по ст. 135 УК РФ, как развратные действия. Неудачность такого решения очевидна. Следуя закону, к развратным действиям относятся добровольные анальный и оральный секс мужчины с девочкой, оральный секс с мальчиком (поскольку это не половое сношение, не мужеложство и не лесбиянство). Складывается ситуация, когда мужеложство наказывается лишением свободы на срок до 6 лет, а аналогичные действия в отношении лица женского пола — лишением свободы до 3 лет. Проведя сравнительный анализ санкций ст. 131, 132, 134 УК РФ, мы видим, что ответствен-

[1] Комментарий к УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. 3-е изд. М.: Юрайт, 2004. С. 372.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ность за совершение изнасилования, мужеложства, лесбиянства, иных действий сексуального характера с применением насилия не отличается, т.е. законодатель полагает, что все эти действия сексуального характера, совершенные с применением насилия, имеют одинаковую общественную опасность. Однако когда данные действия совершены добровольно в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста и половой зрелости, то их общественная опасность разная. Наибольшую общественную опасность имеет мужеложство и лесбиянство, тогда как наименее опасны иные действия сексуального характера. Этот подход прослеживается и в примечании 2 к ст. 134 УК РФ, согласно которому в случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершенное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 или ч. 1 ст. 135 УК РФ.

Представляется, что данный подход к оценке общественной опасности различных форм сексуальных действий является возвратом к применявшемуся в УК РСФСР разграничению полового сношения и сношения, связанного с удовлетворением половой страсти в извращенных формах. Так, в ст. 119 УК РСФСР была дифференцирована ответственность за эти действия в отношении лиц, не достигших половой зрелости, и первое наказывалось лишением свободы сроком до 3 лет, а второе — до 6 лет. Мужеложство в отношении несовершеннолетнего наказывалось в соответствии со ст. 121 УК РСФСР лишением свободы на срок до 8 лет.

Правовые последствия совершения любых ненасильственных действий сексуального характера с лицом до 16 лет должны быть идентичны, что требует включения в текст диспозиции ст. 134 указания на «иные действия сексуального характера».

В этой ситуации изменится и содержание ст. 135 УК РФ, а именно объективной стороны развратных действий.

Традиционно в теории и на практике выделяют две разновидности развратных действий: физические и интеллектуальные.

К физическим развратным действиям относятся: различные манипуляции с половыми органами потерпевшего или субъекта преступления (Я.М. Яковлев)[3]; обнажение и ощупывание тела потерпевшего, проникновение в женские половые органы рукой, прикосновение мужским половым членом к телу другого человека (А.Н. Игнатов)[4]; онанирование в присутствии потерпевшего или с его участием, склонение нескольких потерпевших к половому сношению друг с другом в присутствии подозреваемого (М.Н. Хлынцов)[5]. Иными словами, к ним отнесены все действия сексуального характера, за исключением мужеложства, лесбиянства и полового сношения, которые совершаются без применения насилия и без использования беспомощного состояния потерпевшего.

Второй разновидностью развратных действий выступают «интеллектуальные» действия. Это различного рода циничные беседы с потерпевшим, затрагивающие вопросы пола, ознакомление его с порнографической литературой или с порнографическими рисунками, демонстрация эротических видеофильмов и т.п.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в п. 17 предусматривает, что развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети «Интернет», иных информационно-телекоммуникационных сетей[6].

Если пойти по пути расширения диспозиции ст. 134 УК РФ, то понятие «физические развратные действия» лишится самостоятельного содержания.

Как было сказано выше, в течение почти двух лет потерпевшим от преступных действий признавалось только лицо мужского или женского пола, не достигшее 16-летнего

---

[3] *Яковлев Я.М.* Половые преступления. Душанбе, 1969. С. 291.

[4] *Игнатов А.Н.* Квалификация половых преступлений. М., 1974. С. 214.

[5] *Хлынцов М.Н.* Расследование половых преступлений. Саратов, 1965. С. 127.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

возраста и половой зрелости. Уголовное законодательство России и ранее знало данное понятие. Так, ст. 119 УК РСФСР 1960 года предусматривала уголовную ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости. Мужеложство в отношении несовершеннолетних охватывалось ст. 121 УК РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за это деяние.

Вопрос о половой зрелости решался медицинской экспертизой. Под половой зрелостью понималось наличие способности к деторождению и вскармливанию ребенка, а также наличие должного умственного развития, в частности, в отношении воспитания ребенка[7].

Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый в 1996 году, отказался от данного понятия, увязав запрет на вступление в половую связь с конкретным возрастом.

В связи с введением в 2012 году в УК РФ такого понятия, как «половая зрелость», возник вопрос определения половой зрелости потерпевших мужского и женского пола.

Ранее экспертными учреждениями применялись «Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы», утвержденные Министерством здравоохранения СССР в 1966 г., и «Правила судебно-медицинской экспертизы половых состояний мужчин», утвержденные Министерством здравоохранения СССР в 1968 г. В соответствии с этими правилами под состоянием половой зрелости женщины следовало понимать окончательное сформирование женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и свидетельствуемая о способности к выполнению материнских обязанностей. При судебно-медицинской экспертизе по определению половой зрелости необходимо учитывать совокупность следующих признаков развития организма, свидетельствующих о готовности ее к функции материнства:

а) общее развитие организма;

б) развитие половых органов и способность к совокуплению;

в) способность к зачатию;

г) способность к вынашиванию плода;

д) способность к родоразрешению;

е) способность к вскармливанию.

Каждый из этих признаков в отдельности не являлся решающим, только совокупность их давала возможность судебно-медицинскому эксперту правильно ответить на вопрос о половой зрелости.

В случае раннего полового созревания, свидетельствуемого для решения вопроса, не связано ли оно с заболеванием желез внутренней секреции, экспертиза проводилась комиссионно, с участием врача-эндокринолога.

Половая зрелость лиц мужского пола характеризовалась таким состоянием общего физического развития и формирования половых желез, при котором половая жизнь является физиологически нормальной функцией, не вызывает расстройства здоровья и не наносит ущерба дальнейшему развитию организма. При освидетельствовании учитывалось: общее физическое развитие организма, развитие наружных и внутренних половых органов, способность к половому сношению и оплодотворению. Как и в ситуации с оценкой половой зрелости женщины, только совокупность указанных признаков давала возможность судебно-медицинскому эксперту оценить половую зрелость.

Применение данных правил после повторного введения в УК РФ понятия половой зрелости вызывало ряд вопросов. Во-первых, это нормативные документы другого государства. Во-вторых, среди экспертного сообщества имелись сомнения к применимости данных правил. Так, высказывалось мнение, что методики были разработаны во времена, когда не предъявлялись современные требования к обоснованности экспертного заключения, не применялись современные методы исследования (УЗИ, оценка гормонального статуса и т.п.), а антропометрические показатели с тех пор (а прошло почти 50 лет) надо, как минимум, перепроверять.

Есть еще один момент, который ставил под сомнение возможность использования данных правил. Как видно из их содержания, половая зрелость рассматривалась лишь с точки зрения физиологического развития лиц мужского и женского пола. Но если мы говорим о защите нормального фи-

[7] Советское уголовное право. Часть особенная / под ред. М.Д. Шаргородского, Н.А. Беляева. М., 1962.

зиологического и психического формирования личности, то вопрос о готовности лица к вступлению в половую связь выходит за рамки одного лишь судебно-медицинского исследования. Тем более что в рамках физиологии сложно ответить на вопрос, чем лесбиянство опаснее полового сношения для физиологического развития лица женского пола, как оно связано с вопросами о способности совершать половой акт, к зачатию и т.п.?

«Слабым местом» являлось и то, что установить половую зрелость можно было только на момент освидетельствования. Следствие же интересовала половозрелость потерпевшего (-ей) на момент совершения сексуальных действий. Как давать оценку половой зрелости, когда между этими событиями прошло значительное время?

После принятия Федерального закона от 28.12.2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и исключения понятия «половая зрелость» из УК РФ указанные вопросы потеряли прикладной характер и переместились в плоскость теоретических рассуждений.

Однако принимая во внимание, что на протяжении современной истории «половая зрелость» неединожды возвращалась в Уголовный кодекс и исключить, что этого не произойдет снова, нельзя, теоретические наработки по данному вопросу своей актуальности не теряют.

Изменения ст. 134, 135 УК РФ коснулись и признака заведомости возраста жертвы этих преступлений, который был исключен. В соответствии с принципом вины ответственность за рассматриваемые преступления возможна как в тех случаях, когда виновный достоверно знал о возрасте жертвы, так и в тех случаях, когда такое знание носило предположительный, вероятностный характер. Виновный может воспринимать самую различную информацию, характеризующую жертву: документы о рождении, слова самой жертвы, высказывания ее подруг или родственников, образ поведения, род занятий, внешний облик и т.д. На основании этих объективных данных у него должно сформироваться понимание того, какого возраста достигла жертва. Но не только это. Каждый признак объективной стороны, характеризующий его общественную опасность, должен виновным осознаваться. Таким образом, виновным должно осознаваться и то, что жертва достигла половой зрелости, доказывание чего может вызвать определенные трудности в ходе расследования уголовных дел.

Проведенный анализ говорит о том, что необходимо дальнейшее совершенствование норм, защищающих половую неприкосновенность. Представляется логичным устранить различия в наказании за половое сношение, мужеложство и лесбиянство, а также включить в объективную сторону ст. 134 УК РФ иные действия сексуального характера, в том понимании, в котором они используются при квалификации действий по ст. 132 УК РФ. Необходимо определить, какие именно действия расцениваются как уголовно наказуемое лесбиянство.

Список литературы

1. *Игнатов А.Н.* Квалификация половых преступлений. М., 1974.

2. Комментарий к УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. 3-е изд. М.: Юрайт, 2004.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Советское уголовное право. Часть особенная / под ред. М.Д. Шаргородского, Н.А. Беляева. М., 1962.

6. *Хлынцов М.Н.* Расследование половых преступлений. Саратов, 1965.

7. *Яковлев Я.М.* Половые преступления. Душанбе, 1969.

УДК 343.01
ББК 67.408

ВДОВЦЕВ Павел Викторович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург) ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук
E-mail: 0135790@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

ЯШКОВ Сергей Александрович,
заведующий кафедрой уголовного права Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук
E-mail: jasa79@rambler.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

К ВОПРОСУ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (ИЛИ ЕГО ПРЕКРАЩЕНИИ) В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье анализируется возможность отказа в возбуждении (или прекращения) уголовного дела о покушении на убийство, совершенное в период действия УК РСФСР, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.*

Ключевые слова: *срок давности, уголовное преследование, покушение, убийство, потерпевший, смертная казнь, возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела.*

Annotation. *The article examines the possibility of refusing to initiate (or termination) of the criminal case of attempted murder committed during the period of the RSFSR Criminal Code, in connection with the expiration of the statute of limitations.*

Keywords: *the limitation period, the prosecution, attempted murder, the victim, the death penalty and the prosecution, termination of criminal proceedings.*

Одной из самых проблемных в уголовном судопроизводстве остается стадия возбуждения уголовного дела[1].

В правоприменительной практике могут возникнуть определенные трудности при ответе на вопрос о возможности отказа в возбуждении уголовного дела (прекращения возбужденного) о покушении на убийство, совершенном в период действия УК РСФСР.

Согласно уголовному законодательству Российской Федерации, а также РСФСР вопрос о сроках давности привлечения к уголовной ответственности решается в зависимости от степени тяжести совершенного преступления (ст. 48 УК РСФСР и ст. 78 УК РФ).

Поскольку санкция ст. 102 УК РСФСР предусматривает лишение свободы от 8 до 15 лет, в соответствии со ст. 7^1 УК РСФСР указанное преступление относится к катего-

[1] *Багмет А.М.* К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 27.

рии тяжких, срок давности которых согласно ст. 48 УК РСФСР истекает через 10 лет.

Однако следует учитывать, что с 1997 г. уголовное законодательство изменилось, и инкриминируемое лицу деяние, совершенное им в период действия УК РСФСР, в настоящее время может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает лишение свободы от 8 до 20 лет. В соответствии со ст. 15 УК РФ указанное преступление относится к категории особо тяжких, срок давности которых согласно ст. 78 УК РФ истекает через 15 лет. Таким образом, санкция статьи, категория преступлений, к которой данное деяние относится, а также увеличенные сроки давности свидетельствуют о том, что в отношении такого преступления, как убийство, УК РФ является более тяжким по сравнению с УК РСФСР и в соответствии со ст. 10 УК РФ («Обратная сила уголовного закона») применению не подлежит.

Вместе с тем признания факта истечения сроков давности по ст. 102 УК РСФСР, исходя только из степени тяжести указанного деяния, недостаточно. Представляется, что данный вопрос необходимо разрешать, исходя из системного толкования норм уголовного закона, учитывая, что санкцией этой статьи, помимо лишения свободы, предусмотрен такой вид наказания, как смертная казнь.

В соответствии со ст. 48 УК РСФСР вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое может быть назначена смертная казнь, разрешается судом (точно такое же положение содержится в ст. 78 УК РФ).

УК РСФСР не содержит каких-либо ограничений относительно невозможности назначения наказания в виде смертной казни за неоконченное преступное деяние. Так, в соответствии со ст. 15 УК РСФСР наказание за покушение на преступление назначается по статье Особенной части Кодекса, предусматривающей ответственность за данное преступление, и при назначении наказания суд должен учитывать характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца. Следовательно, смертная казнь за покушение согласно УК РСФСР может быть назначена.

В силу ст. 66 УК РФ возможность назначения смертной казни за покушение на преступление исключена.

Таким образом, в этой части действующий уголовный закон является более мягким, поскольку улучшает положение лица, совершившего преступление.

В связи с этим ст. 48 УК РСФСР и ст. 78 УК РФ, оставляющие на усмотрение суда разрешение вопроса о применении срока давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью, применению не подлежат.

С учетом сказанного, поскольку сроки давности привлечения к уголовной ответственности по преступлению, совершенному в период действия УК РСФСР, истекли, уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Причем прекращение уголовного дела (отказ в его возбуждении) может иметь место вне зависимости от того, установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого), или нет. Положения, обратного сказанному, уголовно-процессуальный закон не содержит. В соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ по указанному основанию прекращение уголовного преследования не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. Очевидно, данное положение применимо только к тем случаям, когда подозреваемый (обвиняемый) в ходе расследования был установлен. Данное основание прекращения уголовного дела (отказа в его возбуждении) по своей природе является нереабилитирующим, поэтому подозреваемый (обвиняемый) вправе с ним не согласиться и настаивать на продолжении расследования, следователь в этом (и только) случае обязан расследование продолжить.

Возможно также возникновение ситуации, когда потерпевший не согласится с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела (или о его прекращении) по анализируемому основанию. Однако принятие указанного решения в случае истечения сроков давности уголовного преследования не зависит от позиции по данному вопросу потерпевшего. Этот вывод основан на толкова-

нии уголовно-процессуального закона, ни одно положение которого не содержит прямого указания получать согласие потерпевшего в подобной ситуации. Конечно, названный подход не отвечает интересам потерпевшего, однако таков закон.

Данный законодательный подход согласуется и с позицией Конституционного Суда РФ, который в ряде своих решений неоднократно подчеркивал, что к правомочиям государства относится закрепление в уголовном и уголовно-процессуальном законах оснований, позволяющих ему отказаться от уголовного преследования определенной категории лиц и прекратить в отношении них уголовные дела. В качестве одного из таких оснований закон (ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) признает истечение срока давности, что обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени с момента его совершения, так и осуществлением в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма. При этом отказ государства в лице его законодательных органов от уголовного преследования ввиду истечения срока давности имеет безусловный характер, не зависит от усмотрения органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и исключает возможность осуществления уголовного преследования как правоохранительными органами (по делам публичного и частно-публичного обвинения), так и потерпевшими (по делам частного обвинения)[2].

Поэтому возражения потерпевшего, несогласного с постановлением о прекращении уголовного дела (об отказе в его возбуждении) по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не влияют на возможность прекратить уголовное дело (отказать в его возбуждении).

Следует также отметить, что прекращение уголовного дела по указанному основанию не препятствует потерпевшему в случае обоснованного сомнения в правильности исчисления срока давности уголовного преследования представить свои возражения против прекращения уголовного преследования[3]. И это единственный случай, когда позиция потерпевшего должна быть учтена.

Список литературы

1. *Багмет А.М.* К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12).

2. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 591-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1220-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См., например: Определения Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О; от 21.04.2011 № 591-О-О; от 19.06.2012 № 1220-О // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1
ББК 67.411

ГОРОБЕЦ Денис Геннадьевич,
заместитель руководителя второго отдела процессуального контроля
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Ростовской области,
кандидат экономических наук
E-mail: gorobets_denis_1975@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 28.12.2006 № 64 «О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НОВЕЛЛАМ УПК РФ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИМ НОВЫЙ ПОРЯДОК ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 198—199[1] УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Анализ новых положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198 — 199[1] Уголовного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи с положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» позволяет сделать вывод о сохранении роли налоговых органов в формировании доказательственной базы совершения налогового преступления.*

Ключевые слова: *Федеральный закон от 22.10.2014 № 308 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», возбуждение и расследование уголовных дел, налоговые органы.*

Annotation. *Analysis of the new provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the procedure for criminal cases of crimes under Articles 198—199.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in their relationship with the provisions of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court from 28.12.2006 № 64 «On the practice of courts of criminal law of liability for tax crimes» suggests maintaining the role of the tax authorities in the formation of the evidentiary basis of the tax commission of the crime.*

Keywords: *the Federal Law of 22.10.2014 № 308 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation», Resolution of the Plenum of the Supreme Court from 28.12.2006 № 64 «On the practice of courts of criminal legislation on liability for tax crimes», the excitement and the investigation of criminal cases, the tax authorities.*

С 22 октября 2014 года Федеральным законом № 308 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», принятым Государственной Думой 10 октября 2014 года, изменен порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, предусмотренных статьями 198—199[2] УК РФ.

Экономико-правовая целесообразность нововведения состоит в повышении эффективности существующих уголовно-процессуальных механизмов, обеспечивающих дея-

тельность компетентных органов в сфере борьбы с налоговой преступностью.

Действовавший ранее порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях ограничивался единственным поводом для возбуждения — поступлением материалов, направленных налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, за что неоднократно критиковался специалистами. Именно с невозможностью использования для возбуждения уголовного дела результатов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами внутренних дел Российской Федерации в рамках борьбы с налоговой преступностью, связывалась низкая эффективность раскрытия налоговых преступлений.

Пояснительной запиской к проекту будущего федерального закона № 308 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» определено, что общий порядок рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по статьям 198—199[2] Уголовного кодекса Российской Федерации обеспечит комплексный подход к противодействию экономическим преступлениям, реализации возможностей правоохранительных органов и использованию поискового потенциала оперативно-розыскной деятельности для документирования налоговых преступлений и установления умысла на их совершение.

Изменившийся порядок возбуждения уголовных дел отразился и на процессе их расследования, поставив перед правоприменителем ряд вопросов, связанных с необходимостью соблюдения положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления».

В настоящее время поводами к возбуждению уголовного дела, помимо материалов, направленных налоговыми органами, являются заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (в том числе из средств массовой информации), постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Внесенными изменениями в УПК РФ подробно регламентирован порядок проведения процессуальной проверки при поступлении сообщения о преступлениях, предусмотренных статьями 198—199[1] УК РФ, из органа дознания. По остальным поводам (за исключением поступления материалов, направленных налоговыми органами) порядок проведения процессуальной проверки законодателем не регламентирован. На практике, возможно, будет применяться порядок, установленный для случаев поступления сообщения о преступлениях из органа дознания.

При рассмотрении сообщения о преступлениях, предусмотренных статьями 198 — 199[1] УК РФ, поступившего из органа дознания, следователь обязан получить у налогового органа подтверждение нарушения законодательства о налогах и сборах и правильности предварительного расчета суммы предполагаемой недоимки по налогам. Для этого следователь при отсутствии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, не позднее трех суток с момента поступления сообщения, направляет в вышестоящий налоговый орган по отношению к налоговому органу, в котором состоит на налоговом учете налогоплательщик, для дачи заключения, копию такого сообщения с приложением соответствующих документов и предварительного расчета предполагаемой суммы недоимки по налогам и (или) сборам.

По результатам рассмотрения материалов, налоговый орган не позднее 15 суток с момента получения таких материалов подтверждает нарушение законодательства о налогах либо сообщает следователю об отсутствии у него такой информации.

Как видно, новый порядок проведения процессуальной проверки сообщений о совершении налоговых преступлений дает следователю право самостоятельно, без учета оценки налогового органа, принимать решение о возбуждении уголовного дела. Необходимо ли ориентироваться на мнение налогового органа в дальнейшем, при расследовании уголовного дела, в том числе и при предъявлении обвинения, Уголовно-процессуальный кодекс не сообщает.

Также не регламентировано, является ли акт проверки налогоплательщика, по результатам которой нарушений налогового законодательства не установлено, основанием, указывающим на отсутствие состава преступления.

Такая независимость следователя от результатов налогового контроля и выводов налогового органа, безусловно, расширяет возможности правоохранительных органов по выявлению и расследованию налоговых составов преступлений, но повышает риски дачи неверной уголовно-правовой оценки деяний налогоплательщика.

Пунктом 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» дано определение понятию уклонения от уплаты налогов, под которым понимаются умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации. Таким образом, неуплата налога не образует состава преступления в случаях наличия у налогоплательщика переплаты по другим налогам и (или) за другие периоды, разумеется, с учетом размеров, установленных диспозицией ст. 198, 199, 199[1] УК РФ.

Наличие переплаты, с учетом которой должен рассчитываться размер недоимки по налогам, определяется только налоговыми органами, а в связи с их ограниченной ролью в установлении значимых для возбуждения уголовного дела фактов, следователь, принимающий решение о возбуждении уголовного дела, вынужден идти на риск, связанный с последующим прекращением уголовного преследования налогоплательщика.

Аналогичная ситуация с соблюдением требований второго абзаца пункта 12 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым, исчисляя долю неуплаченных налогов, необходимо исходить из суммы всех налогов, подлежащих уплате за период в пределах трех финансовых лет подряд. Данными для расчета указанной суммы располагают только налоговые органы.

Пунктом 8 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ определено наличие прямого умысла, характеризующего субъективную сторону налоговых составов преступлений, а также указано на необходимость учета при решении вопроса о наличии у лица умысла обстоятельств, указанных в статье 111 Налогового кодекса Российской Федерации:

- совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, вследствие стихийного бедствия или других чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств (указанные обстоятельства устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания);
- совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, налогоплательщиком — физическим лицом, находившимся в момент его совершения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния (указанные обстоятельства доказываются предоставлением в налоговый орган документов, которые по смыслу, содержанию и дате относятся к тому налоговому периоду, в котором совершено налоговое правонарушение);
- выполнение налогоплательщиком (плательщиком сбора, налоговым агентом) письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции (указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа);
- иные обстоятельства, которые могут быть признаны судом или налоговым органом, рассматривающим дело, исключающи-

ми вину лица в совершении налогового правонарушения.

Указанные основания, освобождающие от налоговой ответственности, шире установленных Уголовным кодексом Российской Федерации обстоятельств невиновного причинения вреда и исключающих преступность деяний, а последнее из приведенных обстоятельств представляет наибольшие риски для следствия в связи с его неопределенностью и, как следствие, возможностью субъективного толкования налоговыми органами.

В завершении необходимо отметить еще одно положение указанного постановления, приведенное в п. 23 и определяющее в качестве доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие в содеянном признаков составов налоговых преступлений, акты проверок исполнения законодательства о налогах и сборах, иные формы проведения налогового контроля органами, уполномоченными на это законодательством. В случае различия в сумме недоимки, рассчитанной налоговыми органами в акте налоговой проверки и экспертом в его заключении, с учетом равнозначности данных доказательств, следователю для обоснованного принятия решения необходимо устранить данное противоречие, однако возникает обоснованный вопрос об органе, способном определить верный размер недоимки.

В дальнейшем, безусловно, сформируется практика расследования уголовных дел о налоговых составах преступлений, учитывающая все принятые законодателем нововведения, и с большой долей вероятности можно предположить, что, несмотря на предоставленную следователю независимость от позиции налогового органа, практика проведения процессуальных проверок и расследования уголовных дел будет, как и сейчас, ориентироваться на результаты налогового контроля, осуществляемого уполномоченным на это государством органом — ФНС России.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации.

4. Федеральный закон от 22.10.2014 № 308 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 341.131
ББК 67.411

КОСТЕНКО Константин Анатольевич,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Пятого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в г. Хабаровск) ИПК ФГКОУ ВО «Академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
полковник юстиции
E-mail:73kka@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс

Рецензент: В.Ф. Крючкова, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАНИНА ЗНАТЬ ХАРАКТЕР И СУТЬ ВЫДВИНУТОГО В ОТНОШЕНИИ НЕГО ПОДОЗРЕНИЯ ИЛИ ОБВИНЕНИЯ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы соблюдения прав подозреваемого и обвиняемого на своевременное получение информации о характере выдвинутого подозрения (обвинения) и получение копий соответствующих процессуальных документов, непосредственно затрагивающих их права и свободы. Автором предлагаются рекомендации по соблюдению рассматриваемых прав, а также обсуждается необходимость дополнения уголовно-процессуального законодательства ввиду неопределенности механизма реализации права подозреваемого (обвиняемого) на получение копий процессуальных документов в ходе следствия.*

Ключевые слова: *права подозреваемого и обвиняемого, копии процессуальных документов, предварительное следствие.*

Annotation. *The article deals with topical issues of the rights of suspects and accused persons in receiving timely information about the nature of advanced suspicion (charges) and obtain copies of relevant legal documents directly relating to their rights and freedoms. The author offers recommendations on the observance of the rights at issue and also discussed the necessity to amend the criminal procedure law, in view of the uncertainty of the mechanism of realization of the rights of the suspect (accused) to obtain copies of procedural documents during the investigation.*

Keywords: *rights of the suspect and the accused, copies of procedural documents, the preliminary investigation.*

Всякое право человека,
прямо или косвенно,
сводится к обеспечению за ним
возможности исполнять его обязанности.
С. Франк

Подозреваемый и обвиняемый в современном уголовном процессе России – фигуры разностатусные. Приобретение ими соответствующего статуса происходит в отличительных условиях. Например, если для придания статуса обвиняемого необходимо сформулировать обвинение и обличить его в процессуальное решение (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление), то для придания статуса подозреваемого необходимо произвести действия, которые бы создавали предпосылки для подготовки такого обвинения в будущем (задержать, возбудить уголовное дело, избрать меру пресечения, уведомить о подозрении).

При этом анализ уголовно-процессуальных норм свидетельствует о том, что подавляющий объем прав подозреваемого и обвиняемого в целом для обеих категорий общий, а основополагающими для данных субъектов в УПК РФ считаются статьи 46 и 47.

К одним из основных, относящихся к категории общих, необходимо отнести конституционные права каждого гражданина на возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ).

Применительно к подозреваемому и обвиняемому это будет реализация права на получение информации о характере выдвинутого подозрения (обвинения) и получение копий соответствующих процессуальных документов, непосредственно затрагивающих их права и свободы. В частности, это право знать, в чем лицо подозревается (обвиняется) и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения (для обвиняемого: копии постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления) (п. 1 ч. 4 ст. 46 и п. 1, 2 ч. 4 ст. 47 УПК).

Некоторые авторы, анализируя практику ЕСПЧ, обращают внимание на то, что право оперативно на понятном языке получать информацию о том, в чем обвиняется лицо, является элементом права на защиту в понимании Европейского суда [3, с. 10].

Между тем судебная и следственная практика свидетельствует о том, что с учетом возрастающих требований к соблюдению прав подозреваемого и обвиняемого простое устное сообщение подозреваемому (обвиняемому) о том, в чем он подозревается (обвиняется) явно недостаточно. Обязательным условием является вручение копии процессуального решения.

При вручении подозреваемому и обвиняемому соответствующих копий процессуальных документов и решений следователь обязан еще и устно разъяснить существо подозрения или обвинения. Вопрос дополнительного письменного разъяснения существа подозрения или обвинения после вручения копий сам по себе отпадает. Здесь следует исходить из того, что все указанные документы содержат информацию, в которой достаточно полно раскрывается существо подозрения или обвинения (в описательной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого, постановления о возбуждении уголовного дела и т.д.). Даже в протоколе задержания подозреваемого закон требует указать основания и мотивы его задержания (ч. 2 ст. 92 УПК РФ).

Если говорить о временном промежутке между вынесенным процессуальным решением, придающем лицу статус подозреваемого или обвиняемого, а также разъяснением существа принятого решения и вручением его копии, то в зависимости от способа придания статуса сроки могут быть разные.

В частности, при возбуждении уголовного дела в отношении лица необязательно, чтобы это лицо находилось в следственном органе в момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (далее — также постановление), закон этого не требует. Постановление может быть вручено при первом вызове подозреваемого в следственный орган либо направлено почтовой, факсимильной связью, по электронной почте. Это обусловлено тем, что подозреваемый может быть установлен, но еще не задержан и не доставлен к следователю.

Определенную роль имеет и тактика вручения копии постановления, позволяющая выиграть необходимое время. Например, возбуждая уголовное дело в отношении лица, при необходимости неотложного проведения обыска в его жилище, целесообразнее объявить ему об этом решении при прибытии к его месту жительства для проведения обыска, где и вручить копию постановления. Однако в случае вызова подозреваемого в следственный орган для вручения копии постановления и последующие действия по проведению у него в жилище обыска могут оказаться менее эффективными, так как допускают интервал времени, в который появляется возможность сокрытия следов или орудий преступления.

В ряде случаев у следователя не всегда имеется возможность незамедлительного уведомления лица об избранной ему мере пресечения. Например, когда речь идет о заочном применении меры пресечения в отношении разыскиваемого лица (ч. 4 ст. 210 УПК). Во всех других случаях копия постановления о применении меры пресечения подозреваемому (обвиняемому) выдается сра-

зу после вынесения и объявления такого постановления, за исключением случаев отказа указанных участников процесса от реализации права на получение копии процессуального документа.

Протокол задержания подозреваемого также относится к числу процессуальных документов, копия которого вручается сразу после его составления и объявления.

Одним из актуальных вопросов является также расследование уголовного дела в отношении умершего лица, статус которого может быть определен решением следователя о возбуждении уголовного дела в отношении такого лица или вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

На наш взгляд, права подозреваемого и обвиняемого, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ, переходят к близким родственникам. Здесь логично говорить об аналогии предоставления близким родственникам умершего подозреваемого (обвиняемого) прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, так как только указанная норма предусматривает возможность перехода прав от умершего лица к близкому родственнику [5, с. 118—123].

В случае с обвиняемым вручение копий необходимых процессуальных документов может несколько отличаться от случая в отношении подозреваемого. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого (далее — также постановление о привлечении), подготовленное и подписанное следователем, должно быть предъявлено лицу не позднее трех суток со дня его вынесения. При его предъявлении следователь реализует право обвиняемого на получение копии постановления о привлечении.

Вопрос сроков предъявления обвинения подозреваемому после возбуждения в отношении него уголовного дела в законе не оговорен, однако предъявить постановление о привлечении, вручить его копию и допросить лицо в качестве обвиняемого следователь должен в разумные сроки.

Об этом говорит и Конституционный Суд РФ в решении по жалобе гражданина Пятничука П.Е. В частности, в данном Определении Конституционный суд РФ, не принимая жалобу Пятничука П.Е. к рассмотрению, высказал важное правовое мнение, заключающееся в том, что обвинение должно быть предъявлено подозреваемому, в отношении которого возбуждено уголовное дело, в разумные сроки (со ссылкой на статью 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также сослался на то, что статья 46 УПК РФ в системе уголовно-процессуального регулирования действует в единстве с другими предписаниями УПК РФ, в том числе регламентирующими сроки на стадии предварительного расследования [1].

В данном «отказном определении с положительным содержанием» [2, с. 5], как и во многих других подобного рода определениях, Конституционный Суд высказал свои суждения, имеющие конституционно-правовое значение для практики конституционного правосудия [4, с. 226].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации высказался о временном промежутке, в течение которого орган предварительного расследования обязан предъявить обвинение после возбуждения уголовного дела в отношении лица, а именно в период расследования уголовного дела, которое должно быть произведено в разумные сроки [6, с. 238—243].

Время, место и способы разъяснения лицам прав о характере подозрения и существе обвинения в принципе понятны. Встает лишь вопрос в механизме реализации права подозреваемого (обвиняемого) на получение копий процессуальных документов в ходе следствия.

Например, в процессе ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый и его защитник вправе снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств (ч. 2 ст. 217 УПК РФ). Иными словами, снимать копии за свой счет.

Представляется, что ввиду отсутствия в УПК РФ механизма реализации права на получение копий подозреваемым и обвиняемым до ознакомления с материалами уголовного дела, изготовление таких копий возлагается на лицо, производящее расследование. В связи с этим по данному вопросу требуются соответствующие разъяснения в виде дополнений в соответствующие нормы УПК РФ, где будет четко прописано, кем и за чей счет в ходе расследования уголовного дела должны изготавливаться копии процессуальных

документов, на получение которых имеют право подозреваемый и обвиняемый.

Подводя итоги нашего исследования, следует заметить, что право подозреваемого и обвиняемого на своевременное получение информации о характере выдвинутого подозрения (обвинения) и получение копий соответствующих процессуальных документов закреплено не только в уголовно-процессуальном законодательстве России, а также в Конституции Российской Федерации и международных правовых актах.

Между тем, к сожалению, нередки случаи грубейшего нарушения этих прав со стороны органов предварительного расследования, когда вместо реализации права на получение копии процессуального документа следователь лишь уведомляет о принятом процессуальном решении. В юридической литературе довольно часто мы можем найти такие примеры.

Так, одним из авторов приводится случай из практики следственных органов Ставропольского края, когда нарушение права на получение копии постановления о возбуждении уголовного дела явилось причиной неоднократных отказов судов в принятии жалобы на незаконные действия и решения лица, производящего расследование. В итоге, автор обращает внимание на декларативность прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства [7, с. 290—295].

Безусловно, отсутствие нарушений прав подозреваемого и обвиняемого возможно только при условии воспитания профессиональных следственных кадров, надлежащего ведомственного процессуального контроля. Эти и другие задачи сегодня в деятельности Следственного комитета Российской Федерации являются приоритетными.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Ведерников Н.Т., Ведерников А.Н.* Решения Конституционного суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовно-процессуального законодательства России. 2001—2007. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

3. *Качалова О.В.* Право на защиту в интерпретации ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2015. № 1.

4. *Костенко К.А.* К вопросу о пределах использования конституционного права «хранить молчание» лицами, подвергнутыми уголовному преследованию // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года): в 3 ч. Ч. 1. Теоретические предпосылки. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013.

5. *Костенко К.А.* О некоторых аспектах расследования и направления в суд уголовного дела в отношении умершего лица, если родственники возражают против прекращения уголовного дела // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. Вып. 1. С. 118—123.

6. *Костенко К.А., Осипова Т.В.* Критерии реабилитации на стадии предварительного расследования – необходимость или формальность? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. Вып. 2. С. 238—243.

7. *Лифанова Л.Г.* Проблемы обеспечения прав обвиняемого // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 года): в 2 ч. Ч. 1. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. С. 290—295.

УДК 343.7
ББК 67.408

КУРНЫШЕВА Елена Александровна,
заместитель директора Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета
Российской Федерации», декан Четвертого факультета
(с дислокацией в городе Нижний Новгород),
кандидат педагогических наук,
полковник юстиции
E-mail: kurnysheva@yandex.ru

РОДИОНОВА Юлия Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Четвертого факультета (с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации ФГКОУ ВО
«Академия Следственного комитета» Российской Федерации»,
кандидат политических наук,
капитан юстиции
E-mail: rodionova@mail.ru

К РАЗМЫШЛЕНИЮ О ПРИМЕНЕНИИ НОВОГО ПОВОДА ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОМУ СТАТЬЕЙ 172[1] УК РФ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

***Аннотация**. С 21 июля 2014 г. в УПК РФ появился новый повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 172[1] УК РФ, которым служат только материалы, направленные Центральным банком Российской Федерации или конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации. В статье рассматривается новый повод для возбуждения уголовного дела, а равно его связь с институтом начала уголовного процесса, собственно права и обязанности следователя на стадии возбуждения уголовного дела при наличии оснований, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 172[1] УК РФ, но в отсутствие надлежащего повода к возбуждению уголовного дела.*

***Ключевые слова**: повод для возбуждения уголовного дела, явка с повинной, заявление о преступлении, материалы, направленные Центральным банком Российской Федерации.*

***Annotation**. From 21 july.2014 year in the Code of Criminal Procedure, a new excuse for criminal prosecution of crimes under Art. 172.1 of the Criminal Code, which serve only those materials that are directed by the Central Bank of Russia or the receiver (liquidator) a financial institution. The article deals with a new reason for criminal prosecution, as well as its relationship with the Institute of commencement of criminal proceedings, in fact the rights and responsibilities of the investigator at the stage of a criminal case on the grounds indicating signs of a crime under Art. 172.1 of the Criminal Code, but in the absence of a proper reason for instituting criminal proceedings.*

***Keywords**: cause for a criminal case, voluntary surrender, a statement about the crime, materials aimed Central Bank of Russia.*

На стадии возбуждения уголовного дела реализуется уголовно-процессуальная деятельность следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания.

Некоторые черты определяют назначение стадии возбуждения уголовного дела, а именно: конкретные задачи, свой круг участников; процессуальных действий и решений и процессуальных отношений; итоговый процессуальный документ, отделяющий от последующих стадий.

В рамках стадии возбуждения уголовного дела следователь принимает законные

меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, обнаруживает признаки преступления, для чего принимает, рассматривает и разрешает сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144—145 УПК РФ.

Согласно ч. 43 ст. 5 УПК РФ сообщение о преступлении — это заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления.

В ст. 140 УПК РФ определен перечень общих поводов для возбуждения уголовного дела (заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, и постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании) и один частный повод — материалы о преступлении, предусмотренном ст. 172^1 УК РФ, которые направлены в орган предварительного расследования Центральным банком РФ в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ [1] или конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

При этом ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ (в которой определяется частный повод) одновременно лишает такие поводы, как заявление о преступлении, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании и явку с повинной, возможности считаться (становиться) поводом не только для возбуждения уголовного дела, но и для начала уголовного процесса по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 172^1 УК РФ.

Своими действиями законодатель немного сузил возможности следователя в возбуждении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 172^1 УК РФ. Само лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 172^1 УК РФ, явившись с повинной, не сможет в рамках уголовно-процессуальных отношений поднять вопрос о возбуждении по данному факту уголовного дела, так же как и заявление о преступлении лица о такого рода преступлении не является поводом для возбуждения уголовного дела (начала уголовного процесса) [2].

В действительности уголовное судопроизводство начинается с момента регистрации сообщения о преступлении (конкретного повода), и в ст. 144 УПК РФ четко определено, что следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания обязаны принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Совместный приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, ФСКН России, ФСБ России, Минэкономразвития России «О едином учете преступлений» [3] свидетельствует о том, что «Должностное лицо, правомочное или уполномоченное принимать сообщения о преступлениях, обязано принять меры к незамедлительной регистрации принятого сообщения в книге регистрации сообщений», по которому должна быть проведена проверка в порядке ст. 145 УПК РФ и принято итоговое решение.

Вопрос о регистрации заявления о преступлении, предусмотренном ст. 172^1 УК РФ (явки с повинной о совершении преступления, предусмотренного ст. 172^1 УК РФ), в целом не стоит, оно в обязательном порядке будет в правоохранительном органе зарегистрировано (в частности, в системе Следственного комитета РФ). Однако возникает вопрос о том, какие процессуальные действия и процессуальное решение следователь должен принять по данному факту. Решение о возбуждении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 172^1 УК РФ, не может быть принято следователем, даже при наличии оснований для возбуждения, в связи с тем, что повод для возбуждения уголовного дела будет отсутствовать.

Возникает ситуация, при которой не определен порядок действий должностного лица в случае рассмотрения ненадлежащего повода для возбуждения уголовного дела по преступлению, предусмотренному ст. 172^1 УК РФ: либо выносить заведомо незаконное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, при наличии признаков преступления (объективной стороны), или же направить данное заявление (явку с повинной) в

Центральный банк Российской Федерации (конкурсному управляющему (ликвидатору) финансовой организации) для проверки всех данных в соответствии Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации» и направления в правоохранительный орган материалов для проверки в порядке ст. 144 УПК РФ и решения о возбуждении уголовного дела?

Ни первый, ни второй варианты не являются законными. В первом случае, при наличии оснований для возбуждения уголовного дела, следователь не может вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, так как признаки преступления, предусмотренного ст. 172^1 УК РФ усматриваются в ходе проверки заявления или явки с повинной. В силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановления следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Во втором случае следователь в соответствии со ст. 145 УПК РФ обязан вынести одно из трех решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности. Решение о передаче заявления или явки с повинной о преступлении, предусмотренном ст. 172^1 УК РФ, по подследственности следователь не имеет права вынести в связи с тем, что Центральный банк Российской Федерации не является органом, уполномоченным принимать решение в порядке ст. 145 УПК РФ. Следователь обязан организовать проверку по зарегистрированному сообщению о преступлении, и по факту обнаружения признаков рассматриваемого преступления вынужден только информировать Центральный Банк РФ или конкурсного управляющего (ликвидатора) финансовой организации о совершенном или совершаемом преступлении и ждать от данной организации материалов для решения о возбуждении уголовного дела.

Получается, что в этом случае следователь определен в некие рамки в случае получения и регистрации сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 172^1 УК РФ, и лишается законных оснований реагировать предусмотренным данным принципом способом на факт выявленного (обнаруженного) преступления.

В итоге мы приходим к выводу о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства, касающегося четкого регулирования порядка возбуждения уголовного дела по преступлению, предусмотренному ст. 172^1 УК РФ, а именно: возможности принятия решения о возбуждении уголовного дела по данной категории дел должностными лицами правоохранительных органов не только по материалам, направленным из Центрального Банка РФ или конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации, но и по сообщениям, поступившим от граждан, которым стало известно о данном преступлении. Это будет способствовать снижению латентности преступлений, предусмотренных ст. 172^1 УК РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. от 29.12.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. 2002. 13 июля.

2. *Рыжаков А.П.* Новые поводы для возбуждения уголовного дела и вид уголовного преследования: комментарий к ст. 8 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (в ред. от 20.02.2014) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (зарег. в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // Российская газета. 2006. 25 янв.

УДК 343.10
ББК 67.411

ОСМАНОВА Надежда Валерьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: osmanovanadegda@gmail.com

ИЛЬЮХОВ Алексей Александрович,
доцент кафедры уголовного процесса
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: alexsmol96@yandex.ru

Рецензент: Кокорева Любовь Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского областного филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, РАССЛЕДУЕМЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье приведен анализ влияния подследственности на формирование форм предварительного расследования, рассмотрено их соотношение и взаимозависимость в уголовно-процессуальном законодательстве, аргументировано положение об универсальной подследственности уголовных дел, расследуемых следователем Следственного комитета Российской Федерации.*

Ключевые слова: *подследственность, формы предварительного расследования, предварительное следствие, дознание, следователь.*

Annotation. *The article provides analysis of the jurisdiction's influence on the formation of the forms of the preliminary investigation, discussed their correlation and interdependence in the criminal procedure law, argued the opinion on universal jurisdiction's criminal cases investigated by the investigator of The Investigative committee of the Russian Federation.*

Keywords: *jurisdiction, form the preliminary investigation, preliminary investigation, inquiry, investigator.*

Изучение таких основополагающих условий предварительного расследования, как подследственность, формы предварительного расследования, их влияния друг на друга, закономерностей их изменения позволит создать близкую к идеальной систему досудебного производства. Данные правовые институты актуальны в настоящее время — время значительных изменений уголовно-процессуального законодательства, уголовного закона, когда особое значение приобретает умение сочетать их как взаимно дополняющие друг друга. Особый интерес при изучении форм предварительного расследования и подследственности уголовных дел представляют субъекты уголовного судопроизводства, в обязанности которых входит соблюдение данных условий.

Анализ изменений, внесенных в УК РФ и касающихся введения в перечень преступлений новых преступных деяний или же исключения их из такового путем отнесения

последних, например, к административным правонарушениям или уголовным проступкам, влечет внесение соответствующих закономерных правовых корректив в институт подследственности органов расследования[1], формы предварительного расследования, что свидетельствует о *подвижности* указанных уголовно-процессуальных институтов, связывающих нормы материального и процессуального уголовного права.

Говоря о предпосылках трансформации предварительного следствия и возникновения дознания[2] и, соответственно, разделения форм предварительного расследования, нужно учитывать, что главной причиной стала необходимость снижения нагрузки на следователя путем передачи несложных в доказывании уголовных дел к компетенции органов дознания и проведения упрощенного производства по ним путем разграничения форм предварительного расследования по *предметному признаку подследственности* — категории преступления, которая на протяжении последних почти 100 лет является одним из определяющих факторов разграничения дознания и предварительного следствия.

Предварительное расследование в форме дознания всегда предусматривалось в отношении определенной категории уголовных дел, не представляющих особой сложности и повышенной общественной опасности. Этот критерий был заложен в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., действовал в течение 40 лет по УПК РСФСР и был воспроизведен в УПК РФ. Так, в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ закреплен перечень преступлений небольшой, средней тяжести и тяжких[3], по которым проводится дознание, однако по письменному указанию прокурора дознание может проводиться и по другим преступлениям небольшой и средней тяжести (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ). В свою очередь, нормы ст. 150 УПК РФ не содержат перечня преступлений, по которым проводится предварительное следствие. Его проведение возможно по всем уголовным делам, за исключением тех, по которым проводится дознание. Помимо этого, по письменному указанию прокурора, по сути, любое уголовное дело может быть передано для производства предварительного следствия (п. 11 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ). Изложенное позволяет выделить в качестве обязательного условия предварительного следствия и дознания соблюдение норм о подследственности. При этом наличие в УПК РФ права прокурора определять форму расследования уголовного дела свидетельствует о наличии альтернативного признака ее определения.

Данный признак нашел свое отражение и в нормах о подследственности. Так, к примеру, расследование уголовного дела о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228 УК РФ, могут осуществлять как дознаватели органов внутренних дел Российской Федерации, так и дознаватели, следователи органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что свидетельствует о существовании так называемой *альтернативной подследственности,* позволяющей расследовать ряд составов преступлений как органам дознания, так и органам предварительного следствия.

Если же в ходе расследования становится известно, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, нуждается в применении принудительных мер медицинского характера, то уголовное дело передается в следственное подразделение соответствующего ведомства для осуществления предварительного следствия обязательного по данной категории дел.

Таким образом, существующие формы предварительного расследования, как и подследственность, склонны к дифференциации, и перечень преступлений, по которым они проводятся, остается открытым.

Однако несмотря на явную положительную тенденцию существования альтернативного признака подследственности, форм предварительного следствия, на практике все же возникали и возникают определенные воп-

---

[1] *Османова Н.В.* Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // Юридическая психология. 2014. № 3. С. 12—15.

[2] О возникновении дознания как самостоятельной формы расследования можно говорить с момента вступления в законную силу УПК РСФСР 1923 г., установившего дознание, не предшествующее предварительному следствию, а его заменяющее.

[3] Так, дознание может осуществляться по таким тяжким преступлениям, как, например, превышение полномочий частным детективом с применением насилия — ч. 2 ст. 203 УК РФ, незаконное изготовление и оборот порнографических материалов, совершенные в крупном размере или группой лиц, а равно с использованием средств массовой информации — ч. 3 ст. 242 УК РФ.

росы, касающиеся его применения. Так, Законом РФ от 29.05.1992 № 2869-1[4] и Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ[5] была расширена подследственность органов дознания, которые получили право вести расследование в полном объеме либо вести досудебную подготовку материалов в протокольной форме по правилам ст. 414—418 УПК РСФСР по делам о преступлениях, по которым ранее было обязательно предварительное следствие. Одновременно по ряду составов преступлений, ранее отнесенных в соответствии с ч. 3 и 4 ст. 126 УПК РСФСР к подследственности следователей указанным выше Законом, предусматривались досудебная подготовка материалов в протокольной форме (например, ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 219 УК РСФСР). Таким образом, при расширении подследственности органов дознания законодатель забыл исключить соответствующие статьи УК РСФСР из содержащихся в ч. 3 и 4 ст. 126 УПК РСФСР составов преступлений, уголовные дела о которых относятся к компетенции следователей органов прокуратуры и органов внутренних дел[6].

Аналогичные пробелы, касающиеся предметной подследственности, встречаются и в УПК РФ. Так, п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предусматривает осуществление предварительного следствия следователями органов внутренних дел по несуществующей ч. 3 ст. 117 УК РФ, состоящей только из двух частей: первой и второй.

Следует отметить, что нормы ст. 151 УПК РФ более подвижны, чем нормы, регламентирующие формы предварительного расследования, что обусловлено зависимостью подследственности не только от изменений, вносимых в УК РФ, но и от организационного аспекта. Так, создание нового следственного органа — Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК России) — повлекло за собой отнесение к его подследственности сначала экономических преступлений, затем налоговых и впоследствии тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении них. На протяжении всего исторического становления института подследственности расследование данной категории уголовных дел периодически относилось законодателем к подследственности то следователей прокуратуры, то следователей и даже дознавателей органов внутренних дел.

Подследственность и формы предварительного расследования помимо того, что имеют схожие признаки (как указано ранее — альтернативность, подвижность), оказывают друг на друга определенное влияние. Так, постепенное расширение подследственности органов дознания повлекло необходимость предоставления процессуальных гарантий обвиняемому посредством введения защитника, что стало одним из факторов сближения дознания и предварительного следствия.

Анализ мнений относительно сходства форм предварительного расследования, высказанных за последние 14 лет как учеными-процессуалистами, так и практическими работниками, в целом сводится к следующему:

процедура возбуждения уголовного дела хоть и была существенно изменена Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ[7], но все же не имеет принципиальных отличий при производстве предварительного расследования как следователем, руководителем следственного органа в форме предварительного следствия, так и органом дознания, дознавателем, следователем СК России (п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), ФСКН России (п. 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ) в форме дознания. В пределах *компетенции* указанными субъектами выносится постановление о возбуждении уголовного дела, о чем уведомляется прокурор, заявитель и лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело;

срок производства расследования в форме дознания с каждым последующим изменением, вносимым в нормы его регламентирующие, увеличивается, приближаясь к сроку предварительного следствия. Изначально УПК РФ вводил дознание как ускоренную форму расследования (гл. 32 УПК РФ) за счет сокращения, в первую очередь, срока рассле-

---

[4] О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР: Закон от 29 мая 1992 г. № 2869-1 // Юридический вестник. 1992. № 14. С. 9, 10.

[5] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

[6] *Чувилев А.А.* Подследственность уголовных дел // Законность. 1996. № 7. С. 29.

[7] Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

дования с одного месяца (ст. 121 УПК РСФСР) до 15 суток при безусловном обеспечении прав участников уголовного процесса. Впоследствии по причине превышения указанного срока дознания значительное количество уголовных дел (более 150 тыс. за II полугодие 2002 г. и столько же за I полугодие 2003 г.)[8] передавалось для производства предварительного следствия, что породило волокиту в расследовании и нарушение тем самым прав и законных интересов участников уголовного процесса. Тогда законодатель Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ[9] был вынужден увеличить срок дознания до 20 суток с возможностью его продления прокурором на срок до 10 суток и последующим продлением на 10 суток при возвращении уголовного дела прокурором для дополнительного дознания. Но по-прежнему значительное количество уголовных дел (в 2003 г. — 306 тыс. дел или 26,7%, в 2004 г. — 174 тыс. дел или 17,3% и в 2005 г. — 169 тыс. или 14,3% от числа возбужденных органами дознания)[10] дознавателями ввиду превышения срока дознания передавалось в органы предварительного следствия. С учетом этого Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ[11] срок дознания был увеличен до 30 суток с возможностью продления до 6 месяцев, а в исключительных случаях — до 12 месяцев;

вполне очевидно и снижение в настоящее время значения *привлечения лица в качестве обвиняемого,* а соответственно и роли данного правового института в разграничении форм предварительного расследования. Сравнение процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого позволяет говорить лишь об уточнении прав лица в статусе обвиняемого и наделении его дополнительными полномочиями, присущими тем этапам расследования уголовного дела, в которых подозреваемый не участвует (окончание предварительного следствия с обвинительным заключением). Переход подозреваемого в новый статус после предъявления обвинения как в ходе предварительного следствия, так и при производстве дознания не носит радикального характера, а сама процедура предъявления обвинения не имеет существенных отличий. Несмотря на право самостоятельно определять момент предъявления обвинения, исходя из обстоятельств уголовного дела и достаточности собранных доказательств, зачастую субъекты органов предварительного расследования допускают затягивание привлечения лица в качестве обвиняемого. Таким образом, вполне возможно нахождение лица в статусе подозреваемого на протяжении всего расследования, что лишний раз подтверждает позицию авторов[12], предлагающих превратить подозреваемого в основного и постоянного участника предварительного расследования. Предложения по реформированию института предъявления обвинения нашли свое отражение в научной литературе более 10 лет назад[13], однако до сих пор не были услышаны законодателем;

введенный Федеральный законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ *институт уведомления лица о существующем в отношении него подозрении* в совершении преступления хоть и характерен только для дознания, однако с целью унификации прав подозреваемого при проведении расследования в любой из форм расследования имеет полное право на существование и в ходе предварительного следствия, а также вполне может стать аналогом для рассмотренного выше института предъявления обвинения, унифицировав тем самым досудебное производство и значительно его упростив.

Указанные различия, хоть и являются обязательными для соблюдения при производстве в той или иной форме, в целом не имеют существенных принципиальных различий по своему содержанию. Данная ситуация обусловила необходимость введения новой упрощенной формы досудебного производства — дознания в сокращенной форме, не повлекшей значительного изменения су-

---

[8] Статистические данные по форме «I-Е» о результатах расследования уголовных дел за 2002—2005 гг.

[9] Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27. Ч. I. Ст. 2706.

[10] Статистические данные по форме «I-Е» о результатах расследования уголовных дел за 2002—2005 гг.

[11] Федеральный закон от 06 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

[12] *Пономаренко С.И.* Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17.

[13] *Гаврилов Б.Я.* Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2004. С. 355—359; *Гаврилов Б.Я.* Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 20.

ществующего института подследственности. За ней не закреплен отдельный перечень преступлений, она проводится, как и дознание, по преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, то есть по преступлениям небольшой, средней тяжести и тяжким, при выполнении следующих условий: установление лица, совершившего преступление, возбуждение в отношении него уголовного дела, признание им своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также отсутствие обстоятельств, предусмотренных ст. 226[2] УПК РФ.

Установленные законодателем правила производства дознания в сокращенной форме позволяют проводить расследование в соответствующей форме и следователям СК России, что также подтверждается правоприменительной практикой[14].

По результатам проведенного нами исследования определенная в ст. 151 УПК РФ подследственность следователя СК России в разы превышает количество составов преступлений, относящихся к подследственности следователей других ведомств (ФСБ, МВД, ФСКН), дознавателей.

Так, по состоянию на 2013 г. следователь СК России имел право расследовать уголовные дела о 343 различных составов преступлений независимо от категорий тяжести (особо тяжких – 53, тяжких – 82, средней тяжести – 87, небольшой тяжести – 121), в свою очередь в производстве следователя МВД России могли находиться уголовные дела о 216 различных преступлений (особо тяжких – 32, тяжких – 92, средней тяжести – 58, небольшой тяжести — 34). В настоящее время указанная ситуация не претерпела значительных изменений и в части количественного соотношения преступлений остается аналогичной. К подследственности следователей СК России законодателем кроме того отнесены уголовные дела о преступлениях, совершенных членами Совета Федерации и депутатами Государственной Думы, судьями, прокурорами, следователями, должностными лицами ФСБ, СВР, ОВД и др., а также о преступлениях, отнесенных к категориям тяжких, особо тяжких, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. К данным категориям тяжести преступлений в настоящее время отнесено более 260 составов преступлений.

Подобный анализ можно продолжить и расширить с учетом персональной подследственности, определенной п. «б», «в» ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а также уголовных дел, по которым следователями СК России в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ проводится расследование в форме дознания (всего 140 составов, среди которых 112 – небольшой тяжести, 26 — средней и 2 – тяжких преступления) или по которым подследственность была определена прокурором в порядке п. 12 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ.

Таким образом, к подследственности следователя СК России относится расследование уголовных дел, по нашей оценке, не менее чем по 600 составам преступлений[15]. В настоящее время Уголовный кодекс насчитывает более 700 преступных деяний, по нашей оценке, как минимум, по 85% из которых осуществляется предварительное следствие.

Подводя итоги, можно утверждать об универсальности такого субъекта уголовного судопроизводства, как следователь СК России, который способен проводить расследование по преступлениям, совершаемым в кардинально противоположных сферах деятельности (преступления против личности, государственной власти, в экономической сфере и др.), и во всех формах предварительного расследования, предусмотренных УПК РФ.

Список литературы

1. *Гаврилов Б.Я.* Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2004.

2. *Гаврилов Б.Я.* Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1.

3. *Османова Н.В.* Деятельность законодателя в построении института подследственности уголовных дел: психологические аспекты // Юридическая психология. 2014. № 3.

4. *Пономаренко С.И.* Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

5. *Чувилев А.А.* Подследственность уголовных дел // Законность. 1996. № 7.

[14] Уголовное дело № 24/18/0003-14 по ч. 3 ст. 327 УК РФ // Контрольное производство Военный следственный отдел — войсковая часть 68790 СК России РВСН. 2014 и др.

[15] Для сравнения фактическая численность следователей СК России по различным экспертным оценкам в 2—3 раза меньше, чем в МВД России.

УДК343.1
ББК 67.411

РЯЗАНЦЕВ Руслан Александрович,
заместитель руководителя отдела процессуального
контроля следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Ивановской области,
подполковник юстиции
E-mail: ivanovo@sledcom.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРОВЕДЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОВЕРОК И РАССЛЕДОВАНИЕМ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРИЕМЕ, РЕГИСТРАЦИИ И РАЗРЕШЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация: *В статье освещаются вопросы, связанные с проведением процессуальных проверок и расследованием уголовных дел о преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; анализируются полномочия сотрудников полиции в указанной сфере, указываются документы, которые необходимо изучить следователю, обращается внимание на обстоятельства, подлежащие установлению в ходе процессуальных проверок и доказыванию при расследовании по уголовным делам.*

Ключевые слова*: процессуальный контроль, личная заинтересованность, тяжкие имущественные преступления, конституционные права общества и государства.*

Annotation. *This article deals with issues related to the conduct of procedural checks and investigation of criminal cases-tions committed by members of the Interior at the reception, regitration and resolving allegations of crimes; examines full-mochiya police in this area are specified documents to-torye need to study investigator, draws attention to the circum-ment to be established in the course of procedural checks and pre-kazyvaniyu in the investigation of criminal cases.*

Keywords: *procedural control, personal interest-ness, serious property crimes, the constitutional rights of society and the state.*

Как показала практика осуществления процессуального контроля, проведение процессуальных проверок и расследование уголовных дел о преступлениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, вызывает значительные трудности. Уголовные дела указанной категории окончены направлением в суд с обвинительным заключением следователями первого отдела по расследованию особо важных дел, СО по Октябрьскому, Советскому и Фрунзенскому районам г. Иваново, Южского межрайонного следственного отдела. Нередко сотрудниками полиции скрываются от учета факты краж и грабежей. Сообщения о совершении указанных преступлений маскируются под утрату имущества по собственной неосторожности, а материалы не регистрируются в Книге учета сообщений о преступлениях (КУСП), а списываются по рапорту в специальное номенклатурное дело (СНД).

Полномочия сотрудников органов внутренних дел по проверке сообщений о преступлениях регламентируются следующими нормативными правовыми актами. В соответствии с п. 1, 2, 4, 8, 10, 12 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» на сотрудников полиции возлагаются следующие обязанности:

▪ принимать и регистрировать заявления и сообщения о преступлениях, осуществлять в соответствии с подведомственностью проверку заявлений и сообщений о преступлениях и принимать по таким заявлениям и сообщениям меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации;

▪ прибывать незамедлительно на место совершения преступления, место происшествия, пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан и общественной безопасности, документировать обстоятельства совершения преступления, обстоятельства происшествия, обеспечивать сохранность следов преступления;

▪ выявлять причины преступлений, условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу;

▪ в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, возбуждать уголовные дела, производить дознание по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым необязательно; выполнять неотложные следственные действия по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно;

▪ осуществлять розыск лиц, совершивших преступления, лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда; осуществлять розыск похищенного имущества; устанавливать имущество, подлежащее конфискации.

В соответствии с п. 3, 9, 10, 13 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» сотрудникам полиции для выполнения возложенных на них обязанностей предоставляются следующие права:

▪ вызывать в полицию граждан в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях;

▪ производить в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, следственные и иные процессуальные действия;

▪ проводить оперативно-розыскные мероприятия;

▪ доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте).

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления орган дознания обязан принять меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

В соответствии с п. 30 Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, утвержденном приказом Генпрокуратуры РФ № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений», должностное лицо, правомочное либо уполномоченное проводить проверку или организацию проверки сообщения о преступлении, с учетом содержащихся в сообщении сведений, требующих неотложного реагирования, обязано в пределах своей компетенции принять незамедлительные меры:

▪ по обнаружению признаков преступления, сохранению и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования;

▪ по проведению розыскных и оперативно-розыскных мероприятий по установлению и задержанию с поличным или «по горячим следам» лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление;

▪ о принятых мерах неотложного реагирования по сообщению о преступлении и их результатах должно быть в максимально короткий срок, не более чем в течение 24 часов, доложено соответствующему руководителю органа для организации дальнейшей проверки этого сообщения.

Сотрудники уголовного розыска и других оперативных служб согласно положениям ст. 2—7, 14 Федерального закона от 12.08.1995

№ 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» обязаны:

- выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать преступления, а также выявлять и устанавливать лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших;
- осуществлять розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания;
- основываться на конституционных принципах законности, уважения и соблюдении прав и свобод человека и гражданина;
- соблюдать права и свободы человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности;
- в целях выявления, пресечения и раскрытия преступлений проводить комплекс оперативно-розыскных мероприятий: опрос, наведение справок, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, снятие информации с технических каналов связи;
- принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства.

В соответствии с п. 17.3.1 — 17.3.3 Положения об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений, утвержденного приказом МВД России от 26.03.2008 № 280-дсп (далее — Положение) по прибытии на место происшествия сотрудники оперативного подразделения осуществляют необходимые мероприятия, предусмотренные Законом РФ «О милиции» (в настоящее время «О полиции»), Законом об ОРД и соответствующими нормативными правовыми актами МВД России, по установлению, обнаружению и задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступления, проверке изъятых вещей и объектов по криминалистическим учетам, выявлению очевидцев, мест хранения и сбыта похищенного, взаимодействуя при этом с сотрудниками других подразделений органов внутренних дел и иных ведомств; на основании поручений руководителя следственно-оперативной группы, данных в порядке, определенном УПК, производят оперативно-розыскные мероприятия; сообщают в дежурную часть сведения о характере, приметах подозреваемых лиц и особенностях похищенного имущества, а также другие данные, имеющие значение для поиска и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления.

В соответствии с п. 18.2.1 — 18.2.2, 18.2.5 Положения сотрудники оперативного подразделения принимают меры по установлению лиц, причастных к совершению преступления, их розыску и доставлению в орган внутренних дел; проверке по оперативно-справочным, криминалистическим учетам данных, полученных в ходе первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; оказывают содействие подразделениям полиции общественной безопасности в раскрытии преступлений по делам, о которых производство предварительного следствия не обязательно.

Выписки из указанных нормативных актов должны быть приобщены к материалам проверки и уголовного дела.

Полномочия должностного лица зафиксированы также в должностной инструкции. При проведении проверок необходимо получить должностную инструкцию лица, действовавшую на момент совершения преступления, с учетом всех внесенных изменений (например, в части названия должности), а также выяснить, кто и когда ознакомил должностное лицо, в отношении которого проводится проверка, с должностной инструкцией, подтверждает ли указанное лицо принадлежность подписи в инструкции.

Как правило, основанием для проведения проверки являются материалы, направленные прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в которых содержатся копии материалов проверки, списанных в СНД, а также объяснения должностных лиц. Копии должностных инструкций, приказов о назначении на должность к материалам прокурорских проверок зачастую не приобщаются. В ряде случаев не приобщается копия постановления о возбуждении уголовного дела, возбужденного после по результатам прокурорской проверки или проверки штаба УМВД России по Ивановской области.

В ходе проверки необходимо получить копии должностных инструкций должностных лиц, чьи действия подлежат процессу-

альной оценке; приобщить копии выписки из КУСП отдела полиции и получить копию графика дежурства СОГ; получить объяснения от всех членов следственно-оперативной группы (далее — СОГ), выезжавших на место происшествия по сообщению «02» (следователя, сотрудника уголовного розыска, участкового уполномоченного), а также оперативного дежурного.

При получении объяснений выясняются следующие вопросы: что пояснял потерпевший при прибытии СОГ на место происшествия (подробно), в каком состоянии он находился (алкогольное опьянение, следы побоев и т.п.); кто присутствовал при разговоре с потерпевшим (его родственники, члены СОГ); какие мероприятия выполнял каждый член СОГ, кто производил осмотр, кто получал объяснения и от кого, не приходили ли на место происшествия соседи и знакомые потерпевшего; кто осуществлял поквартирный (подворный) обход; кто и в какое время докладывал оперативному дежурному о происшествии, в чем суть доклада (совершено преступление, утрачены вещи, для разбора ситуации СОГ возвращается в отдел полиции и т.п.); какие документы в результате проверки были составлены каждым должностным лицом (предъявить их опрашиваемому лицу), выяснить принадлежность подписи в них, по каким причинам не было выдано направление на освидетельствование, не было направлено поручение о розыске вещей, контроле подключения к сети «утраченного» телефона.

По указанным вопросам необходимо опросить заявителя и взрослых членов его семьи: что поясняли при прибытии СОГ на место происшествия (подробно), в каком состоянии находился заявитель; через какой промежуток времени после совершения преступления обратился в полицию, если через значительный — то по каким причинам; кто присутствовал при разговоре с заявителем; кто получал объяснения и от кого, не приходили ли на место происшествия соседи и знакомые потерпевшего; кто осуществлял поквартирный (подворный) обход; кому до прибытия полиции рассказывал о совершенном в отношении него преступлении, кому рассказывал об этом после убытия полиции; если заявитель доставлялся в отдел полиции, необходимо выяснить, обращался ли он к оперативному дежурному, должностным лицам, не входящим в СОГ.

В ходе предварительного следствия допрашиваются, помимо указанных лиц, также сотрудники, доставившие СОГ на место происшествия (сотрудники ДПС, ППС, ОВО и др.), начальники отдела полиции, принявшие решение о списании материала в специальное номенклатурное дело, сотрудники ОРЧ ОСБ УМВД России по Ивановской области, проводившие служебную проверку и сотрудники прокуратуры, выявившие нарушения закона и искажение действительного содержания объяснений заявителя, данных сотрудникам полиции, а также начальник штаба УМВД России по Ивановской области (относительно критериев работы должностного лица, в отношении которого проводится проверка). Нередко по указанной категории уголовных дел проводятся очные ставки между заявителем и (или) членами его семьи и сотрудниками полиции по содержанию информации, которую сообщил заявитель сотрудникам полиции.

Уголовное дело, возбужденное по результатам проверки сотрудников органов прокуратуры, подлежит изъятию в ходе выемки, осмотру с применением копирования. Анализируются и подробно осматриваются следующие документы: постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству; заявление о преступлении (происшествии); рапорт сотрудника прокуратуры, полученные сотрудниками прокуратуры или штаба УМВД России по Ивановской области; объяснение от заявителя, рапорт о списании материала в специальное номенклатурное дело; рапорт оперативного дежурного отдела полиции, зарегистрированный в КУСП; объяснения заявителя и других лиц; протоколы проверочных мероприятий, уведомление заявителя о результатах проверки; постановление о возбуждении уголовного дела, протокол допроса заявителя и важных свидетелей по уголовному делу, опровергающих позицию подозреваемого сотрудника полиции. Копии указанных документов являются приложением к протоколу осмотра.

Дополнительной оценке по ст. 292 УК РФ действия по получению объяснений, принятию заявлений не требуется, поскольку ука-

занные документы обладают всеми признаками официальных документов в смысле, придаваемом ст. 327 УК РФ.

Мотивом преступления в рассматриваемом случае является иная личная заинтересованность, которая выражается в желании незаконно улучшить показатели работы территориального органа внутренних дел УМВД России по Ивановской области по раскрываемости тяжких имущественных преступлений, а также по количеству преступлений, связанных с угрозой здоровью и имуществу граждан, совершенных в общественных местах в расчете на 100 тыс. населения, путем сокрытия факта совершения преступления, совершенного в условиях неочевидности в общественном месте, а также в связи со стремлением избежать выполнения служебных обязанностей и проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий и проверочных действий.

Указанный вывод следует из анализа положений приказа МВД России от 26.12.2011 № 1310 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России» (далее — приказ МВД) и приказа УМВД России по Ивановской области «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России на районном уровне, подчиненных УМВД России по Ивановской области» от 13.04.2012 № 370 (далее — приказ УМВД).

Так, согласно п. 2.1 Приложения 3 к приказу МВД и п. 2.1 Приложения 3 к приказу УМВД количество предварительно расследованных тяжких преступлений (общеуголовной направленности) в расчете на 100 единиц штатной численности территориального органа МВД России является положительным показателем с коэффициентом значимости 3 (из 3).

Согласно пунктам 2.4 Приложения 3 к указанным приказам доля преступлений против собственности, уголовные дела по которым приостановлены по п. 1 — 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ от общего числа преступлений данной категории, по которым принято решение, является отрицательным показателем с коэффициентом значимости 2 (из 3).

Согласно п. 3.4 Приложения 3 к приказу МВД России № 1310 от 26.12.2011 и п. 3.4.1 Приложения 3 к приказу УМВД России по Ивановской области № 370 от 13.04.2012 количество преступлений, совершенных в общественных местах, связанных с угрозой здоровью и имуществу граждан, является отрицательным показателем с коэффициентом значимости 1 (из 3).

Таким образом, оперативные сотрудники территориального органа внутренних дел обязаны в своей деятельности принимать все возможные меры в пределах предоставленных полномочий для улучшения указанных показателей работы УМВД России по Ивановской области.

Существенный вред в результате данной категории преступлений выражается в нарушении конституционных прав и охраняемых законом интересов общества и государства, гарантированных:

ст. 2 Конституции РФ, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства;

ст. 45 Конституции РФ, согласно которой государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется; ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод;

ч. 1 ст. 35 Конституции РФ, согласно которой право собственности охраняется законом;

ст. 52 Конституции РФ, согласно которой права потерпевших от преступлений охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба;

п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в соответствии с которым уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления; ст. 22 УПК РФ, в соответствии с которой потерпевший вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого; ч. 3 ст. 42 УПК РФ, в соответствии с которой потерпевшему обеспечивается возмещение вреда, причиненного преступлением.

УДК 343.2
ББК 67.408

САМОЙЛОВА Юлия Борисовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Первого факультета повышения квалификации
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: y.b. samoilova@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые особенности, характерные для первоначального этапа расследования незаконной банковской деятельности. Автор предлагает алгоритм действий следователя на данном этапе расследования. Выявляются проблемы, которые встают перед практикой расследования и предлагаются способы решения этих проблем.*

Ключевые слова: *расследование, первоначальный этап расследования, алгоритм действий, незаконная банковская деятельность.*

Annotation. *The certain peculiarities typical step of investigation of illegal banking activity. The author offers algorithm of actions of the subject of investigation. The problems, which appear before investigation are revealed and methods of solving these problems are offered.*

Keywords: *investigation, initial step of investigation, algorithm of actions, illegal banking activity.*

Согласно ст. 172 УК РФ незаконной является банковская деятельность (банковские операции), осуществляемая без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно. Для наступления уголовной ответственности необходимо также чтобы это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо было сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (ч. 1 ст. 172 УК РФ) или особо крупном размере (ч. 2 ст. 172 УК РФ). Как показывает анализ изученных эмпирических материалов, подавляющее большинство деяний, квалифицированных по данной статье, совершены путем незаконного обналичивания и транзитного перевода денежных средств. Суть рассматриваемого преступления сводится к тому, что его субъекты оказывают широкому кругу физических и юридических лиц услуги по переводу не идентифицированных безналичных денег в наличные (обналичивание), а также переводу денежных средств по поручению юридических и физических лиц на счета третьих лиц (транзитному переводу). Осуществляется преступная деятельность с использованием банковских счетов «фирм-однодневок», подконтрольных субъектам незаконной банковской деятельности (далее – подконтрольные организации).

Эффективность расследования преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» зависит от многих факторов, в число наиболее значимых из которых входит организация и проведение первоначального этапа расследования.

При расследовании незаконной банковской деятельности алгоритм проведения первоначальных следственных действий и мероприятий может выглядеть следующим образом.

1. Организовать проведение оперативных мероприятий, направленных на установление используемых субъектами незаконной банковской деятельности офисных помещений и автотранспортных средств, мест проживания лиц, причастных к осуществлению незаконных банковских операций.

2. Произвести одновременные обыски и выемки в административных или служебных

помещениях, использовавшихся для выполнения банковских операций и их документального оформления, приема заказчиков незаконных банковских операций, хранения документов, денежных средств, ценных бумаг и иных ценностей; по месту жительства подозреваемых, а также иных лиц, если имеются достаточные данные, дающих основание полагать, что у них в жилище могут находиться предметы и документы, имеющие значение для доказывания по уголовному делу; банках, в которых открыты управляемые субъектами незаконной банковской деятельности счета; налоговых органах, на учете в которых состоят подконтрольные организации.

3. Незамедлительно после завершения обысков и выемок допросить всех лиц, причастных к незаконной банковской деятельности, получить образцы почерка и подписи для сравнительного исследования.

4. Допросить всех лиц, находившихся в местах проведения обысков (офисах, в которых осуществлялась преступная деятельность) по поводу целей нахождения в офисном помещении и отношения к преступной деятельности.

5. Допросить номинальных учредителей и руководителей подконтрольных организаций, используемых для осуществления незаконной банковской деятельности. Получить у этих лиц образцы почерка и подписи.

6. Допросить лиц, причастных к совершению незаконной банковской деятельности.

7. Наложить арест на денежные средства, иные ценности, находящиеся на банковских счетах подконтрольных субъектам незаконной банковской деятельности организаций.

Порядок проведения этих действий, а также их объем могут отличаться и видоизменяться в зависимости от конкретной следственной ситуации. На особенностях проведения некоторых из указанных следственных действий следует остановиться подробнее.

Несмотря на то, что проведение выемки и обыска возможно на любом этапе расследования уголовного дела, наиболее результативным является их проведение в самом начале расследования, когда еще сохраняет свое действие фактор внезапности. Наилучший результат дает одновременное проведение обысков и выемок по одному уголовному делу у разных лиц, в разных местах.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 172 УК РФ, одновременно обыски могут проводиться в различных служебных помещениях субъекта, осуществляющего незаконную банковскую деятельность, и хозяйствующего субъекта, являющегося заказчиком незаконных банковских операций, а также по месту жительства отдельных физических лиц. Во-первых, это различные административные или служебные помещения, использовавшиеся для выполнения банковских операций и их документального оформления, приема заказчиков незаконных банковских операций, хранения документов, денежных средств, ценных бумаг и иных ценностей. Изучение материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что противоправная деятельность по обналичиванию денежных средств может проводиться в частных квартирах, используемых под офисы[1].

Кроме этого, изъятие, а в необходимых случаях обнаружение и изъятие, предметов, документов, имеющих доказательственное значение, производится по месту жительства подозреваемых, а также иных лиц, если имеются достаточные данные, дающие основание полагать, что у них в жилище могут находиться такие материальные объекты.

В рассматриваемой ситуации необходимо уделить внимание гражданско-правовым, финансовым и бухгалтерским документам, отражающим деятельность организаций, с использованием расчетных счетов, с которых и осуществлялась незаконная банковская деятельность, а также компьютерам, ноутбукам, другим электронным и цифровым носителям информации, содержащим указанную информацию.

Кроме того, в процессе обыска (выемки) целесообразно изымать печати, штампы, клише подписи (факсимиле) как подконтрольных организаций, так и государственных органов, нотариусов, денежные средства и ценные бумаги, добытые незаконным путем; документы, удостоверяющие личность; неза-

[1] См., например: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 сентября 2011 года № 22-5737/11 // СПС «КонсультантПлюс».

вершенные документы, а также документы, содержащие следы исправлений, подчисток и вызывающие сомнения в подлинности, незаполненные бланки с печатями сторонних организаций; записные книжки, черновые записи либо иные документы, содержащие сведения о подконтрольных организациях и лицах, причастных к совершению преступления, свободные образцы почерка подозреваемых лиц и др.

При подготовке к проведению обыска или выемки по делам данной категории следует провести ряд оперативно-розыскных и подготовительных мероприятий, в ходе которых установить местонахождение и объем документов и предметов, подлежащих изъятию, места их хранения в данном помещении; пароли для входа в компьютеры, где хранится интересующая следствие информация; подготовить упаковочный материал, диски для копирования компьютерной информации, бумагу для печати, автотранспорт для транспортировки изъятых документов в следственное подразделение; предусмотреть участие специалистов (в области компьютерной техники, мобильных электронных устройств, а при необходимости в области бухгалтерского учета и экономического анализа), а также понятых, желательно обладающих познаниями в сфере компьютерной информации. Кроме того, перед началом вышеуказанных следственных действий следует принять меры к предотвращению уничтожения информации, хранящейся в памяти компьютера, и отключения электроэнергии. Для этого необходимо выставить охрану около щита напряжения и не допускать к компьютерам работников организации.

Допрос представляет собой сложное многоплановое следственное действие, от успешного проведения которого в значительной степени зависит результат расследования. Получение полных и правдивых показаний требует тщательной подготовки к его проведению. Недопустимо ограничиваться при допросе лишь фиксацией свободного рассказа допрашиваемого лица. Перед началом производства допроса желательно внимательно изучить материалы уголовного дела, предварительно получив необходимый комплекс сведений из той области знаний, к которой относится предмет допроса. В юридической литературе к подготовительным мероприятиям также относят определение перечня обстоятельств, подлежащих выяснению; изучение личности допрашиваемого; определение места и времени допроса, способа вызова на допрос; создание необходимой обстановки для допроса; определение круга участников допроса; подготовку для предъявления допрашиваемому; подготовку необходимых технических средств; составление плана допроса[2].

Осуществляя допрос номинального учредителя, руководителя подконтрольной организации, используемой для осуществления незаконной банковской деятельности, в случае если тот отрицает свое отношение к организации, целесообразно выяснить следующие обстоятельства:

- передавал ли кому-либо, терял ли свой паспорт, если терял или передавал, то когда, и при каких обстоятельствах;
- имеются ли у него расчетные счета, открытые в банках, либо пластиковые карты, если имеются, то какие именно;
- кто, когда и при каких обстоятельствах предложил подписывать документы об учреждении организаций (либо на регистрацию фирм), какие документы подписывал, в каком количестве, ходил ли к нотариусу, в налоговые органы;
- известны ли наименования организаций, учредителем (директором) которых являлся; фамилии, имена, отчества и другие данные директоров, юридические адреса организаций, банки, в которых открывались расчетные счета, виды деятельности, которыми они занимались;
- осуществлял ли какую-либо деятельность от имени организаций, учредителем, либо директором которых являлся, подписывал ли какие-либо документы, кроме учредительных (финансовые, хозяйственные, налоговые);
- занимался ли вообще какой-либо коммерческой деятельностью как физическое

[2] См.: Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Спарк, 2004. С. 241—243; *Шурухнов Н.Г.* Криминалистика: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. С. 276—279; *Балашов Д.Н., Маликов С.В.* Криминалистика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 284—287; *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 589—592 и др.

лицо либо от имени какого-либо юридического лица;

▪ поручал ли кому-либо по доверенности заниматься от его имени коммерческой деятельностью или от имени организаций, учредителем (директором) которых являлся;

▪ занимал ли у каких-либо коммерческих организаций денежные средства либо получал ли кредиты; если получал кредиты, то где и в каких суммах;

▪ был ли осведомлен о хозяйственных и финансовых операциях, которые осуществляются от имени организаций, учредителем (директором) которых являлся; кем и каким образом осведомлялся;

▪ получал ли по поручению либо самостоятельно, как от имени коммерческих организаций, так и от своего имени, как физическое лицо, наличные денежные средства в банках, банкоматах, иных кредитных учреждениях, если получал, то когда именно и при каких обстоятельствах;

▪ получал ли от имени какой-либо организации кредиты в банках, если получал, то при каких обстоятельствах, где происходило оформление документов, что передавалось в залог, какова сумма полученных денежных средств, как расходовались и как скоро возвращен кредит.

Может возникнуть ситуация, когда номинальный руководитель утверждает, что является (являлся) руководителем организации. В таком случае надлежит выяснить следующее:

▪ кто занимался подготовкой документов по созданию организации, регистрацией и постановкой на учет в налоговом органе (если зарегистрировано ранее, то при каких обстоятельствах приобрел данную организацию);

▪ каким видом деятельности занимается организация;

▪ что составляет уставной капитал организации, имеются ли в собственности транспортные средства либо недвижимость;

▪ арендует ли организация недвижимость либо транспортные средства;

▪ кто и на каких должностях работает в организации, какова штатная численность сотрудников, каков размер заработной платы по каждой должности;

▪ в каких банках и сколько расчетных счетов открыто у организации; (если допрашиваемый ответит на данный вопрос уточнить, где находится каждый из банков, кто является руководителем банка);

▪ кто является распорядителем расчетных счетов;

▪ управление расчетным счетом осуществляется путем направления платежных поручений в бумажном виде либо с использованием программных средств, представляемых банком, если последнее, то кто имел доступ к программе дистанционного банковского обслуживания;

▪ на какой системе налогообложения находится организация;

▪ кто осуществляет ведение бухгалтерского и налогового учета;

▪ кто составляет, аккумулирует первичные и сводные учетные документы;

▪ кто составляет, а также предоставляет в налоговую инспекцию бухгалтерскую и налоговую отчетность, какие виды бухгалтерской и налоговой отчетности сдаются;

▪ каким образом происходит заключение хозяйственных договоров, подыскание контрагентов, подписание первичных и сводных учетных документов, бухгалтерской и налоговой отчетности;

▪ является ли допрашиваемый учредителем либо директором каких-либо других коммерческих организаций, если является, то каких именно, с какого времени, выяснить все вопросы по каждой организации, которые задавались ранее;

▪ поручал ли кому-либо по доверенности заниматься от его имени коммерческой деятельностью или от имени организаций, учредителем либо директором которых являлся;

▪ осведомлен ли о хозяйственных и финансовых операциях, которые осуществляются от имени организаций, учредителем либо директором которых являлся;

▪ получал ли по поручению либо самостоятельно, как от имени коммерческих организаций, так и от своего имени, как физическое лицо, наличные денежные средства в банках, банкоматах, иных кредитных учреждениях, если получал, то когда именно и при каких обстоятельствах;

▪ получал ли от имени данной организации кредиты в банках, если получал, то при каких обстоятельствах, где происходило оформление документов, что передавалось в залог, какова сумма полученных денежных средств, как расходовались и как скоро возвращен кредит.

При допросе свидетелей, равно как и подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам о незаконной банковской деятельности, разумно использовать имеющиеся в материалах уголовного дела документы, это окажет реальную помощь следователям в достижении наибольшего результата при проведении допроса, поскольку будет способствовать допрашиваемому лицу подробнее вспомнить обстоятельства, подлежащие выяснению. Кроме этого, документальное подтверждение показаний позволит избежать впоследствии случаев необоснованного отказа от них.

В силу специфики расследуемых дел круг подозреваемых, обвиняемых зачастую расширяется, вследствие этого процессуальный статус свидетеля может поменяться. В связи с этим в ходе допроса свидетелей целесообразно применять видеозапись. Кроме этого допрос лиц, у которых проводились обыски, а также лиц, находившихся в служебном помещении, необходимо проводить сразу же после проведения следственного действия, не позволять им общаться между собой, а, доставив в следственное подразделение, провести параллельный допрос, по возможности тем следователем, который проводил обыск, поскольку он обладает информацией об изъятом.

На первоначальном этапе расследования уголовных дел о преступлении, предусмотренном ст. 172 УК РФ, целесообразно незамедлительно после возбуждения уголовного дела и задержания подозреваемых рассмотреть вопрос о наложении ареста на остаток денежных средств, находящихся на управляемых субъектами незаконной банковской деятельности счетах таких фирм.

В рассматриваемой ситуации арест на денежные средства накладывается в публично-правовых целях – для сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по уголовному делу[3]. При наложении ареста на денежные средства, находящиеся на счетах подконтрольных организаций, необходимо руководствоваться в первую очередь ч. 3 ст. 115 УПК РФ, которая предусматривает возможность наложения ареста на имущество других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления.

В заключение необходимо отметить, что профессионально осуществленное расследование незаконной банковской деятельности на первоначальном этапе имеет важное значение, во многом определяет эффективность всего процесса сбора, изучения и оценки доказательств, принятия правильных процессуальных решений.

Список литературы

1. *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.

2. *Балашов Д.Н., Маликов С.В.* Криминалистика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005.

3. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Спарк, 2004.

4. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 сентября 2011 года № 22-5737/11 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ в от 31 января 2011 года № 1-П // СЗ РФ. 2011. № 6. Ст. 897.

6. *Шурухнов Н.Г.* Криминалистика: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005.

[3] О целях наложения ареста на имущество свою позицию высказал Конституционный Суд РФ в постановлении от 31 января 2011 года № 1-П // СЗ РФ. 2011. № 6. Ст. 897.

УДК 343.1
ББК 67.411

ТРУСОВ Константин Юрьевич,
старший инспектор отдела процессуального контроля
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Курской области,
подполковник юстиции
E-mail: mrtrusov@mail.ru

О РАСШИРЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЖАЛОВАНИЮ РЕШЕНИЙ ПРОКУРОРА

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Автор указывает на необходимость процессуальной независимости следователя, в том числе путем закрепления права указанного должностного лица на обжалование решений прокурора об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении и приостановлении предварительного следствия. Перечисленное в настоящее время отсутствует в УПК РФ. Предлагается ввести единый порядок обжалования решений прокурора (в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 221 УПК РФ).*

Ключевые слова: *прокурор, следователь, отмена вынесенных следователем постановлений, обжалование, процессуальная независимость следователя.*

Annotation. *The author points to the need for procedural independence of the investigator, including by securing the right of that official person to appeal decisions of the public prosecutor to cancel decisions of refusal of criminal proceedings, termination and suspension of the preliminary investigation. All that listed questions are not available now in CPC of Russian Federation. It is proposed to introduce a uniform procedure for appealing decisions of the public prosecutor (according to demands of p. 4 ch. 221 CPC of Russian Federation).*

Keywords: *public prosecutor, investigator, cancellation of investigator's decisions, appealing, procedural independence of the investigator.*

В соответствии со ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, самостоятельно направляя ход расследования. Однако в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ следователь наряду с прокурором отнесен к стороне обвинения, что также получило свое развитие в положениях ч. 1 ст. 21 УПК РФ, гласящей, что уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения помимо прокурора осуществляет и следователь.

Вышеописанный дуализм процессуальной фигуры следователя (кто он — независимое должностное лицо, опирающееся в ходе расследования лишь на требования закона и пытающееся установить все обстоятельства происшедшего, или лишь один из представителей стороны обвинения) порождает определенные проблемы в реализации последним своих полномочий.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» органы прокуратуры получили значительные полномочия по отмене принятых следователями процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении предварительного следствия.

Согласно положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, действовавшим ранее, прокурор мог отменить лишь вынесенное следователем постановле-

ние о возбуждении уголовного дела. При этом в случае несогласия с принятыми следователем решениями об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении предварительного следствия прокурор обращался к руководителю следственного органа с мотивированным постановлением, в котором излагал свои доводы о необходимости отмены таковых.

Руководитель следственного органа, изучив предоставленное, мог согласиться с мнением прокурора, а мог и оставить его требования без удовлетворения, сообщив последнему о причинах этого. Таким образом, между следователем как процессуально независимым лицом и прокурором формировался диалог, в котором рождалась истина. Ведь ее установление в рамках досудебного производства важнее безусловного полномочия, предоставленного должностному лицу уголовно-процессуальным законодательством. Тем более, понятие обоснованности принятого процессуального решения является оценочным, формируемым на основании внутренних убеждений правоприменителя.

Теперь, как отмечалось, в соответствии с вышеуказанным Федеральным законом (следует подчеркнуть, что причины, в соответствии с которыми деятельность органов предварительного следствия совершенствуется таким образом, в нем не указаны) прокурор своим постановлением может отменить решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении либо приостановлении предварительного следствия, указав конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке, что закреплено в новых редакциях ст. 148, 211 и 214 УПК РФ.

Однако законодатель, наделив прокурора такими значительными полномочиями, фактически сделал их абсолютными, а решение данного лица — безапелляционным.

Так, в соответствии с ч. 4 ст. 221 УПК РФ постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано им в течение 72 часов с момента поступления к нему уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением — Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). Вышестоящий прокурор в течение 10 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит одно из следующих постановлений:

1) об отказе в удовлетворении ходатайства следователя;

2) об отмене постановления нижестоящего прокурора. В этом случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.

Помимо этого п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ предусмотрено право следователя обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела.

Однако ни вышеупомянутой статьей УПК РФ, определяющей процессуальное положение следователя, ни ст. 148 УПК РФ (Отказ в возбуждении уголовного дела), ст. 211 УПК РФ (Возобновление приостановленного предварительного следствия), ст. 214 УПК РФ (Отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования) почему-то не предусмотрено право следователя как процессуально независимого лица обжаловать решения прокурора об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении предварительного следствия.

Звучит странно, но неужели законодатель полагает, что в перечисленных случаях у следователя не могут возникнуть разногласия с позицией прокурора. Если так, то непонятно, почему тогда таковые могут быть лишь при отмене прокурором постановления о возбуждении уголовного дела либо при возвращении им уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Это нарушение

права следователя как самостоятельного субъекта процессуальной деятельности.

Полагаю, что это недоразумение должно быть исправлено, и следователь должен быть наделен правом обжалования вышеперечисленных решений прокурора, что надлежит закрепить в УПК РФ. Поскольку законодателем порядок обжалования, предусмотренный ч. 4 ст. 221 УПК РФ, сделан общим как при обжаловании решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, так и при возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, то его необходимо сохранить для обжалования постановлений органов прокуратуры об отмене решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении и прекращении предварительного следствия.

В связи с этим п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ надлежит изложить таким образом:

«Следователь уполномочен — обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном ч. 4 ст. 221 УПК РФ, решения прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия, об отмене постановления о прекращении предварительного следствия, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.».

Необходимо отметить, что в 2013 году Следственным комитетом Российской Федерации проведено обобщение практики отмен прокурором решений следствия об отказе в возбуждении уголовного дела, отмечен вышеупомянутый недостаток УПК РФ и указано, что в некоторых субъектах Российской Федерации следователями при несогласии с данными решениями прокуроров направляется соответствующая информация вышестоящим прокурорам со ссылкой на п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, согласно которому прокурор уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора.

Однако несмотря на положительные примеры, эффективность данных обращений невелика. В подавляющем большинстве случаев органы прокуратуры ссылаются на отсутствие в УПК РФ положений, позволяющих руководителю следственного органа обжаловать такого рода решения прокурора.

Таким образом, принятие по вышеперечисленным фактам каких-либо межведомственных актов нецелесообразно. Необходимо внести упомянутые изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Тогда определенный диалог между прокурором и следователем на досудебной стадии уголовного судопроизводства возобновится.

УДК 343.6
ББК 67.408

ГАЛДИН Максим Владимирович,
доцент кафедры уголовного процесса
Третьего факультета повышения квалификации
Института повышения квалификации
Академии Следственного комитета Российской Федерации,
подполковник юстиции
E-mail: galdin_m_v@mail.ru

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В настоящей статье анализируются обязательства Российской Федерации в соответствии с ратифицированными международными соглашениями по введению института уголовной ответственности юридических лиц. Приводятся сведения об оценке их выполнения ГРЕКО.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, уголовная ответственность, Следственный комитет, Российская Федерация.*

Annotation. *This article analyzes the obligations of the Russian Federation in accordance with ratified international agreements on the introduction of the institute of criminal liability of legal entities. Provides information on the evaluation of their performance by the GRECO.*

Keywords: *legal entity, criminal liability, the Investigative Committee, Russian Federation.*

Вот уже более двадцати лет в отечественной уголовно-правовой науке ведется работа по конструированию уголовной ответственности юридических лиц. За ее введение выступают Б.В. Волженкин [1], С.Г. Келина [2, с. 52], А.В. Наумов [3, с. 182], А.С. Никифоров [4] и другие ученые.

В Европе этому процессу способствовало принятие норм международного права рекомендательного характера (деклараций, резолюций, протоколов международных организаций), которые возникали в тех случаях, когда достижение международного согласия было маловероятным. Так, в 1978 году Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств признать юридические лица субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. В 1988 году принята рекомендация № 88 Комитета министров стран — членов Совета Европы об ответственности предприятий — юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности. Эти рекомендации сыграли решающую роль в том, что уже более половины европейских государств законодательно признали юридических лиц субъектами уголовной ответственности [5, с. 71].

С большой долей вероятности прогнозируется, что вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц в ближайшее время станет актуальным и для Российской Федерации, для чего имеются социально-экономические и международно-правовые предпосылки [6, с. 55; 429]. В Следственном комитете Российской Федерации разработан и предложен вниманию общественности законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [7].

В обоснование необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве часто приводятся международные стандарты, которые изложены в трех Конвенциях. Анализ

их содержания в обозначенном аспекте и определил содержание данной публикации.

Статья 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [8] обязывает Российскую Федерацию принять такие меры, какие, с учетом ее правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями 5, 6, 8 и 23 Конвенции. При условии соблюдения правовых принципов государства ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной.

Статья 26 Конвенции ООН против коррупции [9] определяет, что «каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной».

Таким образом, приведенные положения Конвенций не обязывают Российскую Федерацию вводить именно уголовную ответственность в отношении юридических лиц, поскольку не соответствуют традиционной уголовно-правовой доктрине личной виновной уголовной ответственности.

В соответствии со статьей 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [10] «каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности *в связи с совершением уголовных правонарушений*, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе: выполнения представительских функций от имени юридического лица; или осуществления права на принятие решений от имени юридического лица; или осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; а также в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя» (курсив мой. — М.Г.). В отличие от предыдущих, эта Конвенция более точно указывает на необходимость ввести уголовную ответственность в отношении юридических лиц. Однако ответственность в связи с совершенным преступлением не всегда является уголовно-правовой.

Функция мониторинга за выполнением положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию возложена на Группу стран по борьбе с коррупцией или ГРЕКО (Group of States against Corruption, GRECO). 15 марта 2013 года ГРЕКО опубликовала Сводный доклад, из которого следует, что за предшествующие 18 месяцев РФ достигла значительных результатов — в антикоррупционной сфере были приняты 14 федеральных законов, 750 других нормативных правовых актов, в том числе 11 указов Президента РФ. В качестве позитивного фактора в борьбе с коррупцией стала централизация уголовного преследования по коррупционным делам в рамках Следственного комитета Российской Федерации. В дополнении к докладу о выполнении рекомендаций отражено, что Россия из 26 принятых на себя обязательств 15 успешно выполняет, в то время как 11 рекомендаций признаны «частично выполняемыми». В числе последних были указаны рекомендации № 4 и № 24 [11].

Первая из них содержит требование по установлению режима исключительного уголовного преследования за коррупционные преступления. В документе указывается, что составы коррупционных преступлениях до сих пор предусмотрены иными отраслями законодательства, в том числе в административной. В противоречие этому ГРЕКО поприветствовала изменения, внесенные в ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», и признала, что преступления активного взяточничества, совершенные в интересах или в пользу юриди-

ческого лица, «по всей видимости, охвачены пересмотренными положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и что в этом отношении были обеспечены достаточно эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции».

Рекомендация № 24 закрепляет ответственность юридических лиц, причастных к коррупционным деяниям. В плане ее выполнения Российской Федерацией ГРЕКО признает, что «Конвенция не налагает обязательство об установлении уголовной ответственности; однако она обязывает государства учредить некую форму ответственности за уголовные преступления коррупционного характера». Она также приветствует прецедентное решение Конституционного Суда РФ [12], которым устанавливается четкая практика предания суду и физического, и юридического лица за совершение одного и того же акта коррупции. Тем не менее ГРЕКО пришла к выводу о том, что данная рекомендация остается частично выполненной, поскольку «по всей видимости, властями не было предпринято никаких конкретных шагов, направленных на установление ответственности юридических лиц за преступления, связанные с «использованием служебного положения в корыстных целях» и отмыванием денег, как того требует Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» [13]. Таким образом, Совет Европы предпринимает дополнительные меры, направленные на внедрение уголовной ответственности юридических лиц. Это проявляется не столько в ужесточении требований конвенций, сколько в практике их применения.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что согласно пунктам второму и третьему статьи 19 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, каждая Сторона обязана обеспечить, чтобы в отношении юридических лиц, привлеченных к ответственности, применялись эффективные, соразмерные и сдерживающие уголовные *или неуголовные санкции, в том числе финансового характера* (курсив мой. — М.Г.). Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с Конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам.

Анализируя санкционные и иные меры, представляющие собой содержание уголовной ответственности и являющиеся, по своей сути, воплощением принципа справедливости в контексте Конвенции, возможно прийти к выводу, что предпосылки для ее реализации в России существуют в настоящее время. В качестве таких предпосылок следует выделить ч. 3 ст. 104[1] УК РФ, согласно которой имущество, переданное осужденным другому лицу, в том числе организации, подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Реализация ст. 19.28 КоАП РФ также предусматривает возможность оперативного принятия мер со стороны прокурора к юридическим лицам в связи с совершением преступления коррупционного характера, в том числе при решении вопроса о возбуждении уголовного дела о них. Такие меры эффективны, соразмерны и оказывают сдерживающее воздействие, что в полной мере соответствует международным стандартам.

С учетом изложенного можно утверждать, что жесткая позиция ГРЕКО, указывающая на невыполнение Российской Федерацией обязательств по введению института уголовной ответственности юридических лиц, в отсутствие точных конвенционных положений об этом, представляется не вполне оправданной, на что ранее обращалось внимание [14, с. 10].

Список литературы

1. *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. 40 с.

2. *Келина С.Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи: сборник статей. М., 1994. С. 50—60.

3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. 560 с.

4. *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной от-

ветственности М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 204 с.

5. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012. 312 с.

6. *Федоров А.В.* Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 429—433; *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 55—63.

7. Законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» — (http://sledcom.ru/document/1133).

8. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м Пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Текст]: [ратифицирована Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ] // (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

9. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м Пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Текст]: [ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ] // (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

10. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) [Текст]: [ратифицирована Федеральным законом от 25.07.2006 № 125-ФЗ] // (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

11. *Примаков Д.* Новый отчет ГРЕКО по России — (http://transparency.org.ru/v-rossii/novyi-otchet-greko-po-rossii).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 № 674-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Добрынина Дмитрия Станиславовича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Текст] // (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

13. Дополнение к докладу о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО. Принято ГРЕКО на 58-м Пленарном заседании (Страсбург, 3—7 декабря 2012 года). С. 37—41.

(http://genproc.gov.ru/anticor/doks/greco071212.pdf).

14. *Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я.* Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 5—12.

УДК 343.1
ББК 67.411

АМИНОВ Давид Исакович,
доктор юридических наук,
профессор

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор

К ВОПРОСУ О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ ОСНОВАНИЙ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотации. *В данной статье рассматриваются проблемные вопросы при осуществлении уголовного судопроизводства в России. Предлагаются способы их устранения.*

Ключевые слова: *судья, следователь, адвокат, преступление, состязательность, Уголовный кодекс.*

Annotations. *This article discusses the problematic issues in the implementation of criminal justice in Russia. Suggests ways to address them.*

Keywords: *judge, investigator, lawyer, crime, competing-FAD Criminal Code.*

Наверное, тезис о важности соблюдения принципа независимости всех ветвей власти уже кому-то набил оскомину. И все же справедливости ради следует подчеркнуть, что данный постулат, сформулированный еще мыслителями серебряного века, не только прошел многовековую проверку, но и с каждой новой эпохой раскрывает все больше своих граней.

При бесспорной важности реализации упомянутого принципа постановка данного вопроса, применительно к власти судебной, представляется наиболее существенной. Такая категоричность в суждениях, очевидно, должна быть аргументирована, и лучше всего это сделать через сопоставительный анализ. В частности, проявления «зависимости» в деятельности иных ветвей власти нередко «тонут» в многообразии повседневной жизни. На социальных отношениях они сказываются лишь опосредованно, а негативные последствия, как правило, наступают с определенной задержкой.

Совершенно иную картину можно наблюдать в сфере правосудия. Как показывает практика, характер социальных отношений именно в этой сфере наиболее контрастно формирует представление граждан о сложившемся в их стране уровне социальной справедливости. Иллюстрацией сказанному могут служить многочисленные случаи массовых беспорядков, возникающих как протест населения при несовпадении их ожиданий и принимаемыми по конкретным уголовным делам решений со стороны органов правосудия.

И все же истинное значение идеи независимости судебной власти, независимо от гражданства, вероисповедания, социального статуса и уровня благосостояния, индивиду становится понятно лишь в ситуации, когда этот индивид остается один на один с неумолимой государственной «машиной». В тех же случаях, когда данная ветвь власти приобретает гипертрофированные формы, тогда уже никто не может быть застрахован от «расправы» с использованием судебной власти.

Очевидно, именно такого рода ситуации отражает известная русская поговорка – *от тюрьмы и от сумы не зарекайся*. Даже чиновник, по какой-то причине вдруг выпавший из иерархической «обоймы», в одночасье теряет свой пресловутый негласный иммунитет. Такие метаморфозы судьбы могут сделать и его совершенно беззащитным перед отечественной судебной властью.

В то же время данный феномен зарождается и мимикрирует всегда лишь благодаря «усилиям» самого чиновника. Важное место здесь отводится действию «телефонного» права. Данное квазиправо, несмотря на все заявления о необходимости борьбы с коррупцией и реформирования отечественной судебной системы, успешно реализует интересы чиновников. Вот только в зону поражения этого права, к сожалению, чаще всего попадает простой обыватель.

Ознакомление с данными официальной статистики показывает, что в российских судах подавляющее число приговоров по уголовным делам завершается назначением наказаний, сопряженных с лишением свободы. Количество же оправдательных приговоров при этом ничтожно мало — 0,7%. Для сравнения медиана оправдательных приговоров в Европе составляет около 15—20%; в дореволюционной России составляла — 25— 30%. И что весьма иллюстративно, в период Великой Отечественной войны по суду оправдывались до 7% подсудимых.

Если исключить дела частного обвинения (жалобы граждан в суд на побои и клевету)[1], то примерно 20 тыс. судей в год не выносят ни одного оправдательного приговора. В среднем по стране один судья на протяжении десяти лет своей правозащитной деятельности может вынести лишь один оправдательный приговор. В противовес представленной, по сути, печальной статистике — есть и другие данные. Например, за 20 лет работы среднестатистического адвоката, последний добивается (если повезет) лишь одного оправдательного приговора.

Ряд ярых сторонников сложившейся следственно-судебной системы (зачастую это чиновники от правоохранительных и правоприменительных органов) в публикациях СМИ демонстрирует крайнюю убежденность в том, что оправдательные приговоры — это ничто иное как показатель «брака» работы их ведомств. Несмотря на явную абсурдность подобного рода идеологических штампов, в качестве доводов тиражируются одни и те же аргументы. Такие как: якобы оправдательные приговоры наносят непоправимый урон имиджу государственной власти; или (что еще более цинично) якобы оправданный, несмотря на соответствующий приговор суда, уже не в состоянии впоследствии в полной мере социализироваться и пр. Напрашивается еще более абсурдный вывод, тогда виновен или нет, пусть лучше это лицо отбывает наказание.

Деятельность следственно-судебной системы, как в кривом зеркале, отражается от упомянутой весьма циничной идеологии. Вследствие чего общество получает весьма низкий «коэффициент полезного действия» такой системы.

Выправление ситуации видится, во-первых, через возвращение соответствующей системе нормального «человеческого обличья», предполагающего, что перед данной системой может стоять только одна задача — защита прав и законных интересов человека и гражданина; во-вторых, через сведение на нет действия пресловутого «телефонного права».

Соблюдение даже названных условий в деятельности органов правосудия и правоохранительных ведомств самым непосредственным образом способствовало бы повышению их работоспособности, в частности: 1) освобождало бы ведомства от участия в чиновничьих «играх»; 2) ощутимо возрос бы уровень доступности правосудия населению; 3) укрепилась бы уверенность населения в возможности отстаивания своих прав и законных интересов; 4) со стороны граждан активизировалась бы помощь органам власти в борьбе с преступностью; 5) заметно снизилась бы нагрузка на государственный административный аппарат, вследствие активизации внутренних резервов борьбы с преступлениями, которыми обладают сами общественные организации и предпринимательские структуры и т.д.

[1] Именно по этим делам суды осуждают рекордно низкое количество человек. А оправдывают рекордно высокое.

Вместе с тем «пороки» существующей следственно-судебной системы обусловлены не только упомянутыми организационными факторами. Усугубляет ситуацию и иное. В частности, «перемалывание» людских судеб происходит потому, что деятельность упомянутой системы опирается на потерявшие в последние десять лет законодательных «реформ» научную обоснованность и стройность Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Названные нормативные правовые акты отличаются крайней репрессивностью. Такой вывод напрашивается, если провести даже пилотажное сравнение с законами, действовавшими в бытность СССР.

Нет никаких сомнений в том, что борьба с преступностью для любого общества имеет ключевое значение. Без этого нет и не может быть нормального поступательного развития как личности, так и государства. Вместе с тем даже первокурсник юридического вуза хорошо осведомлен о принципиальном различии между понятиями «борьба с преступностью» и «борьба с преступником», а также тем широчайшим спектром основополагающих идей и принципов, скрывающихся за этими понятиями.

Очевидно, нет необходимости еще и еще раз доказывать, что «борьба с преступником» не допустима. И здесь вовсе не идет речь о гуманизме как проявлении слабости власти. Напротив, этот тезис из числа проявлений жесткого прагматизма. Совершенно очевидно, что необходимо во главу угла ставить защиту прав и законных интересов личности.

Лишь тогда, когда органы государственной власти неукоснительно следуют провозглашаемым принципам, устанавливая водораздел между упомянутыми понятиями, можно говорить о соблюдении такого важнейшего институционального принципа, как независимость судебной власти. В чем же эта важность заключается? Ответ вполне очевиден. Без независимой судебной власти ни о каком формировании полноценного гражданского общества в стране не может быть и речи. В свою очередь, ни армия, ни полиция не могут заменить в стране институты гражданского общества. Указанное достаточно контрастно иллюстрирует история не только нашей страны, но и ряда иных стран, со всеми их «цветными» революциями. Очевидно, только названные институты обладают свойством единения общества. Сегодня в период информационной и «санкционной» войн, развязанных странами Запада в отношении России, становится отчетливо понятно, насколько оказывается важны, даже для самой власти упомянутые институты.

Следовательно, остается только одно – создавать все необходимые условия для формирования гражданского общества. Вместе с тем отмеченная искомая субстанция, без реально независимого суда, ни существовать ни развиваться как теоретически, так и практически не способна. Причиной тому – невозможность, в противовес интересам чиновников, в полной мере отстаивать свои права и законные интересы как отдельной личности, так и социальным группам, соответственно и социуму в целом.

Коль скоро указанное является институциональной составляющей поступательного развития общества и государства, остается открытым вопрос, а что же требуется для обеспечения реализации принципа независимости судебной власти? Очевидно, важнейшим обстоятельством здесь было и остается неукоснительное следование принципу состязательности процесса. Названная основополагающая идея, провозглашенная много веков назад, в российских судах приобрела, к сожалению, форму декорации.

В частности, о какой состязательности может вестись речь при фактической репрессивной психологии подавляющего большинства представителей судейского сообщества. Стало, скорее, уже правилом, чем исключением, когда почти автоматически судья всегда становится на сторону представителей государственного обвинения.

Другим не менее иллюстративным индикатором является также характер восприятия сотрудниками названных ведомств деятельности адвоката. К сожалению, воспринимается это всегда как досадный фактор, мешающий им реализовывать возложенную на них «великую» миссию борьбы с преступностью. И таких индикаторов множество.

Совершенно бесспорно, что институт адвокатуры является ключевым в обеспечении принципа состязательности в судопроизводстве. Придав ему новый статус, можно преодолеть гипертрофированные формы целого

ряда социальных пороков (коррупция, экстремистские и террористические проявления, кризис власти, неразвитость среднего класса и пр.). На наш взгляд, упомянутые пороки являются серьезным бременем для поступательного развития нашей страны.

Нет никаких сомнений в том, что адвокатура должна стать полноправной стороной уголовного судопроизводства. А это возможно лишь в том случае, когда будут серьезно расширены границы, а также поднят на совершенно иной уровень институт адвокатского расследования. При соблюдении ряда этических требований и норм закона его проведение параллельно с предварительным расследованием, осуществляемым следствием и дознанием, способствовало бы реальному конкурированию в уголовном процессе защитника со стороной обвинения. Такая расстановка сил позволяла бы в ходе судебного рассмотрения дела в полной мере проверять «на прочность» представленные суду как следователем, так и защитником доказательства по соответствующему делу. При этом, если все же в качестве доказательств показания подсудимого и свидетелей в какой-то мере используются сторонами обвинения и защиты в равной степени, то когда речь заходит об использовании иных видов доказательств — налицо явная дискриминация стороны защиты. В частности, по доказательствам, отражающим исследование вещественных доказательств и оформляемых актами судебных экспертиз, у стороны обвинения имеются явные преимущества.

Как известно, ст. 196 УПК РФ предоставляет возможность только следователю (в отдельных случаях с разрешения суда — ч. 2 ст. 29 УПК РФ) назначать производство судебных экспертиз. Сторона защиты может довольствоваться лишь актами исследований, не относящихся, согласно УПК РФ, к числу доказательств. Следовательно, акты исследований могут не приниматься в расчет судом, когда требуется принять соответствующее судебное решение. Налицо явная дискриминация деятельности адвоката. Отмеченное, в свою очередь, влечет явную декларативность провозглашаемого уголовным законом принципа виновной ответственности лица.

Иллюстрацией сказанному может служить давняя традиция наших судебных органов, касающаяся избираемой меры наказания. В частности, если подозреваемому (обвиняемому) первоначально была избрана мера пресечения, связанная с лишением свободы, то в таком случае, близко к 100%, приговор будет в виде наказания с отбытием реального срока лишения свободы. Если учесть, что на момент принятия решения о мере пресечения совершенно неясны обстоятельства дела, то возникает вопрос, чем же можно объяснить такую закономерность? Очевидно, «круговой порукой чиновников», стремлением «защитить честь мундира», неправильно понимаемыми «интересами правосудия». И все же на первом месте — боязнь чиновника ответственности — дисциплинарной либо уголовной.

Все отмеченное, в конечном счете, ставит крест и на таких основополагающих принципах, как состязательность процесса и независимость судебной власти.

Соответствующий явный пробел уголовно-процессуального законодательства ставит «с ног на голову» ряд основополагающих конституционных принципов судебной защиты прав и законных интересов личности человека и гражданина.

Подводя итоги, представляется весьма значимым:

1) формировать и реализовывать политическую волю, способную «оздоровить» идеологию чиновника относительно роли судопроизводства в стране;

2) раз и навсегда положить конец действию «телефонного права» в сфере правосудия;

3) значительно поднять статус института адвокатского расследования;

4) внести в УПК РФ поправки, предоставляющие право назначать судебную экспертизу не только следователю и суду, но и адвокату;

5) для работы в условиях реальной состязательности между стороной защиты и обвинения поднять профессиональный уровень представителей стороны обвинения.

УДК 343.1
ББК 67.411

ЗУЕВ Сергей Васильевич,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Уральского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: zuevsergej@inbox.ru

Рецензент: И.Н. Пустовая, доцент кафедры УПД ЮУрГУ,
кандидат юридических наук, доцент

НЕГЛАСНЫЕ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА[1] В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

***Аннотация**. Анализ российского уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что понятие «негласные формы» присуще уголовному судопроизводству и является его неотъемлемой частью. Автор определил взаимосвязь развития негласных форм в расследовании преступлений. Особенно это характерно для дознания, осуществляемого полицией согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года, и современного расследования преступлений. На основании проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства по применению негласных форм в уголовном судопроизводстве в ходе расследования преступлений.*

***Ключевые слова:** негласные формы, уголовное судопроизводство, развитие, устав, розыск, расследование преступлений.*

***Annotation**. Analysis of the Russian criminal procedure legislation allows us to conclude that the term «tacit forms of» inherent in criminal proceedings and are an integral part thereof. The author has determined the relationship of covert forms in the investigation of crimes. This is typical for interrogation by the police under the Charter of ongoing criminal proceedings in 1864, and the modern crime investigation. Based on the study formulates proposals to improve the existing legislation on the use of covert forms in criminal proceedings in the investigation of crimes.*

***Keywords**: unspoken form, criminal justice, development, regulations, detection, investigation of crimes.*

На Уставе уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года Император российский начертал: «Быть по сему», и с тех пор была открыта кодифицированная законодательная эра уголовного процесса России. Принятию данного документа предшествовала многолетняя и кропотливая работа отечественных юристов, которые тщательно изучили и проанализировали опыт стран Западной Европы. Россия приобщилась к романо-германской системе уголовного судопроизводства, отчасти переняв процессуальные правила производства по уголовным делам. Одновременно учитывалась сложившаяся в России самобытность, мировоззрение, правовые традиции и обычаи народа.

Устав уголовного судопроизводства (далее — Устав) по праву можно считать первым Уголовно-процессуальным кодексом, который комплексно и полноценно регламентировал порядок производства по уголовным делам. Многие принципиальные положения Устава сохранили свое юридическое значение до нашего времени, различные институты получили свое развитие в современном праве. Наблюдается преемственность правовых норм, влияние исторического наследия на правовое сознание юристов XXI века.

Негласные формы уголовного судопроизводства в Уставе 1864 года стали неотъемлемой частью российской правовой системы. Это связано с тем, что раскрытие и расследо-

[1] Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернет. М., 1914. Вып. 3.

вание «неочевидных» преступлений или розыск подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия или дознания, невозможно без использования негласных средств и методов полиции. Сегодня это вылилось в развитие самостоятельной правовой науки «оперативно-розыскная деятельность».

Отдельные элементы негласных форм уголовного судопроизводства находят отражение и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). Это относится и к отдельным следственным действиям (контроль и запись переговоров; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), при которых используются негласные методы получения информации. Я.М. Мазунин справедливо добавляет к этому списку еще негласный характер направления следователем (дознавателем) различных запросов (справки о заболеваниях, регистрации по месту жительства, месте работы, образовании, судимости и т.д.)[2].

К негласным формам современного уголовного процесса можно также отнести присвоение псевдонима потерпевшему и свидетелю; отобрание подписки о неразглашении данных предварительного расследования; проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Кроме того, в УПК РФ имеется ряд статей, определяющих возможность использования оперативной информации или результатов оперативно-розыскной деятельности. Это имеет прямое отношение к порядку возбуждения уголовного дела; избранию мер пресечения; применению мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства; а также к доказыванию по уголовным делам.

Некоторые статьи Устава 1864 года стали основой развития негласных форм уголовного судопроизводства в России.

Прежде всего надо отметить разделение в Уставе предварительного расследования на дознание и предварительное следствие. При этом следует учитывать, что законодатель в разные исторические периоды понимал под дознанием различную по своей сущности деятельность — от установления признаков преступления до формы расследования[3].

В словарях русского языка «дознавать» означает «допытываться, узнавать, разузнавать, разведывать, доведываться, разыскивать, подходить розыском, осведомляться»[4]; «точно разузнать, удостовериться в чем-нибудь»[5]; «выведать, выяснить»[6].

Дознание второй половины XIX столетия находилось в ведении полиции и, по сути, являлось первоначальной стадией предварительного расследования и всего уголовного судопроизводства. На этой стадии осуществлялось «собрание фактических данных, устанавливающих, какому именно преступлению соответствует исследуемое деяние, обнаружение виновного и выяснение обстоятельств, при которых совершилось преступление»[7].

Порядок производства дознания Уставом не определялся и предоставлялся полиции в зависимости от обстоятельств. Ввиду того, что установление факта преступления связывалось с розыском лица, его совершившего, действия полиции должны были быть оперативными, но в то же время тайными. «Быстрота действий, негласность и способность к обнаружению признаков преступного деяния — вот те качества, которые требуются от органов дознания»[8].

Характеризуя дознание в дореволюционном русском уголовном процессе, И.Я. Фойницкий писал: «...оно не имеет дела с судебными формами и обрядами... представляет

---

[2] *Мазунин Я.М.* О соотношении оперативно-розыскной и следственной деятельности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (1—2 ноября 2013 года): в 2 ч. Тюмень, 2013. Вып. 10. Ч. 2. С. 162.

[3] *Вандышев В., Малинин В., Александрова О.* Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. 2012. № 4. С. 63.

[4] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 454.

[5] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. С. 744.

[6] Словарь русского языка / под общ. ред. С.Л. Обнорского. М., 1953. С. 146.

[7] *Давыдов Н.В.* Уголовный процесс. М., 1907. С. 107.

[8] *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. М., 1997 (напечатано по изданию 1912 г.). С. 108.

деятельность не судебную». Излагая далее причины, по которым дознание не проводится в процессуальных формах, он утверждал: «Успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия»[9].

Полиция имела в своем распоряжении большой арсенал средств. Ее работа отличалась большей оперативностью, нежели работа судебного следователя, что объяснялось разветвленным аппаратом агентуры[10].

Относительно расследования преступлений полицейское дознание имело две формы, почти одинаково важные: первоначальное дознание — до передачи материала судебному следователю (ст. 252 Устава) и вспомогательное дознание — во время производства предварительного следствия, по инициативе полиции или по поручению следователя (ст. 255, 271 Устава).

Некоторые авторы выделяют в дознании три вида деятельности полиции: 1) производство следственных действий, не терпящих отлагательства, при наличии признаков преступления и невозможности следователя приступить к расследованию; 2) установление факта совершения преступления (в том числе и негласными методами); 3) расследование дел о малозначительных преступлениях, не грозящих обвиняемым лишением или ограничением прав с возбуждением уголовного преследования непосредственно перед судом[11]. Однако последний вид, скорее, не связан с уголовным преследованием. Очевидно, это аналог современного административного производства.

Таким образом, дознанию свойственны были разные функции, основной из них, как представляется, была обеспечительная по отношению к дальнейшему расследованию. Основывалась она на сочетании оперативно-розыскных и процессуальных средств. Конечно, в настоящее время для дознания не характерно применение розыскных мер. Однако в виде исключения можно указать, что сегодня дознаватели органов Федеральной службы судебных приставов вынуждены выполнять эту роль, так как в структуре данной службы не предусмотрены самостоятельные подразделения розыска. В связи с этим эту работу проводят или органы полиции (по поручению и на основе личных контактов), или сами дознаватели.

Особое внимание заслуживают взаимоотношения судебного следователя с полицией. Устав, формально отделив дознание от предварительного следствия, по существу, закрепил за судебным следователем руководящую роль, а за полицией — обязанность розыска лица, совершившего преступление. Полиция действиями своими по производству предварительного следствия должна оказывать деятельное пособие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела (ст. 483 Устава).

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 39 УПК РФ следователь также вправе давать органу дознания поручения, направленные на оказание содействия расследованию. Однако в качестве органа дознания по современному закону может выступать не только полиция, но и другие правоохранительные органы (ст. 40 УПК РФ). Кроме того, выполнение оперативно-розыскных мероприятий возложено на различные подразделения государственных органов (ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»)[12], включая оперативные подразделения органов внутренних дел РФ;

- органов Федеральной службы безопасности (см. текст в предыдущей редакции);
- Федеральных органов исполнительной власти в области государственной охраны (см. текст в предыдущей редакции);
- таможенных органов РФ;
- службы внешней разведки РФ;
- Федеральной службы исполнения наказаний;
- органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

[9] Цит. по: *Коротков А.П.* Закономерности исторического развития и современные проблемы модернизации форм предварительного расследования // Российский следователь. 2010. № 15. С. 27—29.

[10] *Коротких А.М.* Правовые основы деятельности органов предварительного расследования в России по Судебным уставам 1864 года // Российский следователь. 2007. № 11. С. 37.

[11] *Вандышев В., Малинин В., Александрова О.* Указ. соч. С. 70.

[12] Российская газета. 1995. 18 августа.

Согласно ст. 254 Устава при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирала посредством розысков, словесных расспросов и негласных наблюдений. Это, своего рода, оперативно-розыскные мероприятия. На сегодня этот перечень гораздо шире и включает в себя:

- наведение справок;
- сбор образцов для сравнительного исследования;
- проверочную закупку;
- исследование предметов и документов;
- наблюдение;
- отождествление личности;
- обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- прослушивание телефонных переговоров;
- снятие информации с технических каналов связи;
- оперативное внедрение;
- контролируемую поставку;
- оперативный эксперимент (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Вместе с тем опрос и наблюдение остаются наиболее востребованными правовыми средствами негласного характера по различной категории уголовных дел. Однако надо еще раз отметить, что подробная регламентация их проведения на сегодня находит отражение вне сферы уголовного судопроизводства и регламентируется отдельным Федеральным законом.

Результаты деятельности полиции на практике оформлялись в виде актов. При этом они не имели доказательственного значения, а служили «подсобным материалом» для производства предварительного следствия следователем. Полиция собирала не доказательства, а только сведения о них. Более того, Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и в особенности подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, если оно не подтверждено в присутствии суда, не имеет доказательственного значения[13]. Только протоколы, составленные следователем, являющимся представителем судебной власти, могли зачитываться в суде, а установленные в них факты признаваться доказательствами по делу. Однако из данного правила имелось исключение. Согласно ст. 258 Устава в тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся преступление, а также во избежание утраты следов преступного деяния до прибытия на место происшествия следователя она (полиция) заменяла последнего. При этом ею могли проводиться следственные действия, не терпящие отлагательства, такие как осмотр, освидетельствование, обыск и выемка. В такой ситуации протоколы, вынесенные при производстве дознания, имели доказательственное значение. После завершения дознания полиция передавала его судебному следователю.

В настоящее время вопрос об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств также не находит законодательного разрешения. Вместе с тем в приговорах судов акты, составленные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, видеозаписи, полученные негласным способом, указываются как доказательства. Это противоречие между законом и практикой остается пока не разрешенным.

Я.М. Мазунин считает, для того, чтобы придать результатам оперативно-розыскной деятельности статус доказательств, необходимо негласным приемам и способам собирания сведений (доказательств) придать уголовно-процессуальную природу, т.е. урегулировать их уголовно-процессуальным законом. А.М. Баранов, в продолжение этого, отметил: «в сознании юристов исчезнет основание, препятствующее использованию в качестве доказательств сведений, полученных в результате негласного собирания доказательств (получаемых сегодня в рамках ОРД)»[14].

А.Ф Волынский обращает внимание, что ни в одной из западноевропейских стран нет столь категоричного и искусственного разграничения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а в некоторых из них исторически сложилось и нашло законодательное закрепление так называемое

[13] *Матусевич Г.В.* Институт возбуждения уголовного дела. История развития // Закон. 2003. № 9. С. 91.

[14] *Баранов А.М.* Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2006. С. 164.

полицейское расследование, в котором органически сочетаются гласные и негласные методы и средства получения доказательств, но под действенным контролем судебных органов[15].

На Украине, например, с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса сегодня предпринимаются решительные шаги по преодолению жесткой границы между уголовно-процессуальными и оперативно-розыскными средствами раскрытия и расследования преступлений[16].

В России еще в Уставе 1864 года уголовное судопроизводство включало в себя элементы негласных методов розыска и поэтому проблема современного права в воссоединении двух сфер правового воздействия на преступность должна найти поддержку ученых и практиков и отразиться в единой процессуальной материи.

В. Мордухай-Болотский, товарищ председателя Смоленского окружного суда, в составленном им в 1785 г. сборнике узаконений[17] о тактике проведения негласного дознания пишет: органами полиции в случае получения ими известия о преступлении по слуху (народной молве) излагается, что в случае негласного дознания по данному факту полиция отнюдь не должна приглашать посторонних людей в качестве понятых или свидетелей. Нужно твердо помнить, что, когда производится дознание, необходимо строго соблюдать негласность, так как если о дознании знает хотя бы один лишний человек, то это уже может быть вредно. По его же мнению, «это требование закона не всегда исполнялось полицейскими чинами, между тем как точнейшее исполнение законом указанного способа производства дознания безусловно необходимо. Некоторые полицейские чины, как бы опасаясь, что составленные ими одними протоколы не будут иметь достаточной веры, для доказательства справедливости ими записанного в протокол приглашали несколько посторонних свидетелей, которых, а также расспрошенных, заставляли подписывать составленные протоколы. Бывали на практике примеры, что для опроса подозреваемого или свидетеля полицейские чины вызывали их к себе в полицейские управления или участки повестками. Подобные действия, конечно, не составляют негласного дознания, почему не только полезны для хода дела, но положительно вредны. ...при дознании составляет необходимейшее условие... гласный расспрос подозреваемых при посторонних лицах, приглашенных понятыми, а также свидетелей ведет к тому, что преступление, сделанное каким-либо смелым и искусным лицом, никогда не обнаружится... ...преступник старается скрыть следы преступления... ...если он узнает, что полиция расследует его преступление, естественно, ему придет желание затемнить истину, спутать полицию в ее действиях собственными рассказами о небывалых вещах или даже в случае надобности он войдет в стачку со свидетелями, которые тоже исказят факты.»[18].

Проблема и в настоящее время является актуальной для проведения оперативно-розыскных мероприятий, многие из которых характеризуются привлечением посторонних граждан, по аналогии с участием понятых при производстве следственных действий. В законе этот вопрос не урегулирован.

Подводя итог, хочется заметить, что негласные формы уголовного судопроизводства, нашедшие отражение в Уставе 1864 года, в настоящее время продолжают свое развитие. Наблюдается очевидная преемственность правовых норм и одновременно расширение применения правовых средств в данной сфере. Отмечая в целом положительную динамику развития процессуальных норм, совершенствование действующего законодательства требует концептуального подхода в плане разработки правовой регламентации комплексного применения негласных форм уголовного судопроизводства. Представляется, что оперативно-розыскные средства могли бы

[15] *Волынский А.Ф.* Уголовное судопроизводство, задачи и социальные функции криминалистики в его реформировании // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: вопросы современной криминалистики: сб. статей. М., 2004. Ч. 2. С. 5.

[16] http://www. iuaj.net/node/1099

[17] *Мордухай-Болотский В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства, касающихся обязанностей полиции. СПб., 1880. С. 69—71.

[18] Цит. по: *Смирнов М.П.* Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учебное пособие (постатейный). 5-е изд., расширенное и перераб. // СПС «КонсультантПлюс», 2012.

рассматриваться их неотъемлемой частью и разрушить сложившийся стереотип разделения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, реализующихся в рамках единого уголовного преследования лиц, совершивших преступления.

Список литературы

1. *Баранов А.М.* Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам. Омск, 2006. С. 164.

2. *Вандышев В., Малинин В., Александрова О.* Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. 2012. № 4.

3. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. М., 1997 (напечатано по изданию 1912 г.).

4. *Волынский А.Ф.* Уголовное судопроизводство, задачи и социальные функции криминалистики в его реформировании // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: вопросы современной криминалистики: сб. статей. М., 2004. Ч. 2.

5. *Давыдов Н.В.* Уголовный процесс. М., 1907.

6. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

7. *Коротких А.М.* Правовые основы деятельности органов предварительного расследования в России по Судебным уставам 1864 года // Российский следователь. 2007. № 11.

8. *Коротков А.П.* Закономерности исторического развития и современные проблемы модернизации форм предварительного расследования // Российский следователь. 2010. № 15. С. 27—29.

9. *Мазунин Я.М.* О соотношении оперативно-розыскной и следственной деятельности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (1—2 ноября 2013 года): в 2 ч. Вып. 10. Ч. 2. Тюмень, 2013.

10. *Матусевич Г.В.* Институт возбуждения уголовного дела. История развития // Закон. 2003. № 9. С. 91.

11. *Мордухай-Болотский В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства, касающихся обязанностей полиции. СПб., 1880. С. 69—71.

12. Российская газета. 1995. 18 августа.

13. Словарь русского языка / под общ. ред. С.Л. Обнорского. М., 1953.

14. *Смирнов М.П.* Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: учебное пособие (постатейный). 5-е изд., расширенное и перераб. // СПС «КонсультантПлюс», 2012.

15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935.

16. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернет. М., 1914. Вып. 3.

17. http://www. iuaj.net/node/1099

УДК 343.150.1
ББК 67.7

МИХАЙЛОВСКАЯ Инга Борисовна,
заведующий сектором проблем правосудия
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

СТАНДАРТЫ КАЧЕСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ЗАДАЕТ СУД[1]

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Статья посвящена одной из сложнейших проблем управления уголовно-процессуальной деятельностью — проблеме оценки результатов работы следователя и роли суда в повышении качества следственной деятельности.*

Ключевые слова: *следователь, суд, качество предварительного следствия, управление, оценка.*

Annotation. *The article is devoted to one of the most difficult management problems of criminal procedural activities — the problem of assessing results of the work of the investigator and the court's role in improving the quality of investigative activity.*

Keywords: *the investigator, the court, the quality of the preliminary investigation, management, assessment.*

Критерии, по которым оценивается качество какого-либо вида деятельности, зависят от степени формализации ее правил (т.е. количественного выражения как достигнутого результата, так и постановленной цели).

Но есть сферы человеческой деятельности, где невозможно выразить цель в количественных показателях. Более того, попытки сделать это могут вызвать (и вызывают) сбой в функционировании организации (фальсификация отчетных данных, подстраивание результатов деятельности под заданные целью параметры и др.).

Таким образом, степень формализации цели определяет пределы количественного выражения достигнутого результата.

Поскольку любая социальная система — организация, а следственные органы являются именно таковой, построена иерархически, т.е. существуют вышестоящие и нижестоящие организационные звенья системы, что предопределяет наличие процессов управления.

Особенностью управленческих отношений в сфере правоохранительной деятельности является то, что они не могут нормативно регулироваться с достаточной полнотой. «Правовое регулирование не совпадает по объему воздействия на объекты. Во-первых, право регулирует не только управленческие, но и другие виды общественных отношений, а управление использует не только правовые средства управляющего воздействия... Значительная часть отношений, складывающихся в процессе управления, не регулируется, да и не может регулироваться правом. Во-вторых, право устанавливает лишь общие границы управленческой целесообразности»[2].

Помимо иерархического построения системы органов следствия, абстрактно-декларативной формулировки общей цели (назначения) уголовного судопроизводства, трудности с определением критериев оценки дея-

[1] Статья подготовлена к изданию заведующим кафедрой менеджмента деятельности следственного органа Академии СК России канд. юрид. наук Ю.А. Цветковым.

[2] Теория управления в сфере правоохранительной деятельности / под ред. В.Д. Малкова. М.: Академия МВД СССР. 1990. С. 89.

тельности следователя зависят и от стадийного движения уголовного дела. Последнее обусловливает смену оценивающих субъектов, в силу чего характер их выводов может быть различным.

Следует отметить также, что следственные органы не только являются компонентами собственной организационной системы, но и подсистемой системы уголовной юстиции, образующим фактором которой является уголовно-процессуальный закон.

В силу этого критериями оценки выступают как показатели, характеризующие организационную работу ведомства, так и качество принимаемых решений в ходе предварительного следствия. Последние являются основными и более сложно определяемыми аспектами качества следствия. Эта сложность зависит от ряда факторов, наиболее значимыми из которых являются следующие.

Во-первых, не определено желаемое состояние системы. Другими словами, это состояние будет достигнуто тогда, когда все уголовные дела, переданные в суд, завершатся обвинительным приговором. Или же достижение цели (желаемого состояния системы следствия) возможно и при определенном проценте оправдательных приговоров, постановлений о прекращении дела, внесений корректив в предъявленное обвинение, возвращений дел на дополнительное расследование.

Во-вторых, решение, принятое судом первой инстанции может быть отменено или изменено при рассмотрении дела вышестоящим судом. Поэтому возникает вопрос о необходимости корректировки первоначальной оценки качества следствия.

В-третьих, наличие в законе оценочных понятий (достаточность доказательств, вероятность уклонения обвиняемого от суда и следствия и т.п.) дают простор действию субъективного фактора, т.е. убеждению соответствующего должностного лица в правильности принимаемого решения.

В-четвертых, требования, предъявляемые ч. 4 ст. 7 УПК РФ к процессуальным решениям (законность, обоснованность и мотивированность) содержат только одно, которое имеет объективную основу — законность. Что же касается обоснованности и мотивированности, то они находятся в сфере действия субъективного фактора.

Несмотря на все отмеченные моменты оценка качества деятельности следственных органов необходима как на уровне всей системы и ее отдельных подразделений, так и конкретных сотрудников, поскольку без нее невозможно корректировать в нужном направлении функционирование системы. Кроме того, люди, деятельность которых определяет функционирование системы, нуждаются в оценке их работы, поскольку она является основой их служебной карьеры.

Поскольку, как упоминалось, процесс уголовного судопроизводства имеет стадийное построение, прохождение дела из стадии в стадию без каких-либо отклонений (возвращение дела на доследование, изменение предварительного обвинения, прекращение уголовного преследования), то это означает, что основная задача следствия выполнена, а деятельность следователя оценивается положительно.

Возможно, что и следователь, и суд приняли ошибочные решения, но исследование материалов дела каким-либо органом, находящимся вне рамок системы уголовной юстиции, задача явно утопическая. Поэтому процессуальная оценка судом результатов работы следователя остается единственным практическим реализуемым критерием.

Но между следователем и судом связь достаточно опосредованная. Между ними стоят руководитель следственного органа и прокурор. Руководитель следственного органа правомочен давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК), давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом указанных ходатайств, а также ряд других полномочий.

Обширный объем процессуальных полномочий руководителя следственного органа в сочетании с его организационными (управленческими) возможностями предполагает и его ответственность за качество следствия. Поэтому поступившее к прокурору дело представляет собой результат работы не только следователя, но и руководителя следственного органа. Другое дело, в какой пропорции распределяются их усилия по расследованию преступления и чье внутреннее убеждение возобладало.

Так или иначе, но руководитель следственного органа является первым «контрольным фильтром», оценивающим и корректирующим деятельность следователя. Вторым «фильтром» является прокурор, к которому поступает законченное расследованием уголовное дело. Только в случае утверждения им обвинительного заключения и принятия решения о направлении дела в суд последний получает возможность оценивать содержащиеся в нем материалы.

При этом прокурор вправе принять решение о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК).

Таким образом, и прокурор может вносить свой вклад в результаты расследования преступления, в силу чего предметом оценки суда является качество деятельности всех должностных лиц, представляющих сторону обвинения как на досудебных, так и в судебных стадиях процесса по конкретному уголовному делу.

Как уже упоминалось, требования, предъявляемые законом к любому процессуальному решению, сводятся к трем:

- законность (соответствие проведенных действий и принятых решений установленным законом правилам);
- обоснованность (соответствие выводов, содержащихся в обвинительном заключении, материалам уголовного дела);
- мотивированность (изложение доводов в пользу правильности принятого решения).

Казалось бы, что оценка судом законности проведенного следствия может рассматриваться лишь как сопоставление проведенных действий и принятых решений с установленными законом правилами, но это не совсем так. Во-первых, у следствия и суда может быть различное толкование закона, а, во-вторых, допущенные следствием нарушения могут быть оценены судом как несущественные, не влекущие процессуальных последствий, либо реакция суда, не затрагивая конечных результатов расследования, может ограничиться вынесением частного определения (ч. 4 ст. 29 УПК).

Несмотря на наличие некоторой доли субъективизма, оценка судом законности проведенного следствия, как уже упоминалось, имеет более объективную основу, чем другие критерии.

Обоснованность решения — наиболее сложный предмет оценки судом результатов предварительного следствия. Однако здесь необходимо отметить весьма важное обстоятельство. В отечественной юридической литературе оценка обоснованности решения рассматривалась в качестве итогового вывода о достаточности относимых и допустимых доказательств, лежащих в его (решения) основе [...][3].

Но независимо от круга обстоятельств, подлежащих судебной оценке, они могут быть разделены на две группы.

К одной из них относятся те действия и решения следователя, которые регулируются нормами закона, содержащими однозначное правило, т.е. не предоставляющие правоприменителю права выбора варианта поведения (правила подследственности, основания соединения и выделения уголовных дел, процессуальные сроки, обязательность рассмотрения ходатайств и др.).

Вторую группу составляют те действия и решения, которые регулируются нормами закона, допускающие несколько вариантов действий и решений правоприменителя.

[3] Отсутствующий фрагмент опубликован в качестве самостоятельной статьи. См.: *Михайловская И.Б.* Досудебное соглашение сторон о сотрудничестве: предмет судебной оценки по уголовному делу // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 16—18.

Оценивая качество следствия применительно к соблюдению норм УПК, относящихся к первой группе, суд решает вопрос о том, было ли допущено нарушение и могло ли оно повлиять на итог судебного разбирательства.

Оценка судом правильности принятого решения, реализующего нормы закона, входящие во вторую из указанных выше групп, гораздо сложнее. В таких нормах много неформализуемых понятий (достаточность доказательств, обоснованность заявленного ходатайства и др.), в силу чего особое значение приобретает субъективный фактор (внутреннее убеждение).

Суд может оценить результаты расследования как положительно, так и отрицательно. Но каждая социальная система требует организационной устойчивости и функциональной определенности. Поэтому, наряду с нормами закона, в системе вырабатываются правила, соблюдение которых необходимо для достижения цели.

Если цель участников процесса, осуществляющих уголовное преследование, состоит в вынесении судом обвинительного приговора, то они не могут не считаться с требованиями, предъявляемыми судом к качеству следствия.

Такого рода требования являются стандартами качества, которые вырабатываются судебной практикой, могут до определенной степени различаться в судах одного уровня и даже у различных судей одного и того же суда. Однако эти различия могут нивелироваться практикой вышестоящего суда, в силу чего нижестоящий суд оказывается в положении «оцениваемого».

Существование стандартов качества, соблюдение которых необходимо для стадийного движения уголовного дела, способствует единообразию следственной и судебной практики, хотя различия порой весьма существенные и неизбежно сохраняются.

Проблема критериев оценки следствия вновь придает актуальность определению приоритета — что имеет первостепенное значение: строгое соблюдение установленной процедуры или достоверное установление фактических обстоятельств дела.

Приоритет процедуры в ее крайней форме означает уверенность в том, что строгое соблюдение предписанных законом правил гарантирует правильность принятого решения.

Достоверное установление фактических обстоятельств дела также имеет свою крайность, которая выражается в использовании сведений, независимо от их источника.

Уголовно-процессуальный закон пытается найти приемлемый баланс между этими ценностями, определяя приоритетность одной из них применительно к конкретному институту.

Оценка качества следствия включает в себя и вопрос о правильности реализации указанного баланса при расследовании дела. Например, что приоритетней: соблюдение установленных законом сроков следствия или выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, что повлечет нарушение процессуальных сроков.

Содержательное раскрытие стандартов качества следствия, вырабатываемых судебной практикой, невозможно средствами одной лишь юридической науки. Необходимо использование методов социологии и социальной психологии, что требует от нас выхода на принципиально новый — междисциплинарный — уровень научного исследования.

Список литературы

Теория управления в сфере правоохранительной деятельности / под ред. В.Д. Малкова. — М.: Академия МВД СССР. — 1990.

УДК 34
ББК 67.0

МИШЕНИНА Алла Александровна,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Четвертого факультета (с дислокацией в г. Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
подполковник юстиции
E-mail: misheninaalla@mail.ru

КИРЯНИНА Ирина Алексеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Четвертого факультета (с дислокацией в г. Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
капитан юстиции
E-mail: kiry.78@mail.ru

К ВОПРОСУ СОБЛЮДЕНИЯ СТИЛЯ ДЕЛОВОГО ДОКУМЕНТА В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье освещаются особенности делового стиля, отдельные критерии составления делового документа, а также правила написания текстов документов.*

Ключевые слова: *деловой документ, стиль делового документа, текст, правила русского языка, орфография, пунктуация.*

Annotation. *In this paper highlights the particular business style, some criteria for the business document, as well as rules for writing texts.*

Keywords: *business document, business document style, the text, the rules of the Russian language, spelling, punctuation.*

Деловому образованному грамотному человеку для составления служебного документа необходимо не только владение знаниями основ делопроизводства. Важно соблюдение некоторых требований, предъявляемых к деловому стилю русского языка.

Стиль — это особенность языка, проявляющаяся в отборе, сочетании и организации языковых средств в связи с задачами общения [1].

В зависимости от основных функций языка, связанных с той пли иной сферой деятельности человека, различают публицистический, научный, художественно-литературный, разговорно-обиходный, официально-деловой стили. Все стили развиваются и находятся в постоянном взаимодействии.

Правильность, выразительность и точность речи (как устной, так и письменной) — необходимые атрибуты развития культуры общества, а также государства.

Филологами в настоящее время отмечается языковое оскудение, проникновение «жаргонизмов» в средства массовой информации. Проблемы языка вышли за рамки филологии и стали в ряд с общедуховными проблемами общества.

Культура речи и письма является неотъемлемой частью личностной характеристики. Для людей, чья деятельность непосредственно связана с речевым общением, она, кроме того, является немаловажным условием их профессионального успеха.

Недостаточная речевая культура заметно снижает рейтинг делового человека, а его речевые оплошности нередко становятся мишенью для насмешек. В дальнейшем это может пагубно сказаться и на оценке профессиональной деятельности человека.

В системе государственной службы приемлем лишь один стиль — официально-деловой. Его особенностью является сопровождение деловых отношений, чаще всего в письменной форме.

Это стиль документов — международных договоров, государственных актов, законов, постановлений, уставов, инструкций, служебной переписки.

Актуальность требований к деловому (служебному) документу в Следственном комитете Российской Федерации нашла свое отражение в приказе Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 04.05.2011 № 87 «О порядке корректирования (редактирования) проектов документов в Следственном комитете Российской Федерации». Целью приказа явились обеспечение надлежащего качества деловых документов, соблюдение единых требований к изложению содержания текстов в соответствии с нормами современного русского языка: по стилистике, орфографии, пунктуации и их оформлению.

В подразделениях центрального аппарата СК России было организовано корректирование (редактирование) служебных документов лицами, обладающими соответствующей квалификацией и навыками в работе по редактированию текстов документов на предмет соответствия правилам русского языка и типовым требованиям по делопроизводству.

Позднее в ряде следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации успешно начали вести работу по корректированию (редактированию) служебных документов специалисты в области русского языка.

Как уже упоминалось, основное требование к служебному документу — это его официально-деловой стиль.

Существуют критерии официально-делового стиля.

1. Строгость и объективность изложения. Отсутствие какой-либо эмоциональности, субъективной оценки и разговорности.

2. Обезличенность манеры изложения (отсутствие местоимений).

3. Повествовательный характер изложения (нейтральный тон).

4. Краткость и компактность, и в то же время полнота изложения официального материала.

5. Точность и определенность формулировок.

6. Стандартность и единообразие используемых терминов. Специфику служебным документам придает использование сложившихся в делопроизводстве формулировок, языковых клише. Наличие таких клише облегчает процесс составления служебных документов и обеспечивает им нужную информативность, облегчает процесс восприятия документов (принимая во внимание, на основании изложенного и т.д.).

7. Достоверность и объективность.

8. Безупречность в юридическом отношении.

9. Недопустимость диалекта (местного говора), просторечных и жаргонных слов.

10. Недопустимость неправильного использования слов и терминов, неуместного употребления иностранных слов.

11. Грамотность и культурность изложения.

12. Структурность.

Текст — основа любого документа. Поэтому подготовка текстовой части документа является важнейшим условием успешной работы.

В зависимости от количества рассматриваемых в тексте вопросов документы подразделяются на простые и сложные. Первые посвящены одному вопросу, вторые — нескольким.

Даже в том случае, когда текст документа состоит из одной фразы, если он грамотно составлен, в нем можно различить эти два логических элемента.

Деление текста на логические элементы является условным приемом, который помогает выработать план документа и последовательно изложить содержание. Текст сложных документов, содержащих информацию по различным вопросам деятельности учреждения, организации (положения, инструкции, доклады, отчеты, обзоры и т.п.), допускается делить на составные части: разделы, подразделы, пункты, подпункты (арабскими цифрами).

Разделы и подразделы текста должны иметь заголовки, кратко выражающие суть их содержания. Деление текста на составные элементы, разумеется, тесно связанные между собой, и снабжение их заголовками улучшает документ, делает его более доходчивым и выразительным.

В повествовании, несмотря на то, что оно предполагает изложение материала в хронологической последовательности, нужно стремиться выделять узловые события, наиболее характерные факты, детали, черты. При этом нельзя забывать, что протяженность явления

во времени и степень важности явления далеко не всегда находятся в прямо пропорциональной зависимости.

При работе над описательным текстом следует стремиться к раскрытию наиболее важных признаков явления. По степени важности их необходимо и располагать, что будет служить требованиям последовательности в изложении материала.

При этом не стоит забывать о том, что текст документа должен быть прост по своему содержанию и доступен для прочтения. Следует избегать длинных сложных предложений с причастными и деепричастными оборотами. Такая структура предложений приемлема для художественного, но не для официально-делового стиля.

Распространенной ошибкой является неправильное применение сокращений в тексте.

В деловых документах допустимы и применяются различные типы сокращений. Однако сокращения должны отвечать требованиям утвержденных в 1956 г. «Сводных правил русской орфографии и пунктуации», а также требованиям ГОСТ 1.5-85[2].

Сокращения оправданы, поскольку они уменьшают объем текста, затраты на подготовку документа, а следовательно, время на его составление.

Можно выделить часто встречающиеся сокращения нескольких типов.

1. Буквенные сокращения (аббревиатуры), которые образованы из первоначальных букв каждого слова (либо нескольких букв), например: ФСБ, МВД, ВТЭК или УПК РФ, УК РФ и т.д. Почти все инициальные сокращения пишутся с прописной (заглавной) буквы (за исключением тех, которые стали самостоятельными словами, например загс, вуз и т.п.). Следует применять только официально принятые сокращения названий учреждений, организаций, например Минобразования.

2. Условные графические сокращения для обозначения должностей, географических понятий, промежутков времени, количественных определений, названий городов, сел, деревень, областей, районов, улиц, проспектов и т.п.

Особенность графических сокращений в том, что они не произносятся в устной речи. После такого сокращения обязательно ставится точка, например: г. (город); с. (село); обл. (область) и т.п. Графические сокращения всегда пишутся строчными (маленькими) буквами.

В деловой документации не допускается сокращение слов через косую линию, так как такой способ не предусмотрен, например: н/летний (несовершеннолетний), в/обязанный (военнообязанный) н/службе (на службе), з/п (заработная плата).

Также следует учитывать, что все сокращения слов и наименований должны быть общепринятыми. Например, сокращенно записываются названия единиц измерения, меры, длины, объема, площади, но при числительных, например 15 см.

В деловых документах необходимо соблюдать единообразие в написании имен, географических названий, терминов, должностей, учреждений и т.д. Так, если однажды фамилия написана с двумя инициалами, например «Иванов В.В.» или «В.В. Иванов», она и в дальнейшем должна писаться так же.

Географические названия сокращают только перед словами, к которым они относятся, например: р. Волга, г. Нижний Новгород.

При написании адреса в реквизите «адресат» допускается сокращать: ул. (улица), пр. (проспект), пер. (переулок), пл. (площадь), д. (дом), корп. (корпус), кв. (квартира), обл. (область), пос. (поселок).

Знаки №, §, %, а также сокращенные существительные в тексте ставят только при цифрах, причем во множественном числе они не удваиваются. Например, проверка в порядке ст. 144, 145 УПК РФ; № 16, 6, 9; § 7, 10, 12; 50—60%.

При этом следует помнить, что насыщенность текста сокращениями снижает официальный тон документа.

В заключение хотелось отметить, что в статье отмечены лишь отдельные особенности стиля делового документа и типичные ошибки, допускаемые при его составлении. Залог успеха при составлении любого делового документа — это серьезный, ответственный труд с обязательным соблюдением единых требований к изложению содержания текстов в соответствии с нормами современного русского языка по стилистике, орфографии, пунктуации.

Список литературы

1. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985. С. 345.

2. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

УДК 343.625
ББК 67.52

ПЕРОВ Валерий Александрович,
преподаватель лаборатории по управлению
профессиональными знаниями следствия
Академии Следственного комитета
Российской Федерации
E-mail: geck.on@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ И ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы взаимодействия следственных органов с государственными учреждениями и должностными лицами, осуществляющими защиту прав и законных интересов детей.*

Ключевые слова: *следственные органы, комиссия по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.*

Annotation. *The article considers the issues of cooperation between the investigative authorities with state institutions and officials involved in the protection of rights and legitimate interests of children.*

Keywords: *investigative bodies, the Commission on Affairs of minors, guardianship and guardianship, Authorized the President of the Russian Federation on the rights of the child.*

При расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних, вне зависимости от их процессуального статуса, задачами следственного органа, в производстве которого находится данное уголовное дело, являются не только оперативное и качественное расследование преступления, но и организация и осуществление в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, а также принятие мер по устранению таких обстоятельств, правовая защита несовершеннолетнего.

При этом правовая защита предполагает необходимость при расследовании каждого уголовного дела, в котором участвует несовершеннолетний, вне зависимости от его процессуального статуса, выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения им или в отношении него уголовно наказуемых деяний.

Действующим законодательством Российской Федерации образованы и функционируют ряд органов и учреждений различного уровня, в задачи которых входит защита прав и законных интересов несовершеннолетних.

Взаимодействие с указанными органами в процессе расследования уголовного дела позволяет не только получить дополнительную информацию о несовершеннолетнем, но и возможность устранить обстоятельства, которые в дальнейшем могут привести к совершению преступления как несовершеннолетним, так и в отношении него.

К подобного рода обстоятельствам относятся: безнадзорность или беспризорность несовершеннолетнего, склонность к совершению им правонарушений и антиобщественных действий, а также наличие взрослых граждан, вовлекающих несовершеннолетних в совершение указанных действий, склоня-

ющих их к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ.

При этом необходимо учитывать, что «в настоящее время в Российской Федерации отсутствует эффективная система защиты детства, не разработаны стандарты обеспечения и защиты прав ребенка, механизм планомерного выполнения на межведомственном уровне положений Конвенции о правах ребенка и заключительных замечаний Комитета ООН по правам ребенка, не определен координирующий федеральный орган исполнительной власти по выработке и реализации государственной политики в отношении детей. Не отвечает требованиям времени деятельность органов опеки и попечительства по защите прав и интересов детей.

Ежегодно десятки тысяч российских детей вовлекаются в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В соответствии с международными обязательствами Российской Федерации надлежит обеспечить доступ детей к правосудию вне зависимости от их процессуальной правоспособности и статуса, что будет способствовать созданию доброжелательного отношения к ребенку правосудия.

Одной из самых опасных проблем является насилие над детьми. Значительная часть преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности детей совершается в семье, а также лицами, обязанными по закону заботиться о ребенке. Ситуация, сложившаяся в сфере профилактики преступлений против детей, защиты их прав, является неудовлетворительной и требует принятия неотложных мер.

Координация деятельности органов и учреждений, призванных осуществлять профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиту их прав, возложена на комиссии по делам несовершеннолетних. Однако правовая основа работы этих комиссий не соответствует стоящим перед ними целям и задачам»[1].

Тем не менее выявленные в ходе расследования обстоятельства, способствующие совершению преступлений как самим несовершеннолетним, так и в отношении него, могут быть устранены только во взаимодействии с органами и учреждениями, на которые возложены обязанности по защите прав несовершеннолетних.

К таковым относятся: комиссии по делам несовершеннолетних (КДН), задачами которых в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 06.11.2013 № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» является:

- предупреждение безнадзорности и (или) беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;
- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, в том числе связанном с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ;
- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Для решения указанных задач КДН вправе помимо возложенных на них функций по координации деятельности органов и учреждений, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиту их прав, обращаются в суд по вопросам возмещения вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, его имуществу и (или) морального вреда в порядке, что является актуальным, в случае, если потерпевшим по уголовному делу является несовершеннолетний, особенно входящий в так называемую группу риска, т.е. оставшийся по тем или иным причинам без надзора или попечения. В данном случае информация о таком несовершеннолетнем в обязательном порядке должна быть направлена в КДН.

Органы опеки и попечительства.

Правовую основу деятельности органов опеки и попечительства несовершеннолетних составляет ряд законов Российской Федерации: Гражданский кодекс Российской Феде-

[1] Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

рации, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Задачами органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних является:

- обеспечение своевременного выявления лиц, в том числе несовершеннолетних, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства, и их устройства;
- защита прав и законных интересов несовершеннолетних;
- обеспечение достойного уровня жизни несовершеннолетних;
- обеспечение исполнения опекунами, попечителями и органами опеки и попечительства возложенных на них полномочий.

В случае выявления в ходе расследования уголовного дела фактов недобросовестного исполнения родителями, опекунами, попечителями несовершеннолетних своих обязанностей по их воспитанию и материальному содержанию указанные факты должны быть сообщены соответствующему органу опеки и попечительства.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» в целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов ребенка в Российской Федерации учреждена должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, которому для выполнения возложенных на него обязанностей предоставлены следующие права:

- запрашивать и получать необходимые сведения, документы и материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц;
- беспрепятственно посещать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации;
- проводить самостоятельно или совместно с уполномоченными государственными органами и должностными лицами проверку деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также должностных лиц, получать от них соответствующие разъяснения;
- направлять в федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и должностным лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и интересов ребенка, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и интересов;
- привлекать в установленном порядке для осуществления экспертных и научно-аналитических работ, касающихся защиты прав ребенка, научные и иные организации, а также ученых и специалистов, в том числе на договорной основе.

Соответственно в случаях выявления обстоятельств, приведших или могущих привести к нарушению прав и законных интересов несовершеннолетнего, при наличии бездействия относительно указанных обстоятельств КДН или органов опеки и попечительства, соответствующая информация направляется Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации ребенку от рождения при-

надлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина, вследствие чего органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, должностные лица указанных органов в соответствии со своей компетенцией обязаны содействовать ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов, учитывая при этом его возраст и социальные условия, в которых он находится.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.

2. Семейный кодекс Российской Федерации.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

4. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

5. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

6. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

7. Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей».

8. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

10. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации».

11. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы».

12. Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка».

УДК 343.13
ББК 67.7

СЕМЕНЦОВ Владимир Александрович,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: crimpro@yandex.ru

ХАЗИКОВ Ареланг Анатольевич,
руководитель второго отдела следственного управления
Следственного комитета РФ по Краснодарскому краю
E-mail: icenter.pro@icloud.com

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *По мнению авторов, зарождение и правовое оформление статуса руководителя следственного органа неразрывно связано с обеспечением процессуальной самостоятельностью следователем. Обосновывается, что при определении функционального предназначения руководителя следственного органа следует учитывать не его полномочия, а цель участия в досудебном производстве.*

Ключевые слова*: процессуальная самостоятельность следователя, руководитель следственного органа, полномочия, функции.*

Annotation. *According to the authors, the origin and the legalization of the status of the head of the investigative body is inextricably linked with the provision of procedural independence of the investigator. It is proved that, when determining the functional purpose of the head of the investigative body should consider not his powers, and the purpose of participation in pretrial proceedings.*

Keywords*: procedural independence of the investigator, the head of the investigative body, authority, functions.*

Исследование современных проблем процессуальной деятельности руководителя следственного органа невозможно без обращения к вопросам истории, поскольку «вне исторического контекста, связывающего явление и процесс современности с теми явлениями и процессами, которые были их предшественниками, равно как и с теми, которые на их основе возникнут в более или менее отдаленной перспективе, невозможно познать саму эту современность»[1].

Следует учитывать, что зарождение и правовое оформление статуса руководителя следственного органа неразрывно связано с процессуальной самостоятельностью следователя, которая была закреплена еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.[2] (далее — Устав). Несмотря на провозглашенную тогда процессуальную самостоятельность следователя, его деятельность осуществлялась под прокурорским надзором и судебным контролем. В частности, прокурорский надзор осуществлялся в виде постоянного наблюдения за следствием, а с разрешения суда производился арест имущества обвиняемого (ст. 268 Устава), розыск обвиняемого через публикацию (ст. 386 Устава), осмотр и выемка по-

[1] *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 232.

[2] Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. СПб., 1866. С. 255.

чтовой и телеграфной корреспонденции (ст. 368 Устава), судом рассматривались жалобы на действия следователя, а также заявленные ему отводы.

Дальнейшее развитие и совершенствование процессуального статуса следователя происходило в советский период истории уголовного процесса России. Декрет от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде»[3] временно возложил производство предварительного следствия на местных народных судей. На основании ст. 8 Декрета при революционных трибуналах для производства предварительного следствия по делам, подсудным этим трибуналам, создавались следственные комиссии местных Советов. 7 марта 1918 г. ВЦИК был принят Декрет № 2 «О суде»[4], которым предварительное следствие по делам, превышающим подсудность местного суда, возлагалось на следственные комиссии в составе трех человек, образуемые уездными или городскими Советами.

Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г. утверждено новое Положение о народном суде РСФСР[5], которым создавался институт народных следователей, состоявших при Совете народных судей и действовавших в пределах участка, обслуживаемого народным судом. При отделах юстиции и Народном комиссариате юстиции существовали следователи по важнейшим делам.

Положением о прокурорском надзоре, утвержденным ВЦИК 28 мая 1922 г.[6], непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов в области раскрытия преступлений было возложено на прокуратуру. В ст. 121 УПК РСФСР 1922 г.[7] предусматривалось, что надзор за предварительным следствием осуществляет прокурор, указания которого обязательны для следователя. В 1928 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении Положения о судоустройстве РСФСР»[8] следственный аппарат передан в полное подчинение прокуратуры.

Приказом НКВД СССР от 28 августа 1939 г. № 001007 в республиканских, краевых, областных органах внутренних дел, дорожных отделах организованы следственные группы для устранения разобщенности следствия и усиления борьбы с общеуголовной и экономической преступностью. В 1948 г. в составе Главного управления милиции был создан следственный отдел[9].

Особенностью положения следователей органов милиции было то, что их правовой статус не закреплялся уголовно-процессуальным законом, они действовали в соответствии со сложившейся практикой и на основании ведомственных нормативных актов. Помимо образования следственных подразделений, впервые была введена должность начальника следственного отдела. На него возлагались задачи организационного руководства следственным подразделением, а также контроля за расследованием преступлений.

Конкретная форма такого руководства выражалась в том, что начальник следственного отдела поручал следователям расследовать уголовные дела, распределял их между следователями, а также проверял дела, давал по ним обязательные для исполнения указания, утверждал постановления следователей, участвовал в расследовании и лично проводил предварительное следствие. Однако перечисленные полномочия начальника следственного подразделения не были закреплены в уголовно-процессуальном законе и регламентировались ведомственными нормативными актами (приказами, инструкциями, директивными указаниями, письмами), а начальники органов милиции и их заместители были вправе давать ему обязательные для исполнения указания, в том числе и по вопросам процессуального характера. В связи с этим, хотя начальник следственного отдела и вмешивался в решение процессуальных вопросов, возникающих в ходе расследования уголовного дела, контроль за деятельностью следователя носил лишь ведомственный характер[10].

Принятый в 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР сформулировал пол-

[3] Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
[4] Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 410.
[5] Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
[6] Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.
[7] Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20—21. Ст. 230.
[8] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сент. 1928 г. «Об изменении Положения о судоустройстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 52. Ст. 733.
[9] Следствие МВД России в судьбах и фактах. М., 2008. Т. 1. С. 26, 27.
[10] *Семенцов В.А., Нагоева М.А.* Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве: монография. Краснодар, 2010. С. 15, 16.

номочия прокурора таким образом, что он не только осуществлял надзор за деятельностью следователя, но и непосредственно руководил следствием.

Весьма важной вехой в исследуемом вопросе стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка»[11]. На его основе право на производство предварительного расследования получили следователи органов охраны общественного порядка. Что касается процессуального статуса руководителя предварительного следствия, то впервые он сформирован Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г., когда ст. 34 УПК РСФСР была дополнена п. 6а, в котором дано понятие начальника следственного отдела, а в ст. 127[1] регламентированы его полномочия.

Обращает на себя внимание формулировка ч. 1 ст. 127[1] УПК РСФСР: начальник следственного отдела осуществляет контроль за своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений, принимает меры к наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия по уголовным делам. Как представляется, это именно те концептуальные аспекты процессуальной деятельности начальника следственного отдела, которые привели к решению советского законодателя о введении еще одного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, призванного: 1) контролировать своевременность действий следователя по раскрытию и предупреждению преступлений; 2) принимать меры к наиболее полному, всестороннему и объективному производству по уголовному делу[12].

Концепция судебной реформы 1991 г. в части совершенствования организации и деятельности следственных подразделений основывалась на таких идеях, как:

1) отделение функции руководства расследованием от функции надзора за расследованием;

2) признание в прокурорской деятельности функции уголовного преследования доминирующей, а с другой стороны – частичное перераспределение груза надзорных полномочий прокуратуры в пользу судебного контроля и самостоятельности следователя;

3) сохранение за прокурором функции процессуального руководства расследованием;

4) недопустимость процессуального подчинения следователя административным начальникам (начальники следственных отделов, комитетов);

5) наделение начальника следственного отдела процессуальными полномочиями, правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя.

В период разработки ныне действующего уголовно-процессуального законодательства некоторые ученые ставили под сомнение целесообразность осуществления начальником следственного отдела процессуальных полномочий по контролю за своевременностью действий следователя по раскрытию и предупреждению преступлений, принятию мер к наиболее полному и объективному производству предварительного следствия. Даже делались предложения о ликвидации этой процессуальной фигуры.

Так, по мнению авторов-разработчиков Теоретической модели УПК, для усиления прокурорского надзора нецелесообразно сохранение процессуальной фигуры начальника следственного отдела[13].

Однако в УПК РФ 2001 г. процессуальная фигура начальника следственного отдела не только была сохранена, но и расширены его полномочия. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. признал утратившим силу п. 18 ст. 5 УПК РФ, закреплявший понятие начальника следственного отдела как должностного лица, возглавляющего соответствующее следственное подразделение, а также его заместителя, и ввел в ст. 5 УПК РФ п. 38.1, в котором дано новое понятие «руководитель следственного органа.

Следует приветствовать решение законодателя об именовании должностного лица, возглавляющего соответствующее следствен-

---

[11] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 15. Ст. 288.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с изм. и доп. на 1 января 1990 г.). М., 1990. С. 64, 65.

[13] Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. и с пред. В.М. Савицкого. М., 1990. С. 14.

ное подразделение, руководителем следственного органа, который является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, представляющим сторону обвинения и осуществляющим процессуальное руководство за деятельностью следователя, о чем свидетельствует круг его полномочий, указанный в ст. 39 УПК РФ[14].

Толковый словарь русского языка трактует слово «руководить» как «направлять чью-либо деятельность»[15]. При этом подразумевается, что руководимое лицо (в нашем случае следователь) воспринимает волю руководителя и сознательно подчиняется ей. Дело в том, что процессуальная самостоятельность следователя не признает никакого иного руководства расследованием, кроме как со стороны руководителя следственного органа и в тех пределах, которые установлены законом.

Несомненное преимущество руководителя следственного органа по сравнению с прокурором — непосредственная близость к объекту контроля (действиям и решениям следователя). Это создает условия для непрерывной проверки соблюдения требований закона и своевременного реагирования на выявленные нарушения и просчеты[16].

В последние годы исследование процессуального положения руководителя следственного органа осуществляется особенно активно[17], причиной чему служит нерешенность весьма важных вопросов, связанных с функциональным предназначением этого участника досудебного производства. При этом практически во всех исследованиях предпринимаются шаги по определению совокупности функций руководителя следственного органа и их классификации.

Например, И.В. Чечулин пишет: «Закрепленные уголовно-процессуальным законом полномочия руководителя следственного органа как участника уголовного судопроизводства – необходимое средство для реализации его целевых функций, которыми являются: 1) процессуальное руководство расследованием; 2) процессуальный контроль, включающий в себя полномочия руководителя следственного органа по выявлению и устранению допущенных в ходе расследования нарушений»[18].

По мнению Н.А. Моругиной, процессуальные полномочия руководителя следственного органа следует классифицировать в зависимости от выполняемых им функций и сфер воздействия. На этой основе выделены полномочия по осуществлению руководства за расследованием преступлений в ходе досудебного производства, полномочия по осуществлению процессуального контроля за законностью принимаемых следователем решений, а также полномочия по осуществлению уголовного преследования[19].

Сформирована позиция, в соответствии с которой функциями руководителя следственного органа являются: 1) процессуальный контроль (выявление и устранение допущенных нарушений); 2) предварительное расследование (опосредованное уголовное преследование до момента появления подозреваемого, обвиняемого при принятии уголовного дела к своему производству); 3) законное и обоснованное обвинение (уголовное преследование в узком смысле после появления обвиняемого, подозреваемого при принятии уголовного дела к своему производству[20]. При этом процессуальный контроль рассматривается как основная функция, а предварительное расследование и законное и обоснованное обвинение — как дополнительные.

Есть попытки провести разграничение процессуальных полномочий руководителя следственного органа в рамках той или иной про-

---

[14] *Семенцов В.А., Нагоева М.А.* Указ. соч. С. 87.

[15] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 687.

[16] *Семенцов В.А., Гладышева О.В.* Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 46.

[17] См., например: *Иванова Е.В.* Руководитель следственного органа как субъект уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014; *Попова Т.Ю.* Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012; *Чечулин И.В.* Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

[18] *Чечулин И.В.* Указ. соч. С. 9.

[19] *Моругина Н.А.* Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 6.

[20] *Новиков Е.А.* Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 7.

цессуальной функции. В частности, О.В. Колесников пишет: «Процессуальное руководство руководителя следственного органа следует делить на процессуальное руководство проверкой сообщения о преступлении и производством предварительного следствия по уголовному делу, находящемуся в производстве отдельного следователя и на процессуальное руководство предварительным следствием по всем уголовным делам, находящимся в производстве следователей следственного органа, в целях более полноценного закрепления его полномочий в уголовно-процессуальном законе и ведомственных нормативных актах»[21].

Е.В. Иванова считает, что главной функцией руководителя следственного органа является процессуальный контроль за деятельностью следователя на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которая включает процессуальное руководство, и по функциональному признаку выделяет следующие полномочия руководителя следственного органа:

1) по распределению уголовных дел между следователями;

2) по контролю за качеством предварительного следствия;

3) по разрешению спорных вопросов, возникающих по уголовному делу[22].

В то же время следует указать и на наличие иной точки зрения по этому вопросу, когда утверждается, что «основной функцией, осуществляемой руководителем следственного органа на предварительном следствии, является функция процессуального руководства»[23].

Проведенный обзор современных научных результатов исследования процессуального положения руководителя следственного органа позволяет выявить общую методологическую ошибку в определении его процессуальных функций на основе предусмотренных уголовно-процессуальным законом полномочий. Полагаем, что пытаться таким образом выявить процессуальные функции означает подгонять ответ под условие задачи, тем более, что имеет место не столько объективный процесс определения процессуальных функций, сколько субъективный способ их формирования за счет имеющейся нормативно-правовой базы.

На наш взгляд, подход к решению этой важной как в теоретическом, так и в практическом отношении, проблемы должен основываться на исходных данных о роли и процессуальном положении руководителя следственного органа в уголовном судопроизводстве. Основное место в указанном подходе занимает ответ на вопрос: какой целью руководствовался законодатель при наделении этого участника досудебного производства процессуальными полномочиями?

Опираясь на основные вехи истории развития института предварительного следствия и неразрывно связанного с ним процессуального положения следователя и руководителя следственного органа, можно заключить, что некоторые решения законодателя нелогичны и противоречат идее о цели процессуального руководства.

Так, в настоящее время весьма проблематично сохранение за прокурором функции процессуального руководства за органами предварительного следствия. Во всяком случае можно с уверенностью констатировать, что данная функция в деятельности прокурора, с точки зрения объема полномочий, направленных на ее выполнение, существенно ограничена. Аналогично можно расценить и воплощение идеи о недопустимости процессуального подчинения следователя своему руководителю, письменные указания которого по общему правилу обязательны для исполнения.

Изучение исторического пути формирования правового статуса руководителя следственного органа и определения его функционального предназначения в современном досудебном производстве позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Становление и развитие процессуального статуса руководителя следственного органа неразрывно связано с процессуальной самостоятельностью следователя и обусловлено стремлением законодателя к обеспечению законности, обоснованности и своевре-

---

[21] *Колесников О.В.* Руководитель следственного органа в системе МВД России как участник уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 7.

[22] *Иванова Е.В.* Указ. соч. С. 8.

[23] *Попова Т.Ю.* Указ. соч. С. 9.

менности производства предварительного следствия.

2. Приветствуется решение законодателя от 5 июня 2007 г. об именовании должностного лица, возглавляющего соответствующее следственное подразделение, руководителем следственного органа.

3. Изучение результатов современных научных исследований процессуального положения руководителя следственного органа позволило выявить общую методологическую ошибку в определении его процессуальных функций на основе предусмотренных уголовно-процессуальным законом полномочий.

4. Подход к определению функционального предназначения руководителя следственного органа должен осуществляться на основе цели его участия в досудебном производстве.

Список литературы

1. *Иванова Е.В.* Руководитель следственного органа как субъект уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.

2. *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.

3. *Колесников О.В.* Руководитель следственного органа в системе МВД России как участник уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

4. *Моругина Н.А.* Руководитель следственного органа как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

5. *Новиков Е.А.* Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

7. *Попова Т.Ю.* Уголовно-процессуальный статус руководителя следственного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.

8. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сент. 1928 г. «Об изменении Положения о судоустройстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 52. Ст. 733.

9. *Семенцов В.А., Гладышева О.В.* Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Социум и власть. 2012. № 3 (35).

10. *Семенцов В.А., Нагоева М.А.* Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве: монография. Краснодар, 2010.

11. Следствие МВД России в судьбах и фактах. М., 2008. Т. 1.

12. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. СПб., 1866.

13. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. и с пред. В.М. Савицкого. М., 1990.

14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (с изм. и доп. на 1 января 1990 г.). М., 1990.

15. *Чечулин И.В.* Процессуальные полномочия руководителя следственного органа и их реализация в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

УДК 343.9
ББК 67.52

БАТОЕВ Владимир Батоевич,
старший преподаватель кафедры ОРД и СТ в ОВД
Восточно-Сибирского института МВД России
E-mail: vbatoev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ UFED В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы применения технического устройства извлечения информации UFED в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.*

Ключевые слова: *извлечение, восстановление, запоминающее устройство, сотовый телефон.*

Annotation. *The article deals with current issues of technical devices extract information UFED activities in operational units of the Interior.*

Keywords: *extraction, recovery, storage device, a cellular phone.*

Высокие темпы развития информационных технологий, сопряженные с повсеместным внедрением разрабатываемых технических средств связи[1] (далее — мобильные устройства) во все сферы современного общества, а также растущий интерес к информационным системам и ресурсам со стороны населения, ставят сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) перед необходимостью использования современных технических устройств добывания оперативно значимой информации при решении задач оперативно-розыскной деятельности[2].

Изучение практики свидетельствует о наличии серьезных упущений в деятельности оперативных подразделений ОВД в деле применения научно-технических достижений как средств информационного обеспечения предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений данными о лицах, событиях, действиях или фактах, представляющих оперативный интерес. Изучение практики позволяет заключить, что технические особенности и возможности мобильных устройств обусловили процесс формирования совершенно новой тактики применения оперативно-розыскных мер при решении задач оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Это связано с тем, что стремительно проходящий технический прогресс, информатизация общества заставляют оперативно-розыскной процесс протекать не в «традиционных» условиях, а в высокоинтеллектуальной среде со своими особенностями и закономерностями[3].

Качественное улучшение информационного обеспечения деятельности оперативных подразделений ОВД возможно за счет внедрения и использования современных программно-технических комплексов извлечения информации из памяти мобильных устройств, таких как: «Мобильный криминалист», «XRY», «MOBILedit», «TARANTULA EDEC», «UFED» и др. В целом использование таких устройств извлечения оперативно значимой информации дает возможность сотрудникам оперативных подразделений ОВД извлекать

[1] В статье под техническими средствами понимаются сотовые (мобильные) телефоны, смартфоны, планшеты.

[2] См. подробно: *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2013. № 4(48). С. 9—14; *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2(3). С. 22—27.

[3] См. подробно: *Батоев В.Б., Бычков В.В.* Раскрытие и расследование хищений средств мобильной связи: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

важнейшие данные из памяти изъятых или обнаруженных мобильных устройств.

Наиболее эффективным из подобного рода программно-технических комплексов является техническое средство «UFED» (Universal Forensic Extraction Device), разработанное компанией Cellebrite[4].

Данное устройство позволяет извлекать оперативно значимую информации из более чем 8 тыс. моделей сотовых телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, действующих на основе операционных систем iOS, Android, Symbian, Microsoft Windows Mobile, Blackberry, Palm OS и др., а также компьютеров, ноутбуков, ультрабуков, портативных устройств GPS, видеорегистраторов.

Использование UFED позволяет сотрудникам оперативных подразделений территориальных ОВД идентифицировать сотовый телефон, смартфон, портативное устройство GPS, планшет; извлечь существующие, восстановить удаленные и скрытые данные, содержащиеся в указанных устройствах; разблокировать PIN-код, пароль; анализировать и создавать структурированные отчеты о месте положения, входящих и исходящих соединениях абонентского устройства, а также получить следующую оперативно значимую информацию:

- сведения о телефоне (IMEI/ESN);
- сведения о SIM-карте (ICCID и IMSI);
- данные журнала входящих и исходящих соединений, в том числе удаленные (дата и время, имена, фото);
- данные журнала использования интернет-браузера;
- закладки интернет-сайтов;
- файлы Cookie;
- данные контактов телефонной книги, в том числе фотографии контактов;
- SMS, MMS и голосовые сообщения, в том числе удаленные, их хронологию;
- сообщения чатов и e-mail;
- фото-, видеоизображения, аудиофайлы, в том числе удаленные;
- данные контактов, учетные записи пользователей, содержащихся в Twitter, Facebook, GTalk, Whatsapp, Viber и др., а также содержимое переписки и обмена информацией;
- данные о местоположении, маршрутах перемещения (Google Earth, Google Maps, GPS; при наличии GPS — местоположение, привязки GPS, часто посещаемые места, маршруты передвижения и т.д.);
- пометки в календаре;
- примечания блокнота;
- пароли, коды блокировки, данные последней SIM-карты и др.

Важно отметить, что данное устройство внедрено и используется в деятельности всех территориальных подразделений Следственного комитета РФ (далее — СК России). Исследование практики применения универсального устройства извлечения судебной информации (UFED), проведенное сотрудниками Института повышения квалификации Следственного комитета РФ в территориальных следственных подразделениях СК России показало, что из общего количества применения UFED в 87% была получена информация, способствующая раскрытию преступления[5].

В отношении МВД России указанное техническое средство используется в территориальных подразделениях специальных технических мероприятий. Однако при его использовании возникает ряд вопросов, что негативно сказывается на процессе противодействия преступности. В связи с этим предлагается ряд рекомендаций, которые необходимо учесть в случае использования «UFED» сотрудниками оперативных подразделений ОВД при решении задач ОРД.

В первую очередь необходимо решить вопрос повсеместного внедрения «UFED» в территориальные ОВД. Это позволит выйти на достаточно высокий уровень информационного обеспечения раскрытия преступления на его первоначальном этапе за счет быстроты и мобильности его использования. При этом рекомендуется учесть мнение сотрудников оперативных подразделений ОВД относительно местонахождения указанного устройства. Тем самым наиболее целесообразным и оптимальным будет нахождение «UFED» в территориальном ОВД, закрепление его за оп-

[4] Компания «Cellebrite LTD». [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www. cellebrite.com/ruэ (дата обращения: 25.11.2014 г.).

[5] См.: *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED): методич. рекомендации. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. С. 7.

ределенным сотрудником, использование при наличии судебного решения и согласия руководителя органа, осуществляющего ОРД. Опрос показывает, что нахождение «UFED» в подразделениях специальных технических мероприятий создаст определенные затруднения в виде лишней «бумажной волокиты», что непременно отразится на быстроте и полноте предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, мобильности его применения.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право проводить гласно и негласно ОРМ, производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, в частности сотовых телефонов. В случае изъятия мобильного устройства целесообразно использовать «UFED» в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов».

Безусловно, использование «UFED» подразумевает обязательное соблюдение конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи[6]. Однако до настоящего времени оперативно-розыскной практикой не определены содержание и границы охраняемой законом тайны[7].

Проведенный опрос сотрудников оперативных подразделений ОВД свидетельствует о необходимости уточнения у последних представлений о случаях, когда требуется наличие судебного решения при использовании системы «UFED». В этом смысле сотрудникам оперативных подразделений ОВД по аналогии с получением информации о входящих и исходящих соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами связи к сведениям, охраняемым Конституцией РФ, необходимо относить любые сведения, передаваемые по каналам сотовой связи, мобильного Интернета, в связи с чем при ознакомлении с ними требуется судебное решение. К категории «любые сведения» можно отнести переписку по sms, mms-сообщениям с использованием программ обмена быстрыми сообщениями Skype, Viber, Whats up и др., данные журнала входящих и исходящих соединений и др. Трудно представить ситуацию, когда, например, сотрудник оперативного подразделения ОВД, изучая обнаруженный или изъятый сотовый телефон, ознакомится только с содержанием телефонной книги сотового телефона. В целях получения оперативно значимой информации сотрудника оперативного подразделения, безусловно, заинтересуют: содержание удаленных sms, mms-сообщений; переписка в социальных сетях, журнал произведенных соединений с другими абонентами и абонентскими устройствами сотовой связи и др. Таким образом, возникает ситуация, в которой добросовестный сотрудник оперативного подразделения ОВД либо ограничится лишь изучением содержания телефонной книги; либо, как показал проведенный опрос, несмотря на необходимость получения судебного решения для ознакомления со сведениями, охраняемыми Конституцией РФ, ознакомится со всей оперативно значимой информацией, содержащейся в памяти сотового телефона.

В связи с этим в целях исключения возможности нарушения закона при проведении ОРМ с использованием «UFED» необходимо во всех случаях обязательно получать судебное решение на проведение ОРМ, ограничивающего тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных

---

[6] См.: ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

[7] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 г. «О связи» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 433-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Н.А. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2007 года № 33п07 // Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 г. // БВС РФ. 2008. № 2; Надзорное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2006 г. № 9-ДП06—10 // СПС «КонсультантПлюс».

сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи.

Серьезную озабоченность вызывает и следующее обстоятельство.

В соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, допускается на основании судебного решения и при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно. В связи с этим, исходя из указанных норм, использовать UFED по уголовным делам о хищениях сотовых телефонов, расследуемых в форме дознания[8], не представляется возможным. Например, по данным ГИАЦ МВД России в 2013 году на территории РФ было совершено преступлений по ч. 1 ст. 158 — 56 615; по ч. 1 ст. 159 — 2832; по ч. 1 ст. 161 УК РФ — 16 681. При этом справедливо возникают некоторые вопросы относительно: 1) ограниченности тактики раскрытия хищений сотовых телефонов в выборе оперативно-розыскных мероприятий, проводимых с учетом специфики предмета преступного посягательства — сотового телефона; законности применения данного устройства по делам указанных видов преступлений, расследуемых в форме дознания и др.

В связи с этим разрешение данной проблемы видится в том, что необходимо внести изменения в действующий Закон об ОРД:

а) в п. 1 ч. 2 ст. 8 после слов «противоправного деяния» исключить слова «по которому производство предварительного следствия обязательно»;

б) в п. 2 ч. 2 ст. 8 после слов «противоправное деяние» исключить слова «по которому производство предварительного следствия обязательно».

Думается, что в соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ охрана собственности от преступных посягательств, расследуемых в форме дознания и предварительного следствия, ничем друг от друга не отличаются, так как проведение линии раздела в данном направлении, на наш взгляд, недопустимо в силу равенства защиты прав и свобод человека и гражданина.

Представляется, что реализация предложенных рекомендаций положительно отразится на информационном обеспечении деятельности оперативных подразделений ОВД при решении задач оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем важно отметить, что предложенный ряд рекомендаций не претендует на окончательную завершенность, а проделанное исследование дает почву для дальнейших научных поисков, например в части: оформления результатов извлечения оперативно значимой информации; разработки алгоритма действий сотрудников оперативных подразделений ОВД исходя из складывающейся оперативно-розыскной ситуации; определения пределов нарушения конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, и др.

Список литературы

1. *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Актуальные вопросы применения криминалистической техники для получения информации, содержащейся в мобильных электронных устройствах // Вестник криминалистики. 2013. № 4(48).

2. *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие // Право и кибербезопасность. 2013. № 2(3).

3. *Багмет А.М., Скобелин С.Ю.* Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED): методические рекомендации. М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013.

4. *Батоев В.Б., Бычков В.В.* Раскрытие и расследование хищений средств мобильной связи: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

[8] В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание производится по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 161.

УДК 343.98
ББК 67.99(2)94

БЕССОНОВ Алексей Александрович,
первый заместитель руководителя следственного управления
Следственного комитета РФ по Республике Калмыкия,
полковник юстиции,
кандидат юридических наук
E-mail: bestallv@mail.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ, СОВЕРШАЮЩЕЙ НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ РЫБЫ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых организованными преступными группами, имеет существенную специфику, определяющую методику их расследования. На основе изучения практики расследования незаконной добычи рыбы, совершаемой организованными группами, автор анализирует особенности криминалистической характеристики таких преступлений.*

Ключевые слова. *Криминалистическая характеристика преступлений, расследование преступлений, незаконная добыча рыбы, организованная преступная группа.*

Annotation. *Forensic characterization of crimes committed by organized criminal groups, has a significant specificity, determined by the method of their investigation. On the basis of studying the practice of investigation illegal fishing, committed by organized groups, the author analyzes the features of criminalistics characteristics of such crimes.*

Keywords: *criminalistics characteristics of crime, the investigation of crimes, illegal fishing, an organized criminal group.*

Групповой характер незаконной добычи рыбных ресурсов обусловлен необходимостью объединения при определенных условиях «совместных усилий участников такого преступления, обеспечения технических и иных возможностей и «прикрытия» со стороны коррумпированных лиц, выполняющих служебные функции в области рыболовства либо в сфере государственного контроля за водным промыслом и охраной биоресурсов»[1].

Необходимость объединения усилий для совершения таких преступлений объясняется, прежде всего, спецификой используемых орудий лова (длинные сети, неводы, самоловные крючковые снасти и т.п., применение которых предполагает участие как минимум двух лиц) и плавсредств (быстроходные плавсредства с мощными моторами, к примеру, типа «Байда», требующие значительного запаса топлива, необходимость использования спутниковой навигации, большое количество вылавливаемой рыбы и т.д., что требует участия нескольких лиц), а также необходимостью наличия налаженных каналов сбыта рыбно-икорной продукции, включающих в себя от 2—3 до нескольких десятков лиц, приносящих огромные прибыли.

В ходе проведенного изучения 2950 уголовных дел о незаконной добыче рыбы, совершенной в Волго-Каспийском регионе за период с 2007 по 2013 г., установлены следующие признаки формирования совершающих незаконный вылов рыбы организованных преступных групп:

- наличие родственной или иной связи между соучастниками, что облегчает дости-

[1] *Каленов С.Е.* Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов (по материалам Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2003. С. 65, 66.

жение преступной договоренности на совершение преступления (в 7,5% случаев по изученным делам члены группы находились в родственных отношениях: братья, отец-сын, дед-внук, а также в свойстве: супруги, супруг-родственник супруги; в остальных — в дружеских, товарищеских, соседских);

- возможность объединения плавающих и иных средств для добычи рыбы, имеющихся у разных лиц (к примеру, одно лицо владеет плавсредством, а у другого имеются орудия лова);
- повышение эффективности лова за счет разделения ролей и тем самым увеличение объема улова (по изученным делам установлено, что в результате совершения единоличных преступлений добыто осетровых рыб 162 экземпляра и частиковых — 20 731, а при вылове группой — осетровых 370 экземпляров, частиковых — 48 913, т.е. в два раза больше);
- высокая доходность преступного промысла, связанного с добычей рыбы осетровых видов, коррупционный фактор, позволяющий заниматься добычей рыбных ресурсов безнаказанно;
- специфика механизма незаконной добычи рыбы в море и авандельте реки, где в основном совершаются групповые преступления: а) целесообразность разделения ролей по управлению плавсредством, установке и изъятию из воды орудий лова, обработке выловленной рыбы; б) высокие расходы на осуществление лова, требующие объединения денежных средств нескольких лиц: большая стоимость маломерного судна и топлива для него, некоторых орудий лова, приборов спутниковой навигации и спутниковых телефонов, оружия; в) необходимость обеспечения безопасности при ее осуществлении от конкурирующих преступных групп.

Вместе с тем анализ деятельности правоохранительных органов регионов России, имеющих выход к Каспийскому морю (прежде всего, оперативно-розыскной работы), свидетельствует, что выявлению именно группового аспекта внимание практически не уделяется. В качестве примера можно привести показатели работы на этом направлении органов следствия и оперативно-розыскной деятельности Астраханской области (по данным ИЦ УМВД этого региона), где с 1997 по 2013 г. от общего числа выявленных преступлений в рассматриваемой сфере групповые составили всего 10%, а совершенные организованной группой и того меньше — 0,1% (38 преступлений). Однако по результатам различных научных исследований указывается, что доля групповых преступлений в этой сфере с учетом их высокой латентности доходит до 60%[2].

Центральным элементом характеристики любого группового преступления выступает криминалистическая характеристика именно преступной группы. Ее как субъект совершенного преступления следует рассматривать в разрезе сведений о: иерархии группы и ее типологии, а также количестве участников; времени существования; социально-демографической характеристике участников[3].

Анализ следственно-судебной практики и научных исследований, посвященных вопросам правовой природы организованной группы[4], позволил выделить следующие характеризующие ее криминалистически значимые признаки:

1) организованность, подразумевающая под собой сплоченность и тесную взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, тщательную подготовку к совершению преступлений, принятие мер по конспирации

---

[2] *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М.: Норма, 2001. С. 427.

[3] *Быков В.М.* Криминалистическая характеристика преступных групп: учебное пособие. Ташкент: Ташкентская высшая школа МВД СССР, 1986. С. 6; *Колеснико-ва Т.В.* Криминалистическая характеристика преступных групп, совершающих вымогательство: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 23; *Куртынов И.В.* Криминалистическая характеристика преступных групп, совершающих грабежи и разбои на жилища граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 35; *Ушатов Д.В.* Методика расследования похищения человека, совершенного преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 11; *Шапошников А.Ю.* Криминалистическая характеристика преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 25 и др.

[4] *Бессонов А.А.* Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики незаконной добычи рыбы, совершаемой организованными группами: монография. Астрахань, 2008. С. 35—55; *Бессонов А.А.* Организованная группа как субъект уголовно-правовой ответственности // Уголовный процесс. 2008. № 6 (42). С. 57—62.

своей деятельности и противодействию ее разоблачения, единство объединяющих их целей;

2) устойчивость, выражающаяся в относительной стабильности состава организованной группы, относительном постоянстве форм и методов преступной деятельности, а также большом временном промежутке ее существования;

3) цель объединения группы — совершение одного или нескольких однородных либо разнородных преступлений (для рассматриваемых преступлений — добыча рыбы в промышленных объемах с целью извлечения максимальной прибыли);

4) объединение группы во временном аспекте происходит заранее, т.е. взаимное согласие на совершение одного либо нескольких преступлений у участников группы возникает до приготовления к их совершению;

5) иерархия преступной группы, представляющая собой наличие организатора (лидера) группы и подчиненных ему других ее участников (активных и второстепенных), структурированные их взаимоотношения между собой, основанные на распределении ролей и дохода от преступной деятельности, а также строгой дисциплине;

6) общая денежно-материальная база, зачастую в крупном размере, а также орудия и средства преступления, отвечающие новейшим научно-техническим достижениям;

7) участие в ней двух и более лиц.

Исследование перечисленной совокупности сведений, относящихся к характеристике преступной группы, имеет особое значение, поскольку она представляет собой преступное объединение, специально созданное и хорошо организованное для занятия преступной деятельностью как промыслом.

В криминалистической характеристике организованной группы важное место занимает ее иерархия. Структура организованных преступных групп, совершающих рассматриваемые преступления, трехзвенная: организатор (лидер) преступной группы; активные участники группы; второстепенные участники группы. Рассмотрим характеристику каждого из них.

Организатору (лидеру) преступной группы, занимающейся незаконной добычей рыбы, присущи следующие черты: наличие опыта преступной деятельности; более высокий по сравнению с другими членами группы интеллектуальный уровень; наличие развитых волевых качеств и организаторских способностей; предприимчивость; коммуникабельность; инициативность; настойчивость; эмоциональная устойчивость; терпение и твердость в отстаивании своих позиций; знание основ тактики и методики работы органов следствия и оперативных служб; находчивость в поисках средств самосохранения, в том числе умение маскировать преступный образ жизни под законопослушный; расчетливость; умение оказывать влияние на окружающих, в том числе и на отдельных работников органов власти и правоохраны.

Такой организатор (лидер) осуществляет руководство деятельностью группы и ее участников, устанавливает порядок поведения и взаимоотношений в группе, определяет «стратегию ее преступного развития», принимает меры к формированию и пополнению состава группы, распределяет преступный доход, осуществляет защиту группы от разоблачения, устанавливает коррупционные связи с властными структурами, правоохранительными и контролирующими органами, выполняет «представительские функции» в криминальной среде.

Представляется возможным дать следующую классификацию организаторов (лидеров) такого рода организованных групп:

1) по отношению в целом к преступной деятельности: а) организовавший незаконную добычу рыбы или руководившей ею, но сам непосредственно ее не осуществлявший; б) организовавший незаконную добычу рыбы или руководившей ею и сам участвовавший в осуществлении лова;

2) по связи с конкретным преступлением: а) организовавший деятельность группы в целом; б) организовавший совершение преступной группой конкретного преступления или нескольких из целой серии преступлений;

3) по отношению к процедуре создания группы и руководства ей: а) организовавший преступную группу, но не ставший ей руководить; б) организовавший группу и ей руководящий; в) не организовывавший группу, а принявший руководство ранее созданной группой.

Активные участники проявляют инициативу в подготовке, совершении и сокрытии преступлений; непосредственно занимаются добычей рыбы и ее сбытом; пользуются доверием организатора (лидера) группы, наиболее осведомлены о его планах и замыслах, выполняют наиболее деликатные и важные его поручения; получают большую долю преступного дохода. Если организованная группа имеет многозвеньевую структуру, то они выполняют роль руководителей этих звеньев, выступают «посредниками» между организатором (лидером) группы и другими ее участниками, реализуют в деятельности группы его руководящие указания. Среди активных участников группы могут быть бывшие сотрудники правоохранительных органов, осведомленные о методах оперативно-розыскной и следственной деятельности, обучающие методам противодействия ей других участников группы. Зачастую из их числа формируются звенья так называемой разведки, занимающиеся установлением мест, где в зависимости от времени года, погодных условий и т.п. ловится рыба.

Активным участникам группы свойственны инициативность, решительность, дерзость, ярко выраженные корыстные устремления.

Участие второстепенных членов группы в преступной деятельности выражается: 1) в предоставлении плавсредства для осуществления незаконной добычи рыбы (в 23,6% случаев по изученным уголовным делам плавсредство принадлежало не обвиняемому, однако лица, их предоставившие, на причастность к совершению преступления проверялись в единичных случаях), места для проживания членов группы и хранения добытой рыбы и продукции из нее; 2) предоставлении лицам, осуществляющим незаконный вылов рыбы, информации о мерах, принимаемых правоохранительными и контролирующими органами по выявлению и пресечению браконьерства, так называемых консультационных услугах (0,1% фактов); 3) по заранее достигнутой договоренности приобретении незаконно добытой рыбы или икры (0,1% случаев); 4) в выполнении различных мелких поручений организатора (лидера) и активных участников группы.

Их доля в преступном доходе группы соответственно меньше, чем у активных участников. Они склонны к подчинению, зачастую нерешительны.

Возможно выделить следующие криминалистические типы рассматриваемых организованных групп:

1) по связи с другими преступлениями: а) занимающиеся только незаконной добычей рыбных ресурсов и сбывающие добытую продукцию для последующей реализации другим группам и лицам, занимающимся ее оборотом; б) осуществляющие незаконную добычу и ее реализацию самостоятельно; в) совершающие, помимо незаконного вылова рыбы и (или) ее реализации, иные преступления (убийства, легализацию преступно добытых денег и т.д.);

2) по виду рыбы, являющейся предметом преступного посягательства: а) добывающие рыбу, занесенную в Красную книгу РФ или охраняемую международными договорами РФ; б) осуществляющие вылов рыбы, лов которой разрешен; в) добывающие все доступные виды рыбных ресурсов;

3) по месту совершения браконьерского лова рыбы: а) осуществляющие незаконную добычу только в море; б) добывающие рыбу только в реке либо малых водоемах; в) вылавливающие рыбу во всех доступных видах водоемов.

По изученным уголовным делам в большинстве случаев группы состояли из 2 лиц (89%), несколько реже — из 3 (6%), из 4 (4%) и из 5 — 7 лиц (1%).

Длительность существования преступной группы придает ей повышенную общественную опасность, неразоблаченность создает условия для совершения большего количества преступлений и нанесения существенного вреда рыбным запасам и экологии, численный состав группы разрастается, денежно-материальная база крепнет, образуются устойчивые коррупционные связи. В ходе изучения уголовных дел установлено, что преступные группы существовали 1 день в 82,4% случаев, 2 дня — 10%, 3 дня — 2%, 4 дня — 1,2%, от 5 до 10 дней — 2,8%, от 10 до 20 дней — 1,2% и от 3 до 6 месяцев — 0,4% (1 случай). В 99% случаев группой совершено 1 преступление, и менее 1% — по

2 и 3 преступления (по 2 факта соответственно).

Длительность существования преступной группы и совершения «серии» аналогичных преступлений объясняется следующими причинами:

1) хорошо налаженная система конспирации преступной деятельности, наличие коррупционных связей, активное противодействие раскрытию и расследованию совершенных преступлений;

2) недостатки в организации деятельности органов дознания и расследования по выявлению, раскрытию и расследованию таких преступлений (слабая техническая оснащенность, низкий уровень криминалистических знаний практических работников, межведомственная разобщенность);

3) специфика межличностных связей жителей населенных пунктов, расположенных в дельте и авандельте Волги, не желающих ни при каких условиях сотрудничать с органами, осуществляющими борьбу с браконьерством (малая численность жителей каждого из них; родственные, дружеские и криминальные связи большинства из них между собой; низкий уровень авторитета органов власти и правоохрана в их среде; отсутствие иного источника дохода, кроме рыбной ловли).

Возрастной состав групп был таковым: до 18 лет — 0,3% участников, от 18 до 25 лет — 6,4%, от 25 до 30 лет — 18,2%, от 30 до 40 лет — 42,7%, от 40 до 50 лет — 27,3%, от 50 до 60 лет — 4,5%, старше 60 лет — 0,6%. Как видно, основной костяк преступных групп составляют лица от 25 до 50 лет. Женщины входили в преступные группы всего в 5 случаях (0,8%), их возраст составил от 30 до 40 лет (3 лица) и от 40 до 50 лет (2 лица).

Из числа лиц, совершивших преступления в составе группы, 78,2% нигде не работали, 16% являлись неквалифицированными рабочими, 2,8% — пенсионерами, 2% — звеньевыми и рыбаками, менее 1% — егеря туристических баз, сотрудники контролирующих органов. Члены преступных групп в 96,3% случаев оказались местными жителями, а в 3,7% — жителями других регионов России. Чуть более чем половина преступлений (58,6%) совершена ими в дали от места жительства, при этом 5,8% фактов незаконной добычи рыбы имело место в море и 7,8% — в авандельте реки.

О факте совершения незаконной добычи рыбы группой лиц могут свидетельствовать следующие следы на месте происшествия:

1) обнаружение на месте происшествия некоторых видов орудий лова (ставной, закидной и обтяжной невод, волокуша) либо их характеристики и количество (ставные сети длиной сотни метров, одинаковые самоловные крючковые снасти в количестве исчисляемом десятками-сотнями);

2) следы ног, в том числе обутой в обувь, с разными характеристиками на берегу, в рыболовном стане либо месте хранения рыбы и продуктов из нее;

3) следы пальцев рук и кистей, оставленные, судя по рисунку папиллярных линий или размеру кистей, разными лицами, обнаруженные в плавсредстве, транспортном средстве, рыболовном стане и на различных предметах их обстановки (к примеру, таре для расфасовки икры, чекушке, приборе спутниковой навигации, оружии и др.);

4) резиновые рыбацкие костюмы, резиновые сапоги разных размеров на месте происшествия, в том числе в плавсредстве и рыболовном стане;

5) достаточно большое количество свежевыловленной рыбы (исчисляемое тысячами либо большого веса), что свидетельствует о ее добыче в короткий промежуток времени и явно не одним лицом;

6) накрытый на несколько лиц, судя по столовым приборам и посуде, в рыболовном стане стол.

Одним из самых распространенных способов противодействия расследованию со стороны таких преступных групп выступает дача подозреваемыми (обвиняемыми) ложных показаний, в тех случаях когда налицо признаки группового преступления. Как правило, имеют место следующие две ситуации при установлении (задержании) нескольких подозреваемых: 1) в совершении преступления признается лишь одно лицо, другие — отрицают свою причастность; 2) признательные показания дают некоторые из них либо все отрицают свою причастность к преступлению.

При отрицании факта незаконной добычи рыбы обычно допрашиваемый сообщает, что: 1) осуществлял прогулку на плавсредстве и винтом либо веслом зацепил орудие лова, при изъятии которого и был застигнут; 2) случайно нашел в воде или на берегу орудие лова и при его осмотре был задержан; 3) орудие лова ему вовсе подброшено сотрудниками правоохранительных либо контролирующих органов; 4) он находился в другом месте, и материалы уголовного дела сфальсифицированы.

Следователи и дознаватели нередко не владеют знаниями о криминалистической характеристике такого вида преступлений и, как следствие, допускают серьезные просчеты как на первоначальном этапе расследования, так и на его последующих этапах: не изымают все следы на месте происшествия, не проводят полный комплекс следственных действий и не назначают все необходимые судебные экспертизы и т.д.

Проблема в раскрытии и расследовании конкретного преступления заключается в сложности выбора наиболее целесообразных в сложившейся ситуации криминалистических рекомендаций, методов, приемов и средств, направленных на достижение задач предварительного расследования. И дело в данном случае не только в том, насколько определенные криминалистические рекомендации выступают инструментом практического познания, но и в имеющихся ресурсных возможностях оперативных сотрудников, дознавателей, следователей. В этом смысле наличие у перечисленных субъектов правоприменения знаний типовых криминалистических характеристик преступлений конкретных видов является фундаментом ситуативной готовности своевременно и обоснованно применить на практике те или иные криминалистические рекомендации.

Список литературы

1. *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы.: монография. М.: Норма, 2001.

2. *Быков В.М.* Криминалистическая характеристика преступных групп: учебное пособие. Ташкент: Ташкентская высшая школа МВД СССР, 1986.

3. *Каленов С.Е.* Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов (по материалам Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2003.

4. *Колесникова Т.В.* Криминалистическая характеристика преступных групп, совершающих вымогательство: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

5. *Куртынов И.В.* Криминалистическая характеристика преступных групп, совершающих грабежи и разбои на жилища граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

6. *Ушатов Д.В.* Методика расследования похищения человека, совершенного преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

7. *Шапошников А.Ю.* Криминалистическая характеристика преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

УДК 343.14
ББК 67.411

БУТЫРЕВА Наталья Владиславовна,
следователь по особо важным делам
второго отдела по расследованию особо важных дел
следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Самарской области
E-mail: natalja-butyreva@rambler.ru,
natalja-butyreva@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ МОТИВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Статья посвящена проблемам установления мотива преступления на предварительном следствии. Проанализированы причины затруднений, возникающих при доказывании данного признака состава преступления. Обоснован вывод о целесообразности использования специальных психологических познаний для установления мотивов преступления и рассмотрен ряд типичных следственных ситуаций, в которых участие психолога представляется наиболее необходимым и эффективным.*

Ключевые слова: *мотив преступления, доказывание, следственная ситуация, специальные познания, судебно-психологическая экспертиза.*

Annotation. *The article covers problems of determining the motive of crime during the preliminary investigation. The reasons for which difficulties arise in proving this essential element of offence have been reviewed. Conclusion about the applicability of specific psychological knowledge in determining the motive of crime has been validated. In the article a scope of typical investigative situations in which the involvement of psychologist seems most useful and effective has been also reviewed and analyzed.*

Keywords: *motive of crime, proof, investigative situation, specific knowledge, forensic psychological expertise.*

Мотив преступления является одной из важнейших характеристик противоправного деяния, и в соответствии с положениями ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по каждому уголовному делу. Однако в правоприменительной практике мотив преступления нередко устанавливается поверхностно (например, на основании одного лишь внешнего поведения субъекта без учета субъективного восприятия) либо не устанавливается вовсе, особенно в тех случаях, когда он не является конструктивным либо квалифицирующим признаком преступления.

Вместе с тем необходимость установления и доказывания мотива преступления по каждому уголовному делу обусловлена его существенным значением для правильной юридической квалификации содеянного, оценки степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего, и назначения виновному справедливого наказания.

Бесспорно, что в большинстве случаев мотив преступления может быть установлен следователем самостоятельно на основании собранных по делу доказательств: показаний подозреваемого (обвиняемого), если их достоверность не вызывает сомнений, других фактических данных, например, сведений о личности подозреваемого (обвиняемого), свидетельствующих об устойчивом противоправном поведении и совершении однотипных преступлений, информации о взаимоотношении с потерпевшим, способах распоряжения похищенным имуществом и т.д.

Однако в правоприменительной практике складываются ситуации, когда следственным путем установить либо доказать мотив совершенного преступления не представляется возможным, что, в свою очередь, существенно затрудняет процесс доказывания по уголовному делу в целом, ставит под сомнение правильность квалификации деяния, обоснованность предъявленного обвинения и причастность обвиняемого к преступлению.

Возникающие проблемы с доказыванием мотивов преступлений, очевидно, должны решаться посредством поиска новых подходов и средств к установлению мотивов, одним из которых и является использование специальных психологических познаний.

Следует отметить, что вопрос о возможности установления психологом мотивов преступлений в науке и практике является дискуссионным, однако в последние годы все большее число ученых приходит к выводу о возможности проведения соответствующего вида судебно-психологической экспертизы, а отдельными экспертами и экспертными учреждениями такие экспертизы уже проводятся.

Целесообразность использования специальных психологических познаний в конкретном случае обусловливается совокупностью ряда факторов, характеризующих обстоятельства совершения преступления, личность подозреваемого (обвиняемого), содержание предполагаемых мотивов преступления и др. Указанные факторы находят свое отражение в складывающихся в процессе расследования следственных ситуациях, которые могут быть типизированы в зависимости от возможности или невозможности получения данных о мотиве преступления.

Такая типизация необходима для того, чтобы выделить ситуации, в которых привлечение психолога для установления мотива преступления представляется наиболее обоснованным, а также предложить оптимальную форму и методологию использования специальных познаний психолога.

Основные типы следственных ситуаций, требующих участия психолога в расследовании уголовного дела для установления мотива преступления, можно описать следующим образом.

Ситуация № 1. Следственная ситуация, возникающая на начальном этапе расследования (реже — на промежуточном), когда лицо, совершившее преступление, не установлено.

Особенности мотивации лица всегда находят отражение в различных элементах объективной стороны преступления — в выборе объекта преступных действий, способе преступного посягательства и др. В рассматриваемых ситуациях помощь психолога заключается в составлении психологического портрета (профиля) предполагаемого преступника, в консультировании по вопросам, касающимся его вероятных личностных особенностей, в том числе потребностно-мотивационной сферы, выдвижении на основе своих специальных знаний обоснованных предположений о мотивах совершенного преступления, а также отдельных действий, совершаемых в ходе противоправного посягательства и после него.

Обычно такая необходимость возникает при расследовании тяжких преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности, нетипичных в том или ином отношении, совершенных при необычных обстоятельствах или необычным способом, а также серийных преступлений.

Иные ситуации, требующие привлечения психолога к установлению мотива преступления, возникают на промежуточных стадиях расследования, когда лицо, совершившее преступление, установлено.

Ситуация № 2. Следственная ситуация, отличающаяся бесконфликтным характером отношений сторон уголовного судопроизводства, когда обвиняемый (подозреваемый) дает правдивые показания относительно обстоятельств совершения преступления, однако затрудняется пояснить, каков был его мотив, либо добросовестно заблуждается относительно подлинного мотива своего поведения.

В первую очередь, такая ситуация складывается, когда мотив преступления не осознается виновным. Как отмечалось в литературе, это возможно при совершении замещающих действий (смещении в объекте действия), когда какая-либо недостижимая цель бессознательно заменяется другой, достижимой, благодаря чему происходит снятие нервно-психического напряжения. Например,

в ряде случаев при совершении насильственных преступлений насилие применяется непосредственно не к лицу, вызывающему враждебные чувства, а к другому лицу, нередко — первому встречному[1]. В других случаях источником недовольства для виновного может служить не конкретное лицо, а неудачно складывающиеся жизненные обстоятельства, деятельность государственных органов, различных учреждений и пр., и в результате нарастания фрустрации и аффективного напряжения агрессия внезапно может быть перенесена на конкретное физическое лицо, нередко из близкого окружения виновного. Именно в подобных случаях может создаваться иллюзия безмотивности совершенного преступления.

Сам виновный в этих случаях, как правило, не отдает себе отчета в том, что именно побудило его к совершению противоправных действий, тем более, что такие преступления совершаются обычно по внезапно возникшему умыслу. В связи с этим обвиняемый (подозреваемый) либо затрудняется назвать мотив преступления, например, ссылаясь на то, что ничего не помнит, так как находился в состоянии опьянения, либо называет в качестве такового само состояние опьянения.

В иных случаях, даже если обвиняемый дает достаточно уверенные показания о мотиве совершенного преступления, у следователя могут появиться сомнения в их соответствии действительности. Это не означает, что обвиняемый сознательно скрывает истинный мотив преступления, поскольку он может добросовестно заблуждаться относительно своих побуждений. Например, обвиняемый может называть в качестве мотива преступления защитный мотив, или мотивировку, под которыми в литературе понимается оправдательная трактовка самим преступником мотива преступления, «рациональное объяснение причин действия посредством указания на социально приемлемые для данного субъекта и его окружения обстоятельства, побудившие к выбору данного действия»[2].

Вероятность того, что подлинный мотив преступления в действительности не был осознан, значительно увеличивается, если преступление совершено несовершеннолетним. Возрастная специфика оказывает существенное влияние на потребностно-мотивационную сферу подростка, что выражается в гипертрофированных потребностях в самоутверждении и независимости, зачастую проявляющихся в противодействии навязываемым мнениям, авторитетам, общественным нормам и правилам, различного рода протестных реакциях,[3] повышенной потребности в принятии и одобрении референтной группой или значимой личностью.

Среди наиболее распространенных мотивов совершения несовершеннолетними противоправных деяний авторами называются стремление немедленно получить удовольствие, стремление самоутвердиться, оппозиционное поведение, агрессия, потребность чувствовать принадлежность к группе и получать ее одобрение, чувство солидарности с товарищами, скука, игра, любопытство, стремление к риску и острым ощущениям, фрустрация, чувство ложной романтики и др.[4]

В этих случаях осознание подлинного мотива преступления, зачастую не связанного непосредственно с достижением собственно преступной цели, может быть затруднено, поэтому помощь психолога представляется просто необходимой.

Ситуация № 3. Следственная ситуация, носящая конфликтный характер, когда обвиняемый (подозреваемый) отказывается от дачи показаний либо дает ложные показания, в том числе и о мотивах совершенного преступления.

Вывод о ложности называемого обвиняемым мотива, как и в предыдущей ситуации, может быть основан на том, что такой мотив явно неадекватен характеру и обстоятельствам совершенного деяния либо личности обвиняемого (подозреваемого). В от-

---

[1] См. подр.: *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследование преступлений. М: Юрист, 1996. С. 154, 155.

[2] Там же. С. 159.

[3] См.: Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. С. 60.

[4] См.: *Змановская Е.В., Рыбников В.Ю.* Девиантное поведение личности и группы. СПб.: Питер, 2010. С. 109, 110; *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М.: Ось-89. С. 70, 71; *Мамайчук И.И.* Экспертиза личности в судебно-следственной практике. СПб.: Речь, 2002. С. 116.

личие от ситуаций, когда речь идет о несознаваемых мотивах, здесь очевидны заведомая ложность показаний обвиняемого в этой части и сознательное сокрытие истинных побуждений, толкнувших лицо на совершение преступления.

Лицо дает заведомо ложные показания относительно мотива преступления — такой вывод может быть основан на том, что и в части других обстоятельств его показания также являются ложными (противоречат объективным данным и собранным по делу доказательствам), либо обвиняемый частично утаивает различную информацию о преступлении, иными средствами активно противодействует расследованию дела.

Вероятность осознания обвиняемым подлинного мотива преступления высока в случаях, если преступление совершено по заранее обдуманному умыслу, было спланировано, если в ходе совершения преступления или непосредственно после него лицом осуществлялись инсценировки либо предпринимались меры к маскировке мотива и цели преступления.

Данная ситуация, впрочем, не исключает возможности того, что обвиняемый (подозреваемый) в действительности не осознает мотивов, побудивших его к совершению преступления, однако в условиях сознательного искажения или утаивания информации о преступлении отношение подследственного к любому психологическому исследованию будет или отрицательным, или только формально-положительным. Данное обстоятельство, в свою очередь, потребует при экспериментальном обследовании специального подбора и использования методик, обладающих высокой степенью достоверности получаемых результатов и максимально устойчивых к возможной фальсификации со стороны испытуемого.

Таким образом, подобные ситуации все равно являются конфликтными, что предопределяет соответствующий подход при назначении и проведении специального психологического исследования в той или иной форме.

Ситуации № 2 и 3 предполагают привлечение психолога на тех стадиях расследования, когда уже собрано достаточное количество доказательств по делу, позволяющих восстановить объективную картину происшествия, а также значительный объем сведений о личности обвиняемого, дающий возможность психологу уже на этапе анализа материалов уголовного дела сделать хотя бы предположительные выводы об основных индивидуально-психологических особенностях исследуемой личности, в том числе о ее потребностно-мотивационной сфере и ведущих мотивах поведения. В связи с этим наиболее целесообразным и эффективным представляется назначение судебно-психологической экспертизы.

Содействие психолога в установлении мотива преступления приобретает особое значение, если преступление совершено в соучастии. Вариантами данной ситуации являются не только случаи, когда преступление непосредственно совершено группой лиц, но и когда помимо исполнителя в совершении преступления участвовали иные лица, выступавшие в качестве организатора, пособника или подстрекателя.

Проблемность данной ситуации заключается в том, что не все лица, участвующие в совершении одного преступления, могут руководствоваться при этом одинаковыми мотивами, что обусловлено не только индивидуально-личностными особенностями каждого члена преступной группы, но и степенью влияния группы или ее лидера на каждого ее участника.

В литературе уделено достаточное внимание анализу социально-психологической структуры, взаимоотношений, форм взаимодействия членов преступных групп. Авторами отмечается, что мотивы преступных действий у участников преступной группы могут быть и не связаны непосредственно с объектом (предметом) преступного посягательства. Например, В.Ф. Пирожков пишет, что при совершении разбойного нападения группой лиц «один руководствуется стремлением к личному обогащению, другой — желанием самоутвердиться в группе, третий — проявить свою смелость, четвертый идет из-за боязни быть изгнанным из группы или боязни наказания и т.д.»[5]. В этнических преступных группах мотивом участия в совер-

[5] *Пирожков В.Ф.* Указ. соч. С. 22.

шении преступления для отдельных участников может стать «чувство солидарности и безоговорочная поддержка своих»[6].

Специфика мотивации преступлений, совершаемых в соучастии, заключается в том, что она зачастую предопределяется мотивацией вхождения в преступную группу (присоединения к преступным действиям, исполнения преступления при содействии других лиц либо оказания содействия другим лицам). Кроме того, такая мотивация в каждом конкретном случае может быть не связана с достижением собственно преступной цели, а иногда эта цель может быть даже нежелательной либо противоречащей ценностно-нормативной системе личности (например, совершение преступления в результате принуждения, нахождения в зависимости от соучастника и т.п.). В связи с этим привлечение психолога наиболее важно в делах о преступлениях, совершенных группами несовершеннолетних.

Таким образом, нередко встречающееся в правоприменительной практике простое «выведение» мотива преступления из данных об объективной стороне преступления и конструкции вменяемого состава преступления либо только из показаний обвиняемого (подозреваемого), невзирая на явное несоответствие называемого мотива преступления объективным обстоятельствам, может дать в корне неверное представление об особенностях мотивации виновного лица. Однако, как уже отмечалось выше, установление подлинных мотивов преступления отвечает целям индивидуализации ответственности и назначения справедливого наказания, помогает правильно квалифицировать совершенное деяние, выявить наличие смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств.

В связи с этим использование психологических познаний при установлении мотивации преступного поведения представляется весьма перспективным, хотя широкое внедрение в практику такого рода исследований в настоящее время требует разработки специальных программ и методик мотивационной диагностики и адаптации уже существующих к применению в сфере уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследование преступлений. М: Юрист, 1996. 336 с.

2. *Змановская Е.В., Рыбников В.Ю.* Девиантное поведение личности и группы. СПб.: Питер, 2010. 352 с.

3. *Мамайчук И.И.* Экспертиза личности в судебно-следственной практике. СПб.: Речь, 2002. 255 с.

4. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М.: Ось-89. 704 с.

5. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. 256 с.

6. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.

[6] Прикладная юридическая психология: учеб. пособ. для вузов / под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 132.

УДК 343.985.7
ББК 67.6

БУТЫРСКАЯ Анна Валерьевна,
заведующий кафедрой криминалистики
Четвертого факультета (с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: +7910798 39 92@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ЛУШИН Евгений Александрович,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Четвертого факультета (с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: ev. lushin @yandex.ru

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ БЕЗ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Анотация. *В статье рассмотрены особенности тактики применения фотографических средств при осмотре места происшествия без участия понятых. Осмотр места происшествия является важнейшим источником информации о происшедшем, в ходе его проведения обнаруживаются и изымаются вещественные доказательства, которые, как правило, являются основой всего расследования. В соответствии с изменениями в ст. 170 УПК РФ осмотр места происшествия может быть произведен без участия понятых в случае применения технических средств фиксации хода и результатов его проведения. В связи с этим повышается удостоверяющая роль результатов использования таких технических средств, как фото, видео при осмотре места происшествия.*

Ключевые слова: *осмотр места происшествия, фото-, видеосъемка при осмотре места происшествия, фотосъемка при осмотре места происшествия без участия понятых.*

Annotation. *The article considers the peculiarities of the tactics of application of photographic tools with the examination of the scene without witnesses. The examination of the scene is the most important source of information about developments in the course of its holding are detected and removed evidence, which, as a rule, are the basis of all investigations. In accordance with changes in Art. 170 of the code inspection of the scene can be made without witnesses, in cases of application of technical means of fixation of the progress and results of its implementation. In this regard, increases the authoritative role of the use of photo and video tools in the examination of the scene.*

Keywords: *examination of the scene, photo and video shooting with the examination of the scene, photographing when the examination of the scene without witnesses.*

Осмотр места происшествия — одно из основных действий при расследовании подавляющего большинства преступлений. Это важнейший источник информации о происшедшем. Не качественно и не профессионально проведенный осмотр может сделать бессмысленными дальнейшие усилия по расследованию преступления. Место происшествия невозможно законсервировать и сохранить для повторных исследований. Поэтому восполнить пробелы в информации, возникшие в процессе его некаче-

ственного проведения, зачастую не представляется возможным. Важность осмотру места происшествия придает и то обстоятельство, что при его проведении обнаруживаются и изымаются вещественные доказательства, которые нередко являются основой всего расследования. Поэтому процедура их осмотра и изъятия должны быть выполнены безупречно как с юридической, так и с технической точки зрения. В противном случае доказательства в соответствии с УПК РФ будут признаны недопустимыми.

Фиксации хода и результатов данного следственного действия осуществляется различными способами. Прежде всего это словесное описание в протоколе. Составление протокола в соответствии со ст. 164 УПК РФ является обязательным. Кроме него применяется фото- и видеосъемка, составление планов и схем. Наиболее часто при осмотре места происшествия применяется фотосъемка. Полученные фотоснимки существенно дополняют протокол соответствующего следственного действия, позволяя участникам уголовного процесса на последующих этапах уголовного судопроизводства составить более полное и объективное представление о событии, получившем отражение в протоколе, рассмотреть детали образа, имеющие доказательное значение [1].

Как было отмечено выше, согласно УПК РФ фиксацией любого следственного действия является протоколирование. Все остальные средства закрепления процессуальной информации, в том числе и фотосъемка, выступают в качестве дополнительных и могут применяться по усмотрению следователя, а полученные материалы являются приложениями к протоколу следственного действия (ст. 166 УПК РФ). Фотографические негативы, электронные носители с зафиксированной на них визуально воспринимаемой информацией, фотографии, полученные при производстве следственного действия, не могут в настоящее время заменить собой протокол на бумажном носителе. Иначе говоря, результаты использования фотографических средств фиксации информации при отсутствии протокола утрачивают свое доказательственное значение.

Несмотря на это, необходимо учитывать, что фотографические средства фиксации могут применяться следователем не только для простого дополнения протокола, а для более точного отражения в действительности ретроспективного события преступления и его обстоятельств, которые закреплены в нем в самом общем виде либо совсем недоступны протоколированию. Так, самое подробное описание любого объекта, например следа обуви, не отразит всех особенностей и нюансов, которые можно зафиксировать фотографическими средствами.

В настоящее время в связи с изменениями ст. 170 УПК РФ осмотр места происшествия по усмотрению следователя может производиться без участия понятых. Однако в этом случае закон обязывает следователя применять технические средства фиксации хода и результатов следственных действий. В связи с этим повышается удостоверяющая роль результатов использования таких технических средств, как фото- и видео при осмотре места происшествия. Соответственно возрастают требования, предъявляемые к тактике применения указанных средств и, как следствие, ее изменения.

В идеальном случае фиксацию хода и результатов осмотра места происшествия в полном объеме позволяет осуществить только видеосъемка. Фотографическая съемка позволяет в той или иной степени зафиксировать результаты осмотра, но не может в полной мере обеспечить фиксацию хода следственного действия. Но на практике сделать видеозапись всего процесса осмотра места происшествия крайне проблематично. Поэтому подробнее остановимся на фотосъемке и приведем некоторые замечания по тактике применения фотоаппаратуры при осмотре места происшествия, осуществляемого без понятых.

В целом мы поддерживаем мнение И.В. Маслова и С.А. Шапкова [2] по поводу того, что в процессе осмотра места происшествия без участия понятых, помимо соблюдения прочих требований к производству фотосъемки, необходимо зафиксировать факт участия в осмотре места происшествия всех указанных в протоколе участников: следователя, специалиста — криминалиста, судебного медика

(в случае с трупом) и др. Причем, по нашему мнению, в процессе фиксации необходимо позаботиться о том, чтобы на фотографии было видно, что данные лица находятся именно на данном месте происшествия.

Кроме того, необходимо фиксировать все изъятые на месте происшествия и указанные в протоколе объекты. Причем фиксация данных объектов должна быть произведена так, чтобы на фотографии были видны групповые и частные признаки объектов, которые зафиксированы в протоколе. Возможно, что с этой целью придется сделать не только детальную фотографию объекта, но и дополнительные фотографии, фиксирующие отдельно некоторые признаки.

Необходимо сделать дополнительные фотографии изъятых объектов в упакованном виде. Причем фотографии должны быть сделаны так, чтобы на них были видны реквизиты упаковки, оттиски печати, подписи.

Кроме указанного, необходимо предпринять и соответствующие меры, исключающие возможности фальсификации полученных фотографий. Например, использовать фотокамеры, записывающие информацию в формате RAW. Или сразу же на месте происшествия, с помощью портативного устройства прямой записи на CD и DVD-диски, перезаписывать информацию с флеш-карты, имеющейся в фотоаппарате на одноразовые CD-R диски [3].

Список литературы

1. *Соколов Ю.Н.* Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // СПС «КонсультантПлюс» (время обращения 12.02.2015).

2. *Маслов И.В., Шапков С.А.* Применение технических средств фиксации осмотра места происшествия, производимого без участия понятых // Уголовный процесс. 2014. № 1.

3. *Лушин Е.А.* Некоторые вопросы обеспечения и оценки доказательственного значения материалов, полученных с помощью цифровых технических средств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. Вып. 4. С. 210—214.

УДК 343.9
ББК 67.52

ГУЩЕВ Максим Евгеньевич,
доцент кафедры криминалистики
Четвертого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук
E-mail: gmaksim6@gmail.com

ШУВАЛОВА Анастасия Михайловна,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Четвертого факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Нижний Новгород)
Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета
Российской Федерации»
E-mail: shinicheva@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В представленной статье рассматривается проблема возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного расследования, в отсутствие поручения следователя.*

Ключевые слова: *проведение оперативно-розыскных мероприятий без поручения следователя, основания проведения оперативно-розыскных мероприятий.*

Annotation*. The article reveals the problem of conducting the criminal cases search activities on the stage of preliminary inquest (without investigator's authority).*

Keywords: *conducting the criminal cases search activities without investigator's authority, causes for conducting the search activities.*

Согласно ч. 4 ст. 157 УПК РФ после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя.

Одновременно ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) в качестве равнозначных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий предусмотрены как наличие возбужденного уголовного дела, так и поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящемся в их производстве.

Таким образом, в некоторых случаях для производства ОРМ УПК РФ требует совокупности оснований, предусмотренных п.1, 3 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД. При этом данный Закон рассматривает каждое из оснований самостоятельным и достаточным.

Результатом несогласованности положений нормативных актов зачастую становится признание доказательств, полученных на основании результатов оперативно-розыскных мероприятий, проведенных в связи с возбужденным уголовным делом, но без поручения следователя, недопустимыми.

Так, в определении от 13.10.2010 № 18-Д10-41 [1] Верховный Суд Российской Федерации делает вывод, что «в соответствии со ст. 149, п. 3 ч. 2 ст. 151, ч. 4 ст. 157 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 161-ФЗ) и п. 3 ч. 1 ст. 7, п. 2 ст. 14 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ) проведение оперативно-розыскных мероприятий при наличии возбужденного следователем ОВД уголовного дела возможно лишь по поручению следователя, в производстве которого находится конкретное уголовное дело», после чего отменяет обвинительный приговор суда и прекращает дело в отношении лица в связи с тем, что ОРМ в отношении него при наличии возбужденного уголовного дела проведены без поручения следователя.

К аналогичным выводам Верховный Суд Российской Федерации пришел и в кассационном определении от 15.10.2009 № 47-О09-67 [2] — «вместе с тем на указанный судом период времени (конец декабря 2007 года) уголовные дела в отношении Я. уже были возбуждены, находились в производстве не органа дознания, а органов следствия, по ним проводилось предварительное расследование, в связи с чем проведение каких-либо оперативно-розыскных мероприятий было возможно в силу требований ст. 157 ч. 4 УПК РФ лишь по поручению следователя».

Анализируя положения ст. 157 УПК РФ и ст. 7 Закона об ОРД, доктор юридических наук, профессор А.И. Алексеев и доктор юридических наук В.С. Овчинский [3] приходят к выводу, что наличие возбужденного уголовного дела в качестве юридического основания проведения ОРМ следует рассматривать применительно к трем типичным ситуациям:

1) в случае нахождения такого дела в производстве органов дознания;

2) в случае неустановления совершившего преступление лица по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя;

3) в случае установления виновного лица по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя.

При этом в третьем случае указанные авторы считают, что следует признать допустимым и возможным проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, привлекающихся к уголовной ответственности, без поручения следователя, если оперативные подразделения располагают сведениями об их причастности к другим нераскрытым преступлениям.

Данная позиция находит отражение и в практической деятельности оперативных работников, которые чаще всего добывают оперативно-розыскную информацию, направленную на доказывание факта преступной деятельности, по которому возбуждено уголовное дело, лишь на основании поручения следователя, но при этом ведут инициативный поиск подтверждения иных фактов преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, направляя в случае выявления информации рапорт об обнаружении признаков преступления для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по новому эпизоду.

В связи с этим интересна позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в определении от 25 января 2012 № 167-О-О [4].

Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что согласно Закону об ОРД каждое из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий является самостоятельным и применяется независимо от другого, а потому наличие или отсутствие одного из них не отменяет и не исключает другого и не снимает обязанности с органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при решении определенных этим Законом ее задач принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства.

Недопустимость проведения оперативно-розыскных мероприятий по другим законным основаниям, когда отсутствуют поручения следователя по уголовным делам, находящимся в его производстве, а потому и недопустимость использования результатов таких мероприятий в доказывании по уголовному делу приводили бы к фактической отмене предусмотренных законом иных оснований для проведения таких мероприятий, блокировали бы реализацию органами, осуществ-

ляющими оперативно-розыскную деятельность, возложенных на них задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в целях защиты конституционно значимых ценностей от преступных посягательств.

Представляется, что указанным определением Конституционный Суд Российской Федерации признает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий по возбужденному уголовному делу и без поручения следователя вне зависимости от каких-либо иных условий.

Однако при проведении оперативно-розыскных мероприятий в связи с возбужденным уголовным делом необходимо учитывать позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в ряде его определений.

Так, в Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 104-О-О [5] сказано, что Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому обвиняемому в совершении преступления право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), освобождая его от обязанности доказывать свою невиновность и свидетельствовать против себя самого (статья 49, часть 2; статья 51, часть 1) и гарантируя право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (статья 48, часть 2), исходит из особого статуса этого субъекта уголовно-процессуальных отношений и необходимости установления дополнительных гарантий защиты его прав и законных интересов. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 1 декабря 1999 года № 211-О [6], нормы отраслевого законодательства, в том числе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», не могут применяться в отношении обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации; иное не только противоречило бы требованиям названных статей Конституции Российской Федерации, но и умаляло бы достоинство личности, охрана которого как основы признания и уважения ее прав и свобод гарантируется государством (статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Названное решение Конституционного Суда Российской Федерации сохраняет свою силу, а выраженная в нем правовая позиция применима и к ситуации, когда выступающее в официальном качестве должностное лицо в ходе оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого в отношении гражданина, который подвергается уголовному преследованию и чьи конституционные права на свободу, личную неприкосновенность и свободу передвижения реально ограничены, проводит его опрос с целью получения образцов для сравнительного исследования.

С учетом указанных конституционных предписаний, а также норм статей 47, 49 — 51, 53, 74 и 75 УПК РФ, закрепляющих гарантии прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве, подлежат применению и положения части четвертой статьи 21, статей 84, 86 и 89 УПК РФ и статей 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», определяющие соответственно права и обязанности следователя по осуществлению уголовного преследования и собиранию доказательств и полномочия осуществляющих оперативно-розыскную деятельность органов, в том числе связанные с проведением по поручению следователя сбора образцов для сравнительного исследования. Более того, из указанных нормативных предписаний в их взаимосвязи следует, что как уголовно-процессуальные действия, так и оперативно-розыскные мероприятия могут осуществляться лишь определенными субъектами при наличии специальных установленных законом оснований и условий; при этом проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности статьей 202 «Получение образцов для сравнительного исследования» УПК РФ, установлена специальная процедура.

Указанную правовую позицию Конституционный Суд РФ поддержал и в Определе-

нии от 25.02.2010 № 261-О-О [7], согласно которому статьи 186 и 202 УПК РФ не допускают возможность получения образцов для сравнительного исследования путем подмены установленного ими порядка производства следственных действий. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24 января 2008 года № 104-О-О, и уголовно-процессуальные действия, и оперативно-розыскные мероприятия могут осуществляться лишь определенными субъектами при наличии специальных установленных законом оснований и условий; проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности статьей 202 «Получение образцов для сравнительного исследования» УПК РФ, установлена специальная процедура.

Таким образом, в целях формирования единой практики применения положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Закона об ОРД представляется целесообразным изменить положения ч. 4 ст. 157 УПК РФ, исключив из нее указание на возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий по возбужденному уголовному делу только по поручению следователя, при этом учитывая процессуальный статус лица, в отношении которого данные мероприятия проводятся.

Список литературы

1. Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2010 № 18-Д10-41 Производство по делу в части осуждения виновного по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ по одному из эпизодов прекращено за непричастностью осужденного к совершению преступления.

2. Определение Верховного Суда РФ от 15.10.2009 № 47-О09-67 Приговор по делу о получении взятки изменен: действия одного из осужденных переквалифицированы с п. «а» ч. 4 ст. 290 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ, действия второго — с п. «а» ч. 4 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ, им снижено наказание, так как получение виновными вознаграждения путем обмана совершено в тот период времени, когда такие действия не совершались и не могли быть совершены ими самостоятельно, а лишь по поручению следователя.

3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М.: Проспект, 2011.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 167-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2010 № 261-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Натальи Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

УДК 343.96
ББК 67.52

ИЛЬЮК Елена Вадимовна,
доцент кафедры уголовного права
Второго факультета Института повышения квалификации
Академии Следственного комитета РФ
(с дислокацией в г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Elena. ilyuk@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

СЕРИЙНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЛАЗАМИ ПСИХИАТРА

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Показано, как психическое расстройство лица, совершающего серийное преступление, предопределяет особенности его поведения до совершения преступления, во время и после. Такие характеристики серийных преступлений, как рецидив, стереотипность действий, отсутствие эмпатии, «охота» на жертву, отсутствие интереса к coitus, кажущаяся «асексуальность», предопределены влиянием психического расстройства. Недооценка общественной опасности больных с парафилиями и неприменение необходимого лечения повышают риск рецидива.*

Ключевые слова: *парафилии, педофилия, принудительные меры медицинского характера, смягчающее обстоятельство, серийные преступления.*

Annotation. *It is shown as a mental disorder a person committing a series crime, determines features of its behavior before committing the crime, at the time and after the commission. Such characteristics of serial crimes such as relapse, stereotypical actions, lack of empathy, and other predefined influence of mental disorder. Underestimation of public danger patients with paraphilias and non-use of appropriate treatment increase the risk of relapse.*

Keywords: *paraphilia, pedophilia, compulsory medical measures, a mitigating circumstance, serial crimes.*

Известный психиатр Александр Бухановский в ряде интервью отмечал: «Я не знаю ни одного серийного убийцы ни в России, ни в Соединенных Штатах, ни в Германии, которому официально не был бы установлен тот или иной психиатрический диагноз. После каждого тюремного срока время до совершения очередного преступления у серийных убийц все короче. Если раньше я задумывался, сколько нужно лечить таких людей, то теперь знаю: *всю жизнь*... они должны принудительно лечиться от своей болезни по месту отбывания наказания... Проанализировав поведение тех, кто страдал парафилиями и по пять — шесть раз сидели в тюрьмах, мы обнаружили, что время между выходом на свободу и совершением нового преступления сокращается, а сами преступления становятся более жесткими, более тяжелыми» [2].

Симптомы психической болезни — неврологические или психические — являются следствием повреждения головного мозга, которое происходит внутриутробно или в детстве [4, с. 243]. Органическая подоплека присутствует при любой форме психической патологии.

Психические расстройства обусловливают стабильные индивидуально-психологические особенности личности, они интегрируются в психику человека и настолько искажают ее функционирование, что исключают способ-

Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации

ность к адекватному отображению окружающего и осознанному управлению своим поведением. Психические аномалии влияют и на ограничение способности лица к свободному выбору действия в криминальной ситуации [4, с. 169; 672, 673].

Судебными психиатрами было сформулировано понятие психопатологических механизмов общественно опасных действий. Это такое взаимодействие болезненных расстройств психики между собой, а также с личностными особенностями больного и ситуационными факторами, которая обусловливает рассматриваемое деяние. Наряду с прямой обусловленностью деяния характером синдрома нередко импульс к совершению действия дает внешняя ситуация. Расстройство психики выступает в роли поломанного инструмента, который в результате неправильной, неадекватной переработки этого импульса приводит к тому, что ответное деяние приобретает опасный характер [4, с. 680, 681].

Для парафилий характерна коморбидность — их связь и клиническое единство с другими нарушениями контроля импульса, другими формами аддикции — такими как патологическое влечение к азартным играм, поджогам — пиромания или воровству — клептомания [4, с. 339].

Среди лиц, обвиняемых в совершении серийных сексуальных убийств, у 94% обнаруживались расстройства сексуального предпочтения — парафилии. Они были представлены сексуальным садизмом (48,89%), гомо- и гетеросексуальной педофилией (6,67%), полиморфным парафильным синдромом, который включал элементы гомо- и гетеросексуального садизма, гомицидомании, некрофилии, некросадизма, фетишизма, педофилии, эксгибиционизма, фроттеризма, каннибализма, аутоасфиксиофилии, озолагнии, геронтофилии (44,44%). Чаще в рамках полиморфного парафильного синдрома отмечался синдром недифференцированного объекта сексуального влечения (16,67%), при котором возрастные признаки перестают играть роль в возникновении влечения, реализуемого в отношении любого объекта. В отличие от них серийные сексуальные убийцы без парафилий (6%) преимущественно совершали правонарушения в отношении зрелого гетеро- и гомосексуального объекта.

На фоне постепенно нарастающего дефекта психики происходит отчетливая динамика от сравнительно легких к появлению, наряду с прежними, более сложных и тяжелых извращений [6, с. 9], некрофилия сменяется некросадизмом или каннибализмом.

Признаки зависимости при садистских парафилиях обусловливают повторные опасные агрессивные сексуальные действия и заключаются в синдроме психофизической зависимости от патосексуального поведения. Синдром психофизической зависимости детерминирует многоэпизодность, непроизвольность его возникновения, трудности преодоления аномального влечения в начавшемся эпизоде, влияет на степень свободы при выборе садистского паттерна и тем самым выступает психопатологической основой серийности опасных действий. О.А. Бухановская приходит к выводу об учащении эпизодов и росте патосексуальной толерантности в последовательности: визионизм, фроттеризм → садистские фантазии → садизм → садистская гомицидомания → некросадизм → некрофагия, вампиризм [1].

При гомицидомании — влечение к убийству — совершают убийство, руководствуясь стремлением уничтожить жертву. Убийство происходит быстро, резко, без стремления вступить в контакт, без желания затягивать процесс. В таких случаях речь идет не о патологии сексуального предпочтения, а «других расстройствах привычек и влечений» (F 63.8).

Иногда сексуальный характер убийства может проявиться в том, что ранения носят множественный, стереотипный характер и наносятся в сексуально значимые области (грудь, живот, половые органы, ягодицы, шею). Заключение о возможном сексуальном характере преступления особенно вероятно, если наряду с проникающими ранениями имеются следы стереотипных надкалываний, царапины.

При некрофилии (F 65.8) наряду с признаками полового акта с трупом могут отмечаться «бессмысленные» перемещения трупа жертвы и манипуляции с ним, позы трупа и его части могут нести символический смысл. Так, Джон Гейси тела потерпевших

подростков похоронил в позе 69, вложив в рот половые органы друг друга.

При некросадизме (F 65.8) отмечается непонимание факта смерти жертвы и садистское обращение с трупом как живым объектом. При каннибализме (без сексуальной мотивации — F 63.8) убийство является промежуточной целью для удовлетворения стремления к поеданию трупа.

При полиморфном синдроме (F 65.6) правонарушитель в процессе совершения убийства, до или после него может проявлять те или иные формы парафилий: транзиторный трансвестизм, обнажение на месте происшествия. Собирание вещей жертвы, чаще всего предметов женского белья, которое используется потом для мастурбации и/или для стимуляции воспоминаний о деликтах, может указывать на фетишистские тенденции.

При садизме (садомазохизме — F 65.5) убийство может совершаться с целью достижения оргазма, в процессе переживания оргазма или после него. Характерно удушение жертвы либо перед, либо в процессе полового акта; или причинение длительных мучений, истязаний с обязательным психологическим унижением жертвы. При этом стимулы сексуального возбуждения могут быть разными: вид крови, хрипы, стоны, конвульсии. Семяизвержение — редко, чаще отмечается сексуальное возбуждение с отсутствием эрекции.

Судорожный припадок при эпилепсии, принимающий серийный характер, значим для диагностики но нейтрален с точки зрений вменяемости. В клинической картине эпилепсии на первый план выступают специфические для эпилепсии изменения личности и снижение интеллекта, нарушения мышления, когнитивные и эмоциональные нарушения. При оценке психопатологических расстройств при эпилепсии нарушения часто не укладываются в какой-либо очерченный клинический синдром, а, как правило, *нестабильны, проявляются в субъективно сложных ситуациях и провоцируются внешними неблагоприятными факторами* [4, с. 278]. У больных с лобной эпилепсией наблюдались приступы эксгибиционизма.

Для «сексуальных аддикций» ключевыми аспектами поведения являются: *озабоченность*, когда мысли аддикта фокусируются на поведении, *ритуализация*, когда индивидуум следует однотипному методу подготовки к сексуальной активности; *сексуальная компульсивность*, когда сексуальное поведение становится неподвластным контролю индивидуума; *стыд и отчаяние*, возникающие в результате сексуального поведения.

Выделяются следующие диагностические критерии для сексуальной аддикции: периодическая неспособность противостоять импульсам к специфическому сексуальному поведению; нарастание ощущения напряжения, непосредственно предшествующего началу сексуального поведения; удовольствие или облегчение во время осуществления сексуального поведения [4, с. 340].

Исследование восприятия жертв насильниками и педофилами показало, что правонарушитель часто погружен в себя, извращает реакции жертвы в свете своих предвкушений, ожидая от нее желания, что отражает неспособность компетентно оценивать состояние другого человека. Многие гетеросексуальные педофилы при просмотре фотографий с изображением девочек усматривают в их поведении черты взрослого сексуального кокетства, и даже типичная детская мимика воспринимается ими так же, приписывают ребенку качества взрослого [4, с. 352]. Отмечается дефицитарность эмпатического восприятия.

Формирование парафилий представляет собой не что иное, как проявление целостного механизма психического регресса. Под регрессивностью понимают появление паттернов поведения, характерных для более ранних этапов онтогенеза, чем тот, в котором находится данный индивид. Онтогенетическая регрессия проявляется в выборе объекта по полу и возрасту, возврате к паттернам поведения ранних стадий развития. Типично педофильное поведение — разглядывание и ощупывание половых органов.

Патология осознания объекта выражается в деперсонификации, фетишизации и эутоэротизме. При деперсонификации роль субъекта сводится к значению предмета.

Фетиши связаны с теми категориями, освоение которых составляет суть кризисных периодов становления идентичности:

1) живое — неживое. Проявляется в использовании кукол или проституток, изоб-

ражающих трупы, часто с непониманием факта смерти, некрофильные и некросадистические проявления, обездвиженность как особый сексуальный стимул;

2) мужское — женское: лишение признаков пола. В этом суть педофилии: предпочтение объекта, лишенного очевидных половых отличий. Наглядны также случаи предпочтения орально- и анально-генитальных актов, одновременно отражающие установление отношений доминирования и иерархии, выбора гомосексуального объекта [4, с. 354];

3) детское — взрослое: лишение признаков возраста. Нарушение восприятия педофильных объектов, которые наделяются явно не соответствующими им более зрелыми качествами, сочетается с типично педофильными действиями (ощупывание и разглядывание).

Для педофилии характерен аутоэротизм — внешнее сходство объекта и субъекта. Эмоциональное соответствие между некоторыми сексуальными правонарушителями-педофилами и потерпевшими детьми является известным фактом. Педофилы чувствуют себя более комфортно и безопасно в кругу детей, во взаимодействии со взрослыми они ощущают себя уязвимыми и неадекватными.

Для парафилий характерна фиксация — стереотипность — ритуализация — клиширование сексуального поведения. При этом следование стереотипу в полном объеме и достижение эмоционального состояния в разной степени зависят от реакции партнера — от абсолютной спонтанности до жесткой обусловленности, например реакцией испуга.

Другое выражение клишированности поведения — связь его с определенной территорией. У некоторых серийных сексуальных преступников отмечается также феномен неоднократного возвращения на место преступления, обстановка при этом играет роль триггера воспоминаний, которые восстанавливают чувство реальности происходящего. Следует выделять два понятия: индивидуальная территория — пространство, где человек имеет тенденцию доминировать, находиться в состоянии комфорта и куда возвращаться, и индивидуальное расстояние — дистанция, запускающая определенные виды поведения.

Процессуальность как признак парафилии предполагает фиксацию на процессе, а не на результате деятельности, которая приобретает незавершенный характер с нарастающей редукцией отдаленных целей поведенческого акта и пролонгацией его ближайших звеньев, которые подвергаются схематизации и символизации.

Процессуальность слагается из двух основных компонентов:

1) незавершенность. Это очевидно в тех случаях, когда сам по себе навык гетеросексуального (или иного) поведения сформирован, однако в ходе исполнения данного ритуала наблюдается отказ от логического его завершения с ограничением предпринятых действий неким набором эротических или даже платонических элементов. Внешне явно сексуальное действие часто не завершается именно в сексуальном смысле (отсутствие полового акта). Именно это качество процессуальности определяет симптом «охоты», заключающийся в самостоятельной значимости поиска необходимого объекта. Причем само по себе это иногда длительное блуждание в соответствующем эмоциональном состоянии оказывается по субъективной значимости сравнимым с самим перверсным актом. «Охота» является по сути поисковой, ориентировочной активностью, когда потребность еще не опредмечена;

2) пролонгация — намеренное продление осуществляемых действий, что достигается зачастую их усложнением и затруднением с помощью использования достаточно длительного и схематичного ритуала. Целью является продление восприятия и связанного с ним аффекта в силу самоценности данного воспринимательного процесса.

Характер общественно опасных действий при парафилиях при шизофрении обнообразно повторяется по типу «клише», поскольку сексуальная патология больных проявляется стереотипно. Сами больные отмечают, что половое удовлетворение у них возникает при виде крови, предсмертных конвульсий, расчленении трупа, разглядывании и вдыхании запаха внутренних органов, обезображивании половых органов жертвы [4, с. 238].

Однако меры медицинского характера, применяемые в настоящее время к психически больным, совершившим общественно опас-

ное деяние, в целом не могут считаться достаточно эффективными. До 50% больных, находившихся в прошлом на принудительном лечении, в последующем совершают повторные деликты, причем нередко в течение первого года после его прекращения. Среди больных, совершивших повторные деяния, более половины состояли под диспансерным наблюдением, а каждый третий — под активным динамическим наблюдением психиатра. Зачастую активная психофармакотерапия больных с повторными общественно опасными деяниями практически не проводилась. При лечении важно применять препараты пролонгированного действия.

По мнению ведущих специалистов ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, наличие в клинической картине заболеваний перверсий с садистским компонентом, стойких явлений педофилии и в особенности гомицидальных тенденций служит несомненным основанием для направления больных на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа. Недоучет степени социальной опасности больных, в особенности с неоднократными изнасилованиями малолетних или подростков, актами садизма, гомицидными действиями, преждевременное прекращение принудительного лечения, недостаточно активная терапия нередко приводят к повторным тяжким общественно опасным действиям сексуального характера. С целью профилактики первичных и повторных общественно опасных действий сексуального характера необходимо как можно более раннее выявление у больных шизофренией половых извращений, наблюдение за динамикой синдрома сексуальных перверсий, настойчивое проведение адекватной медикаментозной терапии, а при появлении признаков, указывающих на социальную опасность, — своевременная госпитализация в психиатрические стационары [6].

Список литературы

1. *Бухановская О.А.* Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями (клиника, динамика, систематика): автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2003.

2. *Бухановский А.* Маньяками не рождаются: интервью // http://www. serial-killers.ru/materials/intervyu-s-professorom-a-buxanovskim.htm; http://www.rg.ru/2012/02/08/reg-ufo/buhanovskiy. html

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 13-е изд. / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. С. 167; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Есакова. 4-е изд. М.: Проспект, 2012 // СПС «Консультант-Плюс».

4. Руководство по судебной психиатрии / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Юрайт, 2012.

5. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Яковлева Е.Ю., Амбарцумян Э.С., Каменсков М.Ю.* Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в многоэпизодных сексуальных правонарушениях: методические рекомендации. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010.

6. Шизофрения с сексуальными извращениями (вопросы клиники и профилактики общественно опасных действий): методические рекомендации. М., 1986.

УДК 343.985
ББК Х 67

КАРАГОДИН Валерий Николаевич,
заместитель директора Института повышения квалификации —
Декан Второго факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Екатеринбург)
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор
E-mail: karagodin_vn@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИТУАЦИЯХ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ГОТОВЯЩИХСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

***Аннотация**. В статье рассматриваются проблемы совместного планирования следователем и субъектами оперативно-розыскной деятельности мероприятий по проверке оперативным путем сообщений о готовящихся преступлениях.*
***Ключевые слова:** следователь, оперативно-розыскные действия, задержание с поличным.*

***Annotation.** This paper deals with the problems of joint planning by the investigator and the subjects of operational-investigative activity verification activities surgically reports prepared crimes.*
***Keywords:** investigator, operational-search actions, detention in the act.*

После получения заявления о готовящемся преступлении и опроса заявителя следователь, как правило, направляет поручение уполномоченным органам о проведении оперативно-розыскного мероприятия с целью проверки поступившей информации и задержания с поличным субъекта посягательства.

Следователь не должен ограничиваться направлением названного поручения. Целесообразно его участие в планировании деятельности непосредственных исполнителей указанного поручения. К сожалению, некоторые сотрудники оперативно-розыскных органов возражают против организации такого рода взаимодействия со следователем. Отказ от взаимодействия они обосновывают тем, что следователь не является субъектом оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) и потому не имеет права участвовать в выборе конкретных оперативно-розыскных действий, необходимых для проведения порученной проверки, а также приемов и методов их проведения.

Подобная позиция практиков и почти всех представителей теории ОРД вызывает сомнения. Отсутствие у оперативных работников и следователя информации о планируемых действиях о проверке поступившего сообщения может привести к ненужному дублированию проводимых ими мероприятий. В результате несогласованности участники взаимодействия могут неоднократно вызывать и отбирать объяснения у одних и тех же лиц, предпринимать попытки по отысканию и изъятию одних и тех же документов и т.п. Вместо экономии времени такая проверка ведет за собой излишние его затраты. Кроме того, сведения об опросах свидетелей или просто об интересе к ним и определенным документам со стороны представителей правоохранительных органов могут стать достоянием предполагаемых субъектов готовящихся преступлений, которые могут принять меры для уклонения от ответственности за уже совершенные деяния, отказаться от реализации криминального плана.

Уместно напомнить, что в рассматриваемых ситуациях субъекты ОРД оказывают со-

действие следователю в получении информации с помощью средств, на применение которых он действительно не обладает полномочиями. Однако это не означает, что следователь не должен быть осведомлен о том, какие средства предполагают использовать исполнители его поручения.

Следователь в большей степени нежели содействующие ему сотрудники органов ОРД осведомлен об условиях сложившейся ситуации. С учетом этого он изначально определяет потребность в получении оперативным путем информации о конкретных фактах, на основе которой в ходе дальнейшего досудебного производства могут быть сформированы уголовно-процессуальные доказательства. В частности, в некоторых случаях заявители сообщают органам расследования о вымогательстве у них взяток. Иногда на момент подачи заявления вымогателями еще не определены точные суммы и (или) место, время передачи взяток. В этих условиях целесообразно проведение таких оперативно-розыскных действий, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное наблюдение за участниками предполагаемой подготовки к передаче или получению взятки. В результате проведения подобных действий может быть получена информация, опровергающая сообщение о приготовлении к преступлению либо подтверждающая его. Примером первой из них может быть получение в результате вышеперечисленных мероприятий сведений об умышленном оговоре, шантаже заявителем должностного лица с целью выполнения им необходимых действий. Подобная информация является основанием не только для выдвижения версии о совершении заведомо ложного доноса, но и для проведения в рамках ее проверки иных оперативно-розыскных мероприятий.

Собранные в результате анализируемых мероприятий данные о наличии у должностного лица намерения на получение взятки представляют собой фактические основания для подготовки и проведения оперативно-розыскных действий по задержанию чиновника с поличным при получении взятки. В ходе дальнейшего производства на основе этих данных могут быть сформированы процессуальные доказательства.

Представляется, что мнение следователя о необходимости проведения подобных оперативно-розыскных мероприятий, так же как и технических средств фиксации приготовлений, переговоров участников готовящегося посягательства, должны учитываться.

В ряде ситуаций целесообразно участие следователя и в разработке плана проведения оперативно-розыскных мероприятий по задержанию с поличным. Подобные мероприятия, как правило, проводятся в форме тактических операций, представляющих собой систему взаимосвязанных оперативно-розыскных, следственных и проверочных действий, направленных на достижение единой промежуточной цели досудебного производства.

В структуру таких тактических операций включаются оперативное наблюдение, в том числе с использованием технических средств, за поведением участников до начала и в момент совершения преступления. Важное значение имеет получение качественной видеозаписи совершения преступления и аудиозаписи переговоров участников криминального события.

Для этого необходимо установить видео- и аудиозаписывающую аппаратуру, обладающую техническими характеристиками, обеспечивающими надлежащее качество фиксации интересующих следствие обстоятельств. В последнее время в практике появились случаи привлечения для фиксации анализируемых операций лиц, не являющихся штатными сотрудниками органов оперативно-розыскной деятельности. Например, для фиксации с помощью видеозаписи контрольной закупки наркотических средств у известного наркодиллера был привлечен знакомый покупателя. После установления этого факта суд признал полученную таким образом запись, а также заключение фоноскопической экспертизы о том, что на ней зафиксированы голос и слова обвиняемого, свидетельствующие о реализации им наркотических веществ, недопустимыми доказательствами.

При планировании операций по задержанию с поличным субъектов вымогательства, мошенничества, взяточничества важное значение имеет разработка сценария переговоров с ними заявителей. Рекомендуется по-

строить разговор с субъектом предполагаемого посягательства таким образом, чтобы он подтвердил наличие у него умысла именно на совершение преступления, а также то, что оно совершается по его инициативе.

С заявителями, отличающимися слабо развитой памятью, стеснительностью, робостью рекомендуется проведение репетиций, во время которых они должны произнести заранее подготовленный для них текст. Некоторым из таких лиц требуется неоднократное повторение не только текста, но и действий, жестов, которыми должны сопровождаться их высказывания в ходе контакта с субъектом предполагаемого преступления. Повторять желательно до тех пор, пока участник операции не будет произносить текст полностью и естественно. К сожалению, на практике подготовка ограничивается устными рекомендациями сотрудничающему со следствием участнику. Подобная подготовка не всегда приводит к желаемым результатам. Нередко названные лица теряются в ходе проведения операции, отступают от согласованного текста, не вовлекают в диалог субъектов предполагаемого преступления, что позволяет им в дальнейшем выдвигать версию о некриминальном или провокационном характере происшедшего.

Должны быть спланированы действия по непосредственному захвату субъекта предполагаемого преступления. Сотрудники, которым поручается выполнение этой части операции, не должны проявлять излишней поспешности, чтобы дать возможность совершить задерживаемому действия, свидетельствующие о наличии у него умысла на совершение преступления. Вместе с тем нерасторопность может привести к тому, что задерживаемый успеет избавиться от изобличающих его улик.

Важное значение имеет правильное оформление материалов оперативно-розыскной деятельности, которые в дальнейшем будут передаваться следователю. Некоторые авторы пытаются распространить на них правила составления процессуальных документов: протоколов, постановлений[1]. Мы уже выступали с критикой приведенной позиции, отмечая, что оперативно-розыскные действия проводятся специальными субъектами, процедура их выполнения не регламентируется уголовно-процессуальным законодательством[2]. В то же время следователь должен обратить внимание сотрудников оперативно-розыскного органа на необходимость привлечения к производству оперативно-розыскных действий только тех работников, которые указаны в постановлениях о проведении названных мероприятий, на нежелательность излишней детализации места и времени их осуществления, поскольку субъект посягательства может изменить их до начала выполнения преступных действий. В разных документах, предшествующих проведению оперативно-розыскных действий и фиксирующих процесс их осуществления, установленные результаты, должны содержаться сведения о действительных участниках и реально использовавшихся ими технических средствах. На практике, к сожалению, встречаются случаи, когда в протоколе оперативного эксперимента, проверочной закупки указаны данные звукозаписывающей аппаратуры, которые не совпадают с характеристиками технических средств, переданных следователю и направленных им на экспертизу. В протоколах оперативно-розыскных мероприятий указываются одни его участники, а в рапортах о задержании подозреваемого — другие.

В последнее время в практике появились случаи, когда для получения данных, изобличающих субъекта предполагаемого преступления, неоднократно производятся одни и те же оперативно-розыскные действия. Например, в отношении одного торговца наркотиками трижды проводилась проверочная закупка с привлечением одного и того же покупателя. Все три факта реализации были зафиксированы в соответствующих документах. Однако правомерность действий сотрудников вызвала обоснованные сомнения у судей, рассматривавших уголовное дело по данным фактам.

В заключение следует отметить, что перечисленные и иные действия следователя,

[1] *Фомин М.А.* Отграничение оперативного эксперимента от провокации взятки // Уголовный процесс. 2010. № 3. С. 18.

[2] *Карагодин В.Н.* Теория и практика задержания с поличным в российском уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6(87). С. 148, 149.

выполняемые в рамках осуществления взаимодействия с указанными субъектами не относятся к процессуальному контролю за оперативно-розыскной деятельностью, как утверждают некоторые авторы[3].

Во-первых, невозможно осуществлять процессуальный контроль за деятельностью непроцессуального характера.

Во-вторых, в содержание процессуального контроля, определяемого приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 1, подобные действия не включены.

В-третьих, следователь в соответствии с названным ведомственным актом не относится к числу субъектов, уполномоченных на осуществление процессуального контроля[4].

Список литературы

1. *Гранкина А.Б.* Процессуальный контроль как форма обеспечения законности в современной парадигме оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2014. № 3 (40). С. 66—68.

2. *Карагодин В.Н.* Теория и практика задержания с поличным в российском уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6(87).

3. Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» // Сборник основных приказов, распоряжений и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации. М., 2011. Т. 1. С. 8—16.

4. *Фомин М.А.* Отграничение оперативного эксперимента от провокации взятки // Уголовный процесс. 2010 № 3.

[3] *Гранкина А.Б.* Процессуальный контроль как форма обеспечения законности в современной парадигме оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2014, №3 (40). С. 66—68.

[4] Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» // Сборник основных приказов, распоряжений и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации. М., 2011. Т. 1. С. 8—16.

УДК 343.98
ББК 67.52

КИСЕЛЕВ Евгений Александрович,
заведующий криминалистической лабораторией
Пятого факультета повышения квалификации
Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск)
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент,
подполковник юстиции
E-mail: keajin@gmail.com

ОСИПОВА Татьяна Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Пятого факультета повышения квалификации
Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск)
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
подполковник юстиции
E-mail: saxara.6363@mail.ru

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ И СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье раскрывается сущность проверки показаний на месте и следственного эксперимента. Приводятся основные требования к проведению данных следственных действий с учетом их процессуальных особенностей. Рассмотрены особенности тактики проведения этих следственных действий с применением криминалистической техники.*

Ключевые слова: *следственные действия, криминалистическая техника, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, следователь, следователь-криминалист.*

Annotation. *The article reveals the essence of the verification of the statements on the place and the investigative experiment. Provides the basic requirements for the conduct of investigative actions with regard to their procedural features. Peculiarities tactics for these investigative actions with the use of forensic technology.*

Keywords: *investigations, forensic engineering, verification of evidence, investigative experiment, investigator, the investigator-forensic.*

Уголовно-процессуальное законодательство в числе следственных действий предусматривает проверку показаний на месте и следственный эксперимент. Проверка показаний на месте как следственное действие получило закрепление лишь в УПК РФ, вступившем в силу в 2002 году. Как самостоятельное следственное действие проверка показаний на месте со своими целями и задачами заключается в том, что обеспечивает получение устной информации и сопоставления этой информации с данными, получаемыми в ходе ее проведения [5].

Проверка показаний на месте — это следственное действие, заключающееся в сопоставлении проверяемых показаний на месте с фактической обстановкой, в которой произошло расследуемое событие преступления, в возможности изобличения лица, дающего ложные показания, не подтверждающиеся обстановкой места происшествия, действия (ст. 194 УПК РФ). В отличие от проверки показаний на месте, следственный эксперимент в процессуальном законодательстве существует достаточно давно [5].

Проверка показаний на месте является одним из способов собирания и проверки доказательств, который широко применяется в следственной практике при расследовании убийств, изнасилований, краж, грабежей и

других преступлений. Тактические приемы проверки показаний на месте группируются по стадиям ее производства и относятся к тем следственным действиям, при проведении которых важен учет психологических закономерностей.

В криминалистике проверка показаний на месте считается комплексным следственным действием, в котором имеются элементы нескольких следственных действий, сходных по чертам. Главным критерием проверки показаний на месте как самостоятельного следственного действия является пригодность данного следственного действия к выявлению и отображению полученных данных, не доступных другому способу получения доказательственной базы.

Следственный эксперимент — это следственное действие, состоящее в проведении специальных опытов, с целью получения новых и проверки имеющихся доказательств [1].

В процессе расследования преступлений истина по уголовному делу устанавливается с помощью различных методов познания:

- наблюдения;
- измерения;
- моделирования;
- экспериментального метода и др.

Все эти методы познания используются при производстве следственного эксперимента, при этом экспериментальный метод является характерным именно для этого следственного действия [2, с. 25].

Большое значение при производстве проверки показаний на месте и следственного эксперимента имеет участие следователя-криминалиста, а также грамотное применение криминалистической техники при производстве этих следственных действий.

Участие следователя-криминалиста как специалиста в области криминалистики является одним из важнейших вопросов, возникающих в процессе расследования преступлений всех категорий [3, с. 51, 52].

Законодательство (ст. 58 УПК РФ) определяет специалиста как лицо, обладающее специальными познаниями и привлекаемое к участию в процессуальных действиях в установленном порядке. Специалистом является не заинтересованное в уголовном деле лицо, назначенное органом, осуществляющим уголовное производство, по его инициативе или ходатайству стороны, для содействия при производстве следственного или другого процессуального действия с использованием его профессиональных навыков и познаний в областях науки, техники, искусства и ремесла [3].

Привлечение специалиста к проведению проверки показаний на месте и следственного эксперимента определяется необходимостью применения специальных знаний в целях содействия следователю в расследовании преступлений, обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов. Помимо общих направлений деятельности специалиста при проведении различных следственных действий выделяются и определенные особенности. Так, например специалист-криминалист:

- оказывает содействие следователю в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке и сохранении следов и иных вещественных доказательств, отборе сравнительных и контрольных образцов, а также другую помощь, требующую специальных знаний;
- содействует полному и правильному отражению в протоколе следственного действия полученной криминалистической информации, а также данных о применении криминалистических средств и методов;
- по согласованию со следователем определяет наиболее целесообразные приемы применения криминалистической техники и использует их в работе.

Так, при проведении следственного эксперимента и проверки показаний на месте в расследовании участие следователя-криминалиста выражается в последовательной фиксации всех основных стадий следственного действия, дачи консультации по вопросам, возникающим в ходе этих следственных действий.

Фиксация основных стадий следственного эксперимента и проверки показаний на месте нижеприведенных категорий преступлений целесообразно осуществлять с помощью следующих видов криминалистической техники.

1. При расследовании преступлений против личности: комплект для фото-, видеосъемки; осветительное оборудование, включая источники экспертного света; комплект для работы с микроколичествами следов биологического происхождения; комп-

лект для работы со следами-микрочастицами; измерительное оборудовании, включая дальномер лазерный; металлодетекторы; манекены (фантомы).

2. При расследовании преступлений против собственности: комплект для фото-, видеосъемки; осветительное оборудование, включая источники экспертного света; комплект для работы со следами-микрочастицами; измерительное оборудование, включая дальномер лазерный; металлодетекторы; комплект для работы со следами пальцев рук; беспроводная видеокамера (эндоскоп).

3. При расследовании преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: комплект для фото-, видеосъемки; источники экспертного света; портативный прибор для проверки документов (ИК-осветитель Корунд-МТВ); измерительное оборудование, включая дальномер лазерный.

4. При расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта: комплект для фото-, видеосъемки; осветительное оборудование, включая источники экспертного света; измерительное оборудование, включая дальномер лазерный; комплект для работы со следами ног и транспорта.

Необходимо отметить, что решение о привлечении специалиста принимает следователь по своему усмотрению. При этом помощь специалиста обеспечивает большую надежность получаемых результатов, сокращает время сбора криминалистически значимой информации, освобождает следователей и оперативных сотрудников от технической работы, которую специалисты всегда выполнят быстрее и качественнее.

Отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства (ст. 164, 166 и др. УПК РФ) предусматривают фотосъемку, видеозапись, измерение, изготовление слепков и оттисков при проведении проверки показаний на месте и следственном эксперименте. Поэтому применение технико-криминалистических средств должно обязательно отражаться в соответствующих протоколах, чем удостоверяется сам факт использования этих средств, а также обеспечивается оценка полученной с их помощью информации и создаются условия для ее проверки.

При проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента чаще всего используются средства фиксации. Такие как фотовидеоаппаратура, применяемые для запечатления обстановки на месте проведения следственного действия, а также различных следов и объектов, имеющих значение для дела.

В качестве средств видеосъемки и видеозаписи может быть использована любая современная, но преимущественно портативная видеозаписывающая аппаратура. Особенно это актуально стало в связи с внесением изменений в УПК РФ с 1 января 2015 при расследовании уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних. В новой редакции ч. 5 ст. 191 УПК РФ применение средств видеофиксации при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних обязательно [7].

Фотографирование и видеозапись в процессе следственного действия должны отражать его ход, результаты и максимальное количество сведений об изображенных объектах.

Следователь-криминалист полезен следователю уже при определении тех задач, которые будут подлежать разрешению проверкой показаний на месте, планировании следственного действия, уяснении детального порядка его производства. С учетом обстоятельств расследуемого преступления и задач, которые предстоит решить, специалист подбирает и готовит необходимые технико-криминалистические средства. В их число помимо универсального комплекта технических средств целесообразно включать также комплекты для работ с микрообъектами, объектами для работы со следами запаха, поисковую технику, такую как: эндоскоп, осветительную аппаратуру (в том числе источник экспертного света), упаковочные средства, а также аппаратуру из комплекта для фото- и видеосъемки «Плутон».

По прибытии на место проведения следственного действия специалист поможет определить его границы с учетом показаний, которые будут проверяться, обозначит с помощью указателей места начала, окончания следственного действия, наиболее важные его участки. Специалист определяет места вероятного нахождения следов и других вещественных доказательств и то, какие техни-

ко-криминалистические средства ему могут понадобиться для их фиксации и изъятия. Он должен также продумать способы обмена получаемой информацией со следователем. Организуется наблюдение за поведением, действиями подозреваемого (обвиняемого), которые могут уничтожить следы и другие вещественные доказательства, если согласие на участие в данном следственном действии им дано с этой целью. Демонстрируемые действия лицом, чьи показания проверяются, целесообразно не только фиксировать с помощью фото- и видеозаписи, но и использовать магнитную звукозапись (это осуществляет сам следователь), которая будет использована при составлении протокола следственного действия.

После демонстрации действий, прохождения маршрута следователю и специалисту-криминалисту целесообразно осуществить более тщательное изучение обстановки с целью уяснения механизма следообразования и иных существенных для дела обстоятельств. При этом могут составляться схемы, планы. Если обстановка изменена на момент проведения следственного действия, специалист поможет ее реконструировать.

На заключительном этапе специалист оказывает помощь следователю в правильном описании выявленных объектов, порядка и результатов применения технико-криминалистических средств.

Следователь-криминалист также может осуществить предварительное исследование объектов после их обнаружения в ходе следственного действия, а также рекомендовать следователю направления использования изъятых вещественных доказательств.

Если результаты проверки показаний на месте и следственного эксперимента фиксировалась с помощью видеозаписи, следователю-криминалисту необходимо обеспечить качественную запись звуковой информации (речи следователя и лица, чьи показания проверяются, либо фиксируемые результаты эксперимента), поскольку обычно фоновые шумы и звуки (проезд автотранспорта и т.п.) создают весьма существенные помехи для последующего прослушивания и использования видеозаписи. Меры для этого необходимо предусмотреть уже на стадии подготовки к проведению следственного действия.

Фиксируя результаты проведенного следственного действия в протоколе следователю необходимо точно отразить применяемую криминалистическую технику, порядок и условия ее применения, а также результаты, полученные с помощью криминалистической техники.

Таким образом, осуществляя применение криминалистической техники при проведении проверки показаний на месте и следственного эксперимента, необходимо тщательно планировать проведение данных следственных действий с применением криминалистической техники, прогнозировать возможность наступления каких-либо негативных последствий. Что в конечном итоге, позволит получить достоверные доказательства по делу в полном объеме [5, с. 150].

Список литературы

1. *Багмет А.М., Черкасова Л.И.* Процессуальное значение проведения следственного эксперимента по делам о преступлениях, совершенных медицинскими работниками // Российский следователь. 2014. № 10.

2. *Белкин Р.С., Белкин А.Р.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М., 1997.

3. Взаимодействие следователя и эксперта-криминалиста при производстве следственных действий // Следственные действия. М., 1999.

4. *Казачек Е.Ю., Киселев Е.А.* Личное планирование как средство повышения эффективности расследования преступлений // Власть и управление на Востоке России: научный журнал 2014. № 3 (68). С. 149—152.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2008.

6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/ под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2010 (профессиональные комментарии).

7. *Осипова Т.В.* Участие педагога при производстве следственных действий с участием малолетнего // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. 2014. Вып. 4.

УДК 343.983.7
ББК 67.52

ОРЛОВ Юрий Кузьмич,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ
(Московский государственный юридический
университет /МГЮА/ имени О.Е. Кутафина)

ХОЛОДНЫЙ Юрий Иванович,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук
(Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана)

ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА В ФОРМЕ СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассмотрены истоки и динамика становления методического обеспечения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. Показаны и проанализированы недостатки методического обеспечения, использовавшегося в последнее десятилетие при производстве указанных экспертиз. Представлены правовые нормы, введенные в действие в 2010—2013 гг. и оказавшие влияние на осуществление криминалистических исследований с применением полиграфа в процессуальном порядке. Представлена созданная авторами статьи «Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа». Рассмотрены некоторые положения типовой методики, регламентирующие наиболее важные теоретические, технологические и процессуальные аспекты производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.*

Ключевые слова: *полиграф, методическое обеспечение судебной экспертизы, типовая методика, судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, криминалистические исследования с применением полиграфа.*

Annotation. *The article discusses the origins and dynamics of formation of Me-ological ensure judicial psychophysiological examination of the application of a polygraph. Display and analyze shortcomings methodical-ray software used in the last decade with pro-duction of these examinations. Represented by legal provisions enacted in 2010—2013. and influenced the implementation of the criminalization-tic studies using polygraph Procedure of order-kyo. Submitted created by authors of the article "A typical method of production-tion forensic psychophysiological examination using Polygram-fa". Considered some of the provisions of the standard method, regulated, guides most important theoretical, technological and procedural aspects of the production of judicial psychophysiological examination with prima neniem polygraph.*

Keywords: *polygraph, methodical maintenance judicial Exper-ment are, a typical technique, forensic psychophysiological examination of the application of a polygraph, forensic studies using in ligrafa.*

Исследования с применением полиграфа памяти человека для получения криминалистически значимой информации[1] или криминалистические исследования с применением полиграфа[2] (далее — КИПП) используют в России в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) с 1 марта 1993 г.[3]

В конце 1990-х годов некоторые федеральные ведомства страны стали применять КИПП в качестве системной меры в интересах отбора и контроля деятельности кадров[4].

[1] См.: Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. Том 1. С. 325—339.

[2] См.: Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 302—317.

[3] См.: *Холодный Ю.И.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений: монография. М.: Мир безопасности, 2000.

[4] См.: *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа как системная мера криминалистической профилактики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: Второй Всероссийский «круглый стол», 20—21 июля 2002 года: сб. матер. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 288—292.

Летом 2001 г. специалисты Института криминалистики ФСБ России (далее — ИК ФСБ) впервые в стране выполнили КИПП в форме судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее — СПфЭ)[5].

Методическое обеспечение СПфЭ: период зарождения (2001—2005 гг.)

Известно, что производство любого экспертного исследования обязано осуществляться по определенной стандартизованной методике, которая должна предварительно пройти этап испытаний в реальных условиях и, в случае его успешного завершения, должна быть официально введена в действие в установленном порядке: после этого методика становится доступной к практическому применению экспертным сообществом.

Начав производство СПфЭ, специалисты ИК ФСБ, старейшего в России пользователя полиграфа, руководствовались разработанной в 1995 г. «Комплексной методикой специального психофизиологического исследования с применением полиграфа»[6] (далее — «КМ СПФИ»), которая была первым в федеральных ведомствах страны нормативным методическим документом, регламентировавшим технологию такого исследования.

Понятно, что, будучи созданной за несколько лет до появления СПфЭ, «КМ СПФИ» не могла предусмотреть специфику производства экспертиз. Поэтому из ее положений были отобраны те, которые представлялись наиболее эффективными при решении задач экспертного исследования, и уже к зиме 2002—2003 гг. при выполнении ряда экспертиз были испытаны основные технологические средства и тактические приемы производства СПфЭ.

Накопленный к концу 2004 г. ИК ФСБ опыт показал, что «КМ СПФИ», оставаясь принципиально верной для КИПП, не учитывала требований экспертного исследования, и для квалифицированного производства СПфЭ необходима специальная методика, на испытание которой в реальных условиях понадобится не один год.

Методическое обеспечение СПфЭ: оплошности периода становления (2005—2009 гг.)

Ответом на потребность практики явилась опубликованная в 2005 г. «Видовая экспертная методика производства психофизиологических исследований с использованием полиграфа»[7] (далее — «Видовая методика»), составители которой стали активно ее популяризировать и продвигать в практику.

Однако вскоре выяснилось, что «Видовая методика» (объемом менее шести (!) страниц) обладает множеством ошибок.

Из-за большого числа изъянов «Видовой методики» рассмотреть их в рамках этой статьи не представляется возможным: многие (но не все!) из изъянов были описаны и проанализированы в публикациях 2008—2013 гг.[8] Ущербность «Видовой методики» была обусловлена серьезными нарушениями требований криминалистики и судебной экспертизы, а также слабым знанием технологии КИПП и СПфЭ. Необходимо также указать, что, согласно данным ФСБ России[9], эта методика была введена в действие с грубым

---

[5] См.: *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа и судебная психофизиологическая экспертиза // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: материалы Междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М.: АУ МВД России, 2002. С. 422—426.

[6] *Холодный Ю.И.* Комплексная методика специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (утв. 12.06.1995 г.). М.: ИК ФСБ России, 1995.

[7] Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: материалы Междунар. науч.-практич. форума. Саратов: СЮИ МВД России, 2006. С. 90—96.

[8] См. подр.: *Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1(29). С. 50—59; *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: проблема допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 83—88; *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 4(44). С. 28—34; *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 28—35; *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Использование полиграфа в уголовном процессе: рекомендации по оценке экспертизы // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 64—73 и др.

[9] См.: *Николаев А.Ю.* Оценка качества психофизиологических исследований: полемика и практические последствия // Уголовный процесс. 2013. № 10. С. 77—83.

нарушением установленного порядка. Поэтому в данной статье, для иллюстрации, остановимся лишь на трех (из обширного перечня) ошибках, которые позволят наглядно убедиться в несостоятельности указанной методики.

В частности, «Видовая методика» указала, что «объект экспертного исследования — физиологические проявления протекания психических процессов, связанные с восприятием, закреплением, сохранением и последующим воспроизведением человеком информации о каком-либо событии»[10]. Но такая трактовка объекта СПфЭ — неверна[11]. При выполнении тестирования на полиграфе (далее — ТнП) эксперта-полиграфолога не интересует «протекание психических процессов, связанных с восприятием и закреплением ... субъектом информации о каком-то событии». То, как протекает «восприятие» и тем более «закрепление» интересующей следствие информации в памяти подэкспертного, лежит в настоящее время за пределами возможностей объективного (аппаратурного) наблюдения и контроля. Аналогичным образом для эксперта не представляют интереса психические процессы подэкспертного, связанные с «последующим воспроизведением субъектом информации о каком-либо событии».

Эксперта интересует иное — наличие/отсутствие в памяти конкретного человека идеальных следов событий прошлого, представляющих интерес для следствия и суда. Осуществляя диагностику наличия/отсутствия таких следов, полиграфолог использует в качестве индикатора успешности диагностического процесса физиологические реакции человека. При этом принципиально важно отметить, что «физиологические проявления» (т.е. регистрируемые с помощью полиграфа реакции) являются не «объектом экспертного исследования», а вспомогательным инструментом, средством визуализации динамики психической активности человека при исследовании его памяти.

Указанная выше ошибка в определении объекта СПфЭ неизбежно приводит ко второй ошибке — в формулировании выводов заключения эксперта. «Видовая методика» установила, что «вывод полиграфолога может быть сформулирован следующим образом: в ходе проведенного исследования были выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что гражданин (ка) — Ф.И.О. располагает информацией о деталях случившегося, которая, вероятно, была получена им (ей) в момент события вследствие отражения ниже перечисленных обстоятельств (указывается перечень обстоятельств)»[12].

Анализируя эту ошибку, допущенную составителями «Видовой методики», авторы данной статьи указывали, что «выявление реакций — это промежуточный вывод эксперта. Реакции — это признаки, на основании которых решается основная задача СПфЭ: какая информация содержится в памяти и (в текущий момент времени) в сознании подэкспертного. Реакции могут фиксироваться (и описываться) только в исследовательской части заключения, и они (реакции) не могут быть оценены следователем (судом), поскольку для этого требуются соответствующие специальные знания. Вывод эксперта должен быть сформулирован в четкой и доступной форме, понятной каждому человеку и любому присяжному заседателю, несведущему в вопросах психологии и психофизиологии»[13].

В качестве третьего примера ошибочности «Видовой методики» можно привести заявление ее составителей о том, что вывод эксперта «по форме может быть категорическим, однозначным, безусловным». А буквально через пару-тройку десятков слов авторы методики уточнили, что «вывод полиграфолога может быть либо категорическим условным, либо вероятным». На этом несуразности не заканчиваются: оказалось, что содержание вывода эксперта зависит не от результатов выполненного им исследования, а... от

[10] Видовая экспертная методика... С. 93.

[11] См.: *Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1(25). С. 25—33.

[12] Видовая экспертная методика... С. 95, 96.

[13] *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 26 октября 2012 г.). М.: Изд-во ООО «Буки Веди», 2012. С. 319.

исходных данных, которыми располагает следствие. Дословно утверждается следующее: «поскольку число возможных вариантов расследуемого события не является конечным, а данные, содержащиеся в материалах дела, используемые при проведении исследования, преимущественно, нельзя считать доказанными, вывод об обстоятельствах формирования в памяти человека образов, связанных с событием, послужившим поводом для проведения исследования, следует давать в вероятной форме. При наличии достаточных данных может быть сформулирован категорический вывод о существовании (отсутствии) причинной связи между идеальными следами и обстоятельствами, повлекшими их образование, который в любом случае является условным и должен включать ссылку на то, что сделан он с учетом данных, содержащихся в материалах дела, либо сообщенных полиграфологу обследуемым лицом»[14]. Как говорится, комментарии излишни.

Методическое обеспечение СПфЭ: на пути к созданию типовой методики (2009—2014 гг.)

«КМ СПФИ», упомянутая выше, «в период с 2001 по 2009 г. успешно применялась экспертами Института криминалистики ФСБ России при проведении судебных экспертиз»[15].

В 2008 г. ИК ФСБ на базе «КМ СПФИ» разработал и в 2009 г. ввел в действие «Методику производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа»[16] (далее — «Методика ИК»).

В силу объективных и субъективных причин «Методика ИК», к сожалению, оказалась сугубо ведомственной: она не популяризировалась в среде специалистов (в частности, не была опубликована) и оказалась недоступной для широкого применения в экспертной практике.

Вместе с тем к 2010 г. новый вид экспертизы оказался весьма востребованным следственными и судебными органами страны, но, из-за недоступности «Методики ИК», производство СПфЭ продолжало осуществляться, за неимением лучшего, по «Видовой методике». При этом подавляющее большинство следователей и экспертов даже не подозревали, что «Видовая методика» обладает целым рядом ошибок методического и процессуального характера, а полученные с ее помощью выводы эксперта являются процессуально недопустимыми. Особую актуальность вопрос о методическом обеспечении производства СПфЭ приобрел в 2010 г., и это было обусловлено следующими причинами.

Наряду с использованием СПфЭ, в следственной практике сложился порочный путь «втягивания» результатов КИПП, полученных специалистом, в уголовный процесс в качестве доказательств[17]. Такое процессуально недопустимое применение полиграфа вело к нивелированию различий между заключениями эксперта и специалиста, и, в итоге, порождало трудности при рассмотрении в суде данных, полученных с помощью полиграфа. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее — постановление ПВС РФ) внесло ясность в разграничение функций эксперта и специалиста в ходе проводимого расследования и, среди прочего, оказало непосредственное влияние на практику применения полиграфа в процессуальном порядке. В частности, постановление ПВС РФ (п. 20) установило, что «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы ... в случае необходимости проведения исследования должна быть проведена экспертиза» (п. 20). В итоге, постановление ПВС РФ привело к тому, что полиграф в интересах следствия может быть применен исключительно в форме и по технологии СПфЭ и лишь при доследственной проверке — по технологии проведения КИПП в условиях ОРД.

Вступивший в силу Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ внес дополнения

---

[14] Видовая экспертная методика... С. 95.

[15] *Николаев А.Ю.* Указ. соч. С. 78.

[16] Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М.: Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2009.

[17] *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 26 октября 2012 г.). С. 313—321.

в УПК РФ и установил, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... назначать судебную экспертизу» (ч. 1 ст. 144). Закон конкретизировал, что «судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела» (ч. 4 ст. 195). Так, для применения полиграфа органами следствия сложились качественно новые условия: новшества УПК РФ, дав возможность осуществлять производство экспертизы до возбуждения уголовного дела, фактически, сделали СПфЭ единственной формой применения полиграфа в следственной и доследственной практике, осуществляемой федеральными ведомствами, в частности — органами СК России.

Таким образом, в 2013 г. в области производства СПфЭ сложилась тупиковая ситуация.

С одной стороны, единственная доступная для экспертов «Видовая методика» была непригодна для производства СПфЭ, «Методика ИК» была недоступна для широкого экспертного сообщества, а иных методик фактически не существовало.

С другой стороны, потребность следственной практики в производстве СПфЭ неуклонно растет, и ее необходимо удовлетворять. А с третьей — производство СПфЭ без соответствующей методики недопустимо.

Ситуация усугублялась тем, что бурное распространение КИПП в различных областях общественной практики, высокий спрос на полиграфологов и растущая потребность в применении полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений, к сожалению, не привели к повышению качества методического обеспечения КИПП и СПфЭ. Более того, практически ни в одном из государственных экспертных учреждений не проводились системные научно-прикладные исследования по «полиграфной» тематике, а головное из экспертных учреждений — Российский федеральный центр судебных экспертиз Минюста — даже не располагает специалистами в данной области[18].

В этих условиях создание научно обоснованной методики производства СПфЭ стало настоятельной необходимостью.

Методическое обеспечение СПфЭ: создание типовой методики

Авторы данной статьи с 2010 г. осуществляют повышение квалификации криминалистов-полиграфологов территориальных органов СК России и вполне осведомлены о состоянии дел в области использования полиграфа в этом ведомстве, а также в стране в целом.

Приняв во внимание существующие трудности в области методического обеспечения СПфЭ и отсутствие усилий государственных экспертных учреждений по исправлению оплошностей, допущенных «Видовой методикой», авторы статьи посчитали целесообразным предложить выход из сложившегося положения и летом 2014 г. разработали «Типовую методику производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа»[19] (далее — «Типовая методика»).

Призванная обеспечить единство экспертной практики, правильное понимание сущности и технологии производства СПфЭ, а также устранить распространенные ошибки и недостатки при осуществлении таких экспертиз, «Типовая методика» содержит основные теоретические, методические и организационные положения производства СПфЭ. Она является результатом обобщения научно-прикладных исследований и опыта использования полиграфа в оперативно-розыскной и следственной практике, накопленного российскими учеными и специалистами в период с 1970 г.

Не имея возможности дать в рамках этой статьи детальный комментарий «Типовой методике», отметим лишь отдельные ее положения, обусловленные спецификой производства СПфЭ. Так, методика уделила внимание:

порядку принятия к исполнению постановления о назначении СПфЭ, рекомендовав

[18] Следует отметить, что «запущенное» состояние дел в области методического обеспечения СПфЭ привлекло внимание государственных экспертных учреждений МВД, ФСБ, Минобороны, Минюста и иных ведомств: в последнюю декаду 2014 г. прошло рабочее совещание руководителей этих учреждений, на котором были внесены предложения о проведении скоординированных действий по выходу из создавшегося положения.

[19] См.: *Холодный Ю.И., Орлов Ю.К.* Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М.: Академия СК России, 2014.

редакции формулирования вопросов, выносимые на разрешение экспертизы;

порядку получения согласия подэкспертного на проведение СПфЭ;

выбору тестов, используемых в ходе тестирования на полиграфе, и определению их оптимального количества для методически корректного решения вопросов, поставленных перед СПфЭ;

определению продолжительности работы эксперта с подэкспертным;

требованиям к организации СПфЭ и порядку взаимодействия эксперта со следователем на этапе организации экспертного исследования;

порядку видеорегистрации работы эксперта с подэкспертным;

ограничениям производства СПфЭ и многим другим вопросам.

«Типовая методика», среди прочего, исправила ошибки, допущенные «Видовой методикой», и, в частности, указала, что «объектом СПфЭ является память подэкспертного»[20].

Устраняя путаницу «Видовой методики» относительно характера выводов заключения эксперта, «Типовая методика» однозначно установила, что «результат диагностики наличия/отсутствия в памяти следа — в силу природы идеальных следов, индивидуальных особенностей реагирования и нестабильности физиологических реакций исследуемого человека — всегда носит вероятный характер»[21].

Далее, регламентируя порядок формулирования выводов заключения эксперта, «Типовая методика» указала, что «выводы эксперта должны быть изложены общедоступным языком, понятным любому человеку, не обладающему специальными знаниями. Недопустимо использовать в выводах эксперта, например, формулировки типа «выявлены физиологические реакции, свидетельствующие о том, что...». Термин «физиологические реакции» является специальным, и он может быть понят и оценен только лицом, обладающим соответствующими специальными знаниями. Объяснение и интерпретацию таких терминов и понятий эксперт должен давать в исследовательской части заключения при обосновании своих суждений и выводов»[22].

Наконец, «Типовая методика» определила: «вывод заключения эксперта констатирует итог экспертного исследования — какая информация содержится в памяти подэкспертного. В случае установления:

а) наличия в памяти человека информации об устанавливаемом событии вывод в заключении эксперта формулируется следующим образом — «в памяти подэкспертного имеется информация о том, что... (например, потерпевшему был нанесен удар ножом в спину). Данный факт установлен экспертом с вероятностью...» (например, 0,97 (97%));

б) отсутствия в памяти человека информации об устанавливаемом событии вывод в заключении эксперта формулируется в следующей редакции — «в памяти подэкспертного отсутствует информация о том, что... (например, он наносил удары ножом в грудь потерпевшему). Данный факт установлен с вероятностью...» (например, 0,97 (97%))»[23].

«Типовая методика» в определенной мере восполнила пробел в обеспечении СПфЭ и заслужила положительную оценку рецензентов, которыми стали:

старейший полиграфолог Министерства обороны РФ доктор военных наук, кандидат философских наук, профессор, действительный член Академии военных наук, Заслуженный работник высшей школы РФ В.В. Горленко;

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ А.С. Пошибякин;

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук Б.М. Величковский.

Руководство СК России также одобрительно отнеслось к появлению «Типовой методики», которая была опубликована Академией СК России.

«Типовая методика» послужила основой для «Программы повышения квалификации криминалистов-полиграфологов Следственного комитета Российской Федерации в области производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа».

---

[20] *Холодный Ю.И., Орлов Ю.К.* Указ. соч. С. 16.
[21] Там же. С. 9.
[22] Там же. С. 29.
[23] Там же. С. 29—30.

По этой программе в Региональном учебно-научном центре «Безопасность» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана в конце 2014 г. повышение квалификации прошли криминалисты из территориальных органов Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Северного Кавказа, Крыма и Европейской части страны. Идеология и технология производства СПфЭ, изложенная в «Типовой методике», начала внедряться в деятельность СК России.

Завершая статью, ее авторы считают необходимым рекомендовать официально ввести в действие «Типовую методику» в системе органов СК России, а также внести соответствующие изменения в ведомственные нормативные акты, регламентирующие применение полиграфа.

Список литературы

1. Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: матерериалы Междунар. науч.-практич. форума. Саратов: СЮИ МВД России, 2006. С. 90—96.

2. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. Т. 1.

3. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.

4. Методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа. М.: Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2009. 31 с.

5. *Николаев А.Ю.* Оценка качества психофизиологических исследований: полемика и практические последствия // Уголовный процесс. 2013. № 10. С. 77—83.

6. *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: проблема допустимости // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 83—88.

7. *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 4(44). С. 28—34.

8. *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 26 октября 2012 г.). М.: Изд-во ООО «Буки Веди», 2012.

9. *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 28—35.

10. *Орлов Ю.К., Холодный Ю.И.* Использования полиграфа в уголовном процессе: рекомендации по оценке экспертизы // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 64—73.

11. *Холодный Ю.И.* Комплексная методика специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (утв. 12.06.1995 г.). М.: ИК ФСБ России, 1995. 66 с.

12. *Холодный Ю.И.* Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений: монография. М.: Мир безопасности, 2000. 157 с.

13. *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа как системная мера криминалистической профилактики преступлений // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: Второй Всероссийский «круглый стол», 20—21 июля 2002 года: сб. матер. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 288—292.

14. *Холодный Ю.И.* Опрос с использованием полиграфа и судебная психофизиологическая экспертиза // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: материалы Междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М.: АУ МВД России, 2002. С. 422—426.

15. *Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1(25). С. 25—33.

16. *Холодный Ю.И.* Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1(29). С. 50—59.

17. *Холодный Ю.И., Орлов Ю.К.* Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М.: Академия СК России, 2014. 53 с.

УДК 343.98.067
ББК 67.52

САЖАЕВ Алексей Михайлович,
заведующий кафедрой криминалистики
Третьего факультета (с дислокацией в г. Новосибирск)
ИПК Академии Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Sagaev_AM@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

Рецензент: Бартенев Евгений Александрович,
кандидат юридических наук

ФОРМЫ И СПОСОБЫ «ВНЕШНЕГО» ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Анализ вопросов, связанных с противодействием расследованию, позволяет определить его сущность и понятие, а также дать квалификацию противодействия — «внутреннее» и «внешнее». В статье определяются субъекты «внешнего» противодействия, мотивы, цели его применения, направления действия в отношении конкретных лиц, участников процесса расследования. На основе анализа сделан вывод о том, что проблема преодоления противодействия привлечению к уголовной ответственности обусловила необходимость разработки частной криминалистической теории противодействия предварительному расследованию.*

Ключевые слова: *противодействие расследованию, понятие противодействия, цели, мотивы, направления противодействия, субъекты противодействия.*

Annotation. *Analysis of issues related to anti-investigation to determine the nature and give it to the concept, as well as to the qualifications counter — "internal" and "external". The paper defines the subjects 'external' opposition, motives, goals of its application, the direction of action against specific individuals, members of the investigative process. Based on the analysis concluded that the problem is overcome resistance to criminalize necessitated the development of private criminalistics theory to counter the preliminary investigation.*

Keywords: *fight against the investigation, the concept of opposition, goals, motivation, direction counter, counter subjects.*

Вопросы преодоления противодействия предварительному расследованию в последнее время приобрели особое значение. Либерализация Уголовно-процессуального кодекса, значительное расширение прав подозреваемых и обвиняемых привели к усилению ими противодействия предварительному расследованию. Значительно усилилось и противодействие со стороны адвокатов, оно приобрело такой размах, что появился учебник по преодолению незаконной деятельности адвокатов в уголовном процессе. Противодействие предварительному расследованию затрудняет установление истины по делу, приводит к повышению процента дел, оставшихся нераскрытыми, делает невозможным реализацию принципа неотвратимости наказания, в связи с чем возникла необходимость разработки комплекса мер по преодолению противодействия предварительному расследованию. В криминалистике данной проблемой занимались В.Н. Карагодин, Э.У Бабаева и другие ученые. В настоящее время можно говорить о том, что сформировалась частная криминалистическая теория преодоления противодействия уголовному преследованию.

Основная задача науки криминалистики — обеспечение раскрытия, расследования преступлений (а также их предупреждения) на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Теория преодоления противодействия уголовному преследованию способствует криминалистическому обеспечению того направления уголовного судопроизводства (в досудебной и судебной стадии), которое связано с процессуальной деятельностью, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Противодействие уголовному преследованию — это действие (система действий или деятельность) участника (участников) судопроизводства, а также близких родственников и лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, затрудняющих путем умышленного или неумышленного создания препятствий уголовному преследованию, осуществляемому в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства прокурором, следователем, дознавателем, сотрудниками органов дознания в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Сущность противодействия (воспрепятствования) заключается в создании помех и преград при осуществлении уголовного преследования на каждой стадии уголовного судопроизводства. Результаты изучения уголовных дел, формализованного опроса следователей и помощников прокуроров, поддерживающих обвинение в суде, а также интервьюирования следователей и прокуроров подтверждают, что воспрепятствование осуществляется на всех стадиях уголовного преследования. По целому ряду умышленных преступлений противодействие начинается уже при их подготовке. В связи с этим в криминалистике противодействие рассматривают в двух формах — «внутреннее» и «внешнее».

Направленность «внешнего» противодействия расследованию может быть различной. Она зависит от субъектов, их возможностей и целей противодействия. Не последнюю роль играет и мотив противодействия, информированность субъекта об обстоятельствах дела.

Новый УК РФ содержит специальную — 294-ю статью «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». УК признает преступным вмешательство в любой форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, а также в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела.

Как уже указывалось, субъектами «внешнего» противодействия расследованию выступают должностные лица учреждений, предприятий и организаций, независимо от форм собственности, где было совершено преступление, коррумпированные представители властных структур и правоохранительных органов. Особо следует выделить представителей всех этих структур, действующих под влиянием добросовестного заблуждения, ставшего результатом обмана со стороны заинтересованных в деле лиц или гуманных побуждений. Таким образом, субъектов «внешнего» противодействия можно разделить на две группы, исходя из мотивов их действий и преследуемых целей:

1) преследующие личные корыстные и иные цели, сознающие противоправность своих действий;

2) действующие под влиянием добросовестного заблуждения в отношении обстоятельств преступления, личности виновного, действий органа расследования и не преследующие личных целей.

Осуществляемое противодействие может быть направленным:

на процесс расследования, решение его задач, условия его производства;

лицо, производящее расследование — следователя, работника органа дознания;

носителей доказательственной информации — свидетелей, потерпевших, а также не связанных с ними лиц — друзей, товарищей по работе, родственников и т.п.

Противодействие расследованию со стороны субъектов первой группы может выражаться в следующем.

1. Сокрытие события преступления, совершенного в их организации, на предприятии, с целью сохранения престижа, репутации организации, предприятия. Это же относится и к сокрытию обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

2. Сокрытие события преступления по корыстным мотивам, например в целях дальнейшего сокрытия доходов от налогообложения, получения контрабандных товаров и т.п., а также по иным мотивам: допущенно-

го попустительства преступнику, получения различных выгод и т.п.

3. Сокрытие преступления из ложного понимания профессиональных интересов, например ссылка на учеты в целях создания видимости высокой раскрываемости или отказ в тех же целях в возбуждении уголовного дела, а также из-за возникновения угрозы карьере, продвижению по службе и т.д.

4. Сокрытие преступления или воспрепятствование расследованию коррумпированных субъектов по корыстным мотивам, причастности к деятельности организованных преступных сообществ и т.п.

5. Сокрытие преступлений по личным мотивам: по просьбе заинтересованных в этом родственников, знакомых, деловых партнеров, при угрозе с раскрытием преступления репутации, положению в обществе, деловым связям и т.д.

Противодействие расследованию со стороны субъектов этой группы может быть направлено и непосредственно на лицо, осуществляющее расследование, и выражаться в форме:

а) понуждения следователя к незаконным действиям или действиям, не вызывающимся интересами следствия: изменению меры пресечения; прекращению дела; переквалификации преступления на более легкое; выделению материалов в отдельное производство с целью последующего прекращения преследования или обеспечения незначительного наказания и т.д. Средствами такого понуждения могут быть подкуп, обман путем передачи ложной информации, воздействие авторитетом начальника, дача заведомо неверных указаний, обязательных для следователя, и т.п.;

б) неправомерного насилия в отношении следователя: угрозы жизни, здоровью его и членов его семьи или иных близких ему людей; угрозы дисквалификацией, воспрепятствованием служебному росту, шантажированием огласки прошлых аморальных или иных порочащих репутацию поступков и др. (например, приказ МВД России № 1—1999 г. (п. 7.4.3) обязывает руководителей МВД, ГУВД, УВД принимать меры в соответствии с действующим законодательством по защите сотрудников органов предварительного следствия при наличии угрозы посягательства на их жизнь, здоровье, имущество в связи с их служебной деятельностью).

Субъекты этой группы могут противодействовать расследованию путем воздействия на свидетелей, потерпевших, иных лиц, располагающих нужной информацией, экспертов с помощью подкупа, угроз, шантажа в целях изменения ими показаний, неявки к следователю, подачи заявлений и примирении с преступником, изменения экспертных выводов и т.п.

Субъекты второй группы, не преследующие личных и противозаконных интересов, противодействуют расследованию, добросовестно заблуждаясь в отношении личности виновного или его действий и их правовой оценки, под воздействием ложной или искаженной информации о действиях следователя, мотивах и поступках свидетелей и потерпевших. Ими могут руководить чувства гуманности, жалости и сочувствия виновному, неверного понимания товарищества, корпоративной общности и т.п. Их действия выражаются при этом обычно в направлении жалоб и ходатайств в правоохранительные и властные органы, средства массовой информации, стремлении различными путями создать у следователя, свидетелей, потерпевших благоприятное мнение о виновном, а иногда — отрицательное мнение о потерпевшем или свидетеле, порой неквалифицированных и предвзятых оценках поведения и действий следователя и т.п.

Особо следует отметить формы и способы противодействия расследованию преступлений организованными преступными сообществами. Сам факт создания такого сообщества, его преступные цели, существующая в нем система отношений изначально ориентированы на обеспечение безопасности сообщества в целом и каждого его участника. В этих целях преступниками ведется активная контрразведывательная деятельность, значительные средства расходуются на подкуп должностных лиц, на установление коррумпированных связей. Этим целям подчинена вся система иерархических отношений, жесточайшей дисциплины и преступной специализации (распределения ролей) в самом преступном сообществе. Здесь значительно шире и разнообразней диапазон форм и способов противодействия расследованию, вплоть до

убийства участников уголовного процесса, и даже членов сообщества, например исполнителем отдельных преступлений, если они оказались в ситуации небезопасной в целом для существования сообщества или его руководителей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что проблема преодоления противодействия привлечению к уголовной ответственности обусловила необходимость разработки частной криминалистической теории противодействия предварительному расследованию, а следователь, анализируя следственную ситуацию, должен стремиться к выявлению признаков, свидетельствующих о деятельности по оказанию противодействия предварительному расследованию.

Список литературы

1. *Андреев А.С.* Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

2. *Бабаева Э.У.* Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М., 2006.

3. *Биленчук П.Д.* Криминалистическое прогнозирование поведения обвиняемого на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1982.

4. *Бобраков И.А.* Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

5. *Журавлев С.Ю.* Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1992.

6. *Ляхненко А.А.* Проблемы преодоления противодействия в ходе расследования вымогательства, совершенного организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

7. *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992.

8. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997.

9. Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы научно-практической конференции. М., 1997.

10. *Петрова А.Н.* Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

11. *Потанина И.В.* Особенности противодействия преступным посягательствам на компьютерную информацию в органах внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.

12. *Федоренко А.Ю.* Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

13. *Чегодаева С.С.* Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

УДК 343.98
ББК 67.52

СТРЕЛКОВ Андрей Анатольевич,
старший инспектор отдела материально-технического обеспечения
Главного управления обеспечения
деятельности Следственного комитета Российской Федерации,
полковник юстиции
E-mail: 65strelkov@mail.ru

СКРЫПНИКОВ Алексей Иванович,
кандидат медицинских наук, доцент,
полковник юстиции в отставке
E-mail: skrypnikov@yandex.ru

МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ПУТЬ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье дается анализ проблем, возникающих при назначении и производстве судебно-медицинских экспертиз трупа в связи с национальными и религиозными традициями в регионах Северного Кавказа. Межведомственное научно-практическое взаимодействие Тверской государственной медицинской академии и Академии Следственного комитета РФ дает научную и методическую основу в использовании в криминалистической и судебно-медицинской практике инновационной методики неинвазивных способов посмертного вскрытия — «виртуальная» аутопсия, проводимой с применением рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ) и 3D-технологий в Чеченской Республике.*

Ключевые слова: *инновационные методики, судебно-медицинская экспертиза, спиральная компьютерная томография, криминалистические исследования, межведомственное научное взаимодействие, «виртуальная» аутопсия.*

Annotation. *This paper analyzes the problems arising from the appointment and conduct forensic examinations of the corpse in connection with the national and religious traditions in the North Caucasus. Interdepartmental scientific and practical interaction of the Tver State Medical Academy and the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation provides scientific and methodological basis to use in criminalistics and forensic practice innovative methods of non-invasive methods of post-mortem examination — a «virtual» autopsies carried out using X-ray computerized tomography (CT) and 3 D technology in the Chechen Republic.*

Keywords*: innovative techniques; forensics, spiral computed tomography, forensic investigations, interagency scientific cooperation, «virtual» autopsy.*

В своей практической деятельности, как при проведении доследственных проверок, так и расследовании уголовных дел, связанных с гибелью человека, следователю приходится работать в соприкосновении с такими социальными явлениями, как религиозные каноны, национальные и социокультурные традиции населения. При этом решение тех или иных вопросов следствия зачастую вызывает затруднение. Это касается многих сторон жизни и смерти человека. Вопрос судебно-медицинского и патологоанатомического вскрытия трупов умерших, их погребение в строго регламентированные, зачастую очень сжатые сроки — одна из острых проблем, стоящих перед следствием.

В настоящее время основным и единственным методом как патологоанатомического, так и судебно-медицинского исследования

остается аутопсия — секционное исследование мертвого тела (трупа). Однако проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа в некоторых регионах РФ ввиду религиозных канонов является непреодолимой, что не позволяет сделать объективное заключение о причине смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения. В этих случаях секционное исследование трупа (аутопсия) не проводится, и заключение судебно-медицинского эксперта базируется только на основании визуального осмотра трупа, что вносит значительную долю субъективизма в полноту и обоснованность выводов экспертов о причинах смерти и существенно затрудняет установление объективной истины при расследовании уголовных дел. Особенно остро данная проблема сказывается при работе следственных органов республик Северного Кавказа и, в частности, в Чеченской Республике.

В связи с этим особую актуальность представляют собой научно-практические разработки инновационных способов посмертного исследования трупа, без использования инвазивных методов, примененяемых наряду с «классической» аутопсией — «виртуальной», проводимой с использованием рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ и МСКТ) и 3D-технологий[1].

Современные визуализационные технологии, в частности КТ и МСКТ, характеризуются большой разрешающей способностью и возможностью последующего анализа полученных изображений. Учитывая, что рентгеновская компьютерная томография является неинвазивным методом диагностики, то отпадает необходимость рассечения кожных покровов, повреждения органов. Крайне важным в данном случае является деликатное решение этических вопросов, поскольку удается избежать противоречий с национальными и религиозными традициями.

Проведение посмертного КТ-исследования повышает диагностические возможности традиционной аутопсии. Более того, в ряде случаев оно может служить ему альтернативой, когда проведение аутопсии невозможно по ряду национальных или религиозных причин.

Принимая во внимание, что проведение КТ-исследования занимает сравнительно короткий промежуток времени (1,5 — 2 часа), с точки зрения исламского вероучения, применение неинвазивного метода «виртуальной» аутопсии позволяет не затягивать ритуальное захоронение, что очень важно для мусульман, которым предписано хоронить усопших в первый же день после смерти, до захода солнца. И хотя в полной мере заменить «традиционную» аутопсию КТ-диагностика пока не может, но в данных случаях она является большим инновационным шагом, по оперативному получению, как следователем, так и экспертом, объективной, научно обоснованной информации для установления объективной истины.

Безусловно, возможности использования рентгеновского компьютерного томографа для предварительного исследования трупа вызывает проблему, так как в техническом оснащении современных криминалистических и судебно-медицинских лабораторий они отсутствуют. Однако, по нашему мнению, решение этих вопросов возможно путем межведомственного взаимодействия с учетом технико-экономических возможностей, а также степени актуальности проблемы вскрытия трупов в конкретном регионе.

Значительным шагом в этом направлении стало заключение Договора о научно-практическом сотрудничестве от 28 мая 2014 г. № 6 между Тверской государственной медицинской академией (ТГМА) и Академией Следственного комитета Российской Федера-

[1] См.: *Дадабаев В.К., Стрелков А.А.* Законодательная основа производства судебно-медицинской экспертизы и возможности применения рентгеновского метода компьютерной томографии (СКТ) в исследовании трупа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 275—280; *Дадабаев В.К., Стрелков А.А.* Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4. С. 278 – 281; *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз и возможности их решения при использовании рентгеновского метода компьютерной томографии (СКТ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации». М. 2014. Вып. 4. С. 240–245.

ции (далее — Договор). В основу Договора положена тема развития инновационных научно-практических разработок посмертного исследования мертвого тела без использования инвазивных методов — «виртуальная» аутопсия в криминалистике и судебной медицине, проводимых с использованием рентгенологического метода компьютерной томографии (КТ) и 3D-технологий.

Работа в соответствии с положениями Договора в инициативном порядке проводится доцентом кафедры судебной медицины ТГМА кандидатом медицинских наук В.К. Дадабаевым и старшим инспектором отдела материально-технического обеспечения ГУОД СК России полковником юстиции А.А. Стрелковым. В результате сотрудничества по теме «виртуальной» аутопсии опубликовано и принято в печать 10 научных и научно-публицистических статей. В них в том числе дано научное обоснование применения рентгеновского метода КТ как предварительного криминалистического исследования трупа, проводимого в ходе осмотра трупа (в порядке ст. 178 УПК РФ), а также возможности идентификации трупа и его частей методом рентгеновской компьютерной томографии. Преимущество данного метода при исследовании тел погибших в ходе военных конфликтов и в результате авиационных катастроф несомненно. По результатам проведенных исследований подготовлены пять докладов выступлений на трех международных конференциях, которые вызвали большой практический интерес, особенно в следственных органах СК России в республиках Северного Кавказа.

Особую заинтересованность возможности использования метода «виртуальной» аутопсии в практике работы судебно-следственных органов проявили в Чеченской Республике, так как традиционное — инвазивное — исследование трупов умерших и погибших, их эксгумация для исследования, в случаях захоронения без проведения судебно-медицинской экспертизы, в большей степени является невозможным в силу вышеуказанных причин религиозного и национально-культурного характера.

Для решения этой проблемы, по инициативе руководителя следственного управления СК России по Чеченской Республике генерал-майора юстиции С.В. Девятова, 26 сентября 2014 г. в г. Грозный проведено межведомственное совещание по теме: «Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности». В работе данного совещания приняли участие руководители Прокуратуры и Верховного Суда Чеченской Республики, помощник Главы Чеченской Республики, заместители министра внутренних дел, здравоохранения, судебно-медицинские эксперты, заместители муфтия Чеченской Республики, а также другие государственные и общественные деятели Чеченской Республики.

В ходе обсуждения докладов о возможностях применения рентгеновского метода компьютерной томографии при исследовании трупов, сделанных авторами статьи, была проведена практическая демонстрация возможностей метода, получаемых при использовании «виртуальной» аутопсии изображений. По результатам обсуждения участниками межведомственного совещания было высказано общее мнение о высокой научной обоснованности и информативности результатов КТ-исследования трупов. Кроме того, прокурором Чеченской Республики и членами Верховного Суда ЧР отмечено, что метод соответствует действующему уголовно-правовому законодательству, сделанные на его основе судебно-медицинские экспертизы и их выводы являются доказательством по уголовному делу.

Возможности визуализации внутренних органов человеческого тела методом рентгеновской компьютерной томографии, порядок исследования трупа на КТ-томографе признан соответствующим религиозным нормам шариата, сложившимся национальным и социально-культурным традициям населения Республики. По результатам обсуждения, принято решение об обращении участников межведомственного совещания к Главе Чеченской Республике Р.А. Кадырову с целью оказания содействия в поддержке решения о целесообразности применения метода КТ при исследовании трупов на территории Чеченской Республики, а также технического оснащения Бюро судебно-медицинской экспертизы рентгеновским компьютерным томографом.

Учитывая, что в данном случае речь идет о защите и реализации конституционных прав граждан, соблюдении религиозных канонов, этических и культурных традиций граждан, о высокой заинтересованности в решении проблемы исследования трупов не только следственных органов, прокуратуры и суда, но и муфтията, не приходится сомневаться. Так, уже в 2015 году метод рентгеновской компьютерной томографии при исследовании трупа будет использоваться в практической деятельности судебно-медицинской экспертизы Чеченской Республики.

Таким образом, настоятельная необходимость применения инновационной методики рентгеновского КТ-исследования в судебной медицине и криминалистике в регионах Северного Кавказа заставляет принимать меры к повышению уровня научно-исследовательской и эмпирической работы в данном направлении.

Список литературы

1. *Дадабаев В.К., Стрелков А.А.* Законодательная основа производства судебно-медицинской экспертизы и возможности применения рентгеновского метода компьютерной томографии (СКТ) в исследовании трупа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 275 — 280.

2. *Дадабаев В.К., Стрелков А.А.* Возможности применения рентгенологических методов исследования в судебно-медицинской и криминалистической экспертной деятельности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4. С. 278—281.

3. *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Новые научные методы как путь достижения объективной истины при расследовании преступлений против личности // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции. М.: ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», 2014. Ч. 2. С. 246—252.

4. *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз и возможности их решения при использовании рентгеновского метода компьютерной томографии (СКТ) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М.: ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», 2014. Вып. 4. С. 240—245.

5. *Стрелков А.А., Дадабаев В.К.* Возможности криминалистического исследования трупа методом рентгеновской компьютерной томографии // Вестник Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 2. С. 39—42.

УДК 343.985
ББК 67.52

ЦАРЕВА Юлия Аркадьевна,
старший эксперт отдела криминалистики
следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации
по Пензенской области,
майор юстиции

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *Психофизиологические исследования с применением полиграфа в России — это сравнительно новое, но динамически развивающееся направление, способствующее получению доказательств в уголовном судопроизводстве. Применение в процессе исследования видеозаписи в ряде случаев позволяет опровергнуть заявление обследуемого о нарушении его прав.*

Ключевые слова: *полиграф, видеофиксация, криминалистика, правоохранительные органы, доказательства, подозреваемый.*

Annotation. *Psychophysiological study with a polygraph detector in Russia is a relatively new but a dynamically developing approach, facilitating the reception of evidence in criminal proceeding. The usage of video recording when investigating allows impugning a statement of the investigated person relating to his legal right infringement.*

Keywords: *a polygraph detector, video recording, forensics, law enforcement authorities, pieces of evidence, a suspect.*

В соответствии с Конституцией Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2). Поэтому соблюдение прав и свобод человека и гражданина является неотъемлемым условием его существования и функционирования.

История свидетельствует, что преступления, как, впрочем, и другие противоправные поступки, совершались всегда. На всех стадиях человеческого общества находились люди, считавшие возможным нарушить устоявшиеся традиции или обычаи, преступить закон. Поэтому, естественно, нужны были способы уличить лжеца и наказать преступника. Опыт разоблачения лжеца накапливался веками. В частности, в Древнем Китае подозреваемый в преступлении подвергался испытанию рисом, т.е. он должен был набрать в рот горсть сухого риса и выслушать обвинение. Полагалось, что если рис оставался сухим (считалось, что от страха разоблачения приостанавливается слюноотделение), вина подозреваемого считалась доказанной. В одном из племен Западной Африки практиковался способ выявления лжеца при помощи птичьего яйца с очень тонкой скорлупой. «Подозреваемые» по кругу передавали яйцо, и тот, кто раздавит скорлупу, считался виновным.

Можно заметить, что описанные выше способы поиска виновного сводились к контролю динамики психофизиологических процессов, таких, например, как слюноотделение и двигательная активность рук. При этом требовались более точные регистраторы физиологических изменений, нежели чем горсть риса или птичье яйцо.

С развитием техники, криминалистики, а также медицины в начале XX века активизировались изыскания в области научной «детекции лжи». Сейчас полиграф успешно применяется во многих странах мира и представляет собой «техническое устройство, позволяющее выявлять и фиксировать динамику психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой системы, электрической активности кожи и других в электрические сигна-

лы, отображаемые в виде графиков, в совокупности образующих полиграмму»[1].

Психофизиологические исследования с применением полиграфа в России — это сравнительно новое, но динамически развивающееся направление, причем как в государственных, так и в коммерческих структурах. Количество проведенных проверок (исследований, экспертиз) с каждым годом увеличивается. Полиграф используется в оперативно-розыскной деятельности, судопроизводстве, в работе с кадрами и др.

13 марта 1992 года был принят Закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в котором впервые был дан старт легальному использованию полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений[2].

12 февраля 1993 года была утверждена «Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности»[3], в которой были официально закреплены организационно-методические положения проведения исследований.

В системе Следственного комитета Российской Федерации психофизиологические исследования с применением полиграфа (далее — ПФИ) стали широко использоваться с 2009 года. Их проведение регламентировано инструкцией «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации»[4].

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа представляет собой процедуру применения специальных знаний, сопряженную с использованием технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей, не причиняющую вреда окружающей среде, а также обеспечивающую осуществление анализа (оценки) динамики психофизиологических реакций в ответ на задаваемые вопросы, предъявляемые предметы и изображения (далее — стимулы) в целях проверки достоверности информации, сообщенной обследуемым лицом[5].

В соответствии с названной Инструкцией психофизиологическое исследование с применением полиграфа состоит из нескольких этапов:

1) предварительное консультирование инициатора и принятие решения полиграфологом о возможности (невозможности) проведения ПФИ;

2) изучение полиграфологом материалов дела с последующим анализом информации и выяснением обстоятельств, интересующих инициатора ПФИ;

3) подготовка стимулов для предъявления обследуемому лицу, их объединение в тесты;

4) организация проведения тестирования — проверка соответствия помещения установленным требованиям, проверка и подготовка технических средств;

5) проведение предтестовой беседы, в ходе которой обследуемому объясняется принцип работы полиграфа, порядок проведения исследования и правила поведения во время него; разъясняются права и обязанности обследуемого, выясняется наличие (отсутствие) противопоказаний для проведения ПФИ; обсуждается биография, а также события и обстоятельства, послужившие основанием для проведения ПФИ; устанавливаются датчики;

6) тестирование на полиграфе, которое включает предъявление обследуемому стимулов, объединенных согласно методике в тесты;

7) заключительное собеседование с обследуемым по вопросам, интересующим полиграфолога, в ходе которого обследуемому представляется возможность сделать необходимые (с его точки зрения) заявления.

8) анализ результатов ПФИ с целью вынесения суждения по результатам ПФИ;

---

[1] Приказ СК при прокуратуре Российской Федерации от 09.12.2010 № 64 «Об утверждении Инструкции об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

[2] Закон Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (утратил силу).

[3] Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности // Предпринимательское право: портал правовой поддержки предпринимательской деятельности // URL: htpp:// www.businesspravo.ru/

[4] Приказ СК при прокуратуре Российской Федерации от 09.12.2010 № 64 «Об утверждении Инструкции об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

[5] Там же.

9) подготовка заключения по результатам ПФИ.

Способом подтверждения в судебном заседании факта выполнения экспертом (специалистом) всех процессуальных и профессиональных требований является видеофиксация хода ПФИ, которую рекомендуется осуществлять с соблюдением требований законодательства[6].

При этом ведение видеофиксации ПФИ позволяет:

1) зафиксировать работу полиграфолога на этапах предтестовой беседы, тестирования на полиграфе и заключительного собеседования, в ходе которых разъясняются права и обязанности обследуемого, выявляется наличие или отсутствие противопоказаний для проведения ПФИ, выясняется самочувствие обследуемого, проводится инструктаж обследуемого (а также третьих лиц, присутствующих на ПФИ) о правилах поведения во время тестирования. Кроме того, видеозапись позволяет оценить соответствие помещения установленным требованиям — отсутствие звукоизоляции, вентиляции, работа в неприспособленных для производства ПФИ кабинетах не только приводят к ухудшению самочувствия обследуемых, отвлечению их на посторонние резкие шумы и иные раздражители, но и дает возможность адвокатам в судебных заседаниях оспаривать результаты работы полиграфолога в связи с нарушением условий проведения исследования;

2) зафиксировать поведение обследуемого лица: подтверждение им добровольного согласия на прохождение ПФИ в письменном виде; выполнение инструкции полиграфолога по правилам поведения во время тестирования; выявление попыток противодействия;

3) зафиксировать поведение третьих лиц, присутствующих при проведении ПФИ в случае возможного оказания ими давления на полиграфолога либо обследуемого, равно как и нарушения правил поведения во время исследования.

При проведении психофизиологического исследования могут присутствовать законные представители несовершеннолетнего обследуемого, педагог (психолог), адвокат, сотрудники конвойной службы и пр. Решение о присутствии в помещении, в котором проводится ПФИ, третьих лиц принимается полиграфологом совместно с инициатором ПФИ, если действующим законодательством не установлено иное[7]. Третьи лица размещаются таким образом, чтобы они не попадали в поле зрения обследуемого.

Видеофиксация в кабинете осуществляется стандартной видеокамерой, которая закреплена на стене таким образом, чтобы в объектив попадал не только сам обследуемый, но и монитор компьютера полиграфолога.

В самом начале ПФИ всем присутствующим объявляется о времени начала ПФИ, основании его проведения, местонахождении кабинета, в котором проводится ПФИ, лицах, присутствующих при исследовании, а также в обязательном порядке обращается внимание обследуемого на осуществление видеосъемки. Во время проведения ПФИ может быть объявлен технический перерыв, во время которого с обследуемого снимаются датчики, и он может покинуть кабинет на непродолжительное время, например, чтобы отдохнуть. Видеозапись на это время приостанавливается. При этом полиграфолог объявляет присутствующим о времени приостановки. После возобновления ПФИ и видеозаписи (время также фиксируется) полиграфолог интересуется состоянием здоровья обследуемого и возможным оказанием на него давления со стороны третьих лиц. По окончании ПФИ полиграфолог выясняет состояние здоровья обследуемого.

Непременным условием завершающего этапа исследования является получение от обследуемого и его законного представителя письменного заявления об отсутствии претензий и замечаний к проведению ПФИ, а также соблюдении его прав и законных интересов.

По существующей практике материальные носители информации с видеозаписями

---

[6] Приказ СК при прокуратуре Российской Федерации от 09.12.2010 № 64 «Об утверждении Инструкции об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

[7] Приказ СК при прокуратуре Российской Федерации от 09.12.2010 № 64 «Об утверждении Инструкции об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

хода ПФИ хранятся в архиве отдела криминалистики и по запросу могут быть предоставлены инициатору исследования или в суд.

Так, в рамках доследственной проверки по заявлению о совершении насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней Т. полиграфологом было проведено соответствующее исследование в отношении О. (с применением видеозаписи). Согласно заключению специалиста у «подозреваемого» были выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что он располагает информацией о деталях совершения им насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней Т., которая могла быть получена им в момент совершения вышеуказанных действий. Результаты исследования явились одним из оснований возбуждения уголовного дела, которое было расследовано и направлено в суд для рассмотрения по существу. Впоследствии в ходе судебного разбирательства подсудимый О., пытаясь оспорить результаты ПФИ, заявил, что во время психофизиологического исследования он неоднократно сообщал полиграфологу о своем плохом самочувствии, однако его жалобы остались без должного внимания. С целью проверки доводов О. судом был осуществлен просмотр соответствующей видеозаписи, и было установлено, что обследуемый не только не предъявлял жалоб на здоровье, но и, напротив, сообщал о своем хорошем самочувствии. Приговором суда О. признан виновным в совершении инкриминированного ему особо тяжкого преступления и осужден к лишению свободы на длительный срок.

И это не единственный пример.

В рамках расследования уголовного дела об убийстве двух лиц было проведено ПФИ в отношении обвиняемого К., который обратился в правоохранительные органы с явкой с повинной, однако затем неоднократно изменял свои показания, заявляя о непричастности к инкриминируемому деянию. Поскольку в отношении К. судом по ходатайству органа следствия была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, исследование проводилось в присутствии сотрудников конвойной службы МВД. Перед началом исследования обвиняемый К. в предтестовой беседе рассказал полиграфологу о совершенном преступлении и попросил объявить технический перерыв. Однако после возобновления исследования К. отказался от своих слов, заявив, что оговорил себя и что на самом деле никакого убийства он не совершал. Вместе с тем несмотря на это обвиняемый выразил согласие на продолжение исследования. По результатам ПФИ были получены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что обвиняемый К. располагает информацией о деталях убийства двух лиц, которые могли быть получены в момент совершения им преступления. В дальнейшем при рассмотрении уголовного дела в суде К. заявил, что во время технического перерыва (в рамках ПФИ) на него было оказано психологическое давление. Однако просмотр видеозаписи в судебном заседании показал, что жалобы подсудимого объективно ничем не подтверждены и обусловлены лишь желанием показать несостоятельность заключения специалиста. С учетом совокупности полученных доказательств К. приговорен к длительному сроку лишения свободы.

Таким образом, видеофиксация процесса проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа, с одной стороны, позволяет осуществлять контроль за работой полиграфолога и соблюдением необходимых процедур, а с другой — является действенным инструментом проверки заявлений обследуемого о нарушениях его прав и законных интересов с целью дискредитации заключения полиграфолога.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (утратил силу).

2. Приказ СК при прокуратуре Российской Федерации от 09.12.2010 № 64 «Об утверждении Инструкции об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

3. Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности // Предпринимательское право: портал правовой поддержки предпринимательской деятельности // URL: htpp:// www.businesspravo.ru/

УДК 343.983.2
ББК 67.53

ЧЕРКАШИНА Ирина Игоревна,
соискатель кафедры исследования документов
УНК судебных экспертиз Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя
(главный эксперт отдела фото-, видеотехнических
и портретных экспертиз и исследований
ЭКЦ МВД России)
E-mail: Cher.ii@mail.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

Научный руководитель: А.М. Зинин,
доктор юридических наук, профессор.
Рецензент: Ж.А. Полянова, кандидат
юридических наук, заместитель
начальника научно-исследовательского
отдела ЭКЦ МВД России

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ВИДЕОЗАПИСЯМ

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы подготовки материалов и особенности назначения производства судебной портретной экспертизы по видеозаписям.*

Ключевые слова: *судебная портретная экспертиза, отображения внешнего облика человека, портретная информация, признаки внешности, носители портретной информации, идентификация, видеозапись.*

Annotation. *The article deals with preparation of materials for portrait examination of video examination.*

Keywords: *forensic portrait examination, external appearance of a person, evidences of external appearance, portrait information. storage devices, video recording.*

Реалии сегодняшнего дня свидетельствуют о том, что все чаще фото- или видеосъемка выступает в качестве визуальной информации, имеющей значение для решения спорных, а порой и криминальных ситуаций. С точки зрения теории судебной экспертизы такие отображения являются объективными и могут выступать в качестве объектов судебной экспертизы. В статье пойдет речь об отображениях внешнего облика человека, представленных на различных носителях информации и подлежащих сравнительному идентификационному исследованию, а именно о возможностях и особенностях назначения судебной портретной экспертизы (далее — портретная экспертиза) по видеозаписям.

Практика производства портретных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России показывает их постоянный рост и заметное увеличение количества за последние годы (см. рис. 1).

С одной стороны, востребованность судебной портретной экспертизы обусловлена широким распространением цифровых средств фиксации внешности человека, причем явный приоритет имеет тенденция к использованию технических средств, позволяющих получать качественные изображения. В данной ситуации имеется в виду хорошее «прочтение» зафиксированных на фотоснимках или видеозаписях лиц людей, а также иной информации, например государственных регистраци-

Рис. 1. Динамика производства портретных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях территориальных органов МВД России

онных знаков автомобилей. С другой стороны, наблюдается растущее понимание сотрудниками следствия возможностей использования идентификационного исследования по признакам внешнего облика при установлении личности предполагаемых преступников, обвиняемых, подозреваемых, принадлежности документов их владельцам, а также иных фактических обстоятельств, имеющих значение для расследования преступлений.

Немаловажным фактором, повлиявшим на рост количества проведенных портретных экспертиз, несомненно, является использование экспертами-криминалистами современных программных продуктов, позволяющих исследовать отображения внешнего облика человека, вплоть до пиксельного уровня.

Известно, что *судебная портретная экспертиза* – это вид криминалистической экспертизы, назначаемой для установления личности по признакам внешности, зафиксированным на различных объективных отображениях, выполняемых с помощью специализированных методов исследования.

Что же будет являться объектами портретной экспертизы? В широком смысле – это различного рода изображения, на которых зафиксирован внешний облик человека. Таким образом, *объектами портретной экспертизы* будут являться:

1) фотографии (фотоснимки):

а) специальные — живых лиц и трупов, выполненные по правилам сигналетической съемки;

б) документные – предназначенные для документов, удостоверяющих личность;

в) художественные – профессиональные или любительские, выполненные в соответствии с законами того или иного жанра фотографии;

г) бытовые – выполненные для бытовых целей не профессиональными фотографами;

2) видеозаписи;

3) негативы и диапозитивы.

Необходимо отметить, что на отображение человека в его запечатлении при помощи какого-либо технического устройства влияет ряд факторов, которые тоже являются предметом изучения в процессе производства портретной экспертизы. Например, старение фотобумаги, деформация кинопленки и др. Таким образом, по сути, объектами портретной экспертизы будут являться отображения внешнего облика человека, зафиксированные на *различных носителях информации*[1].

Предоставляемые на портретную экспертизу носители условно могут быть разделены на три групп.

1. Носители на бумажной основе, например фотоснимки в документах, удостоверяющих личность человека: паспортах, удостоверениях, а также на бытовых фотографиях.

[1] *Зинин А.М., Буданов С.А., Черкашина И.И.* Словарь основных терминов судебно-портретной экспертизы: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2007.

2. Цифровые (электронные) носители, например флэш-накопители, компакт-диски, жесткие диски.

3. Полимерные пленки (ленты), например магнитные, фото-, кинопленки, диапозитивы (слайды).

В рамках портретной экспертизы решаются *две группы задач – идентификационные и диагностические*. К идентификационным задачам следует отнести установление тождества внешнего облика лиц, а к диагностическим – определение пола, возраста, типа телосложения, антропологического типа, а также в отдельных случаях хронических заболеваний, если они повлияли на изменение признаков внешности. Диагностические задачи не носят самостоятельного значения, имеют промежуточный характер и служат для решения конечных идентификационных задач.

Особое внимание в рамках рассматриваемой темы необходимо уделить постановке *вопроса о пригодности материалов* для сравнительного идентификационного исследования по признакам внешнего облика. С точки зрения теории судебной экспертизы эта задача относится к диагностическим. Однако, ввиду специфики портретной экспертизы, представляется нецелесообразным вынесение данного вопроса в отдельное постановление или определение суда о назначении портретной экспертизы.

Практика производства портретных экспертиз позволяет выдвинуть несколько основных аргументов на этот счет.

Во-первых, объекты портретной экспертизы не помещаются в картотеки после признания их пригодными для проведения и не ставятся на криминалистический учет как, например, при направлении материалов на дактилоскопическую или трасологическую экспертизу с целью последующего возможного использования для идентификации личности. Как показал опрос следователей, практикующих постановку перед экспертом данного вопроса при назначении портретной экспертизы – эта ситуация экстраполирована из иных видов криминалистических экспертиз.

Во-вторых, вопрос о пригодности объектов, представленных для портретной экспертизы, решается априори для всех объектов, представленных на портретное исследование.

В-третьих, иногда этот вопрос вызывает серьезные трудности у эксперта, так как объект может быть признан пригодным для решения вопросов о половой или возрастной принадлежности в категорической форме, а для категорического или вероятного вывода о тождестве изображенных лиц не пригоден. Кроме того, в ряде случаев этот вопрос эффективнее решается все же при наличии сравнительного материала ввиду наглядности отобразившихся признаков внешности, даже при условии, если объем портретной информации невелик.

Для решения вопроса о пригодности материалов для портретной экспертизы можно рекомендовать инициирование портретного исследования, которое оформляется *справкой специалиста*. Данная справка оформляется в более короткие сроки, чем подготовка заключения эксперта, что высвобождает время на проведение необходимой работы в рамках дальнейшего расследования преступлений, а в ситуации, если объект признан пригодным для проведения идентификационного исследования по признакам внешнего облика, тогда у следователя (суда) есть возможность подготовить полноценный сравнительный материал, необходимый для назначения портретной экспертизы.

Задачи, решаемые портретной экспертизой, соответствуют формулировке вопросов, ставящихся перед экспертом следствием. Таким образом, наиболее типичными (примерными) будут следующие:

1) одно и то же или разные лица запечатлены на видеозаписи, содержащейся в файле с наименованием «Борисовский», представленном на флэш-накопителе, и на фотоснимках, содержащихся в файлах «фото1.jpg», «фото2.jpg», представленных на оптическом диске?

Лицо, изображение которого подлежит исследованию, на представленной видеозаписи располагается на заднем плане в углу помещения около окна;

2) одно и то же или разные лица изображены на фрагменте видеозаписи, находящемся в интервале показаний числового и временного маркеров с «18.04.2013 07:45:13» по «18.04.2013 07:47:09», размещенной в файле «Кража» (оптический диск с матричным номером «0987DFG1234»), и на фотографии

в карточке члена фитнес-клуба «Корвет» на имя Кузьмина В.В.?

На представленной видеозаписи исследованию подлежит изображение мужчины, входящего в раздевалку фитнес-клуба. Мужчина одет в белую футболку с синим логотипом на груди и синие брюки с белыми лампасами;

3) к какой возрастной группе относится лицо, изображенное на представленной видеозаписи?

4) в одном или разных возрастах зафиксирован человек на представленных видеозаписях?

5) к одной или разным антропологическим группам относятся лица, запечатленные на представленных фотоснимке и видеозаписи?

При назначении портретной экспертизы следователь должен указать в вопросе своего постановления вид носителя, где размещена видеозапись, название файлов и временной интервал[2], в котором фигурирует устанавливаемое лицо. Если на видеозаписи изображены несколько лиц, то после постановки вопроса перед экспертом в постановлении о назначении экспертизы необходимо конкретизировать, изображение какого именно из них подлежит исследованию (указать местоположение данного лица в кадре или размещение относительно других лиц либо особенности одежды и пр.). В случае, когда такого пояснения нет в постановлении, то эксперт должен получить разъяснения у лица, назначившего экспертизу, о чем сделать запись в своем заключении.

Рекомендуется не загромождать формулировку вопросов, ставящихся перед экспертом, сведениями, не имеющими значения для решения криминалистической задачи, а именно, при каких обстоятельствах изъята видеозапись, в каком городе, сведениями о понятых, подробным описанием дизайна оптического диска или флэш-накопителя и др.

Также следует учесть, что вопросы типа: «Не изображен ли на видеозаписи Беляев С.С., фотографии которого представлены?» или «Кто — Коршунов П.П. или Николаев А.А., фотографии которых представлены, изображен на видеозаписи?» не могут ставиться перед экспертом, так как они имеют юридический характер, не относящийся к его компетенции. Эксперт дает заключение, исследуя и сравнивая особенности внешнего облика запечатленных лиц, а не принадлежность им фамилии, которая, с одной стороны, может быть недостоверной, а с другой – меняться с течением времени. Названные обстоятельства находятся в компетенции инициатора портретного исследования (дознаватель, следователь, судья) и решаются ими.

Некорректно поставленные либо нечетко сформулированные вопросы постановления о назначении портретной экспертизы, эксперт вправе редактировать, не изменяя смысла[3]. Причем первичная формулировка (вопросы из постановления о назначении портретной экспертизы) и вопросы, переформулированные экспертом, в обязательном порядке отражаются во вводной части заключения эксперта. Выводы после проведенного исследования даются экспертом в соответствии с новой редакцией вопросов.

Анализ практики производства портретных экспертиз показывает, что в качестве *материальных носителей портретной информации* чаще всего поступают флэш-накопители, оптические диски, карты памяти, съемные жесткие диски и видеокассеты[4]. Нередки случаи, когда представляются сами технические устройства: фото- и видеокамеры, мобильные телефоны, системные блоки. На портретную экспертизу должны быть представлены видеозаписи в форматах, воспроизводимых при помощи стандартных программных продуктов (например, проигрыватель Windows Media), в иных случаях необходимо предоставить программное обеспечение (и/или техническое устройство), которое позволит эксперту воспроизвести видеозапись специфического формата.

Имеются случаи представления следователями для портретного исследования так

[2] Как правило, на видеозаписях имеются показания числового и временного маркеров. Если таковые отсутствуют, то фрагмент видеозаписи исчисляется от ее начала.

[3] Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (п. 30).

[4] *Тушканова О.В.* Терминологический справочник судебной компьютерной экспертизы: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2005.

называемых распечаток видеокадров[5], причем сотрудники следствия часто аргументируют это «облегчением» или «ускорением» работы эксперта. Надо сказать, что это досадное заблуждение, так как качественный анализ отобразившихся признаков внешности на «распечатках» однозначно более затруднителен для исследования. Зачастую такие изображения подвергались редактированию с использованием какого-либо программного средства, а в иных случаях качество изображения низкое ввиду ограниченных возможностей печатающего устройства или привнесенных им артефактов (шумов изображения). Такие действия не должны предприниматься инициаторами экспертизы, так как могут во многом усложнить работу эксперта из-за существенной потери портретной информации или ее искажения.

Все операции по обработке изображения должны осуществляться только экспертом в процессе производства портретной экспертизы. Поэтому чтобы эксперт мог работать с качественным материалом, необходимо предоставлять на экспертизу оригиналы видеозаписей. Если видеоматериалы очень большого объема, то следователь должен обратиться за технической помощью к специалистам в области компьютерных экспертиз и технологий и предоставить для портретной экспертизы оцифрованные, фрагментированные или раскадрованные материалы на любом электронном носителе информации, не подвергая его обработке и не «распечатывая» на бумаге.

Процессуально за субъектом расследования – инициатором назначения портретной экспертизы закреплены действия (в том числе технические) по подготовке и представлению эксперту необходимых материалов[6]. В частности, они должны производить осмотр (в том числе со специалистом) объектов предстоящей экспертизы, получать образцы для сравнительного исследования и формулировать вопросы эксперту. Однако в современных условиях эксперты, прошедшие соответствующую подготовку[7] и владеющие необходимыми знаниями и навыками, вправе осуществлять соответствующую помощь следствию в подготовке объектов для экспертизы в качестве специалистов, например, имеют возможность помочь провести вычленение из видеозаписи подлежащего исследованию фрагмента и его раскадровку.

На стадии подготовки материалов для портретного исследования инициатору экспертизы рекомендуется консультироваться у сотрудников экспертно-криминалистического подразделения, куда предполагается назначить портретную экспертизу[8].

Портретная экспертиза по видеоизображениям будет *считаться многообъектной*, если в качестве идентифицируемого объекта представлены две и более видеозаписей или, когда на одной видеозаписи запечатлены два и более лиц, подлежащих исследованию. Сроки по производству многообъектной экспертизы исчисляются в зависимости от количества объектов исследования.

Практика назначения и производства портретных экспертиз позволила сформулировать определенные *требования, предъявляемые к объектам исследования*. Объекты портретной экспертизы – это отображения внешнего облика человека, имеющие различную природу происхождения, поэтому основные требования к объектам исследования при назначении портретной экспертизы будут являться следующие.

1. Достоверность, т.е. несомненная принадлежность образцов изображения внешнего облика проверяемому лицу.

2. Сопоставимость сравнительного материала, которая подразумевает:

- примерно одинаковый объем портретной информации (в данном случае он будет зависеть от качества изображения);
- совпадающий ракурс запечатления головы исследуемых лиц[9]. Если идентифици-

[5] Как правило, это отпечатанное на писчей бумаге изображение всего видеокадра (-ов), которое может занимать всю площадь или быть представлено рядами изображений на нескольких листах бумаги формата А4.

[6] Особенности производства портретных экспертиз по видеозаписи. Информационное письмо. М.: ЭКЦ МВД России, 2013.

[7] Программой стажировки по теме «Портретная экспертиза», проходящих в ЭКЦ МВД России и МосУ МВД России, предусмотрены темы и практические занятия по работе с цифровыми видеозаписями.

[8] В особых или сложных случаях такую консультацию можно получить в отделе фото-, видеотехнических и портретных экспертиз и исследований ЭКЦ МВД России.

[9] Методикой портретной экспертизы допускается сопоставление изображения головы исследуемых лиц в пределах 15°.

руемым объектом является изображение внешнего облика человека на видеозаписи, где имеются разные ракурсы его фиксации, то в качестве идентифицирующего объекта должны быть представлены фотоснимки или видеозапись в тех же ракурсах. Такого рода отображения инициатор экспертизы может получить самостоятельно или пригласить в этих целях специалиста.

В практике производства портретных экспертиз нередки случаи предоставления в качестве объектов материалов, на которых запечатлены люди с большой разницей в возрасте. С одной стороны, если такая разница слишком велика (например, один объект – это изображение человека в юношеском возрасте, а другой – в среднем), то эксперт может согласно методической литературе[10] отказаться от решения данного вопроса, так как исследуемые объекты находятся даже не в смежных периодах возраста. Однако если изображения хорошего качества, то можно проследить возрастные изменения признаков внешности и прийти к вполне определенным выводам после проведения экспертизы. В этой ситуации субъекту расследования необходимо предоставить эксперту по его письменному запросу дополнительные материалы (фотоснимки или видеозаписи), зафиксировавшие внешний облик устанавливаемого лица в диапазоне исследуемых возрастных периодов данных лиц. Объем и конкретика дополнительного материала по такой экспертизе согласовываются с экспертом, которому поручено ее производство.

Мировая тенденция развития более узких специализаций экспертных знаний и их интеграции не могла не отразиться на современных подходах к компетенции специалистов в области производства портретных экспертиз и исследований. В данном случае речь идет о портретной экспертизе посмертных отображений внешнего облика человека (фотоснимки трупов, останков и др.). В связи с этим необходимо пояснить, что решение задач, в основу которых положены специальные знания о причинах наступления смерти, посмертных изменениях внешности и факторах, их вызывающих, *требует медицинских знаний, и должно осуществляться судебными медиками*[11] или в рамках комплексной экспертизы.

Профессиональное взаимодействие следственных и экспертно-криминалистических подразделений в части грамотной подготовки материалов для портретной экспертизы, с одной стороны, и полноценного криминалистического исследования признаков внешности на представленных материалах, с другой, несомненно, повысит результативность и весомость полученных доказательств по расследуемым уголовным делам.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

2. *Зинин А.М.* Габитоскопия и портретная экспертиза: курс лекций. 2-е изд. М.: Щит-М, 2013.

3. *Зинин А.М., Буданов С.А., Черкашина И.И.* Словарь основных терминов судебно-портретной экспертизы: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2007.

4. Особенности производства портретных экспертиз по видеозаписи: информационное письмо. М.: ЭКЦ МВД России, 2013.

[10] *Зинин А.М.* Руководство по портретной экспертизе. М.: Эксмо, 2006.

[11] *Зинин А.М.* Габитоскопия и портретная экспертиза: курс лекций. 2-е изд. М.: Щит-М, 2013.

ПАМЯТИ ИНГИ БОРИСОВНЫ МИХАЙЛОВСКОЙ (03.03.1931 – 23.10.2014)

Не стало доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, заведующего сектором проблем правосудия Института государства и права РАН Инги Борисовны Михайловской. Она скончалась на восемьдесят четвертом году жизни 23 октября 2014 г. В этот день в Академии Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК России) проходила Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения другого выдающегося российского ученого — Н.С. Алексеева. Совпадение более чем символичное. Профессор Н.С. Алексеев был родоначальником Ленинградской школы процессуалистов, а И.Б. Михайловская возглавляла московскую академическую школу процессуалистов, являясь по должности преемницей М.С. Строговича и В.М. Савицкого.

И.Б. Михайловская родилась в Ростове-на-Дону. В год смерти Сталина окончила юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В том же 1953 году поступила в аспирантуру Всесоюзного института юридических наук, по окончании которой была зачислена на должность младшего научного сотрудника сектора уголовного процесса и судоустройства. В 1958 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Предмет и пределы доказывания в советском уголовном процессе», а в 1972 году – докторскую диссертацию на тему «Уголовный процесс США». То была одна из первых в Советском Союзе работ, приоткрывавших нам завесу тайны над премудростями состязательного уголовного судопроизводства западного типа.

Почетное звание заслуженного юриста Российской Федерации было присвоено И.Б. Михайловской за участие в разработке Концепции судебной реформы, утвержденной Верховным Советом РСФСР 24.10.1991. Именно в этом документе впервые официально была сформулирована и обоснована идея образования единого Следственного комитета. А в последние годы жизни профессор с особым интересом относилась к работе нового следственного ведомства, сотрудничала с нами в научной сфере, и с руководством ИГП РАН уже была достигнута предварительная договоренность о том, чтобы именно она консультировала докторантов Академии СК России. Увы, этим планам не суждено было сбыться.

Наши с И.Б. Михайловской пути пересеклись в 1999 году, когда мы оба пришли в Институт государства и права РАН: Инга Борисовна — в качестве главного научного сотрудника, а я – в качестве аспиранта. В 2009 году, после смерти профессора И.Л. Петрухина, она возглавила сектор проблем правосудия и до последних дней оставалась его руководителем. Однажды ее веское слово оказало мне в жизни ощутимую поддержку. Это было 22 июня 2004 г. на защите моей кандидатской диссертации. Один из членов диссертационного совета выступил в мой адрес с жесткой критикой. Слово взяла Инга Борисовна и переломила настроение в совете в пользу диссертанта. Поддержали меня также профессора В.А. Михайлов и А.М. Яковлев (ныне тоже покойный). Такие люди никогда не забываются.

В 2006 г., после защиты одной из диссертаций, по которой я выступал уже в качестве официального оппонента, Инга Борисовна поделилась со мной своими научными планами – исследовать механизмы управления в судебной системе. Она призналась, что чисто процессуальные вопросы ей стали уже малоинтересны, и она увлечена не исследованными ранее

управленческими аспектами правоприменения. Я тогда работал в отделе Генеральной прокуратуры, который среди прочего осуществлял проверки кандидатов на должности судей, и смог подсказать ей источники информации о деятельности квалификационных коллегий. Результатом ее нового исследования стала вышедшая в 2013 году монография «Суды и судьи: независимость и управляемость». Я прочитал эту книгу на одном дыхании и, имея к этому времени за плечами опыт судейской работы, был поражен тому, насколько глубоко смог проникнуть ученый в саму суть управленческих отношений в суде, сам никогда там не работая.

Научные работы И.Б. Михайловской емки и немногословны. Она обладала редким и бесценным для любого ученого даром ясного и незамутненного взгляда, позволявшим предельно точно, без всякой словесной мишуры определять и формулировать научную проблему. А это, как утверждал Эйнштейн, уже половина пути к ее решению. Профессор Михайловская всегда попадала в нерв проблемы уже в самом названии своих исследований. Принимая 23 мая 2013 г. участие в проведенной на нашей площадке конференции, она так сформулировала название выступления: «Оценка деятельности следственных органов как центральный вопрос управления»[1]. К сожалению, Инга Борисовна не смогла принять участия в следующем нашем научном форуме, однако подготовила для нас исключительно ценную работу под названием «Стандарты качества предварительного следствия задает суд». Фрагмент этой работы, как нельзя лучше свидетельствующий о тончайшей проницательности ее ума, мы сегодня представляем вниманию наших читателей.

В последний год своей жизни из-за травмы Инга Борисовна передвигалась только по квартире и поэтому особенно охотно, в течение продолжительных часовых разговоров по телефону, делилась со мной своими размышлениями самого разного порядка, начиная от узкопроцессуальных вопросов до самых актуальных проблем государственного управления. Она даже коснулась деятельности оппозиционера Алексея Навального, которому предрекла политическое фиаско, поскольку была убеждена – чтобы успешно противостоять системе, надо быть частью этой системы и знать ее изнутри. Немало удивляли ее и споры вокруг истины в уголовном процессе. Она считала принципиально важным определиться в исходных предпосылках самого спора: если мы понимаем уголовный процесс как уголовный иск, то истина в нем вторична, если же мы придерживаемся традиционной точки зрения, что уголовный процесс есть публичное уголовное преследование, то истину из него изъять невозможно.

Инга Борисовна с воодушевлением дала согласие стать рецензентом моего курса лекций по вопросам управления в следственных органах. Эта тема ее глубоко интересовала. Она просила помочь ей в подборе статистических данных о следственной деятельности. Следствие должно было стать предметом нового исследования профессора Инги Борисовны Михайловской. Увы, оно так и останется незавершенным. Равно как навсегда останется вакантной и ее должность заведующего сектором проблем правосудия в Институте государства и права РАН: теперь этот сектор слит с сектором уголовного права и криминологии. И опять символичное, правда уже посмертное, пересечение судьбы И.Б. Михайловской с судьбой Следственного комитета: главным научным сотрудником вновь образованного сектора является Председатель СК России профессор А.И. Бастрыкин.

Заведующий кафедрой менеджмента
деятельности следственного органа
Академии СК России
кандидат юридических наук
Ю.А. Цветков

[1] *Михайловская И.Б.* Оценка деятельности следственных органов как центральный вопрос управления // Актуальные проблемы управления: материалы Международной науч.-практич. конференции (Москва, 23.05.2013). М: ИПК СК России. Ч. 1. С. 412—415.

Издательство «ЮНИТИ-ДАНА»

(основано в 1990 г.)

Предлагает полный (или частичный) комплекс услуг

- ***по допечатной, издательской подготовке*** (редактура, верстка, корректура, художественное оформление и дизайн):

  — учебной литературы
  — монографий и научных изданий
  — беллетристической литературы

- ***по высококачественному полиграфическому исполнению изданий.***

Уже несколько поколений студентов занимаются по учебникам «ЮНИТИ-ДАНА». Преподавателям и студентам хорошо известны наши серии «Золотой фонд российских учебников», «Gogito ergo sum» и «Зарубежный учебник».
Марка «ЮНИТИ-ДАНА» известна не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Некоторые книги ЮНИТИ переведены на китайский, польский и немецкий языки.
Издательство регулярно включается в рейтинги ведущих издателей учебной и научной литературы.
Издательство — неоднократный победитель российских и международных книжных конкурсов, обладатель дипломов и благодарственных адресов.
Высококачественное полиграфическое исполнение изданий «ЮНИТИ-ДАНА» обеспечивают наши постоянные партнеры:

- ИПК «Ульяновский Дом печати»
- ЗАО «Московские учебники — СиДиПресс»
- ООО «Антей-XXI»

123298, Москва, ул. Ирины Левченко, 1
Тел.: 8-499-740-60-15. Тел/факс: 8-499-740-60-14
unity@unity-dana.ru
www.unity-dana.ru